

К-1451168

К 90-летию юбилею И.В. Гура

«Минувшее меня
объемлет живо...»

Васильева
Бабушки

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Вологодский государственный
педагогический университет
Вологодский городской общественный фонд
«Выдающиеся люди Вологодчины»

*«Минувшее меня
объемлет живо...»*

К 90-летнему юбилею И.В. Гура

Вологда
2013

УДК 821.161.1(470.12) (092)

ББК 83.3(2Рос-4Вол)-8

М62

На обложке – фото И. В. Гура из семейного архива.
В оформлении использованы рукописи И. В. Гура
и экслибрисы В. В. Гуры.

Благодарим за финансовое участие в издании книги
директора ООО «Стройиндустрия» Г. А. Титова.

М62 «Минувшее меня объемлет живо...» : к 90-летнему юбилею
И. В. Гура / [сост.: Л. Ю. Зорина, Т. В. Парменова ; предисл.
С. Ю. Баранова ; библиогр. Н. Н. Фарутиной]. – Вологда :
Полиграф-Книга, 2013. – 416 с.: ил. – (Жизнь выдающихся
вологжан)

ISBN 978-91967-126-8

Книга посвящена 90-летнему юбилею одного из старейших преподавателей филологического факультета Вологодского государственного педагогического института (ныне университета) кандидата филологических наук, доцента кафедры литературы Ирины Викторовны Гура. Издание содержит живые и трепетные воспоминания юбиляра о прожитом и пережитом. Прекрасным дополнением к ним стали избранные стихи И.В. Гура и стихотворные посвящения дорогим её сердцу людям, часть опубликованных ею в последние годы и подготовленных к публикации работ, а также рассказы об этом замечательном человеке её родных, бывших учеников, друзей и коллег.

Книга выходит в серии «Жизнь выдающихся вологжан», основанной фондом «Выдающиеся люди Вологодчины», и будет интересна всем, кому дорога история нашей страны, города Вологды, Вологодского пединститута.

УДК 821.161.1(470.12) (092)

ББК 83.3(2Рос-4Вол)-8

© Гура И. В., 2013

© Вологодский государственный
педагогический университет, 2013

© Фонд «Выдающиеся люди
Вологодчины», 2013

ISBN 978-91967-126-8

*Это то,
что в этом мире
называется судьбой...*

Георгий Иванов

Оглавление

Вместо предисловия

Баранов С.Ю.	7

Жизнь прожить...

Безмятежное детство, тревожная юность	13
Во Владимире	58
Саратов и Виктор Гура	79
«Вологодская родная сторона»	102
По городам и весям	146
«Жизнь полна любовью и заботой»	169
Мои близкие, уже далёкие... ..	184

Из опубликованного и неизданного

Библиография работ И.В. Гура	229
Что пили и что ели наши предки	231
«Вологодчина – моя вотчина!»	233
Добрый старый Владимир	237
Счастливые пятидесятые	246
Вологда в 50–60-е годы прошлого века	249
Таким его помню (об О.В. Шайтанове)	270
К истории кафедры литературы ВГПИ	273
« <i>Стихи мои, свидетели живые...</i> »	278

С благодарностью и любовью

Андреева Е.П., Пылёва О.А. Среди великих имён... ..	306
Бабичева Ю.В. Было много приятных встреч	308
Белова О.Ю. Мой выбор	311
Бобылёв Б.Н. Счастливые студенческие годы	314
Букин В.К. С чувством уважения и признательности	319
Вячеславов М.Г. Слово об Учителе учителей	323
Губа И.А. Подарок судьбы	324
Гура А.В. Наследница своих предков	326

Дёмина А.А., Дёмин Т.А. О нашей любимой бабушке.....	335
Дёмина Н.В. Мой самый родной человек.....	340
Демченко Е. П. Дар Божий	342
Дмитревская М.Ю. Про тётю Иру	343
Загоскина А.П. Спасибо вам, Учителя!	348
Зайцева Н.Г. Моя Ирина Викторовна	349
Зорина Л.Ю. Достоинство, простота и сердечность.....	353
Конасова Л.Г. Благодарность на всю жизнь.....	357
Кошелев В.А. «Как уст румяных без улыбки...».....	359
Кратирова Л.Ю. «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...».....	361
Лебедева Т. Я. И не прервать связующую нить.....	362
Марюков А.В. «Думайте сами, решайте сами...».....	364
Мищенко Н.М. Мои дорогие преподаватели.....	366
Парменова Т.В. «Огонь, мерцающий в сосуде...».....	372
Рожкова Т.В. Счастливый характер.....	376
Рублёва Н.И. Уроки античности и доброты.....	379
Серова Н.С. «А в окнах светятся и блещут гостеприимные огни».....	384
Судаков Г.В. Об очень хорошем человеке.....	387
Судакова С.В. А мне всё кажется, что я её ученица.....	390
Фёдорова М.С., Дементьева Л.Б., Стратунова Е.И. Поздравляем!.....	392
Цинман Г.В. «Это было недавно, это было давно...».....	393
Чуглов В.И. Светлой души человек.....	394
Шайтанов И.О. Когда всё только начиналось.....	395
Шихова Г.В. Незабываемое.....	398
<i>Терб семьи Тернавиот</i>	400
<i>Фотографии</i>	401

Вместо предисловия

«Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь...» Оно может не читаться. Но наличие его в книге по каким-то не до конца понятным причинам желательно. Особенно когда оно предваряет книгу, составленную из разнородных материалов. Такую, как та, которую держит сейчас в руках читатель.

Впрочем, разнородность состава этой книги относительна. Ведь вся она об одном и том же: о многоводном и непрерывном потоке жизни, текущем сквозь судьбу одного человека. Человек этот – Ирина Викторовна Гура. Повод для появления книги – её девяностолетний юбилей. Время действия – с 20-х годов минувшего века до наших дней. А если принимать во внимание генеалогические экскурсы, то начало повествования нужно будет отнести в эпоху весьма отдалённую, в XVII столетие, второй половиной которого датируются первые документальные сведения о предках Ирины Викторовны по материнской линии, выходцах из Греции. И унаследованная ею от отца девичья фамилия Шоофс имеет тоже давнее, голландское происхождение.

Основное место действия книги – Россия, с эпизодическими выходами за её пределы: в Украину, Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Латвию, Литву, Грузию, Польшу, Чехословакию, Францию, Финляндию, США и Иран. Самая большая часть жизни Ирины Викторовны связана с Вологдой. Около трёх десятков лет – с Вологодским государственным педагогическим институтом.

Ну и, конечно же, люди, люди... Их на страницах книги несколько сотен. Родные, близкие, друзья, приятели, коллеги, студенты, соседи, знакомые. Случайно встретившиеся и спутники по жизни в течение десятилетий. Знаменитые и как будто бы ничем не выделяющиеся из общей массы. Горячо любимые, просто симпатичные, а порой и не очень.

Многоликая человеческая среда, в которой вершится биография отдельной личности и без которой личность не может проявить себя в полной мере.

В книге четыре раздела:

- записки Ирины Викторовны Гура «о времени и о себе»;
- статьи, рецензии, заметки, написанные ею в последние годы;
- стихи, склонность к сочинению которых не оставляла её со школьных лет;
- рассказы об И.В. Гура людей, встречавшихся с ней на дорогах жизни.

Самый большой по объёму и наиболее насыщенный по содержанию – первый раздел. Три других являются своеобразным дополнением к нему, варьируют темы, в нём затронутые.

Так, второй раздел представляет читателю журналистскую ипостась Ирины Викторовны, вузовского преподавателя «по обстоятельствам»: она со школьных лет мечтала о журналистике, в годы войны некоторое время работала во Владимире на областном радио и публиковалась в местной печати, но судьбе было угодно в конце концов увести её на педагогическое поприще.

Третий раздел составлен из стихов Ирины Викторовны, которым сама она не придаёт литературного значения, но видит в них отражение былых душевных влечений, состояний, человеческих отношений определённого времени. О поводах к написанию тех или иных поэтических строк говорится в окрашенных лёгкой грустью и иронией авторских комментариях.

В последнем разделе книги устанавливается своего рода «обратная связь». Если в предыдущих разделах речь о себе, об окружающем мире и о людях вела сама Ирина Викторовна, то здесь впечатлениями от общения с ней делятся люди, с которыми её соединяют родственные, дружеские или профессиональные связи. В душе каждого из них она оставила заметный отпечаток как личность, и все они признательны

ей за радость знакомства с человеком, обладающим даром вызывать любовь и уважение. Авторов этого раздела могло бы быть и больше. Но «иных уж нет, другие странствуют далече». Да и объём книги не беспределен.

Формально книга относится к типу юбилейных изданий, предназначенных для узкого круга лиц, для тех, «кто знает и любит» юбиляра. Однако по своей сути она имеет более широкое значение. Относится это прежде всего к мемуарам Ирины Викторовны. По её замыслу, записи эти должны были стать фактом «внутрисемейной словесности», рукописью, не предназначенной для публикации, адресованной главным образом внукам и правнукам. Но получилось не совсем так. Вольно или невольно И.В. Гура, человек широко начитанный и не чуждый литературных занятий, ориентировалась на существующие образцы повествований подобного рода. И из-под её «пера» (в данном случае более уместно говорить именно о «пере», а не о компьютерной клавиатуре) выходил текст, соответствующий принципам организации мемуарно-биографической прозы. Вполне закономерно у этого текста появилось литературно значимое заглавие – «Жизнь прожить...». Вполне закономерно определился и облик потенциального читателя – не только люди, связанные внутрисемейными интересами, но и читатель вообще.

По своему тону воспоминания эти имеют ярко выраженный личный характер. Их автор словно бы беседует с собой, перебирая в памяти хитросплетения нитей собственной судьбы. Знакомясь с ними, нельзя не учитывать, что многое из того, о чём говорит Ирина Викторовна Гура, долгое время относилось к разряду явлений, о которых не то что рассуждать, но и упоминать было небезопасно. Поэтому рассказ о них является для автора записок чем-то вроде освобождения от тяжкого нравственно-психологического бремени, исполнением долга перед теми, чья печальная участь была обречена на забвение, – перед мамой, бабушкой, отцом, дядей.

Вместе с тем в мемуарах Ирины Викторовны не чувству-

ется надрыва. В них есть и драматические, и трагические эпизоды, но общий характер повествования, вопреки всему, – жизнеутверждающий. Один из сквозных мотивов этих воспоминаний – благодарность жизни за то, что она чаще сводила с хорошими людьми и что хороших людей, в конечном счёте, больше, чем тех, которые приносят огорчения, неприятности и беды. О последних и говорится вскользь, мимоходом, как о чём-то досадном, третьестепенном, не заслуживающем особого внимания.

Говоря о записках Ирины Викторовны, нельзя не отметить ещё одну их примечательную особенность. Все они от начала до конца пронизаны «мыслью семейной». Отчасти это мотивировано первоначальным замыслом, но в то же время здесь отчётливо проявилось и жизненное кредо автора. В биографии Ирины Викторовны был один эпизод, о котором она сама, может быть, и не помнит. Как всем вузовским преподавателям литературы, ей было вменено в обязанность выступать по линии общества «Знание» с лекциями просветительского характера в трудовых коллективах. Однажды она пришла на подшипниковый завод рассказывать о творчестве Александра Блока. Выслушав её, далёкие от поэзии Серебряного века рабочие начали задавать вопросы, не имеющие прямого отношения к теме лекции: «Каково было семейное положение Блока?», «Что собой представляла его жена?», «Имели ли они детей?» и т.п. Всем, кому доводилось выступать в роли посланца общества «Знание», хорошо известно, что с подобными вопросами слушатели могли обратиться далеко не к каждому лектору. Значит, было в Ирине Викторовне что-то располагающее рабочих к доверительному разговору на близкие и понятные им семейные темы.

Судя по отзывам бывших студентов, И.В. Гура стала хорошим преподавателем. Защитила кандидатскую диссертацию, опубликовала целый ряд научных статей. Без ссылок на занятость занималась общественной работой. Однако главной своей заботой, как следует из её воспоминаний, И.В. Гура считала обустройство семьи. Виктор Васильевич Гура, муж Ирины Викторовны, был неординарной лично-

стью и весьма значимой для культурной жизни Вологды фигурой. Добиться многого он сумел благодаря огромной энергии, неиссякаемому трудолюбию, упорству, целеустремлённости, организаторским качествам, профессиональным амбициям и... крепкому семейному тылу, который обеспечивала Ирина Викторовна, иногда – ценой самоотречения. Предметом её особенной гордости и обожания являются дети и внуки, которые, надо думать, стали такими, какие есть, в значительной мере благодаря ей. И не только ей, потому что сама она – продолжение горячо любимых бабушки Александры Григорьевны, мамы Наталии Мариановны, дяди Романа Мариановича. Ну а гены, как известно, иногда передаются через головы нескольких поколений.

В записках Ирины Викторовны Гура нет откровенного дидактизма. Да это и не в её характере – поучать, увещевать, наставлять на путь истинный. И всё же думается, что «воспитательный эффект» от чтения всех четырёх разделов книги непременно возникнет. Ведь человек, которому эта книга посвящена, – один из тех, кого называют светлыми личностями.

*Сергей Юрьевич Баранов,
профессор, заведующий
кафедрой литературы
ВГПУ*

Жизнь прожить...

Безмятежное детство, тревожная юность

Портрет бабушки

Передо мной замечательный портрет моей бабушки, с которой начинаются все мои воспоминания. Здесь она совсем молодая и очень красивая. Белое платье, роскошная шляпа. В ушах и на пальцах драгоценные камни. Портрет сделан в Харькове в фотографии «Moderne». Год не обозначен, но если бабушка родилась в 1876 году, а здесь ей лет 20 или немного больше, то это конец XIX века, то есть более ста лет тому назад. Фотография удивительно хорошо сохранилась – «Moderne» работал на совесть.

Я, конечно, помню бабушку уже не такой молодой. И не такой красивой. И не такой богатой. Между этим снимком и моим появлением на свет пролегло не менее двух десятков лет, и каких лет! Мне кажется, она была со мной всегда, но осознавать это я стала довольно поздно – со школьных лет. Бабушка мало рассказывала о себе, и я теперь так жалею, что не смогла её расспросить более подробно. Я знаю, что родилась она в Киеве в культурной семье. Знаю, что её прапрадед «строил в Киеве греческую церковь», это дословно, но в качестве кого строил, не поинтересовалась. Ничего не знаю о её отце, да и о матери, то есть о моей прабабушке, знаю немного. Есть одна фотография, где она снята со своими внуками: хорошенькой девочкой лет шести в белом платье с пелеринкой и лопухим мальчиком лет трёх в матроске. Эти дети – моя мама и мой дядя – Наталочка и Романчик, как их звали дома. Фамилия прабабушки была самая русская – Васильева. А девичья фамилия моей бабушки какая-то особенная, долго не знала даже, как её правильно написать: Риза-Тернавиот. Я понимала, что эта фамилия от того греческого деда, отца её отца, грека по национальности.

Только недавно многое разъяснилось благодаря находкам в Интернете моего сына Саши. Оказалось, что греки селились на Киевщине с незапамятных времён. Об одном из них сохранились интересные сведения. Это был Николай Тернавиот, который жил на Подоле, торговал всякими пряностями и другими товарами. Благодаря ему киевляне впервые узнали о таком диковинном товаре, как «венцианские» очки, стеклянные бусы и попробовали венский кофе. На своей усадьбе и на собственные деньги для нужд семьи он построил православную церковь Покрова Пресвятой Богородицы, и улица получила название Покровской. Когда он умер, его вдова передала церковь городу. В 1772 году деревянная церковь была заменена каменной, и действует она поныне. Этот человек и был предком моей бабушки.

Риза-Тернавиоты были людьми уважаемыми. Представители этой фамилии избирались на выборные должности. Один из них, нежинский войт Тарнавиот, получил дворянство и герб. Он похоронен на кладбище Ветхорождественского Георгиевского монастыря в урочище «Ветхе» (ныне улица Челюскина в Нежине). Его отец тоже был нежинским войтом, а сын Иван – уездным предводителем нежинского дворянства. Его потомство обозначено в «Малороссийском гербовнике» шляхетских родов.

Нашёлся в Интернете и брат моей бабушки, Григорий Риза-Тернавиот, который окончил Первую виленскую гимназию в 1902 году. Что он жил в Вильно, я знала, но в те времена лучше было не упоминать о том, что у вас есть за границей родственники. Тем более – дворянского рода. Дома были только две фотографии бабушкиных братьев. Теперь же оказалось, что оба были адвокатами. О родителях ничего не известно. Но не исключено, что и об этом можно будет что-нибудь узнать. Возможности Интернета безграничны!

В замужестве бабушка Александра Григорьевна стала по фамилии Фрейзлер. Как это случилось, она мне рассказывала. Однажды со своей подружкой (обе они есть на фотографии, которая находится в Минске – я подарила её внучке

Насте) бабушка отправилась к гадалке. Подругу интересовал вполне определённый молодой человек, а у бабушки никого на примете не было, и она уже собралась уходить. Но в это время гадалка подозвала её к себе и сказала: «А ты через несколько месяцев выйдешь замуж». Сказала – как в воду глядела.

Вскоре бабушка познакомилась с богатым поляком Марианом Юлиановичем Фрейзлером. Он был старше её на 12 лет. Бабушке было лет 18–19, а ему, значит, 30–31. Довольно быстро сыграли свадьбу. По молодости лет я не поинтересовалась, была ли невеста влюблена или просто прельстилась выгодной партией. Дед служил в страховом обществе, которое, мне помнится, именовалось «Саламандра». Но по последним данным, найденным в Интернете, он, может быть, позже был инспектором страхового общества «Русский Ллойд».

Через некоторое время молодые переехали в Харьков по месту службы деда, а позже, уже с детьми и бабушкиной матерью, и в Петербург. Сняли квартиру на шестом этаже в доме на углу Измайловского проспекта и 7-й Роты (теперь – 7-я Красноармейская). Это был очень красивый доходный дом сельскохозяйственного товарищества «Помещик», построенный архитектором Я.З. Блумштейном в 1911–1912 годах в стиле ампира. Широкие лестницы с витражами, с нарядными чугунными перилами, с лифтом. На самом верху под стеклянной крышей было фотостудийное помещение некоего Кадлубовича. Ему принадлежат мои детские фотографии. В Интернете есть несколько снимков этого замечательного дома, где прошло моё детство.

В квартире была кухня с огромной плитой, которую топили дровами, и не менее внушительный стол, деревянный, некрашенный, его, как в деревне, скоблили во время мытья. Рядом с кухней помещалась маленькая комната для прислуги. Её называли «людская». Две уборные (а не туалеты, как говорят теперь), ванная. По обе стороны коридора располагались семь комнат. Окна выходили на проспект и во двор – типичный петербургский двор-колодец. В него

можно было попасть по так называемой чёрной лестнице. Вся эта лексика осталась ещё от старых времен, например, в Ленинграде и сейчас не говорят «такой-то подъезд», а говорят «такое-то парадное».

Когда бабушка поселилась в этой квартире, я точно не знаю, но, конечно, не раньше того, когда дом был построен. Значит, после 1912 года. Жила она там с мужем, дочкой, сыном и своей матерью. Квартира была богато обставлена. Мариан Юлианович был большим любителем часов. Он их коллекционировал – настенные, напольные, настольные. Каждую неделю приходил часовщик, осматривал и заводил их. От всех этих «излишеств» остались одни настольные часы в виде полумесяца, на котором висел сам механизм. Они переезжали с бабушкой с одного места на другое – всюду, куда в течение жизни её гоняла новая власть. Я очень хорошо помню эти часы. Они были из какого-то металла типа нержавеющей стали, но не серебряные. Потому, наверное, и уцелели, иначе бы непременно угодили в 20-е годы в Торгсин. В раннем детстве, помню, видела ещё одни часы в кожаном футляре. Видимо, они предназначались для дороги в те давние времена, когда в далёкий путь пускались в каретах или повозках. Футляр у них был тёмно-красной кожи, циферблат затейливый. Куда они потом делись, не знаю. Остальные же, оставшиеся от деда, видимо, помогали бабушке выжить в первые годы после революции, когда все вещи шли на продажу. Возможно также, что они были конфискованы вместе с бабушкиными драгоценностями. Точно не знаю, она не любила об этом говорить.

Благополучная жизнь продолжалась недолго. Уже в сорок с лишним лет бабушка столкнулась с такими трудностями, о которых не имела понятия. Октябрьская революция резко перечеркнула жизнь, разделив её надвое: «до революции», или, как говорила бабушка, «в мирное время», и «после революции». Эти слова постоянно были в ходу. Дед, большой гурман и барин, о чём можно судить даже по его виду, очень страдал от голода. Он отправил-

ся в Харьков в надежде раздобыть какие-нибудь продукты. Но во время Гражданской войны Харьков переходил из рук в руки – то к белым, то к красным. Что с дедом произошло, неизвестно, но он не вернулся. Бабушка, хорошо зная его натуру, предполагала, что он соблазнился более сытой жизнью и остался на Украине. Или подался за рубеж. В то время в Вильно, как я уже писала, жили два её брата, Григорий и Николай. После революции с ними прекратилась всякая связь: поддерживать её было опасно. Доходили всякие слухи. Кто-то рассказывал, что видел деда в некой гостинице, кто-то утверждал, что он умер. В то горячее время много людей пропадало бесследно.

Но как у Гоголя «отыскался след Тарасов», так и дедов след отыскался, но только через 90 лет. В Интернете Саша обнаружил свидетельство того, что Мариан Фрейзлер скончался и был похоронен в Варшаве в 1929 году. Довольно редкое сочетание имени и фамилии даёт все основания полагать, что это был именно мой дедушка. Видимо, через Литву, где жили Риза-Тернавиоты, а может быть, и другим путём он добрался до родного города, где на улице Злотой, 13 стоял собственный дом его отца, варшавского чиновника Юлиана Фрейслера. Ни его жены, ни его самого уже не было в живых, но в доме, возможно, ещё жили какие-нибудь родственники, которые ему помогли. Об этом можно только гадать, но несомненно то, что дед нашёл приют на родине, жил и умер в Варшаве. Почему не попытался связаться с оставшейся в Петербурге семьёй? Возможно, боялся за них, а может, и за себя. Возможно, просто из эгоистических соображений. Теперь никто этого никогда не узнает.

Как бы то ни было, бабушка осталась со старухой матерью и двумя детьми. Маме моей было 19 лет, она окончила гимназию. Моему дяде было 16. Через два года после революции он окончил школу на круглые пятёрки и поступил в Военно-медицинскую академию, где учился очень успешно. Успехи, однако, не помогли, и через некоторое время он был отчислен как «чуждый элемент» – якобы сын барона.

Это была полная чушь, его отец никогда никаким бароном не был. Закончить образование и получить профессию врача ему удалось только после переезда в Смоленск. Так он осуществил свою юношескую мечту стать хирургом.

Мама со своим гимназическим образованием смогла работать бухгалтером. Из «дела» моего отца, о котором расскажу ниже, я узнала, что она работала в торговом порту до моего рождения, а на моей памяти – на пуговичной фабрике и потом в театральной кассе на Невском.

Труднее всего приходилось бабушке. Всё её образование – гимназия и музыкальное училище – не могло прокормить её с семьёй. Из всех её попыток, более или менее удачных, я помню следующие: она играла на рояле, сопровождая немые фильмы. Из зала неслись крики: «Маэстро, запузыривай!», а иногда летели и раскисшие в тепле мороженые яблоки, которые постоянно продавались на улицах. Другое её «амплуа» – продавщица конфет и шоколада от Моссельпрома (помните, у Маяковского: «Нигде кроме, как в Моссельпроме!»). Бабушка ходила с лотком, висевшим на шее, и продавала эти сладости. Не думаю, что этим можно было много заработать. Почти всё, что осталось от так называемой реквизиции, было продано. Хорошо, что находились покупатели. Последняя ценная вещь – бабушкино пианино – было продано соседям, друзьям нашей семьи Варшавчикам, и уехало на второй этаж в квартиру № 4. А я так любила, когда бабушка садилась за пианино и что-нибудь напевала...

Саул Моисеевич Варшавчик был детским врачом. Все мои детские заболевания распознавались и исцелялись им. Никаких стетоскопов у него не было, никаких анализов он не ждал. Прикладывал ухо к моей груди, а потом к спине и щекотал меня своими усами. Диагнозы его были точны. Когда мы с бабушкой у них бывали, он любил со мной играть, немного поддразнивал и смешил. Роза Фёдоровна была зубным врачом, прямо дома у неё был кабинет. Она была довольно интересная дама, добрая, очень расположенная к бабушке и всему нашему семейству. Смутно помню её сестру Прасковью Фёдоровну. Она страдала эпилептическими припадками, о чём я узнала позже. Такие подробности от меня

скрывали, просто говорили, что она больна и потому редко показывается из своей комнаты. Снизу вверх я разглядывала Борю, сына Варшавчиков, потому что он был очень высокого роста. Запомнилось, как он подходил к буфету, делал себе бутерброд и ел, приговаривая: «Очень вкусный хлеб и очень вкусное масло!» Почему эта фраза запала в мою память? Может быть, потому, что мне тоже хотелось такой бутерброд?

Жили они безбедно, имели прислугу Августу, полячку, которая на еврейскую пасху пекла мацу и вообще была хорошей кухаркой. Помню бульоны, пирожки, нас с бабушкой приглашали за стол, и это был для меня настоящий праздник. В доме Варшавчиков мне разрешалось открыть пианино, и я подбирала одним пальцем «Сердце красавицы...» и что-то из «Травиаты». Кто из новых владельцев инструмента играл, не знаю, ни разу не слышала. А дома в довольно большом шкафу остался целый ящик разных нот, среди которых меня особенно привлекали те, на которых помещались портреты популярных исполнителей. Особенно красива и нарядна была Анастасия Вяльцева с её известным романсом «Гай да тройка, снег пушистый».

У бабушки был неплохой голос, но муж запретил ей выступать на сцене, поэтому она ограничивалась домашним музицированием. Я раньше очень жалела, что она не стала артисткой. К слову сказать, дед был, видимо, очень ревнив. Бабушка вспоминала о конфликте с фотографом Кадлубовичем, который поместил в своей уличной витрине бабушкин портрет, что вызвало возмущение Мариана Юлиановича.

Возвращаясь к Варшавчикам, скажу, что Саул Моисеевич умер во время блокады, а Роза Фёдоровна – после войны. Сын женился. Никогда не забуду тот день, когда я, приехав в Ленинград впервые после 1937 года, решила навестить их. Было это 14 мая 1956 года. Я вновь очутилась в своём родном городе. Иду по Измайловскому и вижу на стенде газету с известием о смерти Александра Фадеева. Вернее, о его самоубийстве. Но мысли мои заняты совсем другим. Вот и 7-я Красноармейская, угловой дом с башенкой. Весь первый этаж занимает, как и раньше, большой гастроном.

Вот и первое парадное. Сколько раз я входила в его двери и одним духом взбегала на шестой этаж! А теперь ноги не идут... Тут ходила мама, которую я не видела уже почти 20 лет и про которую ничего не знаю. Поднимаюсь на второй этаж, звоню в 4-ю квартиру. Открывает какая-то женщина: «Вам кого?» – «Розу Фёдоровну». – «Розы Фёдоровны нет, она умерла». Тут я не выдержала и расплакалась. Меня пригласили войти.

Открывшая мне женщина оказалась Бориной женой. Мы договорились, что я приду вечером с ним повидаться. Мне хотелось узнать про большие бабушкины портреты в рамках красного дерева с бронзовыми украшениями, которые, отправляясь в ссылку, бабушка оставила Варшавчикам. Но Боря сказал, что ничего о них не знает. Думаю, что во время блокады они попали в печку, но ему неудобно было об этом говорить. Когда я уезжала, он пришёл на вокзал с коробкой конфет, мы попрощались, и больше я его никогда не видела.

После этого отступления о бабушкиных друзьях надо вернуться назад. Как налаживалась жизнь после революции, когда и как похоронили прабабушку, я не знаю. Знаю только, что её прах покоится на Митрофаньевском кладбище. Если верить данным Интернета, это кладбище после революции было закрыто, собор и церкви разрушены. Случилось это в 20–30-е годы прошлого века. Теперь общественность города борется за то, чтобы сохранить его остатки, потому что всё может быть уничтожено в связи со строительством Новоизмайловского проспекта. Найти какие-нибудь сведения о походящихся там людях мне не удалось.

Правда об отце

Перейду к рассказу о мамином замужестве, которое стало, по рассказам бабушки, для неё настоящей трагедией.

Мой отец Виктор Евгеньевич Шоофс служил в порту, о чём свидетельствует, в частности, фуражка с «крабом», в которой он сфотографирован. В какой должности, не знаю. С мамой мы никогда почему-то о нём не разговаривали, да

я и не проявляла к нему никакого интереса. Отец мне был не нужен – у меня был дядя Рома. Бабушка начала кое-что о нём рассказывать, когда мне было уже лет десять. Она его терпеть не могла, говорила о нём с презрением, высмеивала его никчёмность и небольшой рост, говоря, что его жилетка была «как у обезьянки». Странно, что я запомнила эту фразу и не помню ничего существенного. Видимо, никаких разумных доводов, оправдывающих своё отношение к нему, она не приводила, отмахивалась от моих вопросов, считая, что ребёнку этого не следует знать. У меня есть подозрение, что она сыграла не последнюю роль в том, что мои родители расстались. Мне было тогда четыре года. Они поженились в сентябре 1922 года и официально развелись в сентябре 1929 года.

Отца я почти не помню. Остались о нём какие-то смутные воспоминания. Например, такая картина: утро Рождества, в большой комнате, где стоит родительская кровать, наряжена ёлка, запрещённая советской властью как «буржуазная и поповская забава». Официально она будет разрешена только в 1935 году на новогодний праздник. Меня наконец выпускают в эту комнату ни свет ни заря за подарками, и я, собрав под «нелегальной» ёлкой игрушки, залезаю в родительскую постель, чтобы рассмотреть их.

И другое воспоминание, более позднее. Отец уже не живёт с нами. Мама ведёт меня на квартиру к его матери Лидии Ивановне Высочанской-Ивановой, она же – Шоофс, хористка Мариинского театра. Она четыре раза была замужем и поэтому имела много фамилий и адресов (Маяковского, 1, кв. 71; Дровяной переулок, 22; других я просто не знаю). Последний муж этой моей бабушки (если действительно он был последним) был артистом Большого (а может быть, Мариинского?) театра. Вместе с петербургской-ленинградской оперой Лидия Ивановна побывала на гастролях в Берлине, Лондоне и Париже, где жил в это время родной дядя моего отца, брат Евгения Шоофса, музыканта, находившегося в Тбилиси. Сына Виктора она брала с собой, и он ещё мальчи-

ком познакомился с Европой. Во время того нашего визита Лидия Ивановна передаёт мне подарок от отца – небольшую сетку с деревянными формочками для песка. Не знаю, были ли более существенные подарки. Насколько помню, я больше ничего не получала и не нуждалась ни в чём. Мой дядя Роман Марианович запретил маме брать деньги от бывшего мужа и обещал ей помочь меня воспитать. Это обещание он свято выполнил. Я никогда не чувствовала себя обделённой ни душевно, ни материально. Отец же никогда не интересовался моей судьбой. Неспроста, видимо, бабушка его невзлюбила.

В 1941 году, окончив школу, я собиралась поступать на факультет журналистики Ленинградского университета. Сколько раз я представляла себе сцену – вот я вхожу к отцу и представляю: «Я – Ваша дочь». Я знала, что он жил в Ленинграде – заблаговременно навела справки. Но начавшаяся долгая и страшная война спутала все карты. А когда она кончилась, адресный стол Ленинграда ответил, что гражданин с такой фамилией, немного осложнившей мне жизнь, в городе не проживает. Тогда я подумала, что он убит или погиб в блокаду. Теперь знаю, что это не так. Во всяком случае, знакомство наше не состоялось.

Правду об отце я узнала немногим более года назад после многочисленных запросов. В Интернете нашлись сведения о людях, пострадавших от сталинских репрессий. Там значилось, что В.Е. Шоофс был расстрелян в 1938 году. После долгой переписки мне прислали так называемое «дело», в котором содержались многочасовые допросы отца и его показания, из которых я узнала, что он в 1915 году добровольцем поступил в царскую армию, был на австрийском фронте, выполнял обязанности писаря. После революции оказался в армии Юденича тоже писарем, что вызвало недоверие следователя. После разгрома Юденича скрывался где-то в лесах, потом поступил в дивизион связи Красной армии с целью захвата оперативных документов и занимался военным шпионажем. Это занятие ему пришлось прекратить из-за болезни, его откомандировали в Балтфлот

опять же писарем, и в 1920 году он был демобилизован. За антисоветскую агитацию отсидел 8 месяцев. Он рассказал о женьтибе на моей маме, дворянке, которая работала в торговом порту, упомянул о дочке, которая воспитывается матерью и бабушкой. Арестовали его в Сланцах Псковской области, куда он переехал, якобы намереваясь бежать в Эстонию, и где руководил контрреволюционной организацией, имея связь с неким Васильевым в Ревеле. Мелькали ещё какие-то фамилии, назывались факты антисоветской деятельности, «дело» было большим и читать его надо было много часов.

Удивительно, как работала фантазия следователей, выкопавших липовые признания. Что там было правдой? Что – ложью? Мне судить трудно, я отца не знала. Но поскольку он был впоследствии реабилитирован, можно сказать, что обвинения были ложными. Приговор – расстрел – был приведён в исполнение старшим лейтенантом Поликарповым 18 января 1938 года. Никаких родственных чувств я к отцу не испытывала и не могла испытывать. Но известие о его судьбе было всё же горьким. Пропал человек, какой бы он ни был, стал ещё одной жертвой сталинской системы.

Когда я писала эти строчки, компьютер выдал мне неожиданную помощь. Было это в начале октября 2009 года. Некая Анна Дубовая прислала письмо, в котором сообщала, что у меня с её мамой есть «общий дедушка» Евгений Иванович Шоофс. Вот так новости! Завязалась переписка, в которую втянулись Саша с Наташей, и я узнала много нового о своих предках.

Этот Евгений Иванович родился 2 ноября 1870 года в Тифлисе. Его отцом был Иоганн Шоофс, матерью Фредерика Баден. Окончил в Тифлисе гимназию и музыкальную школу, затем уехал в Петербург, с 1890 по 1896 год учился в Петербургской консерватории и окончил её по классу флейты. До 1904 года работал в оркестре Императорского оперного театра Петербурга, в котором у него жил брат. Об этом человеке мы ещё раньше знали, но не знали, кем он мне приходится. Это Герман Иванович Шоофс, близкий друг

Ильи Репина. Художник написал портреты его самого и его жены, которые Саша отыскал в Интернете. Нашёл даже его адрес и узнал, что он был кандидатом физико-математических наук. Всего у Евгения Ивановича было три брата и пять сестёр. Один из братьев жил в Париже.

Теперь стало понятно, кто был мужем Лидии Ивановны, о которой я писала выше. От их брака и родился мой отец Виктор Евгеньевич в 1897 году. После развода мой дед женился снова на Анастасии Малыгиной. В Петербурге у них появились дочери Елизавета (1901 г.), Нина (1902 г.) и Валентина (1903 г.). Затем семья уехала в Тбилиси, и там родились ещё две девочки – Евгения и Анастасия (1905 и 1907 гг.). Евгений Иванович работал в оперном театре им. Палиашвили, а затем в театре им. Руставели. Однако всю семью, как и многих лиц немецкого происхождения, во время войны постигла печальная участь: все были высланы в Казахстан, где вскоре, 2 октября 1942 года, Евгений Иванович скончался в ауле Балпык.

Старшая из его дочерей, Елизавета, родила дочь Галину, которая живёт сейчас в Усть-Каменогорске со своей дочкой Аней, написавшей мне то неожиданное письмо. Не знаю, как определить наше родство с Галиной. Может быть, сводные внучки? А я всегда была уверена, что никаких родственников у меня нет. Далёкие, конечно, родственники, седьмая вода на киселе, но фамилия-то одна! Вот на что способен Интернет и какие сюрпризы он преподносит! С Галей мы быстро нашли общий язык, обменялись воспоминаниями и фотографиями и теперь постоянно общаемся по скайпу. Она младше меня на 10 лет. Бывшая преподавательница математики, очень славная женщина. Так на склоне лет я обрела родственную душу.

Ещё несколько слов о моей фамилии. В детстве мне объяснили, что отец был немецкого происхождения. Став старше, я стала искать аналогичные фамилии со сдвоенной гласной среди известных немцев. И нашла такую фамилию

в «Разбойниках» Шиллера. Это был автор, известный мне с ранних лет. Предводителя разбойников звали Карл Моор. Хорошо, что разбойник он был неплохой, вроде Робин Гуда. Сейчас знаю ещё одну фамилию – это Боос, губернатор Калининградской области. Однако года два назад Саша выяснил, что подобные фамилии встречаются в Голландии. Лично мне моя фамилия доставляла немало хлопот, потому что никто не знал, как её написать. Во время войны могли бы меня принять за немку, а это ничего хорошего не сулило. Но такая угроза, как и некоторые другие, меня обошла. А потом замужество избавило меня от этих неудобств.

Детство

Но вернусь к своему детству. Воспитывала меня, по сути дела, бабушка. Она всегда была рядом, её заботу и любовь я ощущала постоянно. Мама была занята на работе, а вечерами часто уходила на концерты, в кино или к знакомым. А бабушка редко отлучалась из дома. Она хозяйничала, вечерами рукодельничала. К маме приходила её подруга Ляля Филиппова (полного имени я не знаю). Втроём с бабушкой они вышивали или вязали. Тогда были в моде дамские вышитые воротнички и обвязанные, также с вышивкой, носовые платочки. Получалось очень красиво. Работа была кропотливая и требовала хорошей техники и вкуса, но и оплачивалась, видимо, неплохо, что было немало важно для моих родных. Дядя был уже молодым врачом, успешно оперировал и был отмечен знаменитым ленинградским хирургом Джанелидзе как подающий большие надежды. Он работал в клинике этого профессора, основоположника кардиохирургии и, наверное, многого бы добился, если бы судьбе было угодно.

Молодой, талантливый, обаятельный, остроумный, дядя Рома пользовался большим успехом у женщин. В его комнате, которая сообщалась дверью с той, где жили мы, частенько бывали посетительницы. Иные задержи-

вались надолго. Нас в эти знакомства он не посвящал. В 20-е годы он был связан каким-то образом с петроградской богемой. Сам писал стихи, любил поэзию. Знаю, что был знаком с поэтами-акмеистами того времени Нарбутом и Оцупом. Владимир Нарбут в 1922 году уехал в Москву, а в 30-е годы был арестован и расстрелян. Это ему Анна Ахматова посвятила восемь строчек, названных «Про стихи». В следующем году уехал в Париж Николай Оцуп, который в эмиграции написал докторскую диссертацию о Николае Гумилёве. Общаться с этими интересными людьми дядя мог, таким образом, в самом начале 20-х годов, но, видимо компания сохранилась. На одной из фотографий изображены две хорошенькие женщины. На обороте надпись: «IX.20 г. Петроград. Славному, хорошему Роману в память моего пребывания в Петрограде и наших товарищеских проделок и отношений. Поля». На другой фотографии подпись полная – «Полина Оцуп». Она сфотографирована ещё в других вариантах. Почему-то хочется думать, что отношения были не просто товарищеские. Кем она доводилась Оцупу? Женой? Сестрой? Не знаю. Среди этих снимков много ещё хорошеньких головок и нежных надписей от Жени, Тамары, есть и без слов. Здесь же дядины товарищи по гимназии Шура Савельев и Володя Далматов. Обоих помню: часто к нам приходили, играли в шахматы, пили чай. В том же конверте пожелтевший листок – удостоверение о том, что дядя Рома окончил 6 классов 6. Петроградской 2-й гимназии, ныне 1-й Единой трудовой школы Казанского района, причём получил следующие отметки: русский язык – 5; латинский язык – 5; математика – 5; физика – 5; история – 5; география – 5; немецкий язык – 5; французский язык – 5. На удостоверении гриф: «РСФСР. Комиссариат народного просвещения союза коммун Северной области. 8 мая 1919 года». Это так, между прочим, но всё-таки любопытно. Документ того времени!

Сохранилась ещё солидная пачка писем, адресованных в какое-то Замостье, где дядя Рома начинал свою врачебную практику. В основном это послания некой Розы, с ко-

торой он учился в Смоленском медицинском институте. У них были, видимо, серьёзные отношения, дело шло к женитьбе, но дядя мой уехал в Ленинград. Роза туда приезжала, была знакома с моими мамой и бабушкой. Потеряв надежду на брак со своим легкомысленным возлюбленным, она вышла замуж, но писала, что мужа не любит и готова порвать с ним, если дядя Рома этого захочет. В письмах столько любви, нежности и грусти... Читала и вспоминала Апухтина: «Она отдаст последний грош, / Чтоб быть твоей рабой, служанкой / Иль верным псом твоим Дианкой, / Которую ласкаешь ты и бьёшь».

У мамы, конечно, тоже были поклонники. Со мной об этом не говорили, но я кое-что смекала. Особенно мне нравился моряк-датчанин, который всегда приносил мне толстую тёмную плитку шоколада. Ещё помню какого-то Маянца, который был раньше, на севере. Кто-то из маминых знакомых приносил мне книжки. Помню: вечер, меня уже уложили спать. Став на коленки перед образом Божьей Матери, прочитала «Отче наш» и «Богородицу». Лежу в постели за большим, как дом, буфетом, который перегораживал комнату на две половины, как бы столовую и спальню. В столовой горит свет, там пьют чай и разговаривают, а я не могу уснуть. Мне принесли пачку книг, таких красивых, изданных ещё до революции в серии «Золотая библиотека». Посмотреть нельзя, но очень хочется.

- Что ты вертишься? – спрашивает бабушка.
- Не могу уснуть.
- Ну иди сюда.

Вскакиваю в одной рубашонке и выхожу на свет. Вот они лежат: «Маленькие женщины», «Маленькие мужчины», «Маленький лорд Фаунтлерой», «Нелло и Патраш». А вот и «Люда Власовская» моей обожаемой Чарской. Завтра можно будет всё это рассматривать и читать. Какое счастье! Озябнув, юркаю в постель и засыпаю спокойным сном.

Помню какую-то болезнь. Лежу в постели и читаю «При-

ключения капитана Гаттераса» Жюль Верна. Какие иллюстрации! Корабль во льдах, кругом снега, с мачт свисают сосульки, моряки в тёплых башлыках и меховых сапогах, и я полна сочувствия к их судьбе. Картинки стоят перед глазами, но чем закончились приключения отважных полярников, забыла. А вот Гоголь – это уже из нашей домашней библиотеки. «Вечера на хуторе близ Диканьки» – и смешно, и страшно!

Читала всё подряд. Очень любила пьесы – никаких описаний, одни разговоры, действие быстро движется вперёд. Так лет в восемь прочитала всего Шиллера и Шекспира. Что я там поняла?! Но было интересно. С тех пор я на всю жизнь полюбила книгу в единстве всех её компонентов, а занятия в университете и особое отношение Виктора к книге ещё усилили эту любовь.

Тут вспомнилась наша квартира, вернее, то, что от неё осталось. Это были две большие комнаты с окнами на проспект – в каждой комнате по два окна. Когда я была маленькая, ещё «уплотнение» не было завершено и нам принадлежала третья комната, в которой был балкон. Об этом я знаю по рассказу бабушки, как я однажды притащила на балкон стул и влезла на него. Свесившись через перила, обзревала улицу. Вошедшая бабушка боялась что-нибудь сказать и осторожно подошла, чтобы снять меня с этого наблюдательного пункта.

Две оставшиеся комнаты сообщались между собой, но каждая имела выход в коридор. В первой комнате, очень большой, стоял уже упоминавшийся буфет красного дерева. В нём хранился красивый сервиз. На обеденных тарелках изображалась какая-то старинная красивая жизнь в коричневых тонах. Их было интересно рассматривать, пока не налили суп. Отделений в буфете было много, и он был высокий, почти до потолка. У другой стены стоял ещё один шкаф, и оба они делили комнату на переднюю, светлую половину и заднюю, тёмную. За буфетом стояли моя и бабушкина кровати, между ними ночной столик (тогда не называли его тум-

бочкой). Слева находилась мамина кровать. Кровати были железные, светло-зелёного цвета, с «шишками». Они путешествовали потом в Башкирию, оттуда – во Владимир, потом в Казахстан, снова во Владимир, стойко выдержали все превратности судьбы и остались после смерти дяди Ромы у Наташи, о которой речь впереди.

Из другой мебели, остатков прежней роскоши, с бабушкой ездили комод, высокий белый шкафчик, весь состоявший из ящичков, очень удобный, кабинетная мебель (письменный стол, диван и два кресла зелёной кожи и красного дерева с бронзовыми украшениями), знаменитый фонарик, который, вероятно, помогал дяде Роме «охмурять» его возлюбленных и который висит теперь у Наташи в её минской квартире. А также зеркало в серебряной раме, которое украшает ныне Сашину прихожую. В своё время его едва не постигла участь быть сданным в Торгсин (для несведущих – «Торговля с иностранцами»). Там за драгоценные металлы можно было получить деньги и тут же потратить их на еду. Продукты в начале 30-х годов выдавались по карточкам, даже на недоступные в других магазинах деликатесы или на какие-нибудь вещи иностранного происхождения. Торгсин был в помещении большого магазина недалеко от Невского, на ул. Желябова (бывшая Конюшенная). В 1935 году Торгсин был закрыт, а магазин получил название ДЛТ (Дом Ленинградской Торговли). Вот туда мои родные и отнесли (а точнее, наверное, отвезли) зеркало. Но его не приняли. Зеркальная рама оказалась из какого-то польского, не настоящего серебра. Сейчас я посмотрела в Интернете, что такое польское серебро. Оказалось, что его проба просто немного меньше обычного. Но серебро настоящее. Вот так зеркало уцелело. Интересно, что точно такое же зеркало изображено на одной картине Кончаловского рядом с букетом цветов.

С зеркалом связана интересная история. В трудные военные годы бабушка продала его Екатерине Петровне Хабариной. Она была женой главного инженера химзавода, где

мой дядя заведовал медпунктом. От этого завода дядя и получил квартиру в новом доме. Когда я похоронила бабушку в 1959 году, Екатерина Петровна вернула мне зеркало безвозмездно, посчитав, что семейная реликвия должна быть у меня. Великое спасибо ей за это!

Но я отвлеклась от описания квартиры. Она была коммунальной, из тех, о которых ностальгически вспоминают некоторые участники соответствующих телепередач. У меня воспоминания несколько другие. Никакой радости и единения не было. Все жильцы попали к нам в порядке «уплотнения» бывших хозяев. В большой комнате слева от входа жила чета Эстеркиных. Он был техническим работником на «Электросиле», а кем была она – не помню. От них были одни неприятности. Поздно вечером, проходя по коридору мимо нашей двери, они усиленно топали ногами, всячески пакостили на кухне. Если я возвращалась из школы, когда никого из нашей семьи не было дома, они не открывали мне дверь. Вероятно, это была чёрная зависть, оттого что мы занимали лучшие комнаты. Тётя Лида однажды повесила коверкотовое пальто в ванную комнату, потому что в передней оставлять его было рискованно. Его облили водой, и возле кармана расплылось фиолетовое пятно: в кармане был химический карандаш, с которым она бегала по вызовам к больным. «Вечные» перья тогда только начинали появляться, их привозили лишь из-за границы.

Вторая комната слева принадлежала симпатичному еврейчику Айзику Куперу. Каждую осень эта комната благоухала, как у Бунина, антоновскими яблоками, грудой лежавшими на полу. Однажды вместе с яблоками приехал из Орши младший брат Айзика Митя, которого я очень полюбила. Вечерами мы сидели в кухне почему-то на столе, болтали ногами, ели яблоки, и я не могла уснуть, если не поцеловала Митю и не пожелала ему покойной ночи. Через некоторое время бывшая людская была занята родителями Купера, которые окончательно перебрались в Ленинград. Это были вполне приличные люди. Но на этом

примере хорошо видно, как город заселялся не коренными ленинградцами, которых теперь почти не остаётся в Петербурге.

В двух комнатах напротив наших жили Волосюки, которые имели какое-то отношение к домоуправлению, как Швондер у Булгакова. Я их плохо помню, но знаю, что с ними отношения были не лучше. В соответствии с послевоенной моралью почти все жильцы находились с нами как с «бывшими» в антагонистических отношениях и старались всячески это подчеркнуть. Что с ними стало во время войны и блокады, не знаю.

Чтобы закончить разговор о квартире, скажу, что за нашим обеденным столом изредка собирались гости, а в дядиной комнате, когда он был на работе, я, Нонна (все её звали Нёня, как она называла себя, когда была совсем маленькой) Чинкина (тогда – Брусникина) и Юра Менакер весело проводили время. Читали Зощенко, слушали патефон и разглядывали медицинские книги, красивые, тяжёлые, с золотым обрезом, с многочисленными иллюстрациями, которые либо повергали в шок, либо удовлетворяли наше «нездоровое любопытство» и открывали такие бездны, о которых мы и понятия не имели.

А ещё раньше, в младших классах, мы с Нёней и Волей, сыном какого-то медицинского профессора, нашего соседа по чёрной лестнице, играли с большим, моего роста, рыжим медведем и с резиновыми куклами. Все они были нами «прооперированы» – у них были разрезаны и зашиты животы. Так профессия старших отразилась в наших детских играх. Голубой мечтой моего детства было иметь целлулоидного пупса, которого я могла бы купать, пеленать, шить для него распашонки. Но мечта осуществилась поздно, когда интерес к пупсу почти пропал.

Из моих дошкольных лет надо остановиться ещё на одном важном эпизоде. Дело в том, что дядя Рома уехал на север в поисках более высокой зарплаты и обосновался в Кандалакше, за полярным кругом. Это было поселение на

порожистой реке Ниве, которая впадала в залив Белого моря и никогда не замерзала, постоянно издавая шум на перекатах. В ней водилась сёмга и другая вкусная рыба. В Ленинграде это были недоступные для нас деликатесы. Чтобы и мама смогла подработать, дядя вызвал её туда, а мама взяла меня с собой. Это было первое путешествие в жизни, и оно оставило неизгладимое впечатление. Я впервые ехала на поезде, на настоящем поезде дальнего следования. Была зима, на улице почти постоянно было темно, а в купе – тепло и уютно. Из тех станций, которые мы проезжали, меня поразила одна своим необычным названием – Медвежья Гора. Я долго фантазировала на эту тему – похожа ли гора на медведя или на горе живут медведи? Теперь этот город называется гораздо хуже – Медвежьегорск. Но станция, как я выяснила в Интернете, до сих пор называется Медвежья Гора.

В Кандалакше меня ожидала встреча и дружба, протянувшаяся через всю жизнь. Мама познакомилась с Тамарой Константиновной Манасевич, которая со своим мужем Николаем Николаевичем и маленькой дочкой Адой (Ариадной) там жила и работала. Николай Николаевич был лесным инженером, а Тамара Константиновна, как и мама, бухгалтером. У них была собака, казавшаяся мне громадной, дымчатый дог Хэга. Она с нами играла, мы катались на ней по снегу и вообще много шалили, так как недреманного ока бабушки там не было. Дружба с Адой продолжается до сих пор, в сентябре 2009 года она ещё приезжала ко мне в Вологду. Тамара Константиновна, которая считала меня своей дочкой, умерла 1 декабря 1978 года. Она была замечательным и очень близким мне человеком.

Когда после Кандалакши все вернулись в Ленинград, Тамара Константиновна часто у нас бывала, но чаще мы с мамой бывали у неё. Помню величественную даму, мать Николая Николаевича, которую я про себя называла «стара барыня на вате». Но особенно помню Константина Николаевича, её младшего сына, морского офицера, который в моём представлении был овеян ветрами дальних странствий

и казался мне идеалом мужчины: высокий, красивый, невероятно галантный, всегда в ореоле каких-то запахов то ли одеколона, то ли капитанского табака из его неразлучной трубки. Он будил во мне самые романтические мечты, и я, такая малявка, желала в будущем такого же элегантного мужа. Как порой наши мечты бывают далеки от действительности! Правда, мне ещё хотелось, чтобы мой будущий муж был похож и на дядю Рому, которого я очень любила.

Помню уютную квартиру Манасевичей, вышитые руками Тамары Константиновны диванные подушки (она была искусная рукодельница), красивые абажуры, вязаные шали. Потом они переехали на другую квартиру на углу Невского и Герцена, где я любила бывать уже взрослой. Через много лет, когда младшая дочь Тамары Константиновны Лора вышла замуж за курсанта Военно-воздушной академии имени Жуковского, они перебрались на Гражданский проспект, а затем на улицу Яблочкова, где прошли последние дни Тамары Константиновны, где так рано овдовела Лора и где она живёт сейчас.

Тамара Константиновна оказалась очень верным другом. Когда маму арестовали в декабре 1936 года, она не прекратила знакомства с нами, что было по тем временам довольно рискованно, а когда нас высылали из Ленинграда в 1937 году, помогала паковать вещи, дала для наших пожитков два своих старинных сундука и взяла кое-что на сохранение. Правда, многое потом пропало во время блокады, к чему приложил руку оставшийся в Ленинграде Константин Николаевич, когда-то казавшийся мне идеалом.

Когда я, будучи уже взрослой, поселилась в Вологде, Тамара Константиновна часто приезжала к нам и подолгу жила у нас, полюбила моих детей. Мы тоже бывали у неё в Ленинграде. Ада, проезжая в северные края с геологическими партиями, иногда останавливалась у нас с мужем Олегом или просто ненадолго приезжала в Вологду, которая ей нравилась. Гостили у нас и Лорочка с Женей. Всё это были незабываемые встречи. И начало всему положила Кандалакша, покрытая снегами и озаряемая северным сиянием.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Всё это впечатления дошкольного детства. Теперь логично было бы написать, как я пошла в школу. Но, как ни странно, это знаменательное событие начисто изгладилось из памяти. Из начальной школы я помню только Татьяну Фёдоровну Соболевскую, которую мы очень любили и расставались с нею коллективным плачем по окончании четвёртого класса.

Начиная с пятого класса, помню больше. Жизнь стала интереснее и разнообразнее, появились новые кумиры и прежде всего – учительница литературы и русского языка Валентина Васильевна Фролова. Молодая, красивая, всегда с пушистым платком на плечах, добрая и приветливая, она завладела нашими сердцами. Педагогические эксперименты того времени стали причиной того, что лучшим ученикам доверялось проверять тетради остальных. Мы с Нёней с радостью этим занимались, оставаясь после уроков в просторном кабинете литературы. Одновременно наблюдали за развёртывающимся романом нашей любимицы с учителем математики Андреем Ильичом. Нам он казался недостойным такой красавицы и умницы, но всё равно мы обоим желали добра. Видимо, плохо желали, потому что внезапно наша учительница заболела, долго не появлялась в школе, а потом умерла и была похоронена, оплаканная всей школой, а особенно нами с Нёней. Горе было неподдельным. Она не была нашей классной руководительницей, но умела нас увлечь интересным делом. В её кабинете мы что-то придумывали и мастерили, готовясь к праздникам, обычным советским праздникам. К очередной годовщине смерти Ленина (наверное, десятой) мы сделали весьма правдоподобный макет шалаша в Разливе, где вождь революции скрывался от царских ищек. Воспитание, конечно, было идеологическим.

Сами уроки не оставили яркого впечатления. По всем предметам «оч. хор.» – это как бы само собой разумелось. Запомнилась внеклассная жизнь. Прежде всего – занятия

в физкультурном зале с нашим пионервожатым Володей Золотовым. Он был, видимо, работником какого-то предприятия, и работа с пионерами была его общественным поручением. Молодой, весёлый, заводной. Мы его очень любили, а может, даже были и влюблены в него. Он водил нас в театр. Однажды это была Александринка, там давали какую-то заграничную революционную пьесу «Матросы из Катарро». Сейчас в Интернете я нашла её автора. Это был немецкий драматург Вольф, известный больше как автор «Профессора Мамлока». Спектакль мне понравился из-за своего героического сюжета, но ещё и потому, что моё место оказалось рядом с Володей, о чём мечтали все девчонки.

В школе был драматический кружок, и мы, конечно, сразу записались в артисты. Ставились вполне серьёзные пьесы. В «Сказке о мёртвой царевне» мне доверили небольшую и не очень важную роль Чернавки. А позднее в пьесе Островского «Свои люди – сочтёмся» даже роль Липочки. Мы были так увлечены! В бабушкиных комодах искали подходящие наряды, твердили роли, репетировали. Много радости доставляли нам и новогодние маскарады, во время которых мы умудрялись щеголять в самодельных костюмах.

Никакой особенной пионерской работы я не помню, хотя была председателем совета отряда. А однажды меня выдвинули на ответственную должность – быть ведущей районной пионерской конференции, тогда, кажется, это называлось слётом. В памяти остался только испуг и сознание огромной ответственности. На демонстрациях в революционные праздники мы всегда шагали строем. Первого мая надо было быть в пионерской форме – «белый верх, тёмный низ». А ленинградская погода не всегда соответствовала такому лёгкому костюму, что очень тревожило мою бабушку. Мы действительно там ужасно мёрзли.

Наша школа № 24 была напротив нашего дома. Это было здание из красного кирпича, в нём находилась и известная типография, адрес которой много раз попадался и попадает в разных изданиях. Сейчас там печатают техниче-

скую книгу. До революции на верхних этажах находилось известное издательство А.Ф. Маркса, а потом там разместилась школа, в которую я поступила в 1931 году. Наверх вела железная лестница, у которой часто простаивал в ожидании нас Коля Пермяков. Кажется, в 5-м классе его выгнали из школы за хулиганство. Но нам с Нёнкой он нравился. Мы переписывались, назначали свидания, гуляли с ним и замечательной овчаркой моей подруги. Словом, отношения были довольно романтические, а его репутация хулигана только подогревала наш интерес. Это было совсем не то, что благовоспитанный, но скучный Котя Серов! И это в 12–13 лет!

В последний год моей жизни в Ленинграде школу перевели в другое помещение на Лермонтовский проспект. Когда я в первый раз после войны попала в Ленинград, я пыталась найти эту школу, но почему-то не смогла. Я там проучилась недолго и плохо запомнила её расположение.

На дачу

Летом мы с бабушкой уезжали «на дачу». Не более чем в полчасе езды от Ленинграда по дороге на Псков находился полустанок Кондакопшино. Мы отправлялись с Варшавского вокзала, который был близко от дома на набережной Обводного канала. Теперь он бездействует. А раньше был очень оживлённым. Здание вокзала, очень красивое, было возведено во второй половине XIX века. Недавно в нём открыли торгово-развлекательный центр, а лет семь тому назад, когда я была в Петербурге, он представлял собой жалкое зрелище. Даже сердце сжалось – как будто я попрощалась с близким человеком! Ведь вокзал знал лучшие времена, с него отправлялись императорские поезда с тех пор, как Александр III сделал Гатчину своей резиденцией. С него начинались все пути в Европу. Теперь всё это перенесено на Витебский вокзал.

Мы с бабушкой ездили на пригородном поезде. Когда выходили из него и поезд, отгремев по рельсам, скрывался вда-

ли, наступала удивительная тишина, только в небе заливались жаворонки. Как сейчас помню нас с бабушкой на этой маленькой станции осторожно переходящими пути, потому что наша деревня находилась слева. И помню это ощущение блаженства: тишина, солнце, поля, песня жаворонка и впереди целое лето. Каникулы! До деревни надо было идти с километр. Там в добротном бревенчатом доме у тётки Кати, сторбленной годами, но ещё не очень старой женщины, мы и жили. У хозяйки был небольшой огородик, кусты малины и крыжовника. В доме, конечно же, была русская печь, из которой тётка Катя доставала душистый горячий хлеб и отрезала мне горбушку с румяной хрустящей корочкой. Помазать её маслом, ещё тающим на горячем, и съесть – такое наслаждение!

Электричества в деревне не было, ближе к осени вечерами сидели при керосиновой лампе. Бабушка рукодельничала, а я читала вслух. Особенно помню «Давида Копперфильда». Потом мы менялись ролями: она читала, а я шила наряды куклам, чему меня научила соседская дачница. Её уроки – бельевой шов, «вперёд иголочку» и другие белешвейные премудрости – не раз помогали мне в жизни, и я с благодарностью её вспоминаю, хотя и забыла имя.

Для лампы и керосинки, на которой бабушка готовила, нужен был керосин. По железной дороге перевозить его не разрешалось. Мы ходили пешком за 7 километров в Детское, раньше – Царское Село, потом – город Пушкин. Покупали керосин, мылись в бане, отдыхали в замечательном парке, «где лежала его треуголка и растрёпанный томик Парни» (это Ахматова о Пушкине). Любовались бронзовой девой с разбитой урной, воспетой поэтом, и самим Пушкиным, свободно сидящим на скамье. Шли обратно по живописным парковым аллеям – одна липовая, другая кленовая, третья дубовая. Прогулка была довольно утомительной, особенно для бабушки, которой было далеко за пятьдесят, но мы любили эту прогулку, и я всегда охотно ходила за керосином.

Сама наша деревня, населённая обрусевшими финна-

ми («чухонцами») Иванайненами и Тухканайненами, была не очень живописной. Мы с местной ребятнёй и дачниками знали её досконально, облазили вдоль и поперёк, играя в казачки-разбойники, катаясь на высоких возах с сеном во время сенокоса. Играли в лапту, в прятки и пятнашки, устраивали концерты для всех желающих. Пушкинскую «Тучу» знаю наизусть с того далёкого времени. На концерты приглашали взрослых и приходило довольно много народа со своими стульями и табуретками.

Радио в деревне не было, как и «лампочки Ильича», газет тем более, о телевизоре никто и слыхом не слыхал и ещё долго не услышит. Поэтому развлекались сами, как могли. Вот сейчас печатаю на компьютере, при его помощи общаюсь с детьми в Америке, в Иране, в Москве. Вижу их и слышу. А если бы тогда мне сказали о такой возможности, приняла бы за сказку и ни за что бы не поверила!

Бабушка разрешала мне гонять по деревне босиком с самого утра до прихода коров с пастбища. Их пригоняли домой часов в 6–7, и мы всегда замечали, какая корова идёт впереди. Если коричневая, значит, завтра будет хорошая погода, если чёрная – плохая. Моё вольготное житьё кончалось, надо было идти домой пить парное молоко, мыть ноги и проводить время с бабушкой. Представляю, как ей было одиноко и скучно в этой деревне. Это я поняла, только сама испытывала подобное, когда жила с Тимошей в Дулепове. Бабушке хотелось побыть со мной, а мне хотелось быть с ребятами. Но вот выпито молоко, вымыты ноги, надеты сандалии, идём с бабушкой гулять. Чаще всего – «на откос», насыпь, внизу которой проходят рельсы и по ним мчатся поезда с табличками «Дно» (это было знакомо по стихам Маршака «Хватились на станции Дно – потеряно место одно...»), «Остров», «Псков». Откос порос цветами: иван-да-марья, ромашки, любимые бабушкины скабиозы и даже полевые гвоздички. Набираем букет, возвращаемся домой. Бабушка довольна. Но если я отказывалась идти или выражала неудовольствие, она обижалась, переставала со мной разговаривать. Это было мучи-

тельно, я чувствовала себя виноватой и не знала, как загладить вину.

По выходным дням к нам приезжала мама, привозила продукты, и мы устраивали пир. Особых деликатесов не помню, всё больше свежие огурцы, масло да яйца, которые покупались в деревне. Но какое-нибудь лакомство мама всё же привозила. Одним из самых любимых моих блюд при не богатом тогда выборе была жареная картошка. Вкусно было особенно, когда её поджаривали сырой. Но на это уходило больше масла, поэтому бабушка чаще жарила варёную картошку, а та была изысканным блюдом.

Пошла я как-то с ребятами за голубикой на болото, довольно далеко. Наелась там ягод, надышалась болотным воздухом и заболела: рвота, понос, плохо мне. Лежу, ничего есть не могу, даже запах пищи неприятен. Но вот стало полегче и захотелось чего-нибудь вкусного. Прошу бабушку: поджарь сырой картошечки. Бабушка обрадовалась, что я пришла в себя, давай жарить картошку, а я слышу из кухни запах и не могу дождаться, когда же она будет готова. Вот какие мелочи запоминаются! А какие-нибудь важные события совершенно изгладились из памяти.

В деревне я заболела скарлатиной. Считалось, что заразилась от игрушек недавно умершей от этой болезни девочки. Температура, сыпь, бабушка не знает, что делать, как меня переправить в город, как везти в поезде, чтобы там не распространять инфекцию. В те времена скарлатина была опасной болезнью. Кое-как меня довезли до станции, надели пальто, шапку и даже рукавицы, неизвестно почему оказавшиеся в деревне. С трудом добрались до дома, пришёл Саул Моисеевич, пощекотал меня усами и велел лечь в больницу. Вспоминается известное стихотворение Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки»:

*Валя, Валентина, что с тобой теперь?
Белая палата, крашеная дверь.
Словно паутина, из-под кожи щёк
Глеет скарлатины смертный огонёк.*

В стихах удивительно точно передано состояние девочки, больной скарлатиной:

Почему от зноя ноет голова?

Почему теснится в подъязычье стон?

Почему ресницы овекает сон?

Всё верно, но ещё страшная боль в горле, хочется пить. И ещё чувство какой-то заброшенности, одиночества. Некому пожалеть, приласкать, дать воды, успокоить. Это одно из тягостных воспоминаний моего детства. Мне было лет восемь-девять. Потом карантин, и всё лето, вся деревня на-смарку. Правда, закончилось всё намного лучше, чем у Багрицкого.

Женитьба дяди Ромы

В 1933 году дядя Рома женился. Утром я проснулась, и бабушка, непривычно растерянная и какая-то обескураженная, сообщила мне эту новость. Вечером, как и много раз раньше, у дяди была гостя. Чаще всего со своими дамами он нас не знакомил, двери были закрыты, и ничего необычного в этом не было. Но ближе к полуночи двери открылись. На пороге рядом с ним стояла изящная красотка. В тот момент я её не видела, но это определение представляется мне точным. Смущённо потирая руки, дядя мой сказал: «Познакомить вас, что ли? Это моя мама. А это моя жена». Передаю точно такими словами, как сказала мне бабушка.

Так неожиданно в нашу жизнь вошла тётя Лида, которую я первое время стеснялась и называла на «вы». Меня она просто очаровала, настолько была красива. Сразу с ней подружилась мама. Бабушка занимала выжидательную позицию и по мере того, как развивались события, всё больше выказывала своё недовольство. Дядя Рома стал давать ей на хозяйство ограниченную сумму денег. Помню цифру 25 рублей, но на какой срок, не знала. Хозяйничать было непросто. Некоторые продукты продавались по карточкам, и цена их была приемлемой. Но карточки имели не все, значит, при-

ходило обращаться на рынок или в коммерческие магазины, а там цены кусались. Семья у нас увеличилась, и строго регламентированная сумма, видимо, не была достаточной. Да и не привыкла бабушка к таким ограничениям. Они её оскорбляли, а, как обычно в таких случаях, виновата всегда невестка.

Никакого участия в домашних делах тётя Лида не принимала. Бабушка готовила, стирала, и тётя Лида, ничтоже сумняшеся, бросала свои вещи в общее грязное бельё. Бабушке и это казалось оскорбительным. Ведь она тоже не была прачкой! В своей комнате тётя Лида убирала – подметала и вытирала пыль, но не более того. Словом, отношения внутренне были напряжённые. А тётя Лида, видимо, считала, что вполне достаточно участвовать в общем хозяйстве деньгами, которые она отдавала из своего заработка. Она была избалована прошлой жизнью в семье первого мужа Альфреда Менакера. Её свекровь, старая еврейка, видимо, боготворила свою невестку и освободила её от всех домашних забот. На попечении бабушки был и её сын Юра. Опекала её и сестра Лена.

Маршаки

Лена была замужем за родным братом Самуила Яковлевича Маршака, поэта, переводчика с английского и знаменитого детского писателя, высоко ценимого Горьким. Муж Елены Александровны, тоже, естественно, Маршак, взял себе псевдоним М. Ильин и издавал под этим именем весьма популярные книги. По образованию инженер, он доходчиво и интересно рассказывал о науке. Первые его книги – «Солнце на столе» (1927 г.), «Который час», «Чёрным по белому» – рассказывали об электричестве, о том, как люди научились измерять время, о письменности. В 1929 году вышла книга «Сто тысяч почему» – о самых простых вещах, которые окружают человека в жизни. «Что теплее – две рубашки или рубашка двойной толщины?» – спрашивал автор. И отвечал: «Две, потому что между ними прослойка воздуха, которая даёт дополнительное тепло». Простые вопросы и простые

ответы. Уже эти вещи сделали его имя известным и, наверное, укрепили благосостояние. Писатели в то время получали неплохие гонорары, а он много печатался. Но особенно знаменитым сделали его две книги – «Рассказ о великом плане» и «Горы и люди» – о первой пятилетке, о социалистическом преобразовании мира. Книги отметил Горький, что было тогда превосходной степенью признания, они получили мировую известность и были переведены почти на все европейские языки. Когда его жена, которую я стала называть тётёй Леной, заболела базедовой болезнью и встал вопрос об операции, Илья Яковлевич (дядя Люся) повез её в Париж, где эту операцию успешно сделали. Из Франции были привезены роскошные наряды. Тётя Лида получила в подарок чудесное вечернее платье, шёлковое, чёрное, с рукавами-фонариками в виде лепестков красного цвета, какие-то кофточки, блузочки... Одна досталась мне, очень хорошенькая, но непривычного для меня фасона, и я её оценила только позже. Были и заграничные пластинки с томными танго и фокстротами. Танго «Цыган» помню с тех пор, как мы с Юрой и Нёнкой крутили их, собравшись у нас.

Илья Яковлевич, несомненно, был одарённым человеком, хотя бабушка отказывалась считать его писателем. В её представлении он, видимо, не вписывался в привычный ряд классиков XIX века. Строго говоря, она, наверное, была права. Он не был ни Тургеневым, ни даже Горьким. Но он очень чутко уловил потребность в литературе такого рода, как «Сто тысяч почему». Теперь его книги об истории развития человечества («Как человек стал великаном»), о тайнах природы («Путешествие в атом»), наверное, устарели. Но тогда они были незаменимы для юношества, приобщавшегося через них к последним научным открытиям, будили мысль и просто избавляли многих от элементарной безграмотности. Он был замечательным человеком, очень добрым и деликатным. Об этом много написано людьми, знавшими его, в книге «Жизнь и творчество М. Ильина». Книга издана в Москве в 1962 году и стоит у меня на полке с автографом тёти

Лены: «Дорогой Ирочке, чтобы она нас не забывала. Е. Сегал». Я и не забываю. Тётя Лена была соавтором нескольких книг своего мужа и сама писала под девичьей фамилией. Есть у меня ещё две книги с её надписями. Я их очень берегу.

Кстати, сестра Ильи Яковлевича Елена (а вернее – Лия) Яковлевна Маршак тоже написала замечательную книгу «Четвёртая высота» под псевдонимом Елена Ильина. Вот такая пишущая семья.

Умер М. Ильин рано, пятидесяти восьми лет, в 1953 году после операции по поводу рака прямой кишки.

В доме тёти Лены и дяди Люси мы бывали часто, но только однажды видели там Самуила Маршака. У Ильиных-Сегал было трое детей – Женечка, Боря и Марина. О них тоже можно было бы много написать, но не знаю, уместно ли это здесь. Женечка была старшей, мы с ней дружили (я имею в виду себя и Юру). Эти отношения продолжались всю жизнь, до самой её смерти. После того, как в 1991 году не стало тёти Лиды, у которой мы чаще всего встречались во время моих приездов в Москву, Женя прислала мне письмо, в котором писала, что мы не должны терять друг друга. Её родителей уже не было в живых. Прошло несколько лет, и она заболела. Мы с Юрой навещали её в больнице, старались ободрить, но оба понимали, что дело плохо. 11 января 1996 года мы с Сашей проводили Женечку в последний путь. Умерла она тоже от рака, этого бича семьи Маршаков. Замужем она была за художником Аблиным, которого тоже звали Женя. Ко времени её замужества семья давно уже жила в Москве, куда переехала в 1936–1937. На Ленинградском шоссе в очень внушительном с виду доме № 40 они занимали большую квартиру. У Бори, который родился в 1933 году, была в то время очаровательная седенькая няня. А хозяйством управляла сначала Паша, бывшая кухарка Алексея Толстого, а потом Маша из Подмосковья.

Приедешь, бывало, утром в Москву из Владимира, о чём речь позже, Маша приветит, накормит, если хозяева ещё спят, а вечером и спать уложит. Лежишь в её маленькой комнат-

ке, слушаешь шум тяжёлых машин, проходящих по шоссе, а в окна льётся какой-то особенный свет от фонарей, каких в нашем провинциальном городе не было, и в этом свете серебрится листва растущих рядом деревьев. Настоящие «огни большого города», для меня тогда – экзотика!

Тётя Лена с дядей Люсей днём работают – он за письменным столом, беседует с ней, советуется, а она сидит или полужелит на диване, вяжет бесконечные кофточки. Большие клубки разноцветной шерсти, спицы и крючки разных размеров – это её неизменное окружение. Так она соавторствовала со своим знаменитым мужем.

Женечка закончила институт иностранных языков, занималась французским. Боря стал известным искусствоведом, доктором наук, сотрудником Эрмитажа. Много лет возглавлял археологические экспедиции в Среднюю Азию, в частности на реку Пяндж у подножия Памира. Женился он на простенькой русской девушке Вале, приобщил её к своим научным делам и жил с ней счастливо много лет. Имел дочку и теперь уже, наверное, имеет внуков. Скончался на раскопках в Пенджикенте летом 2006 года.

Марина – поздняя дочка. Это особая статья. Её уже тоже нет в живых. Конечно, о мёртвых *aut bene, aut nihil*, но много горя принесла она и овдовевшей матери, и своей тётке Лиде. Поддавшись влиянию мужа, вместе с которым работала в Курчатовском институте, она некрасиво вела себя с матерью, а после её смерти затеяла тяжбу с сестрой Женей из-за дачи на Николиной Горе, проявив совсем не свойственную родителям меркантильность и грубость. Своего сына Сашуру, очень одарённого мальчика, она не сумела воспитать подобающим образом. Он совершал всякие гадости, специально раздражая тётю Лиду, которая осталась одинокой после смерти сестры, погибшей от разрыва ободочной кишки. Это было в октябре 1980 года. Незадолго до этого я поехала в Минск, чтобы проводить Наташу с Сашей и маленькой Настей в Париж. Как всегда, в Москве поехала к тётке Лиде,

поговорила с тётёй Леной, которая пожаловалась на плохое самочувствие. Но так бывало нередко, она вообще была болезненной, много лежала, очень избирательно ела. Я пожаловала обеим всего хорошего, выслушала жалобы на Марину и уехала. Когда вернулась, проводив моих «парижан», позвонила тётё Лиде и узнала, что вскоре после моего отъезда тётю Лену на «скорой» отправили в больницу. Там долго не могли ничего понять, а потом было поздно, и спасти её уже не смогли.

Так и осталась тётя Лида одна в своей комнате с сознанием того, что Марина с мужем ждут её кончины, чтобы завладеть всей квартирой. Их желание исполнилось через одиннадцать лет. По-прежнему тепло заботилась о тётке Жечечка, которая жила близко. А также Юра со своей третьей женой Машей, совершенно очаровательной и очень доброй. О тётё Лиде я расскажу ещё, а теперь о Юре и нашем детстве.

Когда его мама развелась с отцом и переехала к нам, Юра стал бывать у нас в выходные дни. Мы очень подружились. Вместе с Нёней у нас образовалась весёлая компания. Выдумывали всякие глупости. Один раз набили грязью старый кошелёк и из парадной следили за людьми, проходившими мимо и с надеждой поднимавшими неожиданную находку. Нашему восторгу не было предела, когда очередной прохожий брезгливо отбрасывал кошелёк, обманувший его ожидания. Дома у нас телефона не было, а у Нёньки был, и мы его тоже использовали для развлечения. Звонили по какому-нибудь номеру и говорили всякую ерунду типа: «Наберите полную ванну воды, придём слона купать». Люди ругались, а мы бросали трубку. В Ленинграде было много людей с громкими фамилиями. Вот им прежде всего от нас и доставалось.

Когда дядя Рома одаривал нас какой-нибудь мелочью, мы бегали за мороженым. Мороженщица стояла на углу. В руках у неё была металлическая формочка, в которую закладывалась круглая вафля с выдавленным на ней каким-нибудь именем (как было интересно, какое нам попадёт!), затем на вафлю накладывалось мороженое, закрывалось другой

вафлей и всё содержимое выдавливалось в наши страждущие руки. Потом стало продаваться, правда, только в центре, эскимо, чудесная шоколадная конфета на палочке, начинённая мороженым. Как далеко с тех пор ушла вперёд мороженая промышленность!

Дома мы читали Зоценко и разыгрывали по ролям его рассказ «Свадебное путешествие», хохотали до упаду. Заводили патефон и под звуки популярных мелодий, привезённых из Парижа, учились танцевать. В этом деле первенствовала Нёня, которая уже танцевала на клубной сцене, а потом пошла ещё дальше и дошла до Большого театра. В куклы, естественно, уже не играли, и моя любимая тряпочная Катяка доживала свой век где-то под кроватью. За обедом все усаживались за наш большой стол и уплетали сделанные мамой пельмени, бабушкин борщ со строго отмеренной ложкой сметаны, которой мне всегда не хватало. Именно поэтому дядя Рома однажды сказал в сердцах: «Мамочка, да купи ты ей сметаны, чтобы она наелась всласть!»

Мы очень любили выполнять поручения дяди Ромы купить внизу в гастрономе папиросы, спички или что-нибудь съедобное не из повседневного обихода. Особенно завлекали нас своим видом фрукты. Например, мандарины. Каждый мандарин был завёрнут в папиросную бумагу, они лежали красивой аккуратной горкой. Денег дядя всегда давал с избытком и сдачи не спрашивал, сдача поступала в наше распоряжение. Юра в последнее время вспоминал эти годы, мою строгую, надо сказать, бабушку и щедрого дядю Рому. Хотела написать «отчима», но это была бы неправда. Во-первых, у Юры был отец, с которым он жил. А во-вторых, дядя Рома не занимался его воспитанием и не ощущал никакой ответственности за него. Мне кажется, что главным настоящим воспитателем Юры был Илья Яковлевич Маршак, о котором он хранил нежную благодарную память до самой смерти. Умер Юрочка 14 июля 2007 года.

Постоянная нехватка денег заставила дядю Рому и тётю Лиду искать новые заработки, и они уехали в Киргизию,

во Фрунзе. Тётя Лида впоследствии вспоминала о жизни и работе там, как о кошмарном сне. Дядя Рома заболел какой-то особой, злостной формой малярии. Не помню, сколько они там пробыли, но вернулись довольные тем, что удалось оттуда вырваться.

События, перевернувшие жизнь

Я всё ближе подхожу к событиям, перевернувшим всю нашу жизнь. Это проклятое время сталинских (или ежовских) репрессий после убийства Кирова. Само убийство всех потрясло. В Ленинграде Кирова считали хорошим «правителем». Даже дядя Рома откликнулся на это событие стихами, написанными, вероятно, для больничной стенгазеты. Последствия были ужасными. Весь Ленинград, а особенно интеллигенция и ещё остававшиеся «бывшие» жили в ужасе, в постоянном ожидании ночного звонка или стука в дверь. Не обошла беда и наш дом.

Как-то утром я проснулась и не могла понять, что произошло: всё перевернуто, ящики раскрыты, валяются бабушкины ноты – полный беспорядок. Мне объяснили, что был обыск. Накануне мама не вернулась с работы, позже пришли какие-то люди и сказали, что она задержана. Спрашивали, не приносит ли она какой-то чемодан и есть ли в доме чердак. А потом явились с обыском и нашли «веские улики» маминой неблагонадёжности: гимназические похвальные грамоты с портретом Николая Второго и ноты «Боже, царя храни». Когда бабушка спросила, не хотят ли они обыскать детскую кровать, один из них ответил: «Пусть девочка спит, сталинское поколение мы не трогаем». Так я и проспала до утра. Ясно было, что весь этот обыск всего лишь проформа. Что-нибудь найти они не рассчитывали, да им это и не нужно было. Все обвинения и доказательства были плодом изобретательной фантазии следователей.

Маму выпустили, взяв с неё подписку о неразглашении всего происшедшего, и так её запугали, что она молчала как партизан, по нашему современному выражению. Напрас-

но Илья Яковлевич долго уговаривал её хотя бы намекнуть, в чём дело. Она молчала и плакала. Прошло несколько тревожных дней, и её снова забрали, теперь уже навсегда. Это был декабрь 1936 года. Всю жизнь не могу себе простить, что я так легкомысленно к этому отнеслась. На носу был Новый год, школьный карнавал, всякая суета занимала мою голову, а с мамой, казалось, вышла какая-то ошибка, которая скоро разъяснится, и она снова окажется дома.

Бабушка взяла грех на душу и во всём винила мамину сослуживицу Галину. Она считала, что та донесла на маму, преследуя какую-то выгоду. Это было тогда довольно обычным делом. Как она ошибалась! Когда я спустя много лет читала мамино «дело», я убедилась в этом. Галина Васильевна Столяренко безбоязненно дала маме отличную характеристику, что и было там зафиксировано.

Старшие пытались что-то узнать о маминой судьбе, куда-то ходили – всё это как-то прошло мимо меня. Но вот было получено известие, что маму отправляют на север, в лагерь, что можно получить свидание и принести тёплые вещи. Меня на свидание не взяли. Наверное, не разрешалось. И вот тогда я почувствовала, что потеряла маму..

Маму я любила какой-то особенной, болезненной любовью, мне почему-то всегда было её немножко жалко. Во-первых, она не отличалась богатырским здоровьем. Во-вторых, как я уже понимала, она страдала от неудавшейся личной жизни. Находясь постоянно на попечении бабушки, я воспринимала общение с мамой как праздник. Бабушка была дома всегда, а мама – нет. Бабушка следила за моими успехами в школе, а мама мало этим интересовалась, просто иногда только похвалит за хорошие отметки в четверти. Мы с ней больше говорили о моих друзьях, о прочитанных книгах, о развлечениях. Мама читала романы на французском языке, которые всегда лежали у неё на ночном столике, сменяя друг друга. Знала она и немецкий язык, не говоря уже о польском. На нём взрослые переговаривались, если речь шла о чём-то не предназначенном для детских ушей. Поэтому меня не вы-

сылали из комнаты, просто только переходили на польский.

Но ни мама и никто другой не сделали попытки хотя бы начать обучать меня какому-нибудь языку с раннего детства. Позже, когда в школе проходили немецкий, меня отдали на обучение к настоящей немке Екатерине Августовне, которая жила неподалёку. Я занималась с интересом, рассказывала по картинкам. Они были большого размера и изображали то кухню со всеми её предметами, то крестьянский двор с живностью, то детскую с игрушками. Мне это очень нравилось. Я учила стихи и до сих пор помню: «*Wer reitet so spaet durch Nacht und Wind? / Es ist der Fater mit seinen Kind*». Это «Лесной царь» Гёте. Дома же никто не пытался приобщить меня к немецкому или какому-нибудь другому разговорному языку. Однажды, когда я читала вслух «Евгения Онегина» и старательно по буквам прочитала «монсиер Лабе», все дружно рассмеялись и объяснили мне, что это французское слово и что надо произносить «месье». Мамины французские романы, чудесно изданные, с завлекательными картинками тревожили моё воображение, но были мне недоступны. А вот книги Кэрвуда, которые в это время были популярны (может быть, появились первые переводы?), были мной прочитаны с большим интересом. В них была романтика Севера, необыкновенные приключения, герои и, конечно, любовь.

Ни одного названия этих романов я не помню и сейчас решила узнать, что же я читала. В новой «Литературной энциклопедии» Кэрвуда вообще нет, а в старой есть, но ни одного романа не названо, только клеймят его как подражателя, создававшего романы по американским рецептам на потребу мелкобуржуазным вкусам. Я и не знала, что у меня был мелкобуржуазный вкус. Не знаю, издают ли этого автора сейчас.

Мамы не было, и тоска всё сильнее овладевала мною. Я писала ей чуть ли не каждый день, а она не получала моих писем. В первом дошедшем до нас письме мама уверяла нас, что ни в чём не виновата. Странно, что эти уверения пропустила лагерная цензура. «Знайте, что я пе-

ред вами всеми не виновата, – писала мама, – моя совесть совершенно чиста и упрекать меня не за что. Случилось для меня что-то страшное, от чего я опомниться не могу. Ножить как-то нужно, поэтому я всеми силами стараюсь поддерживать в себе силы. Простите меня за всё то горе, которое я вам всем причинила, но в котором я не повинна... Тоска по дому ужасная. Нет никакой возможности её заглушить, не знаешь, что с собой сделать. Берегите маму и мою родную девочку». Далее мама умоляла писать чаще и давала адрес: г. Кемь, Беломор-Балт. комбинат, 8-е отделение.

В нескольких последующих письмах мамы повторялась отчаянная просьба писать ей. Перечисляя лишения её теперешней жизни, она продолжает в письме от 23 февраля 1937 года: «Всё это ерунда по сравнению с тем, что я ничего не знаю о всех вас. Отсутствие писем из дома окончательно убивает меня и мои нервы». Наконец, 22 марта пришло от нас первое письмо, и мама пишет, что это самый счастливый день в её жизни.

А для нас её первое письмо из лагеря было тоже грандиозным событием и несколько нас успокоило. Оказалось, что она в Кемь, недалеко от тех мест, где мы когда-то жили в Кандалакше. Удивительно сейчас, после Шаламова и Солженицына, читать о довольно сносных условиях её существования в лагере. Она работала по специальности, жила в комнате (не в бараке, не в камере, а в комнате!), с ней там жило ещё 9 человек. Как ослабленная, мама получала дополнительное питание в виде одного стакана молока в день. Имела возможность гулять и даже потом прислала мне засушенный цветок. Просила прислать принадлежности для рукоделия, чтобы было чем занять себя в свободное время. Наверное, дьявольская машина ГУЛАГА не была ещё запущена на полную мощь.

Когда стали приходиться письма, стало немного легче. Но это продолжалось, увы, недолго. Летом мы с бабушкой опять отправились в Кондакопшино, и уже когда каникулы подходили /к концу, приехал дядя Рома и сказал, что надо вернуться домой и срочно собираться в путь, потому что нас высылают из Ленинграда. Больше писем от мамы мы не получали.

На последнем стояла дата – 16 сентября 1937 года. Из письма было ясно, что она знала о нашей высылке в Мелеуз. Жить маме оставалось меньше месяца.

Без права переписки

Впоследствии, прочитав мамино «дело», я узнала, что 10 октября 1937 года она была расстреляна на Соловках вместе с группой людей, которых, как и её, обвиняли в «покушении на правительство». На всё сразу, что ли?!

«Дело» начиналось с описания допроса, очень краткого, на котором мамани разу не признала себя виноватой. На основании разговора, имевшего место у пивного ларька (!), стало известно, что некий Бойцов Иван Григорьевич готовится к покушению на правительство, имеет оружие и собирается поехать в Москву. Мама, будучи его хорошей знакомой, должна быть в курсе дела. «Вы знали, что у него есть оружие?» – спрашивали маму. «Нет», – отвечала мама. «Он никогда вам не угрожал?» – «Однажды он сказал, что если я его покину, он меня убьёт. Но это же нельзя считать реальной угрозой». И всё в таком духе.

Читала я про этот допрос и думала, что тогда соблюдалась хоть видимость какой-то законности. Никакие отрицания своей вины маме не помогли, её посчитали участницей «заговора» и приговорили к 10 годам лагерей. Прошло немного времени, и все обременительные формальности были за ненадобностью отброшены. Особая «тройка» без всяких объяснений заменила первоначальный приговор расстрелом. Все шестеро были перевезены на Соловки и расстреляны без суда и следствия 10 октября 1937 года. Бабушке сказали, что её дочка лишена права переписки, и только спустя десятки лет мы узнали, что формула «без права переписки» на самом деле означала расстрел. Бабушка продолжала справляться ещё долго. Ей отвечали: «Она жива, но где она, мы вам сказать не можем».

В 1957 году архангельский суд отменил приговор. Через

20 лет после того, как он был приведён в исполнение. В 1958 году мною было получено свидетельство о реабилитации и справка о том, что Фрейзлер Наталия Мариановна умерла от пневмонии. И только потом после долгих хлопот я получила свидетельство о смерти, где была указана истинная причина – расстрел. Дата была указана почему-то другая – 4 ноября. Вместе с тем меня извещали, что я могу получить компенсацию в размере 332 рублей за конфискованные вещи. Получать я, естественно, ничего не стала...

Высланы в Мелеуз

Ну вот, а тогда мы стояли перед трудноразрешимой задачей – в короткий срок всей семьёй сорваться с места и уехать неведомо куда, в какое-то село Мелеуз Стерлитамакского района Башкирской АССР. Что взять с собой? Куда деть оставшиеся вещи? На какие деньги ехать? А главное – за что всё это?

В доме появились какие-то чужие люди. Ходили, рассматривали мебель, приценивались. Шикарная дама и не менее шикарный её спутник долго разглядывали диван и кресла, обитые зелёным шёлком с белыми веночками на нём. Моя любимая мебель! Здесь живёт мой рыжий большой мишка, хоть и получивший отставку, но всё ещё горячо любимый. Слышу реплики вполголоса: «Печковский, это Печковский». Неужели тот знаменитый тенор, по которому сходили с ума ленинградские меломаны? Но почему он ведёт себя так бесцеремонно? Германн в «Пиковой даме», Отелло в опере Верди... Артист знаменитого Мариинского театра, где я была считанные разы – на балете «Конёк-Горбунок» и на «Сказке о царе Салтане». От этого осталось впечатление чего-то огромного и прекрасного, а все, кто выходил на сцену, представлялись небожителями. И вдруг – такая проза! А впрочем, ведь мы теперь враги народа. Стоит ли с нами церемониться?!

Плохо ли, хорошо ли, что-то было продано, что-то отдано Маршакам (Ильиным), Манасевичам, Варшавчикам или

отправлено багажом, и мы прощаемся с Ленинградом, который тоже ждала не лучшая судьба. Не боятся проводить нас в неизвестный далёкий путь только самые отважные друзья: Тамара Константиновна, помогавшая паковать вещи, тётя Лена и дядя Люся, Роза Фёдоровна и Саул Моисеевич Варшавчики. Другие друзья мамы, дяди Ромы как-то стушевались. Но осуждать никого было нельзя: слишком многое ставилось на карту.

Как ехали на поезде – не помню. Помню путь от Стерлитамака до Мелеуза, да и то смутно. Этот путь мы проделали на машине, на грузовой, конечно. Всё заслонила горечь расставания со школой, с друзьями, с родным домом, тревога за маму, неизвестность впереди.

В Мелеузе мы прожили год, и надо сказать, что это, вопреки ожиданиям, был не худший год в моей жизни. В то время Мелеуз (теперь это город) представлял собою большое село, почти сплошь деревянное. Помню кирпичную школу, кирпичный клуб, где крутили кино и устраивали танцы. Может быть, были и ещё какие-то каменные здания, не знаю. Кругом были степи, весной пестревшие тюльпанами. Зима холодная, лето жаркое. Башкиры и особенно башкирки ходят в национальной одежде, украшенной монетами и другими побрякушками. Совершенно очаровательные маленькие дети. В той или иной степени все знают русский язык. В школе, где я стала сразу заметной фигурой, вообще все русские. Ко мне – всё внимание: девочка из Ленинграда. – Как твоя фамилия? – Шоофс. – Как-как? – Ша, два о, эф, эс. Я так привыкла растолковывать, как пишется моя фамилия, что у меня выработалась формула «ша, два о, эф, эс». Мои владимирские одноклассники до сих пор помнят, как я это объясняла или выходила к доске и писала. Этой фамилией, как я знала, меня наградила отец, обрусевший немец. Я её очень не любила, она как-то отделяла меня от моих сверстников, обладавших более простыми и понятными фамилиями.

На новом месте я почувствовала необычный для меня интерес со стороны мальчишек. Самыми настойчивыми

были Лёня Кобзев и Володя Филиппов. У Лёни была косая чёлочка, что тогда считалось особым шиком. Володя был малопримечателен, долговяз, но лиричен. На уроках он посылал мне записки, спрятанные в букетик цветов. Лёнька действовал более прозаично, но наверняка – провожал домой, нёс портфель. Однажды, когда мы возвращались после школьного вечера, между моими обожателями возникла драка. Кто-то из ребят нёс посуду, взятую из дома, – на вечере было немудрёное угощение. Я больше всего боялась, что посуда пострадает и мне влетит от бабушки, но на этот раз обошлось.

Не обошлось в другой раз. Я начала брать уроки игры на пианино. Дома, естественно, инструмента не было, занималась в школе. Пианино помещалось в зале, а зал располагался на первом, почти полуподвальном этаже, с улицы можно было легко заглянуть в окна. Итак, вечер, на пианино горит керосиновая лампа, а за пианино сидим я и Володя Филиппов. И совершенно ясно, что ни наши позы, ни выражения лиц не имеют к музыке никакого отношения.

Вдруг раздаётся стук в окно, и я слышу грозный голос бабушки: «Сейчас же домой!» Вылетаю пулей из злополучного зала и получаю первую и последнюю в своей жизни оплеуху. «По ночам? С мальчишкой? Негодница!» – бушует бабушка, а я иду за ней ни жива ни мертва... Видно, не судьба мне было стать пианисткой!

Хорошо понимала меня только тётя Лида. Она рассказывала, что целовалась с мальчишками с 13 лет, и с интересом спрашивала, как на этом фронте у меня обстоят дела. Мои ответы её вполне удовлетворяли, и я была ободрена её отношением, считала бабушку просто отставшей от жизни. Но все эти мальчишки в счёт не шли. Предметом моего обожания был совсем другой человек – Серёжа Бекташев.

Семья Бекташевых тоже была выслана из Ленинграда. Не помню, где работал Леон Сергеевич, а Нина Лазаревна

что-то делала в клубе и давала уроки фортепианной игры. У них было два сына – Гога, который учился в 10 классе и ухаживал за самой хорошенькой десятиклассницей Марусей, и Серёжа, студент, сорванный высылкой с учёбы. Гога был красивее, но Серёжа элегантнее. По моим понятиям, он был неотразим. Конечно, на меня, малявку, семиклассницу, он не мог обратить такого внимания, которого мне бы хотелось.

Наши семьи подружились. Нина Лазаревна и Леон Сергеевич были чудесные люди. Стало правилом еженедельно, а иногда и чаще собираться у них или у нас и играть в покер. Фишками служили пуговицы, но по договорённости они имели какую-то цену. Поэтому в конце игры рассчитывались деньгами. Ставки, конечно, были невелики, но они придавали игре интерес. Меня в игру не принимали, но я с большим интересом следила за игроками и научилась не выдавать их секретов. А в этой, я бы сказала, психологической игре главное – не выдавать эмоций. Вот игрок блефует, назначает большие ставки в расчёте на то, что партнёр испугается и отступит, и тогда даже с самой маленькой комбинацией он может сорвать банк. А если имеет хорошую карту и не отступит? А если сойдутся двое с великолепной картой на руках? Например, каре и флеш? Торгуются, поднимают ставки, каждый уверен в успехе. А откроют карты – и кто-то будет торжествовать, а кто-то испытает горечь поражения.

Игра так увлекала меня, я следила за ней с таким азартом, болела, ясное дело, за Серёжю. Но это был недостижимый кумир. Поэтому приходилось довольствоваться Володей Филипповым или, что лучше, Лёней Кобзевым.

Прошло больше 70 лет. Два года тому назад я получаю письмо от незнакомого человека: «Меня зовут Георгий. Я внук Бекташянц Георгия Леоновича. Напишите, пожалуйста, о Бекташевых, Леоне и Сергее. Что вас с ними связывает?» Я подробно ответила и получила письмо от Марии Забцевой, правнучки Леона Сергеевича. Она писала, что моё

письмо потрясло всю их семью, выслала мне фотографии Серёжи и Гоги, я послала им свои, и с тех пор мы постоянно переписываемся с Машей. Она певица, вместе со своим мужем Алексеем Гоманом победила в конкурсе «Народный артист», пела в группе N.A.O.M.I., а теперь родила очаровательную дочку Александрину и пока не работает, но готовит себя к тому, чтобы стать сольной певицей. От всей души желаю удачи этой красивой девушке, которая, как мне кажется, унаследовала все замечательные качества своих дедушек и бабушек!

В школе мы жили весело. Сначала я была обескуражена тем, что ничего не понимала в новом предмете – алгебре. К началу занятий я опоздала и не могла понять, что за буквы такие появились в математике. Потом мне объяснили, и дело пошло на лад. Училась я всегда хорошо. Но не уроки, конечно, остались в памяти, а совсем другое – вечера, танцы, поездки агитбригады по колхозам. Набьёмся в розвальни всей нашей «труппой», закутаемся покрепче и едем по снегу и морозу в какую-нибудь деревню. Там при свете керосиновых ламп в клубе, а иногда и просто в избе, читаем стихи, танцуем и поём. Репертуар у нас был какой-то невесёлый. Пели «Лучинушку», некрасовское «В полном разгаре страда деревенская», какие-то унылые, жалостливые песни. Да неважно! Что бы мы ни пели, всё пользовалось успехом. В этих деревнях и радио-то не было, не говоря уж о кино. Слушатели были невзыскательны и всегда нас благодарили.

Дома был приёмник на батарейках, и дядя Рома ловил какую-нибудь заграничную музыку, французскую или немецкую речь. Как это было интересно! Ведь граница была не только на замке, а за семью замками! Думаю, были бы неприятности, если бы соответствующие органы прослышали об этом приёмнике. Но в Мелеузе никто особенно за нами не следил. Взрослые раз в 10 дней ходили отмечаться в местный отдел НКВД, и этим контроль за высланными ограничивался.

Жили мы в деревянном доме, довольно просторном, с печным отоплением. Топили кизяками (прессованный навоз с соломой), соломой и растапливали. Она так красиво вспыхивала, ярко горела и моментально прогорала. По выходным дням в другом селе проходили базары. На них продавали всякую живность, дичь, мясо, молочные продукты. Молоко было очень жирным, а сметана такой густой, что в ней ложка стояла. То и другое было чуть горьковатым от полыни, которой питались коровы. С весны степи покрывались буйной травой, тюльпанами, а летом всё выгорало, оставалась одна полынь. Но к горьковатому привкусу можно было привыкнуть, и никогда раньше мы не ели так много масла и сметаны, как там. Дядя Рома и тётя Лида работали в амбулатории, больницы там, кажется, не было. Зарабатывали достаточно на наше пропитание. Плохо было с сахаром, но его присылали Маршаки. Однажды посылка вся пропахла бензином, и её содержимое пришлось выбросить. А кроме сахара там были ещё какие-то вкусные вещи. Мы очень жалели испорченное!

Дядя Рома ловил рыбу на реке Белой, иногда брал меня с собой. Однажды он принёс большую щуку и положил в тазик. Я решила посмотреть, какие у неё зубы, и она здорово тяпнула меня за палец. Была ещё долго жива!

В Мелеузе я научилась кататься на велосипеде, но своего велосипеда у меня не было, и это умение мне больше не пригодилось. Помню такой случай: мне сшили новое летнее платье, событие нечастое и очень приятное. Я его надела, погуляла-погуляла, дело было 1 мая, и решила вернуться домой. Клуб, откуда я шла, был обнесён изгородью. Через ворота идти было далековато, чтобы сократить путь, я полезла через забор. И – о ужас! – повисла на остром колышке, вырвала из нового платья большой клочок. Жалко было до слёз! Ну и влетело, конечно.

Вот так мы жили в Мелеузе, и, как я уже писала, это были не худшие времена. В Ленинграде жилось голоднее. Да и приволья такого не было. Это, конечно, мои тогдаш-

ние ощущения. Кроме того, при всей жестокости и несправедливости самого факта высылки, впоследствии выяснилась положительная сторона. Останься мы в Ленинграде во время войны, вряд ли бы пережили блокаду.

Во Владимире

Переезд поближе к центру

Взрослых, конечно, угнетала оторванность от цивилизации, от знакомых мест, от родных и друзей. О нашем возвращении хлопотал Илья Яковлевич Маршак. К этому времени их семья уже переехала в Москву, и жили они так, как немногие в то время: шикарная квартира, персональная машина с шофёром, дача в Звенигороде. Книги, написанные М. Ильиным и популяризировавшие социалистический образ жизни, сыграли свою роль. Их охотно переводили на Западе. М. Ильин был в фаворе и мог позволить себе заступиться за семью «врага народа», ничем не рискуя. Благодаря его помощи мы смогли осенью 1938 года покинуть Мелеуз и перебраться ближе к центру. Пять городов – Москва, Ленинград, Киев и ещё какие-то два – были для нас закрыты. Дядя Рома выбрал для проживания Владимир – это 180 км от Москвы.

Сереньким осенним днём мы подъезжали к новому месту жительства. Из окна поезда видна была возвышенность, по которой лепились деревянные дома, промелькнул красивый собор наверху, крепостная стена, и поезд остановился. Я была в полном недоумении – мы ехали в город, а попали в какую-то деревню. Выросшая в Ленинграде, я не представляла себе, что в городе могут быть деревянные дома. На площади перед вокзалом стояли извозчики, на подводу одного из них мы погрузили наши пожитки, сели сами, и лошадь потащила нас в гору. Так начинался новый этап нашей подневольной жизни.

Вид центральной улицы несколько успокоил меня – на ней были каменные здания, и некоторые даже были красивые. В одном из угловых домов помещалась гостиница, ко-

торая дала нам приют на несколько дней. Дядя Рома занялся поисками квартиры и работы, а я вместе с бабушкой – поисками школы. И то и другое в результате оказалось рядом, на улице Горького. Она раньше называлась Юрьевской, но какой же город мог обойтись без улицы Горького! Здесь стоял двухэтажный деревянный дом, который принадлежал Николаю Васильевичу Гончарову и его сестре Марии Васильевне. Мария Васильевна имела две комнаты на первом этаже. Одну комнату она сдала нам с бабушкой, а дядя Рома с тётёй Лидой поселились наверху во владениях главного хозяина дома.

Николай Васильевич Гончаров имел когда-то магазин, а может быть, и не один, но, конечно, всего лишился, и дом стал единственным остатком прежней роскоши. Он был красивым пожилым мужчиной, довольно властным. Его жена, ничем особенным не примечательная женщина, играла в доме незаметную роль. В этом было что-то от Домостроя, от традиционного купеческого быта. Гончаровы имели троих детей – красавицу Наташу, полную тёзку пушкинской жены, и сыновей Всеволода и Николая, тоже довольно интересных молодых людей. Наташа была замужем за Юрием Дмитриевичем Кирьяновым, у них были две дочки, а при нас родилась и третья. Их звали Ирина, Людмила и Ольга. Юрий хорошо играл на гитаре и пел цыганские романсы. Девочки были прехорошенькие, одна другой лучше. Чем занимался их отец на работе, я не знаю, но дома он вечно что-то мастерил. Кажется, он был электриком, но большого образования не имел, как и Наташа и её братья. В пределах техникума, не больше. И всё же семья Гончаровых производила впечатление интеллигентной. У них было много книг, которые, правда, покоились на «вышке» (помещении типа мансарды). Наверное, были читаны, листы их были разрезаны, а иногда какая-нибудь из книг оказывалась в руках хозяев, реже – их детей.

Со временем меня допустили на эту «вышку». Там были россыпи соковиц; комплекты старой «Нивы», романы Сер-

гея Соловьёва, Мережковского, Мельникова-Печерского. В нашем ленинградском доме этого не было. Там остались Гоголь, Пушкин, Гончаров и другие классики. Томик стихов Брюсова дядя Рома возил с собой, и он сейчас хранится у меня. Символистами дядя мой увлекался и сам пописывал стихи. Кое-что я уже знала. Здесь же были совершенно новые для меня имена, и я с жадностью набросилась на романы, иногда в ущерб урокам.

Дом был, как теперь бы сказали, без удобств. Уборная помещалась на холодной лестнице на втором этаже, и зимой приходилось туго. Водопровода не было. Воду носили вёдрами из колонки. Это входило в услуги, за которые взималась квартирная плата.

Со всеми Гончаровыми установились хорошие отношения. Каждое воскресенье Мария Васильевна пекла булочки, ставила самовар и приглашала нас с бабушкой к столу. Булочки были восхитительными, до сих пор помню, как они выглядели. Теперь, может быть, я бы такие есть не стала, но тогда при скудном рационе они казались изысканным лакомством. Наташа тоже иногда угощала пирогом с капустой. Николай, младший из братьев, начал усиленно за мной ухаживать и даже года через полтора сделал мне предложение. Мне как-то неудобно было отказать, и я ответила согласием, думая, что всё равно это будет не скоро. Но сердце моё было занято другим. Опрометчиво данное обещание долго мучило меня, а потом Колю призвали в армию. Он уехал в Наро-Фоминск, писал оттуда письма, я отвечала, но вздохнула с облегчением. За время его службы много воды утекло, а потом война началась, которая, слава богу, его пощадила. Лет через десять, уже женатый, он при встрече просил меня выполнить данное когда-то обещание. Но и я уже была замужем.

Я частенько забегала к Наташе, где меня привлекали девочки и гитара Юрия Дмитриевича. Наташа меня любила и немного эксплуатировала, иногда поручая присмотреть за девчонками. Я не отказывалась.

А дядя Рома «положил глаз» на Наташу. Он был совершенно неисправимый донжуан и при такой красивой и умной жене, которую действительно сильно любил, умудрялся заводить шашни на стороне. С Наташей была договорённость, что она будет убирать их комнату, потому что тётя Лида такими вещами сама не занималась. И однажды она застала своего мужа и Наташу в каком-то «криминальном» положении. От меня, естественно, всё скрывали, только помню, что был грандиозный скандал. Юрий почему-то оставался в стороне от этих событий и сохранял нейтралитет. Он был спокойный человек, мне нравился он, а особенно – его гитара.

Дядя Рома и тётя Лида работали в больнице, которая называлась «Красный Крест» и помещалась на нашей улице через несколько домов. С деньгами и с питанием было очень неважно, и я помню, как тётя Лида за завтраком съедала несколько кусков сахара, чтобы поддержать себя на время работы. Сахар, видимо, был того же происхождения, что и в Мелеузе, то есть присланный Маршаками. Пределом наслаждения для меня были сто граммов подушечек, которые можно было купить за десять копеек в лавке через дорогу.

Продукты в основном покупали на базаре, где продавалось молоко в четвертях – больших бутылках литра по три, даже немного больше. В таких бутылках потом дядя делал вишнёвые наливки из замечательной владимирской вишни. На рынке продавали много мёда. Иногда бабушка ходила за мясом. Но всё было как-то ограничено.

В связи с выходами бабушки из дома вспомнилась одна деталь. Бабушка никогда не носила платков, что было обычно для пожилых владимирских женщин. У неё были какие-то шапочки, на которые заглядывались прохожие. Это бабушку очень сердило. «Что они смотрят? На мне что, узоры нарисованы?» – говорила она.

Большинство владимирских деревянных домов утопа-

ло в вишнёвых садах. Расположенный на холмах, город хорошо обозревался с возвышенных мест и в пору цветения садов стоял как молоком облитый. И у нашего дома был сад с вишнями, яблонями и сливами. Сидишь там, бывало, учишь какую-нибудь физику и пощипываешь вкусные яблоки с самого лучшего дерева.

Новая школа, новые друзья

Моя школа находилась на улице Луначарского, совсем близко от дома. На углу Горького и Луначарского стоял деревянный дом, в котором жила Тоня Леншева, рядом – внушительное здание рабфака, во дворе которого жила Нелли Гейнцельман с бабушкой (мать её тоже была репрессирована). Потом ещё пара домов и наша школа. Теперь она называется гимназия № 3.

Я пришла в 8 класс, опять повторился ритуал с разъяснением фамилии и знакомство с ребятами, которое не осталось в памяти. Видимо, прошло гладко. Первыми моими подругами стали Тоня Леншева и Нелли Гейнцельман. Позже я подружилась с Верой Миртовой. Она жила на улице Воровского, 17, в уютном деревянном доме с садом, спускавшимся с горы вниз, как в «Обрыве» Гончарова. Дом принадлежал Вериной тётке Валерии Андреевне, сестре её отца, который разошёлся с Вериной матерью и жил в Ленинграде. У Веры был брат Андрей, впоследствии доктор медицинских наук, лауреат Государственной премии. Когда я появилась во Владимире, он находился в какой-то северной экспедиции с отцом и поэтому отстал от нас в учёбе на год. Они с Верой были близнецами.

В доме пахло стариной. Красивые вещи, фотографии в рамочках, вышивки, книги, ноты, дверь, раскрытая летом на веранду, в сад, рояль, на котором Вера играла «Лунную сонату» или что-нибудь попроще. Всё это мне безумно нравилось, я любила там бывать, любила разговаривать с Валерией Андреевной, всегда одетой и причёсанной на старинный

лад, с гостеприимной и остроумной Лидией Петровной, Веринной мамой. Любовалась другой её тёткой, удивительно красивой Еленой Петровной.

Реже бывала я у другой закадычной подруги, Аги Ошурковой. Она жила далеко, да и с родителями её у меня как-то не было контакта, такого, как с Миртовыми. Тонина мама была медсестрой, отца её помню смутно. Во время войны мать была на фронте и присылала дочке посылки с заграничными вещами. Кофточки, платья, бельё потом появлялись на Тоне, и нам было так интересно разглядывать эти свидетельства чужого, незнакомого нам быта. Сейчас Тоня живёт в Москве, Вера – во Владимире, Ага умерла совсем молодой. Самая красивая из нас и, пожалуй, самая благополучная, успевшая дважды побывать замужем: сначала за Героем Советского Союза, лётчиком Виталием Ивановым, а затем за киевским профессором. Нелли Гейнцельман куда-то исчезла. До нас доходили слухи, что она живёт в Прибалтике. Пробовали ей писать, разыскивали её, но безуспешно.

Все трое, кроме Нелли, мы поочередно были влюблены в Шурку Шнейдмана. Некрасивый, лопоухий, высокий еврейский мальчик покорял нас своим умом и каким-то особым обаянием. А главное, видимо, тем, что ни одной из нас он не отвечал взаимностью. Попеременно больше дружил то с одной, то с другой, но долго никого не дарил своим расположением. И только в конце 10 класса выделил среди нас Тоню Леншеву, которая и сама была влюблена в него без памяти. У них завязался роман, но недолгий. Началась война, Шурку забрали на фронт, оттуда он уже не вернулся.

Года два назад я получила неожиданное письмо от Саши Полякова, ученика владимирской гимназии № 3, участника поисковой группы «Лыбедь». Это письмо пролило свет на последние дни моего замечательного друга. Ребята специально поехали в Калининград, чтобы посетить место его гибели. Побывали в городе Балтийске, бывшем Пиллау, где воевал и мой муж, рассказывавший мне о взятии Кёнигсберга, за что был награждён медалью. Раньше там была фашистская военно-морская база, которую из последних сил обороняли

немцы. Здесь и был смертельно ранен пулей снайпера Шура и, по рассказам очевидцев, сохранял самообладание и даже шутил. Его товарищи и не думали, что он умрёт. Но они ошиблись. Шуру отправили в госпиталь в п. Русское, где он вскоре скончался. «Наверное, это был человек храбрый и с большой душой», – так завершал свой рассказ Саша Поляков. И он был абсолютно прав. А Тоня вышла замуж за Диму Головина, товарища по институту связи, где оба они учились.

С теплотой и любовью

Владимирский период моей жизни, владимирскую школу, владимирских друзей я вспоминаю с самой большой теплотой и любовью. С Тоней, Верой, её братом Андреем остались прекрасные отношения. Андрея, правда, уже нет на этом свете. Очень жаль!

У нас был отличный класс и замечательный классный руководитель Алексей Александрович Попов, математик, в просторечии «Нутик». Прежде чем вызвать намеченную жертву к доске, он произносил раздумчиво «Ну-те-с...», что и явилось основанием для прозвища. Математику мы все знали отлично, он интересно и доходчиво объяснял, был строг, но справедлив.

Литературу вёл Александр Павлович Воскресенский, из духовного звания. Он звёзд с неба не хватал, и только моя собственная любовь к литературе помогла не разочароваться в этом предмете. Хорошо, что мы много учили наизусть и что он любил давать свободные темы для сочинений типа «Рецензия на понравившуюся мне книгу». Помню, я писала о «Дикой собаке динго» Фраермана и получила оценку «отлично»

Химию преподавала Елена Арсентьевна, строгая дама, всегда подтянутая, методичная. Химию я не любила, не понимала, как решать задачи, но умудрялась иметь пятёрку, как и по всем другим предметам.

Была в школе забавная пара – отец и дочь. Наркис (читай – Нарцисс!) Иванович преподавал географию, был глу-

хват, совершенно не владел классом, и на его уроках творилось что-то невообразимое. Мы с Нелькой ездили на парте по всему классу и чуть ли не в полный голос подсказывали товарищам, которые мучились у карты. Сведения черпались из учебника Баранского, потому что в наших головах их тоже не было. Долго география оставалась для меня *terra incognita*, что возмущало моего дядю, который сравнивал меня с Митрофанушкой, полагавшим, что география не нужна вообще, потому что извозчики довезут, куда нужно. Он повесил над моей кроватью большую карту мира, но и она не вызывала у меня интереса. Ксения Наркисовна преподавала физику и астрономию тоже без особого успеха.

Что-то непонятное творилось с учителями истории. В 10 классе уроки вела вузовская преподавательница, кандидат наук, которая, видимо, была сослана во Владимир. Это были довольно заумные лекции. До этого в течение короткого времени был молодой учитель, в которого я не замедлила влюбиться. Как его звали, не помню, но помню, что я теряла дар речи в его присутствии. Когда он первый раз вызвал меня к доске, я молчала как рыба, только расстёгивала и застёгивала пуговицы на кофточке, а ведь урок знала и ответить могла. Видимо, у него создалось впечатление, что я беспробудная дура. Поэтому, когда было задано на дом составить конспект ленинской работы «Очередные задачи советской власти» и я выполнила задание со всем старанием, он не поверил, что я сделала это сама. Выдав все работы, он оставил мою напоследок, вызвал меня к столу и спросил, кто написал этот конспект. Когда я ответила, что это моя собственная работа, он стал допытываться, как я её выполняла. Я, видимо, ответила толково. Работа была мне выдана. Там стояла оценка «отлично».

Как кошмарный сон вспоминаю уроки труда, на которых мы что-то пилили, строгаги, работали и с деревом, и с металлом, и ни с тем, ни с другим у меня ничего не получалось. Легко давался мне немецкий язык, но имя учительницы я начисто забыла.

В 8-м или 9-м классе нас принимали в комсомол. Первая попытка у меня была неудачной. Меня отвергли как дочь «врага народа». Не скажу, что это было для меня ударом, но как-то неудобно было оказаться вне этой организации, когда мои товарищи теперь в ней состояли. Никаких попыток изменить ситуацию я, между тем, не предпринимала. За меня обиделся и стал мне помогать Шурка Шнейдман. С его стороны это был смелый поступок. Такое заступничество могло бросить тень на него самого. Но он оказался храбрым и порядочным мальчишкой. Собрав вырезки из газет, где говорилось об отношении Сталина к молодёжи, и присовокупив его известный афоризм «сын за отца не отвечает», он выступил на следующем комсомольском собрании в мою защиту и, несмотря на сопротивление старшей пионервожатой, переломил настроение. Проголосовали «за», и я стала комсомолкой, как и все.

Парадоксы жизни

Парадоксы тогдашней жизни проявились в эпизоде, который доставил мне немало переживаний. Через некоторое время меня вызвали в горком комсомола, провели в отдельную комнату и познакомили с молодым человеком, довольно симпатичным. Но все симпатии улетучились, когда выяснилось, зачем меня пригласили. Он стал меня уговаривать шпионить за моими товарищами, особенно за Тосей Ленерт, которая была из прибалтийцев, а жила на нашей улице. Я совершенно растерялась, стала отказываться, как могла: меня одну никуда не пускают, у меня очень строгая бабушка, как можно доверять такое поручение мне, дочери «врага народа»? Моя обязанность как советского человека в любом случае сигнализировать об антисоветских настроениях и поступках – зачем же такие специальные поручения? Ничто не возымело действия, и я должна была дать подписку о неразглашении происшедшего разговора. Даже получила какую-то кличку на случай письменного доноса. Всю дорогу домой меня била лихорадка, но я ничего не сказала своим

родным, как и мама когда-то.

А с субъектом этим я должна была периодически встречаться и информировать его о своей «деятельности». Это представляло немалую трудность. Бабушка действительно не разрешала мне никуда ходить, кроме моих подруг. Надо было что-то сочинять. В городском парке Липки проходили наши конспиративные встречи, во время которых я уверяла своего собеседника, что все мои школьные товарищи, в том числе и Тося Ленерт, вполне лояльны по отношению к советской власти и даже дико было бы подумать, что это не так. В конце концов он понял, что ничего от меня не добьётся, и перестал выпытывать, но встречи назначал. Наверное, чтобы оправдаться перед начальством... А потом мне показалось, что ему просто нравится со мной встречаться и разговаривать. Постепенно это дело сошло на нет, уж не помню даже как. Наверное, из-за окончания школы и начала войны. Словом, отделалась лёгким испугом. Но как неприятно было чувствовать себя шпионом среди своих товарищей, хотя ни при каких условиях я бы их не подвела, случись мне даже услышать нечто «антисоветское».

Так далеко от политики

Но мы были так наивны, так далеки от политики, а пожалуй, и так запуганы, что никогда на эти темы не разговаривали. Учились, влюблялись, развлекались – ходили в кино и друг к другу. Никогда не забыть мне тёплые душистые вечера в садике Щиченковых на улице Воровского. Благоухают флоксы и табак, на столе стоит патефон, который поёт голосом Козина, Шульженко или Изабеллы Юрьевой. Вася Щиченков, высокий, красивый, в морской форме, брат нашего одноклассника Мишки, приехавший в отпуск, приглашает танцевать Агу. Мишка танцует со мной, Юра Паршенков с Верой Миртовой, Шурка Шнейдман с Тоней Леншевой. Пламенное желание Тони на сей раз осуществилось – Шура пришёл сегодня, хотя не всегда бывал у нас. Но самая замечательная пара – это Ага с Васей. Сколько надежд, душевного

трепета, тайных желаний! Как прекрасна юность и как далека и невозвратна! И не думали мы тогда, какая беда к нам подбирается, навеки связываясь для меня с песней «Вставай, страна огромная!».

В холодные зимние вечера собирались у Паршенковых, танцевали всё под тот же патефон, играли во «флирт», совершенно дурацкую игру: посылали друг другу карточки с названиями цветов и всякими изречениями, из которых хотелось извлечь тайный смысл. Наверное, современным десятиклассникам всё это покажется детским садом, но мы были так целомудренны и наивны, что даже поцелуй считали ко многому обязывающим. У многих моих сверстников такие представления задержались надолго. Так, через много лет Тамара Беседина, уже мать двух дочерей, наставляла не помню кого: «Никогда не давай поцелуя без любви».

Разрыв Лиды и дяди Ромы

Дни шли за днями. Дома у нас разыгралась драма: тётя Лида, не выдерживая тягот провинциальной жизни и дядино нездоровья, стала частенько уезжать в Москву к сестре. Тётя Лена с дядей Люсей и к нам приезжали однажды. Помню, как я гуляла по Владимиру с Ильёй Яковлевичем и он рассказывал мне об истории города, о Дмитровском соборе, который считал шедевром старой русской архитектуры, а я его не понимала, потому что мне гораздо больше нравился нарядный, массивный Успенский собор. Эта прогулка много мне дала и в плане понимания литературы, поэзии. Мы читали друг другу любимые стихи, и как легко и неожиданно был низвергнут с пьедестала мой кумир Игорь Северянин с его поэзами, причём низвергнут навсегда!

В этот раз они увезли тётю Лиду с собой, потом она снова к ним поехала, жила у них на даче и там познакомилась с Владимиром Павловичем Покровским, своим третьим и последним мужем. Видимо, это знакомство и помогло ей сделать последний шаг – оставить дядю Рому. Как она уезжала и прощалась с нами, я не помню. Бабушка, наверное,

в душе мрачно торжествовала, что не обманулась в своих худших ожиданиях относительно этого союза. Но ей было свойственно относиться критически к выбору своих детей, а потом и к моему, о чём я ещё расскажу.

Для моего дяди разрыв с женой был ударом, от которого он долго не мог оправиться. Я видела, как он бился головой о стену в буквальном смысле этого слова. При всех многочисленных романах в его жизни тётя Лида стояла для него на особом пьедестале. Однако и это сильное чувство не помогло ему. Хотя впереди было ещё столько испытаний, что вряд ли эта женщина, в общем, избалованная и эгоистичная, выдержала бы их. Хотя я знаю, она сама мне об этом потом говорила, дядю моего она очень любила.

Бабушка и произведения портновского искусства

Вспоминая всё это, я теперь понимаю, как несладко жилось моей дорогой бабушке. Общаться ей было не с кем, кроме хозяев дома. Все домашние заботы лежали на ней, только стирку отдавали. Но и готовка еды требовала немало усилий в тех примитивных условиях, где не было ни водопровода, ни газа, были только керосинки. И был это всё-таки чужой дом, где чувствовать себя полной хозяйкой она не могла. Держалась из последних сил. Как-то ночью у неё случился приступ грудной жабы, или, как теперь говорят, стенокардии. Прибежали сверху дядя с тётей, чем-то помогали. Она задыхалась, и мне было очень страшно. Я так любила свою бабушку!

Как ни странно это звучит сейчас, всё же скажу: она ходила на все школьные вечера, где мы выступали, кто как мог, а потом танцевали. Однажды, когда я отплясывала с Васькой Зуевым, она очень смеялась и говорила: «Он таскал тебя, как чёрт грешную душу по аду». Со всеми учителями она была знакома, и они её очень уважали. Меня, конечно, её присутствие стесняло, но что я могла поделать?

Все мои подруги постоянно бывали у нас дома, дядя Рома находил прелести у всех троих. Ему нравилось хорошенькое личико Аги, стройная фигурка Веры и даже небольшая косоглазость Тони казалась ему пикантной. А бабушка принимала их как родных. Они и до сих пор её помнят, хотя со времени её смерти прошло 50 лет. Только в 10-м классе она мне разрешила ходить в кино с моими друзьями, а до этого всегда сама ходила со мной. Видимо, впечатление от тёмного зала мелеузовской школы, где она застала меня с мальчишкой, долго не давало ей покоя.

Помню, как мне хотелось понаряднее одеться, но никаких возможностей для этого у меня не было. Какую-то вязаную кофточку отдала мне тётя Лида, но этого было так мало! Хотелось чего-нибудь модного. И я взялась перекраивать бабушкин халат, комбинируя его с какой-то ерундой. Надеть это произведение портновского искусства было невозможно...

Маршаки подарили мне на пальто искусственный мех, из которого получилась хорошенькая шубка. Уже после окончания школы, во время войны, я её испортила. Каталась на финских санках по Ерофеевскому спуску и упала в лужу нечистот, которые стекали из госпиталя, стоявшего наверху. Дома, пока не было бабушки, я кое-как замыла измазанную полу и, чтобы скрыть «преступление», стала сушить её утюгом. Я не столько боялась бабушкиного гнева, сколько не хотела её расстраивать. Скрыть правду, конечно, не удалось, да и шуба потеряла свой привлекательный вид.

На школьный вечер до зарезу нужны были хорошенькие туфельки. Под кроватью тётя Лиды стояла обувная коробка с выходными модельными лодочками, почти новыми. Никого не спросив, я достала их, надела и пошла на вечер. Может быть, это был и не вечер, потому что без бабушки бы не обошлось. Но её не было.

Надо же такому случиться (а это правильно: всё тайное становится явным!) – я сломала каблук. Трагедия! Придётся признаться и выслушать справедливые, но неприятные нотации. Лихорадочно ищу выход из положения и вспоминаю,

что на нашей улице живёт сапожник. Бегу к нему, объясняю, умоляю, и к вечеру туфли водворяются на место. И ничего не заметно! Сапожник оказался настоящим мастером своего дела. Думаю, что теперь таких нет. А тётя Лида так ничего и не узнала. Если такие мелочи всплывают в памяти, видимо, они вызывали немалые переживания.

Два дня до войны

Мы тогда каждый год сдавали экзамены, но вот настала пора выпускных. Мы кончали школу. Первый экзамен, конечно, сочинение. И я выбираю тему – что-то вроде «Образ товарища Сталина в творчестве народов СССР». Сулейман Стальский, Джамбул Джабаев, какие-то русские поэты... Бери любого – не ошибёшься: почти все тогда славили вождя и учителя. Пишу, вспоминаю. Множество восторженных эпитетов, цитаты. Тема благодарная: «Сталин – наша слава боевая, / Сталин нашей юности полёт...» Ошибок нет, тема раскрыта. Сочинение заслуживает отличной оценки, но комиссия обращает внимание на то, что имя нашего кумира не сопровождается словом «товарищ». Просто Сталин. И всё. Как я потом узнала, долго пришлось нашим учителям отстаивать моё право на пятёрку, но им это удалось. В результате после всех экзаменов мне выдали аттестат с отличием.

К выпускному вечеру мне было шито довольно скромное светлое платье из какого-то вязкого материала. Это сейчас вискоза в большой цене, а тогда ценились натуральные ткани. У Веры Миртовой, например, было очаровательное маркизетовое платье в крупную розовую клетку. А у меня какая-то полосатая вискоза. Все мои подруги были одеты более нарядно, но я особенно не огорчилась. Главное – окончена школа и наступила свобода! Сестра Юры Паршенкова была командирована в Москву за продуктами. Выпускной получился на славу! Мы пировали, танцевали, веселились. Это было 19 июня 1941 года. До войны оставалось два дня...

«Говорит Владимир»

День 22 июня перечеркнул многие планы, в том числе – моё поступление в Ленинградский университет на факультет журналистики. Я считала, что университет уже «у меня в кармане». Ведь я могла поступать без экзаменов. Сначала казалось, что это ненадолго, но вскоре стало понятно, что шапками закидать немцев не удастся. Начались тяжёлые времена.

Комсомольцев мобилизовали на строительство тракторного завода, которое началось до войны, но теперь перепрофилировалось на военные нужды. Сначала мы возили тачки с песком или кирпичами, потом я получила повышение и стала контролировать количество ездов, сделанных водителями грузовых машин. От этого зависел их заработок. Должна покаяться, что иногда выдавала больше талонов, чем следовало, особенно понравившимся шофёрам. Из Бессарабии пригнали ребят для работы на строительстве. Красивые, молодые, плохо одетые, с некоторыми приметам национальных костюмов, едва понимающие русский язык, они всё же произвели на нас впечатление. Образовались пары, завелись романы. Моего избранника звали Кима (Баран Яким Иванович), он очень хорошо целовался...

Наступила поздняя осень, землю развезло, обуви подходящей не было, да и одежды тоже. Надо было как-то выбираться с этой работы. Бабушка настаивала, а мне не очень-то хотелось. По-моему, главным образом из-за Кимы. Но пришлось уйти, и тогда встал вопрос, что делать дальше. Вера Миртова устроилась в госпиталь лаборанткой. Тоня Леншева сразу поступила в институт в Москве. Ага поступила в институт инженеров водного транспорта в Горьком (Нижнем Новгороде), но вскоре бросила, ей не понравилось там учиться. Работала где-то на вокзале. Все наши друзья и знакомые эвакуировались. Маршаки сначала поехали в Казань, потом в Алма-Ату. Тётя Лида была в Карагандинской области. Тамара Константиновна с маленькой Лорой и Адой – в селе Золотом Саратовской области. Моя ленинградская подруга Нёня

– в Ашхабаде. Обстановка становилась всё более мрачной. Удручающее впечатление произвёл один «знаменательный» день, 16 октября, когда эвакуировалась Москва. По улице III Интернационала, главной в городе, двигался нескончаемый поток машин. Медленно ползли они одна за другой, с вещами и людьми, не давая возможности горожанам перейти с одной стороны улицы на другую.

Всё чаще объявляли воздушные тревоги, и мы с бабушкой бежали в какие-то канавы за домом. Жили мы в то время уже в кирпичном доме на Первомайской улице: дядя Рома получил квартиру от химзавода, где заведовал врачебным пунктом. Оттуда он иногда приносил спирт, а с хлебозавода, где у него была аналогичная работа, – раз в неделю буханку хлеба. Это была легальная плата за работу. На карточки служащим и домохозяйкам давали по 400 граммов хлеба в день. Благодаря дядиной «дотации» нам удавалось иногда буханку сэкономить, и я продавала её на рынке за 100, а может, и за 200 рублей. Это считалось спекуляцией и было очень опасно. Однажды какая-то тётка завела меня в подворотню, якобы подальше от глаз милиционеров, отдала мне 3 рубля и забрала хлеб. Защиты искать было не у кого. Здесь, на рынке, ко мне пристала как-то цыганка. Как я от неё ни отбояривалась, она выманила у меня порядочно денег после того, как я сказала, что меня зовут Ирина и что у меня где-то далеко находится мать. Да! Она и не подозревала, насколько далеко... Но я поверила в её ясновидение, однако больше никаких откровений от неё не услышала.

Надо было искать работу. Кто мне помог, как всё это произошло, я не помню. Но работа нашлась – диктором Владимирского радиовещания. Я прошла на этой работе три ступени: диктор – литсотрудник – редактор «Последних известий». Работа была как раз по мне, ведь я хотела быть журналистом. Ещё работая диктором, я стала собирать и оформлять материалы для передач. Договаривалась с видными людьми города о выступлениях по радио. Помню, как сидел перед микрофоном горвоенком (полковник, кажется,

но не уверена) Борис Ефимович Романов. Этот военный муж весь взмок от волнения и постоянно вытирал пот. Потом мы стали с ним друзьями, он относился ко мне по-отечески и даже с некоторой нежностью. Однажды, когда я заболела, прислал мне с ординарцем буханку белого (!) хлеба. Во время войны это был драгоценный дар. А когда пришла пора призывать моих товарищей Андрея Миртова, Мишу Щиченкова и Васю Зуева, послал их не на фронт, а определил в Военно-морскую медицинскую академию. Все трое с успехом её закончили. Миша стал окулистом, Вася хирургом, Андрей – доктором медицинских наук.

Когда я стала литсотрудником, круг моих знакомых расширился. Причём, всё это были «шишки на ровном месте»: первые секретари горкома и райкома, директор завода «Автоприбор», партийные и комсомольские секретари химзавода, опытного завода прецезионного оборудования (ОЗПО), комиссары госпиталей. Были и простые рабочие, отличившиеся на производстве, были и колхозники. Я брала у них интервью, приглашала в студию. Так я познакомилась с театральными деятелями, особенно с директором Ивановской оперетки, которая гастролировала во Владимире, Израилем Яковлевичем Кицисом. Он очень красиво ухаживал, говорил, что в моём присутствии становится лучше и чище, и ещё подобную белиберду, которую в таких случаях говорят мужчины. Я была совершенно неискущённой в таких делах и охотно верила, что он не женат, верила вообще всем его уверениям. Я была обеспечена контрамарками на все спектакли, и не раз мы с бабушкой восседали в первых рядах нашего театра. Однажды после премьеры «Сильвы» он пригласил меня с несколькими актёрами отметить премьеру в гостинице, где снимал номер. Как-то незаметно присутствующие рассосались, он закрыл дверь на ключ и решил доказать мне свою «любовь» на деле. Я отбивалась руками и ногами и сумела отстоять свою девственность. При этом улетучились все поэтические чувства, которые привлекали меня к этому человеку.

Почему-то в то время в поклонниках у меня состояли женатые мужчины. Но все вели себя благородно. Один из них был Иван Иванович Мирский, первый секретарь владимирского горкома партии. Под видом необходимости держать в курсе всех событий службу радио он возил меня по разным предприятиям – мне подавалась машина. На всех совещаниях я со своим блокнотом сидела впереди, а он не отрываясь смотрел на меня. Я чувствовала себя страшно неудобно, боялась, что кто-нибудь заметит его исключительное внимание ко мне. Но его, видимо, это не смущало. Иногда он провожал меня домой, мы шли пешком. Он ни на что не претендовал и только однажды дал понять, чего он от меня хочет. В это время наши войска стали освобождать от немцев города, и партийных работников посылали налаживать жизнь в освобождённых районах. Ему это тоже предстояло, и он прямо спросил меня: «Поедешь со мной?» Я, естественно, отказалась. Но он ещё долго оставался во Владимире и, когда я решила поступать в университет, пытался меня задержать. Это было в его власти. Тогда я официально пришла к нему на приём и всё объяснила, он дал согласие на то, чтобы меня уволили с работы. Я его всегда вспоминаю добром, как и горвоенкома Романова, как и заведующего ЛИТО (литературно-издательского отдела) Бориса Владимировича Виноградова, к которому бегала визировать передачи. Со временем он перестал их читать, только спрашивал, о чём идёт речь, и подписывал, хорошо понимая, что никаких военных тайн я не разглашу и антисоветчины не выдам. Однажды он мне сказал, что мне надо вступить в партию. Это было так неожиданно и так не нужно! Я обещала подумать. Дома мне сказали, что отказываться в моей ситуации нельзя и что это поможет мне в дальнейшем. Не знаю, насколько помогло, в чём-то даже осложнило жизнь, но, действительно, дочь «врага народа» не могла ответить отказом на проявленное доверие. И меня приняли кандидатом. Когда Владимир стал областным городом и редак-

ция радиовещания расширилась, меня назначили редактором «Последних известий», но на этом посту я пробыла недолго – уехала учиться.

Решение это было не простым. Я так была увлечена работой, мне так понравилось быть в центре внимания и в курсе жизни города, меня хвалили как журналиста. О деятельности нашего маленького коллектива – «редактор В.Ф. Сокова, литературные сотрудники А. Левговд и Ира Шоофс» – писала газета «Призыв» 30 июня 1943 года, по случайности в день, когда мне исполнилось 20 лет. Приведу отрывок из этой статьи, стилистические обороты и язык оставим на совести автора:

«За год организовано 280 вечерних выпусков, всего прочитано 2005 корреспонденций. С октября прошлого года широко используется особо активная форма – тематически направленные радиопередачи и авторские выступления у микрофона. Прочитано 44 передачи и 141 выступление. Кроме того, дано 144 очерка и рассказа о героях фронта и тыла.

Наше радиовещание и по форме, и по содержанию считается лучшим в области. Работа редколлегии отмечена областным комитетом радиовещания. Лучшими организаторскими и литературными данными обладает Ира Шоофс. Она и лучший диктор радиовещания».

В этой же газете появлялись мои материалы. Сохранились заметки о концерте джаза Утёсова, об Ивановской оперетте, о фильме «Ленинград в борьбе», очерк «Гриша-верхолаз».

Всё так успешно. Зачем учиться? Но дядя Рома настоял, объяснив мне, что значит жить и работать без высшего образования. Сказал, что если я не поступлю сейчас, в 1944 году, то не поступлю уже никогда. Ведь прошло три года после окончания школы! Он меня убедил. И взял на себя все заботы обо мне на время учёбы. Я ушла с работы, стала готовиться к поступлению и ждала ответа из Ленинградского университета, который находился в эвакуа-

ции в Саратове. Вызов запаздывал по каким-то причинам, и в Саратов я явилась с опозданием.

Но прежде чем описывать саратовский период моей жизни, скажу ещё о том, как мы жили во время войны, хотя об этом уже частично шла речь. Дядя мой со временем стал получать дополнительный паёк. Это были американские консервы, какие-то крупы и что-то сладкое. Так что голода мы не чувствовали. Однажды одна благодарная пациентка, которую дядя буквально спас от смерти, когда другие врачи отказались оперировать, привезла ему из деревни мешок муки. Это было настоящее богатство. Но мы могли обойтись и без него, поэтому дядя обменял муку на охотничье ружьё с гравировкой по металлу. Как говорили, немецкое. Оно ему очень пригодилось, когда его с бабушкой в 1948 году выгнали из Владимира в Казахстан, о чём расскажу в своё время.

Город не бомбили, и мы с бабушкой перестали бегать в канавы, которые всё равно бы нас не спасли, а дядя Рома и раньше оставался дома, уповая на судьбу. Но самолёты летали мимо нас каждый день на Горький, на Ковров, где был военный завод. Владимирские жители считали, что Гитлер не бомбит Владимир потому, что в нём много церквей. Соборы были замечательные, это была истинная правда, но вряд ли гитлеровские стратеги руководствовались такими соображениями. Может быть, им просто не было ведомо о наличии в городе военных заводов. Одна бомба, правда, упала во двор психиатрической больницы, но не взорвалась.

Во Владимире формировалось ополчение, в него забирали молодёжь. Я совсем не горела желанием попасть на фронт и боялась, что меня заберут. Но чаша сия меня миновала. Хотя я и была патриоткой, но на войну не хотела, признаюсь честно.

Местные жители стали выращивать картошку в вишнёвых садах. Жестокие морозы во время финской войны погубили многие фруктовые деревья, и для картошки осво-

бодилось место. Сажали и огурцы, и помидоры. Никаких плёнок тогда не было, помидоры не вызревали. Поэтому к концу лета подоконники в домах были украшены зелёными помидорами, которые таким образом дозревали.

Все школы были заняты под госпитали. Однажды я пошла в один госпиталь по своим корреспондентским делам, мне указали на какую-то дверь, я её открыла – и моим глазам предстали голые дядьки. Я так перепугалась, что забыла обо всех интервью и с позором бежала.

В нашем новом жилище было две комнаты, а третью занимала семья – муж с женой и ребёнком. На кухне был газ, величайшее удобство после вечно коптивших керосинок. Бабушка вздохнула с облегчением. У неё появились новые знакомые – Екатерина Петровна Хабарина, жена главного инженера, и некоторые соседки. С нашими ближайшими соседями мы жили дружно, никаких осложнений не было, если не считать того, что однажды изрядно подвыпивший мужчина, вернувшись поздно, перепутал комнаты и улёгся рядом со мной на диван. Злого умысла тут, конечно, не было.

Бабушка читала, слушала радио, а главным её занятием, кроме ведения хозяйства, было вязанье. Она вязала подзоры, прошвы, целые покрывала, скатерти всем знакомым, лишь бы ей давали нитки. Таким образом она заполняла свой досуг. На моей обязанности было ходить на рынок, стирать всякую мелочь и гладить. Дядя Рома любил хорошо одеваться, и я выглаживала рубашки и носовые платки так, что не оставалось ни единой морщинки. Это умение пригодилось мне, когда пришлось гладить рубашки мужа. Я очень любила своего дядю и всегда готова была сделать для него всё, ведь недаром мой будущий муж виделся мне похожим на него. Надо сказать, что его любили все, особенно врачихи и медицинские сёстры. Некоторое время у него был роман с Еленой Сергеевной Пуховой, секретарём партбюро химзавода. Против этого не возражала даже бабушка. Елена Сергеевна была очень приятной женщиной.

Уезжать не хотелось, бабушка страдала от предстоящей разлуки и втайне, по-моему, надеялась, что я не поступлю. Ей было тогда шестьдесят восемь лет, дяде Роме сорок три, мне двадцать один год.

Саратов и Виктор Гура

Поступаю в университет

В октябре 1944 года начался саратовский период моей жизни. Я вынуждена была поехать в этот волжский город, чтобы поступить на факультет журналистики ЛГУ. Наверное, моя работа на радио помогла бы мне и в поступлении, и в учёбе. Но, как говорят, судьба распорядилась иначе.

Вызов я получила с опозданием и сразу же отправилась в дорогу, которую запомнила на всю жизнь. Через Москву ни пропусков, ни билетов не давали. Пришлось ехать с четырьмя (!) пересадками на станциях, которые я помню, как стихотворение: Муром, Арзамас, Рузаевка, Ртищево. А что такое были эти пересадки во время войны? Все станции переполнены, добиться компостера невозможно, люди ждут сутками. В поезда набивается пассажиров в несколько раз больше, чем туда может вместиться. В Рузаевке в жуткой давке у меня кто-то стащил с плеч рюкзак. На другой станции меня с такой силой впихнули в вагон, что чуть не раздавили, и я пробиралась буквально по лежавшим на полу людям. Закомпостировать билет удалось только с помощью военных, дай им Бог здоровья. Уж не помню, сколько суток я добиралась до Саратова, и только думала: хорошо, что бабушка не видит моих мучений.

Наконец, долгожданный Саратов показался за окном, поезд остановился, и я вышла на вокзальную площадь. Университет оказался недалеко, и я сразу же туда отправилась. Вот тут-то меня словно окатили ушатом холодной воды: в ЛГУ приём закончен, он возвращается в Ленинград. Что было делать, я не представляла. Ещё раз выдержать такую дорогу обратно? Ещё год ждать возможности поступить на фа-

культет журналистики? Посоветоваться было не с кем. Сажу в коридоре у двери какого-то кабинета и не могу сдержать слёз. Дверь открывается, и выходит женщина, как оказалось, проректор Саратовского университета Клавдия Васильевна Сидорова. Начинает меня расспрашивать и предлагает поступить на филологический факультет СГУ, объясняет, что филологическое образование впоследствии даст возможность работать журналистом. Выбора у меня не было. Я согласилась.

Надо сказать, что в СГУ приём тоже был закончен, но Клавдия Васильевна, тронутая моим горем, взялась мне помочь. Сама приняла у меня экзамен по литературе, дала направление на другие экзамены. Сдавала я тет-а-тет с преподавателями, было страшновато, но и историю, и немецкий я сдала успешно. Немка даже меня похвалила и выразила надежду, что и в университете я буду изучать немецкий. Я ответила, что хотела бы французский, к чему она отнеслась неодобрительно и была совершенно права. Как во сне, сдавала географию, с которой, как известно, у меня были проблемы. Всё же получила положительную оценку, не помню какую, а предыдущие экзамены сдала на «отлично». Так я стала студенткой Саратовского университета вдали от дома, в совершенно чужом городе.

А город мне понравился. Было ещё тепло, деревья и кусты не сбросили свою листву. Казалось, что пахнет незнакомым мне югом. Я получила направление на Цыганскую улицу в общежитие, которое раньше было табачной фабрикой. Но прежде чем познакомиться с новым пристанищем, я отправилась на рынок, купила кусок арбуза, села на скамейку в соседнем скверике и съела его. Возможность и в дальнейшем лакомиться любимым фруктом несколько примирила меня с жизнью.

Отправила телеграмму домой, что жива и поступила, и потащила со всеми вещами на Цыганку. Место мне определили на первом этаже. В комнате стояло несколько кроватей, на них лежали доски и никаких признаков матрасов

или белья не было. Под потолком горела синяя лампочка... Вот когда я дала волю слезам, вот когда мне нестерпимо захотелось домой, к бабушке!

Пришлось привыкать к новой обстановке, к скучным обедам в студенческой столовой, к товарищам по комнате и к первокурсникам, которые уже начали заниматься. Особых проблем с занятиями у меня не было, кроме семинаров по истории партии. Усвоение источников – трудов классиков марксизма-ленинизма – мне плохо давалось. Я почему-то была совсем тупая в этих делах и не могла на занятиях ответить толково. Потом уже приспособилась читать не самих классиков, а об их работах и немного выправилась к экзаменам. Не помню, как сдала, но в дипломе стоят отличные оценки по основам марксизма-ленинизма, политэкономии, диамату и истмату, и только история философии подкачала – оценка «хорошо». И это правильно – философ из меня никакой. Да настоящей философии мы, пожалуй, тогда и не нюхали.

Наши преподаватели

Всё это было, конечно, не главным. Главным была античная литература и Зоя Владимировна Гуковская, которая её читала. В большой холодной аудитории, с накинутой на плечи беличьей шубкой, она стояла у стола, иногда даже с папиросой, и раскрывала перед нами совершенно незнакомые страницы мировой литературы. На первом курсе это было самым интересным, самым увлекательным. Сидя в читальном зале до самого закрытия в одиннадцать часов вечера, мы читали Эсхила, Софокла, Горация. Боялись, что не одолеем гомеровские поэмы, учили наизусть Катулла:

Спросишь, Лесбия, сколько поцелуев

Милых уст твоих страсть мою насытят...

Экзамен по античной литературе был первым, который я сдала в университете, и мою зачётку украсило первое «отлично». Я была очень горда и очень довольна, что не ударила

в грязь лицом перед Зоей Владимировной, в которую была просто влюблена.

Филологический факультет СГУ был одним из лучших в те годы. Кроме своих профессоров, здесь задержались на некоторое время ленинградцы, в том числе Григорий Александрович Гуковский. Он был неподражаем! Когда он читал публичные лекции, места в самой большой аудитории основного здания университета занимали за несколько часов до начала. Большой эрудит, он был и замечательным оратором. Его лекция была подобна представлению. Для пушшего эффекта он находил почти детективные приёмы. Помню, в лекции о Лермонтове он говорил первый час о том, что Лермонтова преследует мистика: даты его жизни совпадают через сто лет с датами начала Первой и Второй мировой войны – 1914–1941. Говорил о некой тайне, которая окутывает наши представления о Лермонтове, о провалах в его биографии (например, в 1940 году в письмах его бабушки нашли сведения о каком-то ударе, постигшем Мишеля); а мы об этом ничего не знаем. Говорил о двойственности его натуры и поведения, трагедии его жизни – бунтарском духе и необходимости смириться в силу своего подневольного военного положения, о ненависти к николаевской России, о неудачных романах. Это было вдохновенное описание личности необыкновенного человека и поэта. На вопросы, которые возникали в связи с личностью Лермонтова, Григорий Александрович отвечал во второй части своей лекции, связывая с этим анализ его творчества, что всегда было главным в его понимании поэзии и прозы.

Артисты саратовских театров читали стихи Лермонтова. Огромная аудитория, состоявшая не только из людей, близких к филологии, но просто из городской интеллигенции, ловила каждое слово лектора и благодарила его цветами и аплодисментами. Академические лекции были менее эффектны, но увлекательны своей глубиной, тонкостью анализа языка и стиля на фоне общественно-литературной жизни эпохи. На практических занятиях профессор Гуковский

учил этому и студентов, которые сбегались к нему с разных курсов, пренебрегая идущей одновременно какой-нибудь лекцией по политэкономии социализма.

Одним из самых восторженных почитателей Гуковского был наш приятель Женя Калмановский. Он последовал за своим учителем, перевёлся в Ленинградский университет, подружился со всей семьей, особенно с дочкой Наташей (впоследствии Долининой, тоже ставшей литературоведом) и тяжело пережил страшный конец выдающегося учёного, брошенного в 1949 году в сталинские лагеря и окончившего там свою жизнь в 1950 году. Мы все были потрясены случившимся. Как много потеряло наше литературоведение, лишившись такого специалиста, совсем ещё молодого человека, в расцвете его жизненных и творческих сил! Не могу без стыда вспомнить, как однажды набралась храбрости и показала Григорию Александровичу свои стихи. Он их, конечно, не одобрил и надолго отбил у меня охоту к стихоплётству.

Очень интересный курс «Введение в языкознание» читал нам профессор преклонных лет Александр Митрофанович Лукьяненко. Живо проходили занятия по фольклору у Татьяны Михайловны Акимовой. Уже окончив университет, я с ней долго переписывалась, до самой её кончины.

Яркой личностью был Юлиан Григорьевич Оксман. Он появился позже, отбыв сталинскую ссылку на Колыме и в Магадане. Здесь этот пушкинист с мировым именем тачал сапоги и работал банщиком. На десять лет он был оторван от любимого дела, но ни барак, ни цинга не смогли сломить этого человека. Даже в тех страшных условиях он пытался следить за литературной жизнью, надеялся осуществить возникшие у него в неволе планы. Такая возможность появилась после освобождения в 1946 году, когда он по совету Гуковского был приглашён в Саратовский университет. Нам посчастливилось общаться с ним и слушать его лекции. Он читал спецкурсы, считал их главным средством обучения в университете. Общие же курсы, по его мнению, можно

было заменить учебниками. Студентов он любил, принимал их дома, беседовал с ними, показывал интересные книги и рукописи. В 1999 году Саратовский университет к своему 90-летию издал книгу «Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове (1947–1958)».

Редактором и автором одной статьи, на которую я хочу сослаться, была Женя Никитина, моя самая близкая саратовская подруга, теперь доктор филологических наук, профессор. С ней повидался мой Саша во время одной из своих поездок по университетам. В статье она рассказывает об Оксмани-педагоге, о его любимой ученице Татьяне Усакиной и дальше пишет: «Долг обязывает сказать ещё об одном ученике Ю.Г. Оксмана – Викторе Васильевиче Гуре, профессоре, докторе филологических наук, много лет успешно возглавлявшем кафедру русской литературы Вологодского педагогического института. В годы учёбы в Саратовском университете он работал в спецсеминарах Е.И. Покусаева и Л.П. Жак. Но крёстным отцом его первых научных работ, выполненных в студенческие годы и тогда уже сданных в печать (за исключением беллетристических опытов), был Ю.Г. Оксман. В университете Виктор Гуря написал исследование об истории создания первой книги «Тихого Дона». Ю.Г. Оксман был неофициальным консультантом и вдохновителем этой работы, которая затем была опубликована в альманахе «Литературный Саратов» в 1950 году, то есть менее чем через год после окончания автором филологического факультета. Одновременно студентом В. Гурой создавался первый в науке библиографический справочник «Михаил Александрович Шолохов», зарегистрировавший 825 названий. Через пять лет после справочника вышла в свет монография уже кандидата филологических наук В.В. Гуры о Шолохове, а через 8 лет – первый капитальный семинарий о писателе, разработанный вместе с Фёдором Абрамовым, в те годы заведующим кафедрой ЛГУ. Рядом с широко известными монографиями о Шолохове были изданы однотомники Батюшкова и Кра-

сова, целый ряд краеведческих работ, в том числе интереснейшая статья о Надеждине, когда-то отбывавшем ссылку в Вологодской губернии. Названные имена сродни оксмановской епархии, Ю.Г. Оксман был бы рад тому, что его крестник уже без подсказки так квалифицированно и текстологически строго справился с трудной задачей издания поэтов далёкого от советских лет времени».

К этим заметкам можно прибавить оценку самим Ю.Г. Оксманом первой из названных Е.П. Никитиной книги – «В.И. Красов. Сочинения» со вступительной статьёй Виктора Гуры «Поэзия мечты и чувства». В письме от 7 сентября 1959 года он писал: «Книжечка о Красове мне очень понравилась, всё в ней умно и интересно сделано, даже оформление». Дальше идут указания на небольшие неточности, и Ю.Г. Оксман завершает: «Всё это мелочи, а книжка получилась прекрасная».

Текстологические уроки Оксмана пригодились и мне, когда я работала над редакциями «Хождения по мукам». Связь с учёным не прерывалась и после моего окончания университета. Мы бывали у него в Москве, он был в курсе нашей жизни и работы. Сохранилось около 70 писем, которые он прислал нам в Вологду. Я долго не хотела с ними расставаться, выбирала между ЦГАЛИ и Вологодским архивом. В конце концов, как и весь архив Виктора Васильевича Гуры, отдала в наш архив. На память архивисты сделали копии всех дорогих мне писем.

Совсем другим был наш любимый профессор Александр Павлович Скафтымов. Красивый, элегантный, с благородной сединой, как пишут в романах, он вызывал восторженное почтение. У него не было той открытости, что у Оксмана, он был как бы застёгнут на все пуговицы, строг и академичен. Тем более мы ценили его расположение, улыбку или шутку. Если Юлиан Григорьевич, сам переживший репрессии, не потерял свойственной ему жизнерадостности, то Александр Павлович тяжело переживал арест жены, смерть сына, да и вообще был человеком другого склада. Он

читал нам русскую литературу первой половины XIX века и историю критики. Он родился в семье сельского священника, но производил впечатление аристократа. Окончил Варшавский университет. Уже первая его работа «Поэтика и генезис былин» стала классической. Мы слушали его с большим интересом, а ответить плохо на экзамене было очень стыдно. Казалось, о русской литературе он знал всё!

Западную литературу читали две очень эрудированные женщины: бывшая фронтовичка Мария Несторовна Боброва и довольно бесцветная Раиса Азарьевна Резник. Декан Илья Сергеевич Каменоградский посвящал нас в тайны психологии. Любовь Петровна Жак, которая была как бы нашей заботливой мамой, вела советскую литературу. Евграф Иванович Покусаев, тогда ещё доцент, был знатоком литературы второй половины XIX века, особенно Салтыкова-Щедрина и Чернышевского, которые казались мне очень скучными.

Это были наши учителя, которые формировали наше отношение к литературе и старались сделать нас профессионалами. В преподавании русского языка самой яркой фигурой был уже упомянутый Лукьяненко. Латынь мы изучали под руководством большого знатока древнего языка Киреева. Многие латинские изречения, заученные тогда, помнятся до сих пор. Был и украинский язык, которому учил нас Стаменов, живой прототип литературного героя. Это его вывел в «Кондуите» Лев Кассиль под именем «Рыбий глаз», как его прозвали гимназисты. Он изрядно нас помучил на зачётах! Ничего больше не помню, но как литературный персонаж он имеет право быть упомянутым в этих воспоминаниях.

Студенческое братство

Конечно, студенческая жизнь – это не только занятия. Мы и развлекались, как могли. Когда общежитие на втором курсе перевели с Цыганки на Вольскую, я оказалась с девочками, которые приехали в Саратов из районов: Нюра Штода, Маруся Карпинос и другие. Всего нас было семеро в комнате № 38. С ними у меня сложились хорошие отношения.

Видя, что я совершенно не умею мыть некрашенный пол, они исключили меня из общего дежурства. Зато я помогала им по некоторым предметам, особенно по французскому языку. Из дома они привозили пшено, картошку, горчичное масло, сало и делились со мной. В свою очередь и я, когда получала посылки от бабушки, угощала их. Девочки были очень чистоплотные, кроме одной, её звали Тамара. Порой мы видели, как она искала насекомых в своём белье. Это было только от неряшливости и лени – помыться в бане и постирать всегда была возможность.

Мы жили дружно, но всё же интересы у нас были разные. Настоящие друзья были у меня на стороне. Среди них первая – Женя Никитина, которая жила недалеко от факультета. Я у неё часто бывала. Женя Калмановский жил недалеко от общежития с матерью и тёткой, на той же Вольской, что и я. Их квартира в деревянном доме своей патриархальностью напоминала мне владимирские апартаменты Веры Миртовой. Дуся Полушкина, Римма Мостова, Аня Капинос, Гита Оксман, Софа Коган были моими настоящими друзьями. С Дусей, Риммой и Женей Калмановским мы были в комсомольском бюро факультета. Очень странно, что туда угодила Женька, всегда афишировавший свою аполитичность! К Ане Капинос ездили на какую-то дачу, чтобы подкормиться, и я навсегда запомнила вкуснейший холодец из свиных ушей. С Гитой Оксман, однофамилицей Ю.Г. Оксмана, я вела в основном «учёные» разговоры. Конечно, не на равных: она со временем стала профессором, а я – нет. С Костей Слабиняком немного флиртовала. Но чаще всех общалась и делилась секретами с Женей Никитиной. Всей компанией мы устраивали скромные праздники. Но денег катастрофически не хватало. И я решила сдать кровь. Кроме денег, за это давали дополнительный паёк. Первый раз всё обошлось, а на второй раз я упала в обморок. Вот тогда мои друзья взяли меня в оборот, особенно Римма Мостова, и мне пришлось дать ей слово, что эксперимент не повторится.

На один из каких-то праздников мы пригласили моло-

дых военруков. Один из них напоминал Лермонтова и очень мне нравился. Но любовь не вышла. Мечтала я о взаимности и от бывшего фронтовика, студента-историка Ванечки Сергеева. Он вроде бы и не прочь был за мной поухаживать, но вскоре я выяснила, что у него есть другая зазноба, тоже бывшая фронтовичка, с которой и отношения были совсем-совсем другие.

Поездка домой

Когда началась весна и заканчивался первый курс, все жили ожиданием каникул. Я же решила во что бы то ни стало побывать дома. Зимой моя отчаянная попытка не удалась. Меня ссадил с поезда военный патруль на хорошо знакомой мне станции Ртищево. У меня не было, да и не могло быть пропуска, а была только липовая командировка, якобы я ехала обмениваться опытом комсомольской работы во Владимирскую область. Её сварганила мне Римма Мостова, видя, что я погибаю от тоски по дому. На удивление, командировка помогла купить билет в железнодорожной кассе. Билет пропал, но денег не было жалко, тем более что обратно до Саратова меня довезли бесплатно. Но планы повидать родных рухнули.

Весной появились новые надежды, ведь 9 мая окончилась война, хотя многие запреты ещё действовали. Мне говорили, что легче будет добраться пароходом, и я отправилась за билетом. Жуткая толпа возле билетной кассы несколько отрезвила меня, но я случайно познакомилась с молодой женщиной, артисткой ТюЗа, который был тогда лучшим театром Саратова. Она стояла недалеко от заветного окошечка и согласилась взять мне билет.

Моё путешествие по воде началось, билет у меня был самый что ни на есть плебейский, чуть ли не палубный, но моя новая знакомая ехала в каюте, и я пропадала у неё. На пароходе было много военных. Какой-то полковник начал ухаживать за моей спутницей, лишив меня её общества. Но у полковника был адъютант, и я тоже не скучала. Ехать

было непривычно и довольно весело, даже с музыкой и танцами. Но я всё время боялась утонуть и по ночам прислушивалась к работе машин (благо была недалеко от них), и какой-нибудь сбой ритма наполнял моё сердце тревогой. Можно было бы об этом и не писать, но жанр обязывает. Я была и осталась трусихой, а это одна из черт моего характера, чего уж там скрывать!

Веселье кончилось, когда пароход пришёл в Горький, то бишь Нижний Новгород. Опять же без пропуска не продают билет на поезд. Готова была ехать в товарном вагоне, но и это не удавалось. Не помню, как помог какой-то лейтенантик, как я оказалась в тамбуре, он, естественно, рядом. Едем! Вдруг выходит злющая проводница и начинает меня всячески оскорблять – мол, знаем таких, на всё готовых ради военных. На первой же остановке она высаживает меня из вагона, и остальную часть пути я проделываю на подножке, потому что не в состоянии расстаться с мечтой увидеть своих родных, когда до них осталось рукой подать. Куда и страх девался! И как я осталась жива после этой авантюры, сказать затрудняюсь. Боялась, конечно, вцеплялась руками в поручни. Ведь от Горького до Владимира, как я выяснила теперь с помощью Вали Веселовской, 250 километров!

Виктор Гура

В начале второго курса произошло событие, знаменательное для всей моей последующей жизни: я познакомилась с Виктором Гурой.

Было это в общежитии. Днём мы с председателем студсовета Мирой Каганович стояли на лестнице и обсуждали какие-то проблемы студенческой жизни. И увидели, как поднимается к нам белобрысый парень в военной форме с двумя орденами Красной Звезды и, конечно, с медалями, что сразу расположило нас к нему. В сапогах, в галифе и в гимнастёрке. Мира встретила его как старого знакомого и пригласила вечером на танцы в красный уголок. Оказалось, что он уже учился на первом курсе, по-

том был призван в армию, кончил артиллерийское училище, воевал с немцами и японцами, а теперь, демобилизовавшись, хочет продолжать учёбу. Вечером на танцах он приглашал только меня – вспыхнула любовь с первого взгляда, чего нельзя было сказать про меня. Поселился он в комнате напротив нашей вместе с тем самым Ванечкой Сергеевым, который всё ещё занимал какой-то уголок в моём сердце.

Территориальные обстоятельства способствовали нашим частым встречам в коридоре, потом он стал захаживать в нашу комнату, перезнакомился с моими соседками, фотографировал нас (а фотоаппараты тогда были редкостью). Однажды пригласил меня в гости и угостил жареной картошкой, которая буквально плавала в сале. Эти замечательные продукты привезла из Николаевки его мама. Жареная картошка в тех обстоятельствах по воздействию на объект любви стоила не менее букета цветов. Он рассказал о своей семье, о том, как и где воевал, о своей любви к литературе и о знакомстве с Шолоховым, который был его кумиром, и даже о том, что сам пробует писать роман. А пока он посвящал мне свои стихи:

Ирочке

*Неужели и ты не жалеешь меня,
Не ласкаешь рукою и взглядом?
Ещё мало того, что глаза говорят,
Ещё мало того, что мы рядом!*

*Я хочу, чтобы ты понимала душой,
Чтоб без слов мои мысли читала,
Чтобы думами рядом шагала со мной,
Чтобы жить и творить помогала...*

12.05.1946 г.

Саратов

Объяснение состоялось позже на той же самой общежитской лестнице, которая была свидетельницей многих студенческих романов, возле окна, где всегда вор-

ковали влюблённые пары. Однажды здесь был замечен даже один преподаватель со студенткой! Там же вскоре мне было сделано и предложение руки и сердца, на что я ответила, что надо подождать до окончания университета. Виктор уверял, что догонит меня, ведь я была уже на втором курсе, а он в начале первого. Его слова не разошлись с делом: на четвёртый курс мы перешли вместе.

К этому времени я уже побывала у него на родине, познакомилась с его родными и увидела, как растут мои любимые арбузы. С бахчи до дома я добралась с трудом. Мать Виктора, Анна Андреевна, встретила меня приветливо. Всё, казалось бы, шло к замужеству. Смущали меня только некоторые вещи: недостаточная воспитанность Виктора, которую я надеялась преодолеть, и повышенная нервозность – результат контузии. Даже в справке об инвалидности, которую я разглядела совсем недавно, была отмечена неврастения. Мне приходилось быть очень осторожной в разговорах с ним. Иногда какая-нибудь обида, расстройство способны были вызвать у него настоящий нервный припадок. Это меня пугало, я старалась всячески оберегать его от неприятностей. Конечно, я задумывалась, но всякие размышления постепенно отступали перед зарождавшимся чувством, привычкой, благодарностью за любовь и верность. Да и пора было выходить замуж – летом 1947 года мне исполнялось 24 года. И я ответила Виктору, что согласна.

Этим же летом я повезла Виктора во Владимир знакомиться со своими родными. Дядя Рома встретил его приветливо, они вели в его комнате какие-то разговоры и играли в шахматы. А бабушка была в шоке. «На что вы собираетесь жить?» – спросила она Виктора. «Я пишу роман», – скромно ответил он. «Ты слышишь, Ромочка? Он пишет роман!» – возмущённо воскликнула бабушка и надолго замолчала. Лежала, отвернувшись лицом к стене.

Думаю, сам факт моего замужества, безотносительно к моему выбору, поверг её в отчаяние. Для неё я всё

ещё оставалась той девочкой, которой она отдала жизнь и которая заменила ей пропавшую дочь. Перспектива отдать эту девочку в какие-то чужие руки была равносильна катастрофе. «Ну, Ирка, посмотри, что ты с матерью сделала», – полушутя-полусерьёзно сказал мне дядя Рома.

А моё сердце буквально разрывалось. Я ужасно любила бабушку, с ней была связана вся жизнь, но уже не могла отказаться и от Виктора. Я видела, как неловко он себя чувствует, не знает, как себя вести. Мне было стыдно за бабушку, которая не смогла его встретить так же радушно, как это сделала моя будущая свекровь, простая женщина. А тут – интеллигентный дом, и вдруг такой афронт. Всё было поставлено ему в вину: не так держит вилку, осмелился сесть за стол в одной майке, неправильно поставил ударение в слове... Претензии справедливые, но ведь не это было решающим!

Не выдержав напряжённой атмосферы, Виктор решил уехать. Я провожала его со слезами, вернулась с вокзала в рыданиях. И тогда моя бедная бабушка сказала: «Уж видно, ты его действительно любишь. Ничего не поделаешь. Женитесь».

Вот так драматично было получено благословение. Пожалуй, я и сама только тогда поняла, что по-настоящему люблю его, о чём свидетельствуют нежные письма из Владимира в Саратов и Николаевку после его отъезда. Со стороны бабушки долго ещё оставался холодок в её отношении к Виктору, и только шесть лет спустя она оценила его благородство и стремление прибегнуть к её помощи в трудную для него минуту. Пережив первоначальное потрясение, бабушка с дядей прислали нам телеграмму в день свадьбы: «Сердечно поздравляем дорогих молодожёнов желаем много радости и счастья бабушка и дядя». Было это 26 августа 1947 года. До окончания университета мы не дотянули.

На факультете Витя был заметной фигурой. Уже по одному тому, что он был фронтовик. Правда, таких,

как он, в гимнастёрках и шинелях, в аудиториях и общепитии мелькало немало. Но он обращал на себя внимание жадным интересом к науке. Учился очень упорно не только потому, что пообещал меня догнать. Был активным участником кружка по советской литературе, сотрудничал в университетской, а потом и в городской газете. Писал стихи (на мой взгляд, довольно средние). Выступал с докладами на студенческих научных конференциях. К нему с симпатией относились Е.И. Покусаев, Л.П. Жак, а позднее – Ю.Г. Оксман. Стало появляться некоторое самомнение, и эти стороны его поведения мне приходилось корректировать. Иногда он обижался, но всегда прислушивался и мотал на ус. Старался заработать, когда представлялась такая возможность: писал заметки по заказу саратовской газеты, ездил в командировку для написания очерка о каком-то колхозе.

Начало семейной жизни

Жилось, конечно, трудно. Пока не отменили карточки, приходилось часть хлебного пайка менять на рынке на какую-нибудь крупу. Иногда в качестве поощрения нам выдавали по пять метров бязи. Её мы продавали на рынке. Ребята разгружали вагоны – вечный студенческий приработок.

Мне очень помогали бабушкины посылки. Пока шла война, это была американская тушёнка, бекон, сахар, крупы. Кроме того, бабушка каждый месяц посылала мне 500 рублей. Дядя Рома отдал мне материал для костюма, полученный им по ордеру. Это был бостон, из которого мне сшили зимнее пальто. Самое нарядное моё платье было перешито из маминогo чёрного крепдешинового с лоскутком гипюра. Позднее появилось розовое платье из эпонжа, которое послужило мне и как свадебное, и как маскирующее позднее мою беременность. Виктор заимел первый костюм только в Вологде, когда мы выиграли нужную сумму по займу (костюм стоил 110 рублей), а до этого постоянно ходил в гимнастёрке.

Большинство людей в то время одевалось скромно, нас это мало волновало. Конечно, хотелось чего-нибудь новенького. Предметом моей гордости были великолепные заграничные туфли из замши и кожи тёмно-синего цвета. Я купила их в комиссионном магазине в Москве ещё в пору моей работы на радиовещании. Эта поездка в Москву с Верой Миртовой и её мамой на перекладных по шоссе Владимир – Москва (180 км) достойна того, чтобы рассказать о ней подробнее. Нас устроили на каком-то грузовике, который по дороге не раз проверяли военные. Никаких пропусков у нас, конечно, не было, поездка была чистой авантюрой. На одной заставе проверяющий потребовал паспорт и долго разбирал мою фамилию. Наконец, прочитал её как «Щорс», на что быстро среагировала Лидия Петровна, сказав, что я родственница героя Гражданской войны. Это сыграло решающую роль – нас пропустили. Километра за полтора до московской заставы мы покинули наш грузовик и пошли пешком какими-то лесами, перелесками, обходя контрольные пункты. Дорогу показывали люди бывалые, не один раз совершавшие подобные путешествия. Вот тогда-то я и купила синие туфли на зависть всем подругам. Часть обратного пути мне пришлось проделать пешком. Никто не соглашался подвезти, потому что мне нечем было платить.

После этого отступления перехожу к нашей свадьбе. Она состоялась в доме Жени Никитиной. Были наши друзья. Фотографии свидетельствуют, что и без Дворца бракосочетаний, и без колец, и без Мендельсона, и без особых деликатесов свадьба может быть весёлой. Виновники торжества были явно навеселе. Факультет позаботился о молодожёнах – мы получили в общежитии отдельную комнату, даже поделённую на два отсека. При входе стоял столик, на котором мы ели, и висела самодельная полка с посудой, а в другой половине стояла кровать и стол для занятий. Постепенно появлялись и полки для книг, которые Виктор покупал при первой возможности в «Букинисте» и в других книжных магазинах. Кстати сказать, многие из купленных тогда книг помогали

мне много позже в пору безденежья. Когда 11 июня 1948 года родился наш первый замечательный Сашенька, нам удалось втиснуть в комнату ещё и детскую кроватку.

Роды были очень тяжёлыми, я мучилась целые сутки. Стояла жара, окна открыты, возле них маячит мой дорогой муж (родильная палата находилась на первом этаже), который не знает, как облегчить мои страдания. Наконец, врач посылает его на рынок за первой клубникой. И медицинская сестра в перерывах между схватками кладёт мне в рот сочные ягоды. Помогло ли мне это, не знаю, но наступил блаженный миг, и ребёнок наконец родился.

Мальчик был очаровательный – светлые пушистые волосёнки и тёмные глазки. Очень смыслёный, довольно спокойный. Я, конечно, повезла его показывать бабушке, хотя Виктор говорил, что это безумие. Бабушка была недовольна, что ребёнок не крещён, но мы были пленниками коммунистической морали. Тогда бабушка подарила ему тот самый образок, перед которым я, маленькая, молилась.

Вернувшись в Саратов, я должна была отдать Сашеньку в ясли, где за ним смотрели замечательные люди, искренне привязавшиеся к этому студенческому ребятёнку. Мне же надо было учиться, кончать университет, писать дипломную работу.

И тут я подхожу к страшному моменту нашей жизни – потере первенца. Это случилось 7 февраля 1949 года, мальчику было около восьми месяцев. Сначала заболела я – покраснел нос, поднялась температура, врач поставил диагноз – рожистое воспаление лица и головы. Когда машина «скорой помощи» везла меня в больницу, я была почти без сознания. Приходя в себя, сходила с ума от тревоги за ребёнка. Как-то Виктор с ним справится? Чем будет кормить? Сможет ли менять и стирать пелёнки? Никакой помощи в больнице сначала я не получала. Думаю, что моё состояние даже ухудшилось после того, как из приёмного покоя я должна была, совершенно раздетая, перейти через двор в другое помещение. Врачи отсутствовали. Это были так называемые «ленин-

ские дни», и они отдыхали, «отмечая» кончину Владимира Ильича. Но я недаром росла во врачебной семье и кое-что понимала в медицине. Когда пришли мои подруги, я попросила купить стрептоцид и стала лечить себя сама. Принимала большие дозы. Это был красный стрептоцид, которым русские умельцы научились красить волосы и ткани. Позже оказалось, что он вреден. Но мне он помог, немного сбил температуру, и я пришла в себя. Только болела грудь, полная молока. На себя посмотреть мне было страшно: лицо красное, распухшие уши, по форме похожие на вареники, обритая голова. Не понимала, почему не приходит Витя, пока не узнала, что он тоже в больнице. На другой день после того, как меня увезли, у него поднялась температура до 40 градусов, начались сильные головные боли, и с подозрением на тиф, который тогда свирепствовал в Саратове, его положили в инфекционное отделение. А Сашеньку, моего маленького, определили в ясли при какой-то третьей больнице, видимо, детской. Потом нянечки из его прежних яслей говорили, что если бы к ним обратились, они взяли бы его, забирали бы на ночь домой. Все его там любили, но никто ничего им не сказал.

Легко представить себе моё состояние, когда я всё узнала. Я рвалась из больницы, но меня не пускали, да я и была ещё очень слаба. Наконец появился Витя, у которого оказался не тиф, а тяжёлый фронтит. Как только его выписали, он бросился к Сашеньке и нашёл его совсем больным. Жизнь его висела на волоске. Виктор обратился к знакомым, к нашим преподавателям. Устроили консилиум, но утешить было нечем: токсическая диспепсия, от которой в то время не было спасения.

Виктор пытался меня подготовить, говорил, что Сашеньку простудили, что его ещё надо полечить там, где он находится, но когда меня выписали, я решила, что сразу же заберу его домой. Чтобы оттянуть страшный момент, Витя повёз меня сначала в общежитие. Но чему быть, того не миновать. Вот мы оказываемся в этих яслях, проходим одну комнату,

другую, я вижу, как кормят детей, а моего мальчика нет. Останавливаемся у двери с надписью «Изолятор». Ноги подкашиваются, сил нет идти. Мне кажется, я тогда уже всё поняла. Открываю дверь и вижу моего любимого родного сыночка в кровати, совсем не похожего на себя. Худенький, бледный, одни глазки остались, такие печальные. Как трудно всё это вспоминать! Всё вижу, как сейчас. А ведь прошло почти 60 лет... Плачу, как плакала тогда, упав на колени возле его кровати.

Он, бедненький, прожил ещё день или два, всё смешалось. Выполняла только бесполезное уже назначение врача – давать ему каждые пять минут ложечку глюкозы и воды, а может быть, кофеина. Какими глазками он следил за моей рукой, в которой была ложка, как ему хотелось пить! Ведь наступило полное обезвоживание организма, от чего он и погибал. Бедное моё дитя, он медленно угасал, но сохранил ещё тот маленький умишко, который восхищал всех и из-за которого потом говорили: такие дети не жильцы.

Я, ещё не оправившаяся после болезни, иступленно молилась Богу о его спасении и кляла себя и всю коммунистическую мораль за то, что не окрестила младенца. Ни врачи, ни Господь, ни моя любовь уже не могли его спасти, и он испустил последний вздох у меня на руках. Вместе со мной плакала врачиха, которая его лечила и, возможно, была виновата в его смерти. Как мне потом говорили, он поступил с насморком, потом началось воспаление лёгких, его лечили сульфидином, новым для того времени препаратом. Началась синюха, вероятно, от передозировки, а затем диспепсия. Токсическая. Во всём этом было много неясного. Можно было во всём разбираться, можно было, наверное, наказать виновных, но сил не было. Да и зачем? Вернуть ребёнка ничто уже не могло. От токсической диспепсии тогда не было спасения. Сейчас бы его вылечили.

Мне было очень плохо, даже похороны помню смутно. В них участвовали и студенты, и некоторые преподаватели. Всё делал Виктор, который тоже тяжело переживал утрату.

А я целый месяц жила как во сне, только ходила мимо тех яслей, куда раньше носила своего сыночка. Заходила внутрь, разговаривала с нянечками. Они от всей души сочувствовали моему горю. Заниматься не могла. Спала только со снотворным, которое мне давала Ида Давыдовна Миронович, замечательная женщина, врач, которая жила с сестрой в нашем общежитии и принимала у меня роды. Мы потом с ней долго переписывались, и я даже жила у них какое-то время, когда приезжала сдавать кандидатские экзамены.

Однажды Виктор мне сказал: «Наверное, в этом году ты уже не сможешь защитить диплом. Придётся мне ехать на работу, а тебе надо остаться и заканчивать университет». Это так на меня подействовало, что я постаралась взять себя в руки. Постепенно, шаг за шагом, я возвращалась к работе, и эта работа в конце концов захватила меня и спасла от отчаяния.

Окончание университета

Мы оба защитили дипломы на «отлично». И тут я должна добрым словом вспомнить Любовь Петровну Жак, которая принимала в нашей судьбе самое горячее участие. Мы были её дипломниками. Но в 1948 году разразилась позорная кампания борьбы с космополитами, и её отстранили от руководства дипломниками – дабы она не засоряла наши мозги вредными космополитическими идеями. Взамен нам дали недавно появившегося преподавателя Черникова, уже успевшего себя зарекомендовать как ярого борца с космополитами (читай – евреями). Потом я случайно выяснила, что какое-то время он работал в Вологде, Муза (М.В. Шайтанова) у него училась и он за ней ухаживал. Тогда, видимо, было не до политики. А теперь открылось его неприглядное лицо. Он громил тех самых профессоров-евреев, которых мы любили и уважали. В том числе и Любовь Петровну. Ей запретили участвовать в госэкзаменах – исключили из государственной экзаменационной комиссии и ввели туда Черникова. И тут мы решились на бунт. Отказались экзаме-

новаться в таких условиях и отправились гулять по соседнему скверу. Нас хотели лишить дипломов. Спас положение Александр Павлович Скафтымов, погасивший негодование деканата и охладивший наши горячие головы. На экзамене он сам провёл опрос (ему как человеку русскому это было разрешено!), и всё закончилось мирно. Черников счёл за лучшее на экзамене не присутствовать.

Любовь Петровна была не только настоящим литературоведом и умелым методистом, но и хорошим человеком, нашим настоящим другом. Она вникала во все наши нужды. Мы часто бывали у неё дома, она нас подкармливала. Мы дружили с её дочкой Инной, тоже студенткой. Любовь Петровна собирала своих дипломников и курсовиков не только за деловым, но и за праздничным столом, веселилась вместе с нами, радовалась за нас с Витей, когда мы поженились. Приготовила целое приданое Сашеньке, следила за его ростом, любила его, а потом утешала нас в нашем горе. Когда её уволили, она переехала в Москву, вышла замуж, мы бывали у неё, а однажды она приехала к нам в Вологду. На память об этом приезде остался рецепт паштета из куриных потрохов, который она у нас приготовила. Умерла, бедная, от рака. Царство ей небесное, добрым была человеком...

Много было хорошего и светлого в нашей студенческой жизни, но трагедия с нашим первенцем омрачила всё, наложила мрачный отпечаток и на эти годы, и на университет, и на Саратов. Всю переписку с саратовскими друзьями поддерживал в основном Виктор, я же писала только Жене Никитиной. Через некоторое время и её перехватил Виктор, потому что Женя стала заведовать кафедрой, у них появилось больше общих интересов. Вскоре после окончания университета она вышла замуж за друга детства, военного, артиллериста Сашу Колосова, родила двух дочек. Когда Саша учился в военной академии, они жили в Москве, и однажды, будучи в столице, мы их навестили. Саша был замечательным, мы очень подружились и, когда он внезапно умер, тяжело переживали эту потерю. И он, и Женя, и их дочка Ира побывали

у нас в Вологде на даче, ходили по грибы. Недавно на Женю обрушилось ещё одно горе – умерла старшая дочка Наташа. Остались внуки, теперь уже студенты. Младшая, Ирина, живёт в Питере, замужем за сыном того самого Виктора Андрониковича Мануйлова, который когда-то в Коктебеле водил нас в горы.

Самым аккуратным корреспондентом был Евграф Иванович Покусаев. Он стал профессором уже после нашего окончания университета. О факультетских делах мы узнавали из его писем. Он искренне интересовался нашей жизнью и однажды с Александрой Степановной, своей женой, приехал в Вологду. Виктор возил их в Кириллов, Ферапонтово и Белозерск.

О письмах Оксмана я уже упоминала. Они были очень информативными, а порой и сердечными. Когда я родила Наташку, Юлиан Григорьевич писал, что это не меньше, чем защита диссертации, тем самым оправдав мои промедления с защитой. У него детей не было. А.П. Скафтымов был несловоохотлив и ограничивался короткими отрывками, написанными аккуратным мелким почерком, но и они были нам дороги. Разве не приятно было в письме к Виктору получить привет «дорогой Ирине Викторовне» от самого Скафтымова! Он радовался нашим успехам, благодарил за присланные книжки.

Мария Несторовна Боброва, бывшая фронтовичка, питала к Вите особую симпатию, наверное, в силу их фронтового прошлого, и всегда сообщала о переменах в своей жизни. Выйдя на пенсию, она переехала в Феодосию, а оттуда через некоторое время – в Ленинград. Последние годы перед смертью очень болела, совсем отказали ноги. Осталась подаренная ею книжка о Марке Твене. Она занималась американской литературой и написала ещё книгу о Фениморе Купере.

Татьяна Михайловна Акимова, известный фольклорист, в основном писала по поводу издававшейся нашей кафедрой книги вологодского фольклора, давала советы, рассказывала о саратовских кафедральных делах, о своём муже Вале-

рии Петровиче Воробьёве, который вёл у нас на курсе старославянский язык. И она побывала в Вологде как участник одной из конференций, которые проводила наша кафедра. Это было в конце 60-х годов. Она тоже познакомилась с нашей жизнью, побывала у нас в гостях, а во время конференций мы всегда принимали гостей, ведь у Виктора была тьма знакомых в литературном мире. Некоторыми учёными, бывавшими в нашем доме, мы могли гордиться, например, академиком Д.С. Лихачёвым и потомком Льва Николаевича Толстого Никитой Ильичом Толстым, который был научным руководителем Саши и сыграл большую роль в его судьбе. Бывали и известные писатели, но об этом потом.

Оканчивая университет, мы должны были подумать о работе. Вите предложили остаться в аспирантуре, но он не мог позволить себе такой роскоши – надо было зарабатывать деньги и помогать матери, которая в это время воспитывала двоих детей – Тамару, студентку Саратовского пединститута, и Володю, перешедшего в девятый класс. С маркой СГУ и с хорошими дипломами как-то обидно было идти в школу. Я бы, конечно, пошла в журналистику, и до сих пор жалею, что этого не сделала, но поддалась рассуждениям Виктора о том, что надо работать в институте и расти в научном отношении. Стали писать во все институты Советского Союза, благо страна была большая, предлагали свои услуги. Пожелали нас взять только в двух вузах – в Каунасе (Литва) и в Новозыбкове Брянской области. Сейчас я думаю, как хорошо, что судьба отвела нас от них обоих. В Литве русским приходится туго, а в Новозыбкове – след Чернобыля. Но тогда мы ничего этого не знали, и мне захотелось в Каунас, всё-таки вроде Европа. Но Виктор твёрдо сказал: никогда! И рассказал, как во время войны, проходя через Литву, спал с револьвером под подушкой, потому что отношение местных жителей к Красной армии было далеко не однозначным.

Оставался Новозыбков, тёплые края. Между прочим, я готова была поехать даже в Ашхабад, разрушенный землетрясением, потому что был брошен клич помочь пострадав-

шим, а я была истинной патриоткой. Но трезво мыслящий муж меня остановил.

Итак, Новозыбков. Витя поехал на разведку, познакомился с начальством, заручился твёрдым согласием. Но, когда пришла пора упаковывать чемоданы, из Новозыбкова пришёл отказ.

«Вологодская родная сторона»

Начало работы

Тогда Виктор отправился в Москву, в Министерство просвещения. И там случайно познакомился с директором Вологодского пединститута Левиным. Узнав о наших проблемах, Левин согласился взять нас на работу обоим. Вот так из южных тёплых краев мы попали в края холодные, и Вологда в первую же зиму показала нам свой суровый нрав – морозы завернули чуть не до сорока градусов!

К месту своего назначения, как писал Пушкин в первых строках «Капитанской дочки», мы прибыли в конце августа, а на работу были зачислены на полмесяца раньше в качестве подарка нам на студенческую бедность. Ехали, правда, с небывалым шиком – в плацкартном, а не в общем вагоне в надежде на подъёмные. В вагоне оказались коренные вологжане, возможно, из какого-то отдалённого района области. Они разговаривали между собой, а мы с трудом понимали, о чём они говорят, так сильно было выражено местное произношение. Путь от Москвы до Вологды занимал в то время часов двенадцать, а может быть, и больше. На вокзале нас встретил Иван Сергеевич Окулов, приятнейший старичок (надо сказать, что тогда все, кому было за 50, казались нам стариками), лаборант кафедры литературы. Наши скромные пожитки покидали в грузовик, меня поместили в кабину, и мы отправились на улицу Папанинцев.

Первое впечатление от Вологды было не из приятных. Бульжные мостовые, деревянные мостки на тротуарах, деревянные дома... Но нас привезли в каменный дом в самом

центре, рядом с памятником Ленину, и показали приготовленную для нас квартиру.

Как не вспомнить добром советскую власть, которая считала своим долгом заботиться о молодых, да и не только молодых специалистах! Мы сами ничего ещё не успели заработать, нас выучили бесплатно в отличном университете, нам обеспечили крышу над головой совершенно бесплатно.

Квартира, конечно, была весьма скромной, но после саратовского общежития показалась нам роскошными апартаментами. Две узкие длинные комнатки, в каждой по одному окну, кухня с плитой, печное отопление. Жильё наше находилось прямо над рестораном «Север», раньше здесь были номера, принадлежавшие, как и ресторан, одному хозяину. Чтобы попасть в квартиру, нужно было подняться по крутой железной лестнице, с которой я благополучно свалилась, будучи беременной Наташкой, пройти по коридору мимо таких же клетушек, как наши, в самый конец. Рядом с нами жил Геннадий Иванович Лебедев с большой семьёй – женой Екатериной Григорьевной и пятью детьми. Геннадий Иванович заведовал кафедрой литературы, у нас сразу наладились хорошие отношения, и, когда не хватало денег до полочки, я робко стучалась в его дверь. Он вынимал из кошелька аккуратно сложенные, по одной, бумажки и вручал мне рублей 5–10. Их младший сын Витя был немного старше Саши и приходил к нам играть. Но это было уже позже.

Хозяйственная часть института выделила нам две железные кровати с досками, письменный стол и несколько стульев. Первое время и этого не было. Ели на подоконнике, спали на полу. Потом пришли вещи, отправленные багажом. Это были три больших ящика, набитых книгами и посудой. Из ящиков мы соорудили кухонный стол и ещё кое-какую «мебель». Дрова покупали возами на рынке, он находился рядом, и попасть к нам в дом можно было, только пройдя через рынок. Потом таскали эти дрова наверх и набивали ими чулан. Дров уходило много: в каждой комнате по печке и в кухне плита. Но дрова стоили недорого, всё же мы попали

в лесной край.

Как только мы немного устроились, приехали Витина мама и брат Володя. Им было не на что жить. Пенсию за погибшего мужа мать посылала дочери Тамаре, которая училась в Саратове. Своей пенсии она не заработала. Мы тоже немного имели. Ставка начинающего преподавателя равнялась 105 рублям. А ещё вычеты, добровольно-принудительная подписка на заём. Оставалось намного меньше. А ведь это было начало нашей самостоятельной жизни, нам требовалось купить самое необходимое хотя бы для хозяйства. Зарабатывали во время летней заочной сессии. Это не входило в нагрузку и выполнялось во время отпуска за дополнительную плату. Работали по 12 часов в сутки, но получалась довольно приличная сумма, за счёт чего мы смогли за семь лет жизни в этой квартире обзавестись диваном, круглым столом, сделать полки для книг с помощью институтского столяра Павлика Харитонова, даже ковром, и сейчас ещё украшающим мою комнату. К концу этого срока купили ещё и прибалтийский спальный гарнитур, который, не распечатывая, перевезли уже на новую квартиру.

Питались то лучше, то хуже, но в общем неплохо. Почти все продукты: молоко, творог, сметану, яйца, масло, мясо – покупали на рынке. В магазинах многого не было, зато было изобилие чёрной икры (!) и крабов (!). Первое было недоступно, а ко второму Виктор пристрастился. Он познакомился с этой едой во время войны в Японии. Я же пожирала – другого слова не найду! – маринованные белые грибы. Думаю, что моя беременность была тому причиной. Они продавались напротив в старинных одноэтажных торговых рядах, потом переделанных в Ленинградский магазин. Грибы стояли в громадных бочках, продавались на вес. Но как сейчас вижу перед собой эти замечательные жёлто-коричневые, скользкие от маринада грибы с потрясающим запахом. Куплю сколько-нибудь, несую домой в банке и не могу удержаться – половину съедаю по дороге. А дорога-то – всего два шага! Вите всё равно нельзя было их есть – у него обнаружи-

лась язва двенадцатиперстной кишки.

Когда приехала свекровь, она занялась покупкой продуктов и готовкой. Стала печь пирожки с картошкой и с ливером, сладкие булочки. У неё я научилась ставить тесто, делать начинку и до сих пор вспоминаю её за это добрым словом. В свободное время она вязала носки, варежки, кружева и продавала на рынке, внося некоторую лепту в наш бюджет. Иногда на эти деньги покупала что-нибудь своей любимой дочке. Тогда в моде был штапель, за ним выстраивались огромные очереди. Анна Андреевна завела дружбу с продавщицами небольших магазинчиков на территории рынка. Заранее узнавала, когда этот штапель привезут, пораньше занимала очередь и доставала отрезы на платье Тамаре, себе, а иногда и мне.

Володя поступил в 9-й класс школы № 9 рядом с домом, неплохо учился, был красивым мальчиком. В него была влюблена пионервожатая, дочка которой потом стала моей студенткой. По окончании школы он вынужден был поступать в военное училище. Это давало полное обеспечение, ведь ему не на кого было рассчитывать. Как мы потом узнали, это стало причиной его обиды на мать, потому что сестре она помогала, а ему не смогла. Да, наверное, и на нас тоже. Мы сделали, что могли, но, вероятно, этого было недостаточно. Впрочем, причины для обид у него находились всегда, такой уж у него был характер, весь в мать.

Новые друзья на всю жизнь

Чтобы закончить описание нашей «Вороньей слободки», скажу, что жила в ней Беатриса Александровна (иначе Беба, Белетрисик) Фельдман с сыном Юрой, кандидатом географических наук, Юрием Дмитриевичем Дмитревским. Она была весьма колоритной фигурой: со следами былой красоты, как принято говорить, со старомодной причёской ещё густых седых волос, словом, совершенно очаровательная дама. Не старуха, не женщина, а именно дама. А сын – специалист по Африке, в которой, правда, никог-

да не бывал, что в то время в связи с «железным занавесом» было в порядке вещей. Прошли годы, он переехал в Ленинград, стал доктором наук, и много всего совершилось в его жизни. Этот мир он покинул в январе 2001 года. А тогда он был молод, полон сил, хоть и ходил на протезе, а иногда и с костылями. Очень симпатичный человек, располагающий к себе, добрый, умный. Он ждал невесту из Питера. Она оканчивала аспирантуру, занималась творчеством Некрасова у профессора Евгеньева-Максимова. Это была «Томпсик» Беседина (Тамара Алексеевна). Мы как-то сразу подружились, чему способствовала Беатриса Александровна.

Вскоре произошла ещё одна счастливая история: иду я по рынку, и вдруг кто-то меня окликает. Смотрю – батюшки! – Валя Веселовская, с которой мы не виделись с владимирских времён и были знакомы через Агу Ошуркову. Так в нашем полку прибыло.

И не только. В одной из комнат нашего дома жил Борис Николаевич Головин, лингвист, замечательный человек и впоследствии крупный учёный, один из зачинателей прикладной лингвистики. К нему приехала жена Лёся, с которой мы тоже быстро сошлись. Так постепенно создавался наш дружеский кружок. К нему вскоре присоединились Вяча с Таней, то есть Вячеслав Александрович Шитов и Татьяна Георгиевна Паникаровская. Потом Шайтановы Муза Васильевна с Олегом Владимировичем, нашим деканом. Все праздники мы встречали вместе, много всего придумывали, смеялись, выпивали и поглощали главным образом винегрет. Потом уже начались изыски вроде Тамаркиных тортов, которые были признаны чудом кулинарного искусства. Вот сейчас перечислила всех друзей и ужаснулась – никого, кроме меня и Вали, уже нет в живых... (Валентина Ивановна Веселовская тоже ушла из жизни в 2011 году). А ведь я ещё не назвала Анну Михайловну Гольдину, Варвару Александровну Дворецкую, Артура Владимировича Петровского...

Первый Новый год мы встречали у Василия Сергеевича Третьякова, старейшего преподавателя кафедры русского языка. Стоял трескучий мороз, Виктор лежал дома с фолли-

кулярной ангиной, я – на последнем месяце беременности. Но поскольку Василий Сергеевич пригласил, неудобно было не пойти. Жил он в старом деревянном доме на улице Октябрьской. Из всех щелей дуло. Эта новогодняя встреча больше ничем мне не запомнилась. Но так как Валя Веселовская всегда всё помнит, она прояснила этот вопрос: у В.С. Третьякова встречали 1950 год Б.Н. Головин, Юра с Тамарой, Валя и я. Тамара сделала торт из печенья и готового крема. Юра играл на пианино. Вообще моя память какая-то не такая, как у всех, а проще говоря – плохая. Говорят, что с возрастом люди лучше помнят то, что было. Я же обладаю способностью начисто забывать некоторые события. Как будто их и не было. Так что в моих воспоминаниях неизбежны существенные пробелы.

Родился Сашенька

26 января 1950 года родился Сашенька, своим рождением залечив мою прежнюю рану. Надо было заботиться о нём – кормить, купать, гулять, пеленать. Памперсов не было, удобств вообще было маловато, но всё же несравненно больше, чем в саратовском общежитии. В квартире было тепло, несмотря на холодную зиму. Особенно выручала плита, возле которой, в тепле, мы купали нашего сына. Но воду приходилось носить из общей кухни, да и выливать туда же. Туалет тоже был общий и не мог похвалиться чистотой. В чулане бегали крысы, Виктор их ловил мышеловкой и топил в ведре. Завели котёнка, но он был ещё мал, да и пропал вскоре, предварительно разбив мою домашнюю реликвию – настольную фарфоровую лампочку, голубую, с ангелочками, переделанную из керосиновой. Жалко было до слёз...

Анна Андреевна, моя свекровь, нянчилась с Сашкой, пока я была в институте, но, как только я приходила, сдавала «вахту». А у меня сумасшедшая нагрузка – около 800 часов, из них 400 часов одних лекций. От Гомера до наших дней...

ГОТОВЛЮСЬ К ЗАНЯТИЯМ СТОЯ

Я всегда была очень не уверена в себе, и первые лекции были для меня настоящей пыткой. Боялась вопросов, боялась что-нибудь забыть, перепутать, боялась, что не хватит материала и что вообще буду нести какую-нибудь чушь. Когда на лекцию приходил декан О.В. Шайтанов, я едва ворочала языком от страха: мне казалось, что говорю что-то не то. Тем более после того, как я послушала его лекции, где всегда была чёткая историческая основа, социологизированный подход и вообще всё правильно, всё выверено. А у меня!

Нахватаюсь из разных книжек накануне лекции, если не успею написать – подчеркну, вырву листочки: всё-таки гарантия. Так и стоит у меня на полке замечательная «История французской литературы», в которой отсутствуют листы с анализом творчества Лесажа и его романа «Жиль Блаз». Видимо, где-то затерялись. Был замечательный учебник Кайева, небольшой, но содержательный – от фольклора до советской литературы. Это была канва, которую можно было дополнять. По зарубежной литературе – учебник Ф. Шиллера, где пересказывались сюжеты произведений. Но Шиллер, видимо, как и я, не всё успел прочитать, когда учился, и в книге было много ошибок, из-за чего я однажды здорово влипла. Рассказываю «Ярмарку тщеславия» Теккерея, а студенты говорят, что роман не так кончается. В университете я одолела только половину этого знаменитого, но довольно скучного романа. А студенты английского отделения, видимо, знакомились с ним по-английски. Не знала, как вывернуться, что-то лепетала про две разные редакции. На немецком отделении читала немецкую литературу. У историков – всю русскую. На заочном отделении – всё, начиная с античной. Такой вот «эрудит»!

У историков тоже однажды зарпортовалась. Рассказываю: «Горький в 1939 году говорил...» Голос из аудитории: «А Горький в 1939 году уже умер». Пришлось и тут как-то выпутываться. Но знаю, что студенты мне всё прощали и

меня любили, как выясняется часто при встречах с бывшими выпускниками. Зная свои огрехи, я на экзаменах и зачётах спрашивала их не очень строго – сама была почти студенткой и входила в их положение. Беда была ещё в том, что не хватало книг. Пресловутая борьба с космополитизмом буквально оголила библиотечные полки. Чаще всего исследования по зарубежной литературе объявлялись вредными и запрещались. Для такого приговора автору достаточно было иметь нерусскую фамилию.

Вообще этот первый год – как кошмарный сон. Вот завтра шесть часов разных лекций, ни к одной ничего не написано. А уже вечер, спать хочется безумно, ведь хронически не высыпаюсь, ночами встаю к Сашке. Однако ведь на 6 часов надо что-то подготовить. Вот и мучаюсь. Читаю стоя, чтобы не заснуть. И всё равно засыпаю.

И тут приходит беда – Сашенька заболевает воспалением лёгких. Ему три месяца. Его кладут в больницу, а мне не разрешают быть с ним. Я в полном отчаянии, ещё под впечатлением смерти первого ребёнка. Умоляю, объясняю – не помогает. По чьему-то совету бегу в горком партии к секретарю Александровой. Порядки были довольно демократичные: меня запросто к ней пропускают. Выслушав меня, она даёт распоряжение взять меня в больницу. Сначала посылают в санобработку. Тороплюсь, бегу, знаю, что он там один, без мамы. «Обрабатываюсь» и наконец-то прибегаю в больницу. Лежит моя кроха и, слава Богу, спит. Шесть раз в сутки колют пенициллином. Мне прилечь негде. Детские низенькие стульчики составляю по три-четыре и на них ложусь. Но какой уж тут сон! Опять кричат: «На укол!» И тревога, и усталость, и самые мрачные мысли. Вроде поправился, но ещё не выписали. И вдруг опять температура до сорока. Господи, в чём дело? Оказывается, ухо. Но это быстро вылечили. И вот мы дома. Пронесло!

Что ещё вспомнить из того первого года в Вологде? Был один неприятный эпизод. Меня ведь в Саратове во время болезни наголо обрили. Волосы только начали отрастать.

Перед студентами появляться в таком виде было неудобно. Я соорудила себе чалму из бывшего бабушкиного плюшевого жакета. И нарвалась на замечание в довольно резкой форме декана факультета иностранных языков Елизаветы Николаевны Слугиновой, женщины старых правил, известной своими строгостями. Я будто вновь почувствовала себя студенткой. Пришлось оправдываться. Было очень обидно...

Работать приходилось очень много, денег постоянно не хватало. Иногда задерживали зарплату. Случалось, занимала у свекрови. Бабушка и дядя часто писали и посылали нам посылки из Явленки – муку, ещё какие-то продукты, а однажды прислали малюсенькие валеночки для Сашки, который к зиме стал ходить. Дядя Рома его очень полюбил и заказал специально какие-то особенные, без кислоты, которой их обрабатывают. Хотелось купить понравившийся материал на платье, но не смогла. Очень нужны были боты (сапог тогда не носили), но пришлось ждать до следующего года, когда смогла приобрести их за какой-то гонорар. Интересно, что когда Виктор отлично сдал первый кандидатский экзамен и прислал об этом телеграмму, у меня не было денег на то, чтобы его поздравить, и Борис Николаевич Головин решил послать нашу общую телеграмму за свой счёт. Я бралась за любую работу – публичная лекция, заметка в газету, дополнительный курс. Виктор ездил в Саратов, готовился и сдавал кандидатские экзамены, жил у Женьки Калмановского. Потом то же самое делала и я, жила у Мироновичей. Все эти дела и переезды остались в наших письмах. Смешно сказать, но письма мы иногда писали на адрес института, потому что мама Виктора обижалась, что пишутся не общие письма. А ведь хотелось поговорить без свидетелей!

«Крупнейший молодой исследователь»

Между прочим, захотелось похвастаться. Вот что я писала из Саратова: «Сегодня Юлиан (Оксман) вселял в меня уверенность и поддерживал мой престиж. Я пришла к нему на доклад «Ранний А. Толстой» на семинаре. Он так рекомен-

довал меня своим студентам: «Это наша бывшая студентка И.В. Гура, а ныне – крупнейший молодой исследователь творчества А. Толстого». Я, наверное, покраснела как маков цвет. А до этого в беседе со мной он рассыпался в комплиментах: «Я считаю вашу статью о «Сёстрах» прекрасной работой. Я заинтересовался А. Толстым, много читал и только теперь по-настоящему понял, что вы сделали нужную, интересную и, главное, смелую работу». Он говорил, что многие боялись об этом писать, но что теперь все будут ссылаться на меня. Получить такой отзыв от Оксмана дорогого стоило, тем более что я не была избалована научными успехами.

В дружеском кругу

А так всё шло своим чередом. Когда встречали 1952 год, гостей принимали уже у себя. Кроме уже известных друзей, был ещё Артур Владимирович Петровский со своей очаровательной Иветтой. А 1953 год был встречен у Дмитревских в расширенном составе: были Шитовы, Шайтановы, Антиповы. С этой встречи начались знаменитые шаржи, телеграммы и другие выдумки. За все последние подробности я признательна Вале Веселовской, которая всегда помнит такие вещи доподлинно – с датами и лицами. Я же, не надеясь на свою память, сохраняла какие-то свидетельства, что-то записывала. Покопавшись в своих бумагах, сейчас нашла маленькие пожелтевшие листочки с записью всего выпитого и съеденного, которые сохранили следы нашего остроумия. Тогда это было злободневно и метко, теперь читается уже не так. Сочиняли в основном Т.А. Беседина, Ю.Д. Дмитревский, О.В. Шайтанов и я. Шаржи были не обидные, но смешные. Например, Б.Н. Головину, всесторонне исследовавшему глагольные формы, Олег Владимирович написал:

*Он на глаголе съел собаку.
За свой излюбленный глагол
Готов идти в любую драку.
Пускай бы он скорей нашёл,
Что им обглодан весь глагол!*

Раскрывая секреты моей эксклюзивной, как теперь говорят, методики подготовки к лекциям, кто-то из наших авторов изощрялся:

*Шекспир, хозяйство, муж, сынишка...
Извольте-ка везде поспеть!
В конспектик превратилась книжка.
Ну как же тут не угореть!*

Уже не помню, какие мои качества стали причиной другого шаржа:

*Пусть сердится супруг,
Вы рождены для сцены!
Не раз бывает вам, друг,
В объятых Мельпомены.*

Когда же я ещё раз ждала прибавления семейства, стишок советовал:

*Чтоб зрел недуг ваш деликатный,
Вам нужен рацион двукратный.*

Много поводов для шаржей всегда давал Виктор. Вот один из них:

*Литфак тобою осчастливлен,
Почти возглавлен и пленён...
И речь твоя, как Тихий Дон,
Струится плавно, безмятежно
И навевает лёгкий сон...
А сны на лекции сулят
Вояж студенту в деканат.*

Часто роман Шолохова обыгрывался в стихах. Вот, например, двустилишие Олега Владимировича:

*Пусть смело пьёт из Дона он:
Неисчерпаем «Тихий Дон».*

Довольно быстрая защита Виктором кандидатской диссертации вызвала следующий опус:

*Гордитесь доблестным собратом,
Блестящим рыцарем пера!
Сегодня стал он кандидатом,
А завтра влезет в доктора.*

Для наших сборищ выпускались стенгазеты, сочинялись шуточные телеграммы. Когда у Виктора обнаружилась язва, ему писали якобы Шолохов, Коничев и Твардовский: *«Литература скорбит по поводу появления лишней дырки в вашем желудке. Через неё уходит необходимый нам дух литературной критики. Заткнитесь любыми способами».*

Попытки Виктора посетить Шолохова в Вёшенской, которые не раз срывались, стали предметом такой шуточной телеграммы: *«Провёл вторую половину истекшего года в нервном состоянии, с каждым стуком в ворота ждал вашего визита. Жду в Вёшках в нынешнем году. Кобели два дня не кормлены. С приветом. Шолохов».*

Одна из телеграмм прошла по недостаточно деликатной манере Виктора выступать на партийных собраниях. Вот её текст: *«Предлагаем облекать выступления на собраниях в более обтекаемую форму во избежание потери кадров от апоплексических ударов. Министр просвещения Каиров».*

А вот смешная телеграмма по поводу попыток Виктора переехать в Москву: *«Просим занять любую должность на филологическом факультете МГУ: Метченко сошёл с ума от получения премии, Якименко загрызла зависть, Юшин спился, Соколова погубили абитуриенты и их родственники, Хабина – бабы. Телеграфируйте согласие. Временно займите номер в гостинице «Националь» с правом бесплатных обедов в ресторане. Отделяваем коттедж и загородную виллу с небольшой оранжереей, ботаническим садом, рыбными прудами. Ректор МГУ».*

Надо мной тяжкой гирей висела необходимость защиты кандидатской диссертации. В один из новогодних праздников до меня дошла телеграмма, отправленная ещё якобы в 1920 году и, как сообщалось, задержанная доставкой: *«Же-*

лаем в грядущем году начать диссертационные хождения по мукам, кровно заинтересованы. Даша Телегина, Катя Рощина». Но мне больше нравилась такая краткая депеша: «Обходит Ваша слава мир. Ваш близкий друг Вильям Шекспир».

Надо сказать, что не только я была объектом шуток из-за задержки с защитой. Тамара Беседина тоже однажды получила послание:

*Некрасовскому сыну Коле
Работы Вашей ждать доколе?
Покуда Ваша дочка Оля
Закончит курс учёбы в школе?*

Вот так мы развлекались... Ещё и в литературные игры играли, и в шарады. Смеху было – не рассказать!

В остальном наша жизнь потихоньку налаживалась. В 1952 году моя свекровь вернулась к родным пенатам. Володя поступил в Высшее военно-морское училище связи в Петергофе. Тамара окончила институт и получила направление в Лысые Горы Саратовской области. Потом перебралась в Николаевск. В 1953 году Виктор защитил кандидатскую диссертацию, что сразу сказалось на нашем благосостоянии. К этому времени у меня появилась помощница – Маруся, которая смотрела за Сашей и хозяйничала, неплохо готовила, чему научилась у своих прежних хозяев – в семье директора Левина.

Семейное благосостояние

Понемногу наша жизнь улучшалась, мы обзавелись кое-какой мебелью и одеждой. С продуктами было плохо. В письмах уехавшему в Москву или Ленинград Виктору постоянные просьбы привезти масла, сахару, муки, риса, чего-нибудь вкусенького. В 1957 году мы получили роскошную по тем временам квартиру, что было очень трудно, но не стоило ни гроша в отличие от настоящего времени.

Дело в том, что Виктор прошёл по конкурсу в МГУ, местное партийное начальство его не отпустило и в качестве

компенсации выдало ордер на квартиру в строящемся доме. Накануне нового 1957 года мы водворились в эти хоромы, где я вначале теряла всех домочадцев в непривычном четырёхкомнатном пространстве. Было холодно, и я жалела об оставленных в старом доме печках. Донимали блохи, которые жили в перекрытиях и скакали на нас из щелей в полу. Наш переезд был омрачён ещё тем, что Наташина замечательная няня Юля вышла замуж и уехала в Москву. Я регулярно выдавала замуж своих домработниц. Сначала Марусю, потом Юлю, потом Зою и последнюю – её сестру Лелю. Вот четыре замечательные девушки, которые помогали мне жить, работать, содержать в порядке дом, кормить семью. Я им вечно благодарна за это. Были в промежутках ещё какие-то помощницы, временные, но о них не осталось сожалений. Недавно я была у врача, и вдруг пожилая медсестра говорит, что жила у меня в домработницах. Видимо, это было совсем мимолётно, потому что я её совсем забыла.

Много переживаний у меня было связано с кандидатскими экзаменами и защитой диссертации. Защита состоялась 22 мая 1959 года, как выяснила я сейчас, заглянув в диплом. Эта дата в моём сознании не принадлежит к числу приоритетных, хотя она избавила меня от досадной необходимости «выжимать» из себя диссертацию. А главное – увеличила наш семейный бюджет. На первую же повышенную зарплату купили холодильник ЗИЛ, который до сих пор работает верой и правдой лучше новых. Помимо летних заработков на заочном, стали появляться гонорары за книги. Одним из первых существенных был гонорар за книгу «Жизнь и творчество Шолохова», изданную Учпедгизом в 1955 году. Через два года она была переиздана в Бухаресте, но тогда автору за это ничего не полагалось. Но Виктор печатался часто, и это пополняло наш бюджет. Смогли даже купить машину. Это был скромный «москвич», но и он тогда очень пригодился. Виктор был горд. В то время автомобили имели немногие.

Летом мы пытались отдохнуть в деревне. Первый опыт был неудачным. Вместе с Головиными сняли домик в деревне

по Ленинградской дороге. Зарядили жуткие холодные дожди. Сашка заболел ангиной, и мы еле унесли оттуда ноги при помощи нашего институтского шофёра Менгелеева, который часто нас выручал. Бензин тогда ничего не стоил. Позже снимали дачу в Юрьеве, в Починке. Там было намного лучше. А в 1972 году купили дом в Дулепове. Но до этого ездили три раза в Коктебель, в Гагры, в Дубулты. Я с четырёхлетним Сашей была в Сочи. Виктор лечился в желудочных санаториях – Эссентуки, Железноводск, Трускавец. Но пока я не отправила его в Карловы Вары, ничего не помогало. Только этот чудодейственный курорт после второго посещения избавил его от язвы.

Поездки к бабушке и дяде Рома

А бабушка и дядя Рома в это время всё ещё были в Казахстане, куда их выслали из Владимира в 1948 году. Это была новая волна репрессий. Во Владимире за дядю хлопотали довольно уважаемые люди. Местное управление НКВД переписывалось с Москвой, некоторые надежды возникали и снова пропадали. Измучили их и в результате всё-таки выслали. Ехать надо было в Северный Казахстан, по сути дела – в Сибирь. Сначала они приехали в Петропавловск, оттуда их отправили в Явленку, где была больница и сам посёлок довольно порядочных размеров. Дяде дали хорошую квартиру в просторном деревянном доме. Он стал работать в больнице. Завязались знакомства. Началась новая ссыльная жизнь, более или менее сносная.

Ещё из Саратова летом 1948 года, во время каникул, я поехала к ним. В Саратове была жара. На всякий случай я взяла с собой только жакет и поняла опрометчивость этого выбора. Зуб на зуб не попадал. А ехать надо было на попутной машине километров за 200 от железной дороги. Местные жители сокрушённо покачивали головой, видя мою экипировку, когда я искала машину. А шофёр, согласившийся меня подвезти, сказал: «Что ж ты думала? Ведь в Сибирь ехала!»

Летом 1950 года я снова отправилась в Явленку с малень-

ким Сашенькой. Вот сохранившаяся открытка из Кирова, через который мы проезжали: «Едем кое-как. Ночь промучились. В 3 часа дня нам уступили место в уголке... В Свердловске будем завтра в 7 часов вечера, а потом неизвестность с пересадкой». Надо было очень любить своих родных и быть такой безрассудной, какая, чтобы пускаться в такой путь с грудным ребёнком! Но теперь дядя Рома должен был встречать нас в Петропавловске. Сонного и немного покусанного клопами Сашку я одела, вышла из вагона, провожаемая попутчиками, которые восторгались всю дорогу моим сыном, и попала в объятия моего дорогого дяди. Он усадил нас на извозчика (такого сервиса там раньше не было!) и повёз... на аэродром. В 9 часов утра мы вылетели, и мне было совсем не страшно, а очень интересно. Судя по сохранившемуся письму от 30 июля, мы жили там неплохо. Много гуляли, Саша хорошо себя чувствовал: «Сашунька лопаёт кашу, пьёт морковный сок, стал очень тяжёлый и очень смешной. Когда гуляем, он вертится на все стороны, каждая корова его занимает, а уж если проедет редкая для Явленки машина, то для него это целое событие». Для моих родных наш приезд был событием, дядя Рома открылся мне с новой стороны, так полюбив ребёнка, а ведь я всегда была уверена, что к детям он равнодушен. Брал Сашку на руки, делал ему подарки. Да и мне они много всего надарили. Это была хорошая поездка и благополучное возвращение.

Следующий раз я пустилась в путь в 1951 году уже с Виктором и маленьким Сашкой на руках. Ему было полтора года. На фотографии я держу его на руках, а рядом стоят дядя Рома и бабушка. «Как отвратительно я вышла!» – это был её постоянный приговор фотографиям. Поездка, как и предыдущие, была рискованной, но моё непреодолимое желание увидеть родных и показать им Сашеньку заставляло забыть о всяких препятствиях. К тому же муж был со мной.

Вот мы приехали в Петропавловск. Нас посылают на аэродром, который представляет собой просто открытое поле, и предлагают доставить на санитарном самолёте.

Ждём несколько часов. Наконец, запускают нас в открытый маленький самолёт. «Привязывать будем?» – спрашивает один лётчик другого. – «Да нет, так долетят». На руках у меня ребёнок, и я боюсь отдать его Виктору. И вообще стараюсь держаться спокойно, чтобы не вызвать упреков – куда я его завезла. Вцепилась одной рукой в самолёт, другой прижала к себе Сашку. Полетели. Иногда такое чувство, что взлетаешь в воздух самостоятельно, отделившись от сиденья. Страшно, но креплюсь. Год назад было гораздо комфортнее! Наконец прилетели! Как обрадовалась бабушка – невозможно передать! Ради одного этого момента можно было претерпеть такой трудный путь!

Но наше пребывание в Явленке затянулось, против ожидания, надолго: Сашка заболел корью. Положили в больницу вместе со мной. Отпуск кончился, и Виктор должен был уехать. В больнице мы оба подхватили скарлатину. Это было ужасно не только потому, что болезнь была опасна, особенно для ребёнка, но и потому, что она ещё на месяц задерживала нас вдали от Вологды. В письмах из больницы я корила себя за то, что завезла Сашу так далеко, волновалась о Викторе и о работе. Утешалась тем, что сынок легко переносит болезнь, бегает и играет с ребятами, стал много говорить, всех детей называет по имени, а лечащего врача Раису Максимовну – просто Раей, что ей очень нравится. Я, как ни странно, заболела этой противной болезнью во второй раз, о чём писала раньше. Всё в классической форме: рвота, горло, температура. Пытаюсь дозвониться в Вологду. Ничего не слышно. Говорить трудно. Передаю через телефонистку, как обстоят дела. На другой день получаю телеграмму от Вити: «Не понял, кто чем болен».

А время идёт, наступают холода, приходится что-то изобретать. Сидя в больнице, из марли и ваты простёгиваю Сашке кафтанчик под его курточку с капюшоном. На ноги – меховые сапожки. Выписывают нас 4-го октября, и уже 5-го мы выезжаем из Петропавловска, куда нас довели на больничной машине. Как достала билет и доехала до Москвы,

не помню. Но вот уже Ярославский вокзал. Закомпостировала билет, ждём поезда. Вдруг по радио объявляют, что в помещении вокзала находится ребёнок, больной дифтерией. Только дифтерии нам и недоставало! Бежим на воздух...

Когда приезжаем в Вологду, Сашка первый раз говорит счастливому Виктору: «Папа!» Начал говорить в больнице, начав с того, что однажды, проснувшись, чётко произнес: «Хочу супа и каши». А вот ходить начал совсем крошечный, ещё 10-ти месяцев не было. Болезни он перенёс, слава Богу, легко, никаких осложнений не было. Курировал нас главный врач больницы по фамилии Бык и, конечно, дядя Рома.

Через некоторое время усердные местные казахские власти решили ещё больше изолировать моих родных как опасный элемент и заслали в жуткую дыру – Майбалык. В 1953 году я отправилась к ним уже без Сашки, наученная горьким опытом. Дорога с пересадками через Буй, Киров, Свердловск, потом, конечно, опять на попутках. Добралась. Картина неутешительная: дом с глинобитным полом. Но девственная природа, кругом озёра. Судя по сведениям из Интернета, там теперь шикарный санаторий, а озеро славится лечебными грязями. Ничего этого мы тогда не знали.

Дядя Рома охотился и приносил по несколько уток каждый день. В конуре на цепи у него жила ручная лисица. Удивительно, как он мог приспособливаться ко всем зигзагам судьбы! Бабушка страдала больше. Да и неудивительно! Ведь ей уже было 77 лет! Бытовая неустроенность, отрыв от близких, от друзей, от цивилизации. Настоящая глушь! Маленькая амбулатория. И это для врача с такой квалификацией, как у дяди Ромы! Отдохнуть на природе и побыть с родными было очень приятно, но как хотелось домой!

Тем не менее прошёл год, и я снова в пути. И Саша со мной. Едем до какого-то Петухова и сразу находим машину до Майбалыка. Пожалуй, стоит процитировать письмо от 6 июля 1954 года: «Выехали в 11 утра, ехали с остановками, выходили гулять, и к 5 часам вечера были дома. По пути заезжали в тракторные бригады на целинные земли. Так что

можем сказать: «И мы пахали!» Сегодня с утра гроза, вчера было солнце, но страшный ветер. На озере были такие волны с белой пеной, как на самом настоящем море. Дядя Рома вчера на полчаса поехал на озеро и привёз двух уток. Саша гуляет с утра до вечера, как только встаёт, сразу просится на улицу. Очень мило разговаривает с бабушкой. Например, она его спрашивает, нравится ли ему её платье, на что он отвечает: «Это не платье, а тряпка». Как тебе нравится? Или спрашивает, почему у неё всего один зуб. Бабушка, конечно, не обижается. Сегодня дядя Рома вернулся с охоты совершенно мокрый, но с тремя утками».

В сердце навсегда

Время шло. Три года назад умер вождь и учитель, а моих родных всё ещё держали в ссылке. Наконец, 12 июня 1956 года приходит телеграмма: «Переезд Владимир решён всё устроено». Все вздохнули с облегчением. Но сколько же они, бедные, помотались по Союзу с вещами! В 1956 году бабушке уже 80! Владимир встретил их хорошо, они получили квартиру на улице Большие Ременники – две комнаты у них и одна у соседки.

И вот здесь-то в 1959 году бабушка заболела. Уже за 2–3 года до этого она перестала выходить из дома, только дышала воздухом на балконе. Когда я числа 25-го марта приехала, она была в полубессознательном состоянии. Очнётся, скажет пару слов – утешает, уговаривает не плакать, но уже ничем не интересуется, говорит, что своё отжила, пора убраться на тот свет, и опять заснёт. Дышит с трудом. Ничего не ест. С кем-то разговаривает во сне. Всё время спрашивает, не ушла ли я. Дядя с ней замучился. Ведь она заболела давно, и он выполнял обязанности врача, сиделки, санитарки. Когда предлагал ей лечь в больницу, она не хотела. Непонятно было, чем она жива. Ведь восемь дней ничего не ела. Моё положение усугублялось тем, что дома на Зою брошены дети и Виктор мучается с мокнущей экземой. Руки намазаны и за-

бинтованы. Зойка хамит. Теперь она об этом не вспоминает, да и ладно. А моё сердце во Владимире разрывается от тревоги за них и от горя из-за бабушки. На выручку пришла Вера Миртова, теперь уже известный во Владимире специалист – заведующая бюро судебно-медицинской экспертизы. Вместе мы уговорили дядю Рому положить бабушку в больницу. Приехала «скорая», её увезли, когда она этого не сознавала. В эту минуту я видела её живой в последний раз.

В больнице она немного оправилась, написала мне несколько писем. Потом заболела воспалением лёгких, и 28 ноября 1959 года пришла телеграмма: «Бабушка умерла вчера 8 часов вечера». Послезавтра я была во Владимире и хоронила мою дорогую бабушку, царствие ей небесное.

Какая судьба! Первая половина жизни такая благополучная, 40 лет – никаких забот и лишений, а потом – одни несчастья. И ведь она почти никогда не роптала, все удары судьбы принимала достойно, каждый раз стремилась примениться к новым условиям жизни, носила в душе неутраченную боль о пропавшей дочери, о болезни и искалеченной жизни сына, заботилась и о нём, и обо мне, любила нас.

Дядю Рому уже несколько лет опекала Наташа, та самая, из семьи Гончаровых. Старая любовь не ржавеет! Хозяйничала, ходила на базар, готовила еду под недоброжелательным оком бабушки, которая не могла примириться с тем, что Наташа, хоть и разведённая с мужем, остаётся на ночь. Это была какая-то непонятная вражда сродни ревности. Ведь раньше бабушка хорошо к ней относилась и принимала её помощь. И вдруг – такое ханжество! Между тем Наташа была хорошим, верным человеком. Она скрасила последние дни жизни моего дяди.

А он заболел – не прошло и двух лет после смерти бабушки. Сначала думали, что пневмония. Потом нашли опухоль в лёгком, возили в Москву к какому-то профессору. Тот подтвердил диагноз, но больного успокоил, и мы получили письмо: «Думали, что у меня завелись раки, но это не подтвердилось». На самом деле всё он знал, даже сам прощупы-

вал узел в подреберье, но не хотел меня волновать и просил Наташу и Веру Миртову мне не писать. Я писала Вере, Наташе, Лидии Петровне, Вериной маме, и более или менее представляла положение вещей. Собиралась приехать, но пока не было ничего угрожающего, ждала. Он лежал в своей собственной больнице, его хорошо лечили и заботливо за ним ухаживали. Вначале он чувствовал себя неплохо, шутил, как всегда, с сёстрами, гулял с Наташей, но стал плохо переносить облучение, лишился аппетита. Однажды вечером он вышел из палаты, горлом вдруг хлынула кровь, и дяди Ромы не стало. Это было 26 сентября 1961 года. До получения пенсии ему оставалось всего несколько месяцев.

На другой день в газете появились извещения о его смерти. Коллеги, которые его очень ценили и любили, пришли проводить его в последний путь. Кто-то из них вылил в гроб флакон «Красной Москвы», его любимого одеколona. Наверное, я виновата, что не устроила поминок. Но к этому обычаю в нашем доме всегда относились отрицательно. Теперь я переменила своё мнение и думаю, что этот ритуал имеет смысл. А тогда ничего не сделала.

Лет десять тому назад я была во Владимире. Вместе с Верой Миртовой и Мариной Ивановой мы пытались найти могилы моих родных. Но всё заросло, кладбище заброшено. Мы только свечи поставили в кладбищенской церкви. Пусть простят меня родные, что не сумела как-то обустроить место их последнего упокоения. Но я знаю, что у нас дома этому не придавалось особого значения. Я их любила, старалась радовать их при жизни. На всю свою жизнь, которая уже тоже подходит к концу, сохранила в душе благодарность, даже восхищение стойкостью этих дорогих мне людей, которым выпала жестокая доля. Где покоится прах моей несчастной матери, не знаю. Где-то на Соловках. Где прах бабушки и дяди, знаю приблизительно. Но они у меня в сердце навсегда...

Принимаем знаменитостей

Время шло, мы много и увлечённо работали. Виктор немало сил вложил не только в создание и укрепление самой кафедры литературы, её престижа в стране, но и в образование Вологодской областной писательской организации.

Многие известные писатели побывали у нас дома. Одними из первых были Александр Яшин и Константин Иванович Коничев. В 1950 году они участвовали в совещании молодых писателей в Вологде. Яшин приехал со своей женой Златой и жил рядом с нашим домом в небольшой гостинице. Тогда ещё совсем молодой, автор «правильной» поэмы «Алёна Фомина», ещё не написавший «Вологодскую свадьбу» и «Рычаги», подвергшиеся остракизму. После этого в каждый свой приезд он заходил к нам. Выпивал, вёл себя без тормозов, однажды пристал ко мне, чтобы я привела какую-нибудь женщину (не подумайте худого!) для общения. Я сходила за нашей соседкой по новой квартире, но, кажется, не смогла угодить знаменитому поэту. Никаких контактов лично у меня с ним не получалось, он мне, честно говоря, не очень нравился, как и его стихи. Только цикл, посвящённый Веронике Тушновой, потом затронул душу.

Другое дело – Константин Иванович Коничев. Весёлый, добродушный, расположенный к детям. Маленькую Наташку сажал на колени и позволял играть своими карманными часами, которые вызванивали короткую мелодию. Присылал свои, и не только свои, книжки, фотографии и весёлые письма. Меня называл «Иринушкой». О своём приезде предупреждал заранее, просил приготовить солёных рыжиков, да таких, чтобы в бутылочное горлышко пролезали. С ног собьёшься, бывало, ищешь по всему базару, да не всегда и найдёшь. Всё равно старалась его порадовать, испечь «пирожка с рыбой по-вологодски». Он бывал очень благодарен. Виктор не один раз бывал у него дома в Ленинграде на Дворцовой набережной. Это был действительно хороший человек, вышедший, как и Яшин, из самого народа, но усвоивший его лучшие качества. И писатель он был со своим почерком, со своей темой.

В 1960 году на областное совещание молодых писателей приехали «мэтры» – Сергей Антонов, Сергей Орлов, Михаил Дудин, Александр Яшин и, конечно, Константин Коничев. Их всех да ещё местных Викулова и Романова мы принимали у себя дома. Я расстаралась с угощением, все собрались за круглым столом, а Дудин и Антонов сидели за маленьким столиком отдельно. Видимо, боялись запить и не хотели соблазняться спиртным. Во что это вылилось, лучше всего передают стихи Михаила Дудина, сочинённые тут же. Они назывались «Донос товарищу Сталю», а Сталь был главным идеологом в Вологодском обкоме партии. У меня остался автограф вместе с «Панегириком Гуре». Конечно, Дудин всё шаржировал, но был недалёк от истины. Особенно неприятен во хмелю был Романов, о котором Дудин сочинил такую эпиграмму: *Был Александр Романов/ Царём России встарь,/ Для местных графоманов/ Романов Саша – царь!*

В другие времена бывали ещё Юрий Арбат, Юрий Пиляр, Владимир Тендряков, Константин Николаевич Ломунов, Валерий Дементьев. Все уроженцы Вологодской земли: Арбат родился в Белозерске, Пиляр в Великом Устюге, Тендряков в деревне Макаровской Верховажского района, Ломунов в селе Шуйском Междуреченского района, Дементьев в селе Каргачёво Кубеноозерского района. Это только небольшая часть той когорты успешных, прославившихся в литературе и филологической науке людей, которые родились на Вологодчине. Богата талантами была северная земля!

Во время конференций, которые проводила наша кафедра, мы всегда принимали знакомых. Вот передо мной программа конференции 1965 года. Смотрю, кто участвовал, и вспоминаю, кого мы приглашали домой. Хорошо помню, что были Б.И. Бурсов, А.И. Ревякин, Я.С. Билинкис, К.Г. Петров, конечно, Павел Вячеславович Куприяновский из Иванова. Он к нам и с женой приезжал однажды, они с Виктором очень дружили. Кстати, он тоже родом из Вологодской об-

ласти, из села Семёново Тотемского уезда. Был Юрий Витальевич Ковалёв из Ленинграда, специалист по американской литературе, очень симпатичный человек. Я его как-то встретила в Ленинграде в автобусе. Вижу, не узнаёт. Пришлось напомнить, как кормила его в Вологде беляшами.

А вот 1969 год. Самый яркий гость – Ульрих Рихардович Фохт. На банкете в ресторане он танцевал, подхватив на руки одну из участниц научной конференции. А ведь ему было уже 67 лет! Побывали у нас и Б.И. Бурсов, и Б.Ф. Егоров, оба ленинградские профессора, Е.А. Маймин из Пскова с очень милой женой. Скобелев Владислав Петрович, у которого Виктор потом дважды был оппонентом на защите докторской: первый раз он не защитился. Юра Андреев, ленинградец, который очень к нам привязался и многое для нас сделал. Во-первых, украсил наш кабинет стенкой, которую купил в Ленинграде и отгрузил в Вологду, преодолев все тогдашние абсурдные запреты. Во-вторых, когда Витя в 1975 году заболел лимфогранулематозом, помог мне отвезти его в Песочный в клинику. А я однажды выполнила его просьбу, передав бутылку водки его знакомой финке в Финляндии.

Перечисляю эти имена не для того, чтобы похвастаться знакомством со знаменитостями, а просто для того, чтобы напомнить о людях, которые составляли цвет филологической науки, и не хочется, чтобы о них забыли. Эти имена много говорят их современникам, которые были причастны к литературоведению в те годы. Они остались на обложках книг, о некоторых есть сведения в Интернете. Так пусть они останутся и в моих воспоминаниях.

Зиновий Самойлович Паперный, который приезжал на координационное совещание в 1976 году, написал «Оду», в которой перечислил почти всех участников. Ему, известному остро слову, в Вологде не повезло. Он переходил дорогу возле гостиницы «Вологда», в которой остановился, и попал под автобус, сломал ногу. Лежал в номере, я приносила ему

еду. Купила костыли и проводила на вокзал. Ещё один неприятный случай был с женой Василия Ивановича Кулешова, профессора МГУ. Она сидела на пленарном заседании, слушала доклад, почувствовала сильную боль в сердце и попала в больницу с инфарктом. Целый месяц я её опекала, потому что сам Кулешов должен был вернуться на работу и только потом за ней приехал.

Ода Паперного есть в книжке, посвящённой Виктору, но хочется привести её и здесь:

*Как много рыцарей науки
В преславном граде собралось!
Гура! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Гура! Филолог, торжествуя,
Писательский мурыжит путь.
Его студентка, смысл почуя,
Плетётся мыслью как-нибудь...
Да, птичка божия не знает
И ни заботы, ни труда,
Что от Гуры и отличает
Ту птичку божью всегда.
Наш Виктор, самых честных правил,
Сердца филологов зажжёт.
Он совещанье так составил,
Что лучше выдумать не мог:
Иезуитов, Николаев,
Билинкис (лично!) и Гуляев,
Андреев, Гиришман, Сапогов,
Василь Иваныч Кулешов...
И сколько, сколько их, мой бог, там!
За Краснощёковой Сурпин,
Галина Белая за Фохтом
И за Микешиным Маймин.
Пусть не приехал И. Баскевич,
Пусть не доехал Ломунов,
Зато приехали Цилевич,*

*Петросов, Корман, Чумаков.
Играй, Адель, не знай печали,
Резвися, не жалея сил.
Хариты, Лель тебя венчали
И сам Гура благословил.
Товарищ, верь, пройдёт она,
Статья, написанная броско,
И на страницах вологодских
Напишут наши имена!*

Я уже упоминала о Н.И. Толстом и Д.С. Лихачёве. Никита Ильич был у нас со Светланой Михайловной, когда в Вологде проходила конференция. В ней участвовал весь сектор Толстого, в том числе и наш Саша. Виктор подарил Никите Ильичу медную иконку, чем очень его тронул. Толстой был верующим человеком, и для него это был не музейный экспонат, он использовал её по назначению. Он рассыпался в похвалах Саше и, когда мы его благодарили за его отношение к нашему сыну, отвечал, что это он должен быть нам благодарен за то, что у него такой ученик. В этом было что-то, напоминающее Оксмана. Тот тоже был заядлый комплиментщик. Для Саши Н.И. Толстой действительно сделал много хорошего, приобщил к новой научной школе, которую создал. Жаль, что рано умер. Но дело его продолжает Светлана Михайловна. Среди их учеников были Оля Терновская, которая сейчас живёт в Германии, Таня Паперная, трагически погибшая, Галя Кабакова, дочка известного художника. Все они были Сашинными друзьями, вместе ездили в экспедиции.

Д.С. Лихачёв, А.М. Панченко, Лев Александрович Дмитриев с женой были у нас, когда Виктор с трудом добился у ректора В.Ф. Гоголина разрешения на проведение конференции по древнерусской литературе. Я была так сражена учёностью наших гостей, что никаких подробностей не запомнила. И вообще я что-то очень увлеклась описанием учёных. Не пора ли спуститься на грешную землю?!

Дети и их няни

В 1955 родилась Наташа. Дети росли, мы работали. В 1959 году я защитила кандидатскую диссертацию, несколько повысив наше благосостояние. На смену Юле пришла Зоя Локотенина, которая раньше работала у Головиных, но они уехали в Горький. На домработниц мне везло. Зоя тоже прожила до замужества больше трёх лет. Как потом выяснилось, это замужество ничего хорошего ей не принесло, кроме того, что теперь у неё есть внук, хороший мальчик, которого она сама и воспитала, и вылечила от нервного заболевания, спровоцированного родителями. Она была замечательная хозяйка. При ней в доме был порядок, всё делалось по расписанию. Дети её слушались. С тех пор прошло много лет, но и теперь она моя верная помощница и настоящий друг.

Была у меня ещё одна «Зюечка», весьма колоритная фигура. Надо было обладать большим терпением, чтобы с ней жить. Иногда она нас очень смешила, была по-своему остроумна, не глупа, но, что называется, «с приветом». В общем-то несчастный человек, сирота, жила у тётки в сарае с собаками. Это были её настоящие друзья. Она и наших полюбила. Сначала Рекса, потом Кейта. Рекс был русский спаниель, замечательно красивый и умный, но отчаянный гуляка. Мог часами сидеть под дверью и стонать, чтобы его выпустили на улицу, а когда выпускали, пропадал на несколько дней. Однажды возвратился совершенно без сил, видимо, здорово пострадал в любовных битвах. Упал на пороге и долго приходил в себя. Виктор работал над докторской, пёс его изводил своими воплями, и когда к нам пришёл человек справиться, не продадим ли мы собаку, мы ему разрешили взять Рекса на время, чтобы поохотиться. Он увёз его в Грязовец, и больше мы Рекса не видели. Говорил, что пёс чем-то отравился в лесу и умер, но потом доходили слухи, что увёз его на какое-то озеро и там с ним охотится. Наверное, Рекс считал меня предательницей. Никогда не забуду, как следила с балкона за этим человеком. Он тащил Рекса на поводке к машине, а тот упирался и оглядывался. Может быть, всё сложилось и неплохо – Рекс обрёл свободу и любимое занятие. Как

знать?

Дети учились хорошо. Саша много читал. Любимая поза – в уголке дивана с книжкой в руках. Нас стало беспокоить, что он мало бывает на воздухе, начали насильно вытаскивать его с дивана и отправлять во двор. Его это не радовало, было неинтересно. В результате добились только того, что он перестал читать. Друзей заводил с трудом. Был очень домашним мальчиком. Мы с ним отлично понимали друг друга, чего нельзя сказать об отце, который всё требовал от него спортивных «подвигов», для этого купил ему коньки. Один раз вышел с ним, чтобы научить кататься, но у Сашки с непривычки подвёртывались ноги. Это папу расхолодило, и он прекратил обучение. Коньки с ботинками долго лежали в кладовке, пока несколько лет назад я не отдала их Зоинуму внуку.

А вот Наташа подружилась с коньками. Фигурными. Занималась в детской спортивной школе, шила я ей всякие наряды, у неё что-то получалось, но никаких условий для занятий в Вологде не было – маленький открытый каток и неумелый тренер.

Если в коньках Наташа вырвалась вперёд, то в музыке отстала от Саши. Он занимался вначале без особого удовольствия и в 5 классе решил бросить музыкальную школу. Мы попросили его учителя Павла Петровича приходить к нам домой и понемногу заниматься. Так прошёл год, после чего Саша «дозрел» и добровольно вернулся в школу, которую хорошо закончил. Наташка повторила первую часть этой истории – доучилась до 5 класса и бросила совсем. Стала заниматься английским, что и определило во многом её дальнейшую судьбу.

Саша неплохо рисовал, до сих пор у меня висит одна акварель, две он увёз и повесил у себя. Его способности высоко оценила Джанна Тутунджан, которая забрала у него один рисунок – горящую керосиновую лампу – и, как она говорит, процитировала её в своей картине.

Джанна

О Джанне надо сказать особо. Она жила в нашем доме, мы подружились. Полурусская, полуармянка, она воспитывалась в Москве бабушкой, которую называла «дада», бывшей дворянкой, имевшей когда-то имение недалеко от Москвы. Влюбилась в вологодского парня Колю Баскакова, с которым вместе училась в художественном институте (МСХШ). Несмотря на сопротивление бабушки и её ужас перед мезальянсом, вышла за него замуж, уехала в Вологду, родила двойняшек, очаровательных Арсена и Юлю, а потом поехала кончать институт.

Джанна Тутунджан стала замечательной художницей, какой-то русской печальницей, раскрывшей в своих рисунках и записях народной речи судьбы и характеры простых людей из вологодской глубинки. Какие замечательные женские лица всех возрастов смотрят на нас с её рисунков и как будто рассказывают о себе особым вологодским говорком! Она их по-настоящему любит, знает, восхищается их стойкостью, она долго жила с ними бок о бок в своём деревенском домишке. Мне приятно, что на стенах моего дома висят работы Джанны. А одну из них, эскиз к картине «Молодая», захотела увезти в свой американский дом моя любимая внучка Настенька.

Мы часто виделись, сочиняли вместе с Виктором всякие хохмы для практиковавшихся тогда встреч людей творческих. Это был клуб «ХЛАМ» (художники, литераторы, актёры, музыканты). Джанна вспоминала о нём на открытии выставки в новой галерее «Красный мост». А тогда она делилась с нами своими задумками. Разрешала приходить в свою мастерскую. Пока жили в одном доме, частенько забегали друг к другу по-соседски. У неё мне всегда было очень интересно – кругом рисунки, эскизы. Не бытовые разговоры. Так, например, Джанна долго не знала, что делать с листами, на которых появлялось всё больше портретов любимых ею вологжан. Она не считала их самостоятельными произведениями, относилась к ним как к предварительным зарис-

совкам. Я пыталась убедить её, что она не права, приводила в пример Пророкова и других художников. И льщу себя надеждой, что она прислушалась к моим словам, и теперь мы все можем любоваться её альбомами, запечатлевшими образы тарногских тружеников, так близких её сердцу.

Не всегда бережно относилась она к своим работам, недостаточно их ценила. Вот например, небольшая зарисовка русской зимы – «Мороз и солнце». Несколько хозяйственных построек и синие тени от них на белом нетронутым снегу. Но как передана красота зимнего дня! А когда я попросила подарить мне этот эскиз, она сказала, что это такой пустяк, который не стоит внимания. Какие женщины на её полотнах! Измождённые работой, но не сломленные, хозяйки своей судьбы. И вологодские мадонны: «Гори, гори ясно», «Первенец», «Надежда», «Время жить». Чтобы создать такие образы, надо обладать любящим сердцем. Своё сердце, не очень здоровое, Джанна отдала Коле, детям, друзьям. Теперь её нет, и эту пустоту некому заполнить, по крайней мере, для меня.

Московские родственники

Готовясь к кандидатским экзаменам и защите, я часто бывала в Москве и непременно навещала тётю Лиду, которая осталась для меня родным человеком, несмотря на её разрыв с дядей Ромой. И меня принимали как родную. Новый муж тёти Лиды Владимир Павлович Покровский оказался замечательным человеком. Дяди Люси с 1953 года уже не было в живых, а с тётей Леной мы беседовали о поэзии, она читала стихи, какие помнила. Я рылась в её библиотеке и находила старинные поэтические сборники конца XIX или начала XX века. Она ходила, опираясь на палочку, – упала со стола, закрывая форточку, и повредила, кажется, шейку бедра. Выйдет, бывало, в кухню (это уже на улице Бирюзова), предлагает мне пообедать, попьёт со мной и тётей Лидой чаю. Я всегда по дороге заходила в кондитерскую и покупала их любимые миндальные печенья, а если их не было, то какой-нибудь торт. Поговорит со мной, а потом снова устро-

ится на кровати с вязаньем в руках. А то и с гранками своей последней книжки о Публичной библиотеке «Здесь живут книги». Я привезла им как-то бочонок вологодского масла. Его поставили в новый финский холодильник – одно из последних их приобретений. Никакого шика уже давно не было. Но тётя Лена легко мирилась с новой скромной жизнью, никогда не жаловалась. Тётя Лида, уйдя на пенсию, тоже была ограничена в средствах. Жили скромно. Единственное, что осталось от прежней жизни, – дача на Николиной Горе, куда они уезжали летом. Царство им небесное, я их очень любила.

Тётя Лена часто вспоминала мою маму. А я вспоминала нашу ленинградскую квартиру, глядя на столик с бронзовым «заборчиком», который у них остался после нашего отъезда из Ленинграда. И ещё на некоторые вещи из нашего бывшего дома. Скорее всего, тётя Лена и не помнила, что они когда-то принадлежали нашей семье. От быта она всегда была далека. Вещи переживают людей и даже имеют обыкновение возвращаться к своим хозяевам. Так, нашу чугунную шкатулку каслинского литья мне недавно вернули приезжавшие в гости Юра с Машей. Но вообще всё проходит, куда-то улетучивается, жизнь состоит из множества потерь. И как жаль, что память так несовершенна, не может всё удержать...

Саша

Саша рос очень застенчивым мальчиком. Это свойство его характера поддерживали, как ни странно, в детском саду. Воспитательница Мария Васильевна души в нём не чаяла и оберегала даже от выступлений на утренниках. А я была молодая, глупая и тоже довольно стеснительная и не решалась с ней спорить. До садика его опекала Маруся, водила за ручку, не отпуская ни на шаг. Когда я выговаривала ей по этому поводу, она отвечала: «Ну и пускай машина затопчет!» В первом классе ему было трудновато. Прибегает из школы, звонит в дверь, переминаясь с ноги на ногу, и пулей в туалет. В школьную уборную ходить стеснялся. Имея

абсолютный слух и неплохие успехи, иногда получал право играть на отчётных концертах, но очень волновался и не мог, что называется, показать товар лицом.

Начинал учиться в восьмилетней школе № 3, где подружился с Андреем Мутовкиным и Наташей Мурашовой. Когда пришло время переходить в полную среднюю школу, Саша выбрал школу № 1, а они – № 8. Дружба, а может быть, и детская влюблённость постепенно сошли на нет. В новой школе появились другие друзья, и один из них – Саша Викулов, сын вологодского поэта, который дружил с Виктором. Другой – Слава Серов, сын учительницы истории Тамары Павловны. К приготовлению уроков Саша относился очень истово, по выражению Валентины Павловны. Сидел допоздна, несмотря на все наши возражения. Тогда и сформировалось то скрупулёзное отношение доктора филологических наук А.В. Гуры ко всем делам: сначала опрос информантов в экспедициях, потом редактирование, инспекторские поездки от фонда Сороса, а потом ещё от другого фонда; стремление к точности и обстоятельности в его научных статьях, в книгах о символике животных и славянской свадьбе.

Оттуда же идёт и привычка работать по ночам, с которой теперь уже бессмысленно бороться. Желание докопаться до истины в последнее время проявилось и при составлении нашей родословной. Сведения им были добыты, начиная с XVII и заканчивая XX веком.

Окончание школы было омрачено рядом обстоятельств. Шли выпускные экзамены, Сашка всё сдавал на пятёрки, была надежда на золотую медаль. Утром пошёл сдавать историю, а днём, возвращаясь из института, я встречаю на улице их историка Куприянова. Он говорит, что Саша ответил на 5, но был какой-то странный, как бы перемогался. Дома выяснилось, что у него болит живот. Домашние средства не помогли, боль становилась всё сильнее. Вызвали «скорую». Врач беззаботно сказал: «Поставьте грелочку». Ничего не могло быть хуже этого совета. После «грелочки» стало

совсем плохо. Вспомнив все уроки дяди Ромы, я решила, что нужен хирург, и позвонила Вере Алексеевне Собениной, детскому хирургу. Она посоветовала снова вызвать «скорую», по телефону командовала приехавшим врачом, Сашу увезли в больницу и срочно прооперировали по поводу аппендицита.

Мы с Виктором сидели под окнами больницы и ожидали результатов. Доктор Жила нас успокоил, сказал, что Саша, будучи под местным наркозом, вёл себя хорошо, беседовал с ним. Но если бы ещё немножко промедлили, то был бы перитонит – аппендикс готов был разорваться. Вот тебе и «грелочка»!

Лежит Сашка в больнице, а в школе идёт последний экзамен по физике. В связи с болезнью педсовет решает вывести ему годовую оценку по четвертным. Выходит оценка «пять». Облоно утверждает. Но недовольна Викулова, мать Сашинного товарища и наш вроде бы друг. Начинает строчить жалобы, в которых заявляет, что болезнь и операция были подстроены, чтобы избежать экзамена по физике, которую Саша якобы не знает. И золотую медаль он не заслужил. Её же сын получал серебряную.

Я отправилась к заведующему облоно В.А. Шутову. Вообще он был не очень приятный человек, но меня успокоил и сказал, что всё законно, только непонятно, как люди, считавшиеся нашими друзьями, могут так себя вести. От него я и узнала, кто был автором кляуз. К выпускному вечеру Саша почти поправился и получил свою заслуженную медаль.

Теперь, по прошествии долгого времени, все эти неприятности забылись, а благодарность школе осталась. Там были отличные учителя, особенно Зельман Шмулевич Щерцовский, их классный руководитель, и математичка Наталья Петровна Богословская. С литературой не очень повезло, но учительница была требовательна, а остальное дополняли Толстой, Чехов, Горький...

Поездки в Николаевск

Вот вспомнились наши поездки в Николаевск. С детьми мы туда попали, уже когда слобода (теперь город) была перенесена в другое место в связи со строительством плотины на Волге. Теперь она стояла на высоком берегу, а внизу была стоячая зелёная вода, в которой кверху брюхом плавала мёртвая рыба. Купаться было нельзя, и грустно было смотреть на то, что сделали с красавицей рекой.

Вместо большого дома в старой Николаевке у бабушки был теперь небольшой домик, перенесённый и достроенный с помощью Вити, который регулярно посылал матери деньги всю жизнь. Возле дома был сад и огород, где росли даже арбузы, не говоря о помидорах, огурцах и разнообразной зелени. Высоко поднимали свои жёлтые головы подсолнухи. Мы приезжали обычно в августе, когда семечки уже были готовы. Хорошо помнится процедура выбивания семечек. На землю постигалось большое полотно, мы садились вокруг, особенно радовались дети. Старались вычистить всю большую «шапку», не очень охотно отдававшую свои семена. Потом семечки сушились на солнце, и, наконец, наступал долгожданный миг: большая сковорода жареных семечек вечером выносилась на крыльцо. Мы сидели, ни о чём не думая, смотря в звёздное небо, краем уха слушая привычный звон цикад, и грызли крупные (теперь таких не бывает!), пахучие зёрна, изредка перебрасываясь какими-нибудь словами.

Хуже было, когда возникала идея сыграть в карты. Играли в подкидного дурака. Виктор входил в раж и мог сказать что-нибудь очень обидное, если я своим неумелым ходом его подводила. Я молча вставала и бросала игру почти со слезами. Играла я, наверное, хуже всех, потому что не придавала этому большого значения, а Виктор, бабушка, Володя, если был, да и Тамара – «изо всей правды», как сказала бы моя деревенская подружка Валентина Павловна.

Кроме наших детей, всегда были двое Тамариных – Наташа и Вася, а также подкинутый родителями Гена, Вовкин

сын, обладавший довольно капризным характером: чуть что не по нём – убегал куда-нибудь и прятался. Вечерами Саша уводил всю детвору на поздние прогулки по Николаевке, рассказывал им сказки, выдумывал какие-нибудь истории. Тогда можно было не беспокоиться о том, что с детьми вечером что-нибудь случится. Не то что в наше время...

Из коллективных «мероприятий» надо отметить ещё приготовление пельменей. На рынке закупалось отменное мясо, в кладовке у бабушки стоял мешок муки. До сих пор меня поражает, как она начинала делать тесто прямо в этом мешке – наливала воду, разбивала яйца и начинала всё это смешивать. Потом ком теста выволакивался на стол и здесь уже вымешивался до конца. Был он довольно увесистый, ведь надо было слепить не менее двухсот пельменей на такую ораву. Это кушанье пользовалось всеобщей любовью. Церемония проходила возле летней кухни, на воздухе, под зелёной защитой растущих рядом деревьев. Здесь же усаживались всей семьёй за стол, предвкушая вкусную еду, а уж когда долгожданные пельмени поспевали, отдавали им должное от всей души. Горячие, сочные, пахнущие чесночком, с маслом и уксусом они были восхитительны.

А замечательные бабушкины арбузы! Она на них отмечала, когда они завязались, а потом безошибочно выбирала самые спелые и самые сладкие.

Наши приезды запечатлены на многочисленных фотографиях в коричневом альбоме и в коробке из-под чешских конфет на полке в маленькой комнате. Большинство фотографий относится к 1965 году.

Последний раз мы были в Николаевке, когда Саша перешёл на третий курс, но были без него. Он остался дома с нашим замечательным Кешей и отрачивал бородку. А мы попали в неприятную историю. На Волге вспыхнула холера. Я, конечно, запаниковала, и мы собрались домой. В аэропорту, если можно так назвать раскисшее от дождей поле, нас заставили пройти через какие-то коврики, пропитанные дезинфекцией, и усадили в самолёт. Тыр-пыр, а самолёт

не взлетает. Колёса завязли! Все вышли, на сей раз безотнositельно ко всякой дезинфекции. Мужчины стали откапывать колёса. Не взлетает! Ещё одна-две попытки, и наконец мы в воздухе. Какая-то женщина начинает всем раздавать яблоки – всё равно в Москве отнимут. Яблоки катятся по полу, их хватают все, кроме нас.

В Москве нас принимают в дальнем углу Быкова, мы ждём часа полтора, наблюдая, как вокруг суетятся люди в белых халатах. Наконец, на нас махнули рукой и совершенно спокойно выпустили. Напрасно тётка отдала свои яблоки! Дома нас встречают бородатый Саша и Кеша. Это был 1970 год.

Кеша-Кейт

Как появился у нас Кеша? Я уже писала про спаниеля Рекса, которого мы очень любили и долго горевали о его пропаже. Виктор, по-моему, испытывал и облегчение, ведь пёс немало потрепал ему нервов. Я и дети мечтали о новой собаке. Потихоньку подготавливали почву, я списывалась с клубом служебного собаководства в Ленинграде. Вспоминаю один трагикомический случай. Дело в том, что в это же время готовилась нашей кафедрой конференция в Устюжне, близ Даниловского, родового имения Батюшковых. Мне было поручено рассылать приглашения участникам. Моя голова, всегда легкомысленная, была занята поисками собаки, и корреспонденция по поводу конференции и по поводу щенка шла как-то параллельно. Запечатывая письма, я перепутала конверты, и приглашение на конференцию послала в собачью службу. Оттуда пришёл недоумённый ответ. Получил ли кто-нибудь из литературоведов мои вопросы относительно собаки, осталось тайной...

В конце концов Виктора убедили, что нам необходима новая собака. Он сказал: «Хорошо, но только небольшая». Это уже была победа. Относительно роста мы не беспокоились: щенок во всяком случае будет маленький, а там по-

смотрим. Из Ленинграда написали, что лучше всего для девочки-пятиклассницы подойдёт спокойная собака колли. Мы всё прочитали про эту породу, посмотрели фотографии. В то время мы получали заграничные журналы о собаках. Наташе на день рождения я подарила подписку на эти журналы. Когда она пыталась выяснить, какой будет подарок, я отвечала, что он будет небольшой (всего лишь квитанция!), но хватит надолго.

Поскольку поиски собаки переплелись с подготовкой конференции, я решила совместить Устюжну с Ленинградом и прямо из Устюжны поехала смотреть родившихся щенков. Оказалось, что мамаша нашего Кейта живёт рядом с Тамарой Бесединой, что было очень удобно.

Но сначала – о конференции. Было это 28–29 сентября 1966 года. Участники жили в устюженской гостинице, в которой когда-то останавливался прототип Хлестакова. Погода была чудесная. Я почему-то имела большой успех, но не как докладчик или организатор этого мероприятия, а совсем другой и неожиданный. За мной усиленно ухаживали сразу трое мужчин. Один из них – мой бывший студент и давний поклонник Виктор Коротаев. Он ловил меня во всех углах и объяснялся в любви. Другой – Павел Петрович Ширмаков из Пушкинского Дома. Тоже объяснялся в любви, но не так смело. А третий, которому я сразу отдала предпочтение, был Владислав Николаевич Афанасьев, профессор из Москвы, автор книг о Бунине и Куприне. Начал он с такой фразы: «Давно хорошо знаком с Гурой, но не знал, что у него такая очаровательная жена». Ну как тут было не растаять! Дальше – больше, а потом он поехал меня провожать на какую-то станцию, с которой я должна была ехать в Ленинград. Он был совершенно очаровательный, интеллигентный, красиво ухаживал. Внешне напоминал мне почему-то Бальзака или французского актёра Филиппа Нуаре, который играет в фильме «Старое ружьё». Душка!

Наверное, смешно читать, как 86-летняя старуха вспоминает о своих победах. А мне не смешно, потому что такие

маленькие победы всегда приятны для женщины и дают ей некоторую уверенность в жизни. Разумеется, никакого продолжения этот эпизод не имел, да это было понятно сразу. И совершенно не нужно. Афанасьев приглашал заходить в Москве, но я не решилась ни разу, а если бы решилась, то познакомилась бы с будущей женой Игоря Шайтанова – она была дочкой Владислава Николаевича. Через несколько лет после нашего знакомства он скоропостижно умер. Мне было очень жаль...

А в Ленинграде я сразу же отправилась смотреть щенков. Их было семеро. Хозяйка сказала, что родилось восемь, но клуб распорядился одного утопить, потому что собака не в состоянии всех прокормить. Какие жестокие кинологи! Мамаша встретила меня спокойно, миролюбиво. Кешеньку я выбрала сразу – он единственный имел белый ошейник, что считается одним из признаков настоящей породы. Щенки были ещё крошечные, взять их можно было только в месячном возрасте. Я уехала, а щенка мне потом привезла Саша Ляпкина. Мы с Наташей пошли встречать его на вокзал. Наташа закутала его в свою шубку, и он всю дорогу сосал ей ухо. Дома его сразу же определили на место в коридоре у входа в кухню. Он всё понял и спокойно спал первую же ночь. Урон от него был совсем небольшой – погрыз корешки «Учёных записок», которые стояли на самой нижней полке в коридоре. Это не то, что Рекс, который сожрал мои белые любимые венгерские туфли и ещё много чего!

Кормила я Кешу по всем правилам, рос он хорошо, ленинградская хозяйка приезжала проверять и ползала вокруг него с сантиметром. У него был один недостаток: правое ухо было надломлено, как и полагается, а левое стояло не по стандарту. Мы приклеивали его пластилином, привешивали какой-то грузик, но исправить не могли. Поэтому на выставках в Вологде и в Ярославле он получал не «отлично», а «очень хорошо». Но мы и таким его очень любили. Два раза Кеша серьёзно болел. Сначала – проктитом. Лечила, ставила клизмы. Обошлось. Второй раз – воспали-

нием лёгких. Простудился он на даче. Было начало мая, мы поехали с ночёвкой, истопили печку, а он захотел остаться на веранде. Ночью погода переменилась, пошёл снег, поднялся ветер, а под дверью на веранде была щель. Вот его и продуло. Из ветеринарной лечебницы приезжала сестра, колола пенициллин. Он покорно ложился, я наклонялась к нему для страховки. В момент, когда ему делали укол, он вздрагивал и однажды непроизвольно укусил меня за нос, но не больно.

Дрессировать Кешу нам помогал бывший пограничник Борис Швейко. Со своей собакой Витязем он служил на границе, и они поймали нарушителя, о чём рассказывала в очерке «Комсомольская правда». Кеша слушался его беспрекословно. Наташа водила его на площадку, и он научился ходить по буму, по лестнице, брать барьер. Но научить его быть злым так и не смогли. Это была добрая душа, он никого ни разу не покусал.

В Вологде он производил настоящий фурор, потому что был первым и долгое время единственным колли. Собирал толпу зевак у магазина, когда я его ненадолго оставляла, гордо отказывался от всяких лакомств: знал, что у чужих брать нельзя. Хорошо ходил рядом без поводка, вообще был послушным. Однажды спас нас от потопа – разбудил меня рано утром, чего обычно не делал, и повёл в коридор, где начинало капать с потолка. «Жениться» Кеша не захотел, и потомства у него, к сожалению, не было.

Сам же он был вполне аристократического происхождения: родился 22 сентября 1966 года от Кери Кетрис и Джина Гранда при английских предках до четвёртого колена и умер 22 июля 1978 года. Сначала отказали задние ноги. Мы отвезли его в деревню, лечили, Наташа делала уколы. Ему стало немного лучше, он стал ходить. Но потом и передние ноги парализовало, и он тихо скончался почти у меня на руках на крыльце дулеповского дома. Витя с Сашей Дёминым похоронили его под берёзками возле бани. Так закончилась эпоха нашей жизни, связанная с Кейтом. Витя его тоже любил и гордился тем, что вот он его не ласкает и не сюсюкает

с ним, а Кеша (это он его так прозвал) любит его больше всех. Последние пять-шесть лет Кейт был полностью на моём попечении. Дети разъехались. На последнем курсе Наташа вышла замуж. Когда Кеша умирал, она ждала Настеньку, которая родилась через четыре месяца после этого события.

Собаки – замечательные существа, они становятся членами семьи, и терять их безумно жалко. Я обожала двух Наташиных собак Дея и Бери, как и озорного Сашиного Бони. Ни я, ни Саша, потеряв своих друзей, не стали заводить новых. Да и Наташа тоже.

Саша поступает в МГУ

Вернусь к тому времени, когда Саша окончил школу и поступал в университет. Тогда были очень большие конкурсы, поэтому необходима была поддержка, а попросту говоря – блат. Виктор спал и видел, чтобы его сын учился в МГУ. Там он знал многих профессоров, особенно на кафедре советской литературы. Вот и поехал с ним. Для гарантии. Я осталась дома, читала лекции на заочном отделении. Наташа с Лёлей отдыхали в Починке, где мы на лето снимали дом. Я в Вологде ждала звонков, как проходят экзамены.

За сочинение, посвящённое композиция «Капитанской дочки», Саша получил «хорошо». Поэтому пришлось сдавать все экзамены. Если бы было «отлично», поступил бы сразу со своей золотой медалью. Оставшиеся экзамены ему удалось сдать на «отлично», и он прошёл по конкурсу. Волнений было много. Виктор рассказывал, как нервничал Валентин Фердинандович Асмус, философ с мировым именем, подсчитывая баллы, полученные его сыном, который поступил и стал потом известным священником и богословом. В какой степени Саше помогло вмешательство Виктора, не знаю, но кажется, немного помогло.

К 1 сентября Саша уехал, получил общежитие. Начинать учиться он ещё на Моховой, а потом выстроили новый корпус на Ленинских горах и филологов перевели туда. Привыкал с трудом, общежитие возненавидел, с ребятами

не нашёл общего языка, и они украли у него мою книгу – редкое издание «Илиады» – и постельное белье, за которое пришлось платить. Зная особенности его характера, я очень волновалась, думая, что ему там плохо и одиноко. За зиму похудела на 12 килограммов, все меня посылали к врачам. Приезжаю в Москву, прошу Сашу показать, где он живёт, а он тащит меня куда-нибудь подальше, откуда не видно высотного здания университета, и говорит, что лучше бы он учился в Вологде.

Только на третьем курсе он по-настоящему освоился, полюбил Москву, университет, общежитие, завёл друзей, попал «под крыло» Н.И. Толстого и стал заниматься тем, что ему было интересно. До этого никак не мог определиться, пока я не посоветовала ему обратиться к преподавательнице то ли старославянского языка, то ли исторической грамматики. Она на первом курсе поставила ему «отлично», и все бегали смотреть на его зачётку, потому что никто не знал, как она пишет это слово. Никто выше четвёрки не получал. Она и рекомендовала его Н.И. Толстому, что определило его дальнейшую судьбу – и аспирантуру, и работу. Когда университет был окончен, возникла новая травма – расставание с Москвой.

Помню, у нас гостила Тамара Константиновна Манасевич. Саша её очень любил, всегда охотно с ней общался. Мы сидели на кухне. Вдруг он встал и куда-то пропал. Это было странно. Обнаружила я его в кабинете. Он сидел в темноте, какой-то подавленный. Когда я его спросила, чего бы он сейчас хотел, он ответил: «Вернуться в Москву и жить в общежитии». Вместо этого пришлось ему ехать в Киров и работать в пединституте. В этом тоже ему помог отец. Два года в Кирове были очень трудными – нагрузка больше тысячи часов, поиски квартиры, плохая кафедра. Но он не только со всем справился, но ещё и сдал два кандидатских экзамена – философию и немецкий язык. Оба на «отлично». Часто звонил, писал, приезжал при первой возможности, очень смешно изображал некоторых членов

кафедры. Например, преподавательницу орфоэпии, науки о правильном произношении, которая сама говорила неправильно. В частности, слово «тщательно» произносила таким манером: «тщтательно».

Потом была аспирантура, женитьба, защита. Это ещё довольно свежо в памяти и далось мне непросто. Особенно женитьба и развод.

Отец и сын

Хотелось бы ещё сказать несколько слов о взаимоотношениях Саши с отцом. Маленького Сашку Виктор просто обожал, играл с ним, шутил, покупал подарки. Потом, по мере взросления Саши, стал предъявлять ему высокие требования, как бы желая вписать его в идеальный образ молодого человека, каким тот ему представлялся. Думаю, воспоминания о собственном детстве заставляли его не принимать того образа жизни, который вёл городской мальчик из интеллигентной семьи. Постоянно заводил разговор о том, что надо заниматься спортом. Само по себе это справедливое требование. Но Саша к физкультуре был и остался, к сожалению, равнодушен, а постоянные напоминания делали для него спорт просто ненавистным. Но это всё ещё были мелочи.

Когда Саша стал студентом, а также и в последующие годы Виктору хотелось, чтобы он продолжил дело его жизни и стал литературоведом. Но не получалось. По литературе у Саши случались и двойки, а по лингвистическим дисциплинам только пятёрки. Немного заинтересовала его древнерусская литература, но не надолго. Да в общем-то, и филологический факультет Виктор выбрал для него сам, а Саша хотел быть искусствоведом. Потом начались разногласия по всяким жизненным и особенно политическим вопросам. Дошло до того, что, когда Саша бывал дома, я всё время ждала какого-нибудь спора, который мог закончиться ссорой. Саша замыкался в себе, Виктор был недоволен, атмосфера становилась тяжёлой.

Виновато в этом было несовпадение взглядов и неуступчивость с обеих сторон. Сашка не умел отвечать осторожно, дипломатично, не был способен на компромисс, а Виктор был нетерпелив, несдержан и сразу начинал «лезть в бутылку». Они друг друга не понимали. Думаю, была ещё одна причина – подобие какой-то ревности у Виктора. Я защищала Сашку (тоже, наверное, неправильно), а он оставался как бы во враждебном лагере. Один. Теперь, по прошествии стольких лет, я думаю, что была пристрастна и в большей степени понимала сына, чем мужа. Уже и тогда, понимая, что нельзя подливать масла в огонь, я стала просто отмалчиваться, уходить, старалась не вмешиваться, но от этого лучше не становилось.

Думаю, что сейчас, если бы Виктор был жив и стал бы свидетелем Сашиных научных успехов, он бы им гордился. И Саша, повзрослев, относился бы к отцу более терпимо. Ведь их многое связывало, и много хорошего было, что осталось в сохранившихся письмах. Но увы! А ведь мог Витя ещё жить, я-то ведь до сих пор жива, а он был моложе меня на два года.

Наташа

С Наташкой всё было значительно проще. Виктор её любил и баловал, когда она была маленькая, да и потом был в основном доволен своей дочкой. Она была более бойкой, чем Саша, занималась фигурным катаньем (вот он – спорт!), в школе была общественницей – секретарём комсомольской организации, о политике особенно не задумывалась. Обладала лёгким характером – весёлая, общительная, дипломатичная, умеющая сглаживать острые углы и не обострять отношения, стремясь, как теперь бы сказали, к консенсусу (господи, какое трудное слово!).

Виктор очень гордился своим педагогическим приёмом в отношении Наташи, который, как ему казалось, принёс неоспоримый результат. Дело было так: однажды наша девочка явилась из детского сада с выстриженной чёлкой. На вопрос,

кто это сделал, ответила, что кто-то из ребят. Но выяснилось, что это неправда: она это сделала сама. Сам факт обмана показался Виктору возмутительным и заслуживающим суровой кары. Она не замедлила последовать – Наташку не взяли на демонстрацию. Кажется, первомайскую. Витя всем рассказывал, как строго он поступил и навсегда отучил дочку от вранья. Блажен, кто верует!..

Училась она легко, на медаль не тянула, ночей над уроками не просиживала. Вначале, правда, плакала, что не умеет писать сочинения, но потом как-то приспособилась. Музыкой занималась до 5-го класса, а потом бросила (теперь может сыграть только «Вишнёвую шаль»!) и стала заниматься английским языком. Это было правильное решение. В сочетании с уроками Зельмана Шмулевича Щерцовского и репетиторами это дало очень хорошие результаты, и мы были совершенно уверены, что на романо-германское отделение в МГУ она поступит.

Виктор уехал в Карловы Вары, предварительно договорившись, что нас с Наташей на время вступительных экзаменов поселят в общежитии Литературного института. Лето 1972-го года было удивительно жарким, вокруг Москвы горели леса и торфяники. Я сидела во дворе университета, глотая дым, и ожидала результатов очередного экзамена. Сочинение на довольно заковыристую тему: Реализм как метод художественного познания судеб человеческих в «Евгении Онегине» – было написано на 5!!! Это была победа, ведь пятёрки почти не ставили. Как потом выяснилось, сочинение проверял один из самых колоритных профессоров МГУ Владимир Николаевич Турбин, не ведая, кого он одаривает этой пятёркой. В Карловы Вары полетела восторженная телеграмма: «Сочинение пять!» Мы уже думали, что университет у нас в кармане. Но не тут-то было! Наступил последний экзамен – английский язык, за который мы абсолютно не боялись. И напрасно. Экзаменаторам надо было обеспечить поступление «блатных», списки которых негласно подавались заранее, и Наташке поставили тройку. Я пыталась что-

то выяснить, мне что-то объясняли. Я, не зная языка, ничего не поняла, да если бы и поняла, результат был бы тот же. Полное разочарование!

Я как будто бы не очень и расстроилась, но, вернувшись в Вологду, «получила по мозгам» – у меня началась глаукома. Первый приступ был очень страшный – безумная боль в правой половине головы, жёлтый туман в правом глазу. Мучилась до вечера, потом пошла в глазную больницу на берегу и там услышала: «Тёмная вода». Внутриглазное давление было 55, и это после того, когда пик приступа уже прошёл. Могла и ослепнуть. Норма 19–24. Это было 28 августа 1972 года. Дату помню хорошо, потому что вечером, перемогаясь, я пошла поздравить Олега Владимировича Шайтанова с днём рождения, ещё и рюмку вина выпила, чего совершенно нельзя было делать.

Так началась моя глазная эпопея: приступы, капли, операции сначала одного, потом другого глаза в Вологде. И наконец, уже после смерти Вити, две операции по поводу катаракты в институте Фёдорова в Москве. Вставили искусственные хрусталики. Вижу, тьфу-тьфу, хорошо.

А Наташа устроилась на работу корректором в многотиражку подшипникового завода. Работала до мая, а потом мы поехали путешествовать в Карпаты.

Раз уж зашла речь об этой поездке, расскажу обо всех путешествиях, в которых принимала участие.

По городам и весям

Коктебельские впечатления

Первое наше посещение Коктебеля относится к 1959 году. Саше было 9 лет, Наташе 4 с небольшим. Путёвки давали детям только с пяти лет, но Виктор сумел уговорить Литфонд. Для меня это была вторая встреча с морем. Первый раз я была в Сочи в 1954 году. Виктор тогда уехал на свой очередной курорт, а я вдруг решила: взяла Сашеньку, который уже стал бывалым путешественником,

и поехала в Сочи. Впечатление было чудесное от южных растений, от морского простора. Сашка в первый день объелся арбузом, его выворачивало наизнанку, но потом всё наладилось, мы хорошо отдохнули и загорели.

То был Кавказ. Теперь же мы попали в Крым, в сказочный уголок, воспетый Максимилианом Волошиным и другими поэтами. Например, Сергеем Наровчатовым:

*Где солнце в полнеба,
Где воздух как брага,
Где врезаны в солнце
Зубцы Карадага,
Где море легендой Гомеровой брошено
Ковром киммерийским у дома Волошина...*

«Карадаг» в переводе означает – Чёрная гора, «Коктебель» – Страна синих скал.

Горы кругом. Не очень высокие, но живописные. Карадаг выходит к морю, очертаниями похожий на профиль Волошина. У подножия бухты: Разбойничья, Сердоликовая, Лягушачья, Бухта-барахта, названная так Маяковским. Берег усыпан камнями, среди которых много сердоликов, и все их собирают. Особенно ценится камушек, даже самый простой, но с дырочкой. Через неё продевают шнурок и носят на шее. Называется это почему-то «куриный бог». Рассказывают всякие байки, например, о том, как Мариэтта Шагинян в былые времена в поисках камней заползла на мужской нудистский пляж.

Живописная коктебельская бухта и, словно вписанный в неё, дом Максимилиана Волошина, приют многих писателей в годы Гражданской войны, принимавший и потом разных гостей, о чём написано во многих воспоминаниях. Жилище замечательного поэта, художника, философа с большой библиотекой, картинами самого хозяина и статуей египетской царицы Таиах. Здесь всё дышит Серебряным веком!

Обычно тут отдыхает много интересных людей. Поэт Сергей Орлов из Ленинграда с женой Велой и сыном. Алек-

сандр Яшин живёт в одном доме с нами. Без жены. Известный критик Виталий Озеров. Ещё более известный народный артист Николай Черкасов. Дочка уральского писателя Бажова, которая замужем за сыном Аркадия Гайдара, и её сынишка Егор. В совершенно голом виде Егор с нашей Наташкой раскапывают камни, создавая свою лягушачью бухту. Да, да, тот самый Егор Гайдар! Тоже своего рода знаменитость. Знать бы тогда, сколько от этого мальчонки мы натерпимся в будущем!

Во второй приезд в августе 1961 года мы жили прямо в доме Волошина, о котором он писал:

*Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, белённых известью,
Вздыхает ветер, живёт глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Польный дух и жёсткий треск цикад.*

Познакомились с Бурсовыми, с Натальей Борисовной Перцовой и её дочкой Верой, которая потом сдавала в Москве комнату бездомной студентке Наташке, не имевшей вначале общежития. С Иосифом Михайловичем Киселёвым, украинским критиком, заделавшимся в мои поклонники. Но главное – с Верой и Павлом Николаевичем Лукницкими. С этого времени началась и продолжалась многие годы наша дружба-любовь с Верочкой. Были периоды охлаждения, были обиды, недоразумения, но всё равно мы любили друг друга. Она полюбила наших ребят, подружила их со своим Серёжей. Вместе мы бродили по тёмным аллеям, ловили ежей, пугали прохожих самодельными масками из круглой арбузной корки со светящимися глазами от вставленной в неё свечки. Всё это сопровождалось занимательными и страшными рассказами. Каждое утро на берегу моря Вера занималась с Серёжей английским языком, хотя сама почти его не знала. Но таким образом держала его в форме. Она очень о нём заботилась и даже излишне опекала всю жизнь. Вечерами на террасе их дачи читала всем собравшимся сти-

хи Гумилёва, о котором тогда мы ничего не знали, кроме фамилии и двух-трёх хрестоматийных стихотворений. Читала Ахматову. Потом уже мы узнали о дружбе Павла Николаевича с Анной Ахматовой и о его уникальном архиве, который и она, и Серёжа использовали для написания книжек.

На эти чтения собиралось много народа, в том числе крупные учёные, академики Мигдал, Гольданский, Халатников, даже Ландау. Их послушать тоже было интересно. Почти все состояли в её поклонниках. Она была замечательно хороша, мужчины не сводили с неё глаз, когда она появлялась на пляже. Была Вера непривычно для меня раскованна, иногда несколько фривольна, хорошо сознавала свою цену. Академиков отшивала запросто. Виктор запомнил, как она ответила одному из них на предложение погулять вечером. Сказала, что идёт в кино. «Но ведь там же сегодня китайский фильм», – сказал ей академик. На что она, не задумываясь, ответила: «А вы думаете, что вы интереснее, чем китайский фильм?» Это было не очень учтиво, если не сказать больше, но она о приличиях не думала. При нас произошёл трагический случай. Один из её воздыхателей отправился в горы на прогулку, упал в пропасть и разбился. Его искали с вертолётom и долго не могли найти.

Два года спустя мы уже заранее договаривались с Верой, когда ехать, чтобы оказаться вместе. Всех забавляла Наташка, которая заводила «романы» со взрослыми и серьёзными мужчинами. Сергей Сергеевич Смирнов, который вёл цикл телевизионных передач о Великой Отечественной войне, пообещал ей послать привет с экрана. Мы приехали, дождались первой передачи, ждём-пождём – ничего нет. Забыл, наверное. Вдруг ближе к концу он делает условленный жест и чуть улыбается к нашему общему восторгу. Долгое продолжение имела дружба Наташи с Евгением Андреевичем Пермяком. После Коктебеля он писал ей письма, присылал свои книжки, подарил куклу-мальчика с полной экипировкой и богатым запасом одежды, придумал целую историю его появления, его поездки в Вологду. Нам, взрослым, было очень

интересно, да он писал, что и его знакомые забавляются, следя за развитием событий. Думаю, он делал это не только из-за несомненной симпатии к Наташе и не только потому, что сам увлёкся, но и потому, что хотел подвигнуть Виктора на согласие написать о нём книгу. В конце концов, его желание исполнилось. В 1972 году в издательстве «Детская литература» (теперь такого, к сожалению, нет!) вышла книжка «Путешествие в мастерство», которую Пермяк буквально выжал из Виктора. Приезжал к нам в Вологду. Мы по высокому благу заказали ему дублёнку на овчинной фабрике. Привёз торт с огромным шоколадным зайцем. Каждый день выпивал бутылку шампанского. Своеобразный был человек, честолюбивый, но добрый. Когда Саша поступал в университет, они с Виктором жили в Переделкине на его даче.

Вот такие нити тянулись из Коктебеля. При нас бывали там разные знаменитости: Василий Аксёнов, Роберт Рождественский, Юрий Бондарев, ещё не ставший знаменитым Никита Михалков, мальчик лет 15-ти. И совсем не знаменитый, но замечательный учёный и очень скромный Виктор Андроникович Мануйлов, создатель «Лермонтовской энциклопедии» (1961 г.). С ним мы путешествовали по Карадагу, он знал там каждую тропинку. Всегда был в окружении молодых девушек, хотя суперменом его нельзя было назвать. Наташа слепила ему из глины медведя, он увёз его в Ленинград и в письме сообщал, что поставил на полку в своём кабинете.

Там мы любовались «грузинской княжной», как её все называли. Это была жена поэта Михаила Светлова, автора широко известной «Гренады». Сестра грузинского писателя Амирэджиби, она славилась своей красотой. После смерти Светлова её мужем стал известный физик Бруно Понтекорво.

Двадцать четыре дня проходили быстро и бездумно – мы купались, загорали, ездили на катере в Разбойничью бухту, поднимались на Кучук-Янышар, где похоронен Волошин, осматривали его дом, играли в бадминтон, четыре раза в день подкреплялись всякими вкушностями в столовой, да ещё

и прикупали караимские пирожки и каких-то необыкновенно вкусных копчёных рыбок. О том, как это скажется на фигуре, тогда не думали, что и запечатлели наши фотографии. Далёкое блаженное время! Чудесный, теперь уже потерянный и изменившийся Коктебель!

Кавказ и Прибалтика

На Рижском взморье мы были в 1969 году, а в Гаграх значительно раньше. Кавказская поездка была довольно интересной. Сначала мы поехали в Потти навестить Володю и Раю с их семейством. Город небольшой, но портовый, откуда вывозят в основном марганец. Вообще это древняя Колхида, о которой мне не раз приходилось рассказывать студентам, то самое место, куда Ясон и аргонавты поехали за золотым руном. Почему древние греки искали там руно золотого барана, я не поняла. Могла ли быть пригодной для разведения овец эта болотистая местность? Но миф рассказывает именно о Колхиде.

Володин дом стоял на берегу Риони, необычной реки, воды которой лежат вровень с пологими берегами. Она сильно разливается, поэтому большинство домов в городе на сваях. Запомнился замечательный грузинский рынок, напоённый ароматом кинзы и ещё каких-то душистых трав. Саша по вывескам пытался изучать грузинский язык. Приятные красивые люди, замечательная плодородная страна, теперь почему-то ставшая далёкой и даже враждебной.

В Потти мы пробыли не больше недели, а потом отправились в Гагры. Проехали через Сухуми, погуляли там, полюбовались обезьянами в питомнике, а потом на поезде приехали в Гагры. Дом творчества находился между железной и шоссейной дорогами. За железной дорогой возвышались горы, а за шоссейной плескалось море, и всё это было очень близко друг от друга, на довольно узкой полосе суши. Из запомнившихся личностей – Олег Ефремов и Юлия Борисова, за которой он усиленно ухаживал. Она смело бросалась в волны, купалась даже в штормовом море, когда никто

не рисковал зайти в воду. Было в этом что-то от позы, игры на публику. На берегу собирались зрители, и она чувствовала себя как на сцене. Артистка она была хорошая, я видела её в нескольких спектаклях театра им. Евгения Вахтангова.

Мы ходили в горы, ездили на озеро Рица, не раз посетили «Гагрипши», большой и красивый ресторан. С нами отдыхала семья Суконцевых, и Саша, наш университетский товарищ, а теперь фельетонист газеты «Правда», постоянно нас смешил. Помню, услышав предложение пойти в горы, его сын Дима спросил: «А покушать?» – «Ты уже будешь покушанный», – ответил Саша, и это выражение надолго вошло в наш обиход.

И ещё: в Гаграх мы познакомились с Розалией Никитичной Аветисян, её дочкой Наташей и племянницей Дианой Тевекелян. Через много лет обе Наташи оказались в одной английской группе в МГУ. А тогда произошёл неприятный казус. Виктор, гуляя с Дианой и узнав, что она работает в «Новом мире», обсуждал с ней какие-то журнальные дела и прошёлся по журналу «Москва», который печатает такие вещи, как роман Тевекеляна. Тогда он ещё не знал фамилии Дианы и не знал, что автор романа – её отец. Уж не знаю, как он выпутывался из этой ситуации.

Наташке Аветисян, теперь известной хозяйке издательства «Слово», тогда было лет пять. Она была очень забавная. Помню, узнав, что одного мальчика зовут Артур, она с удивлением заметила: «Такой маленький, а уже Артур». С Розалией Никитичной мы виделись, пока я ездила в Москву. Теперь общаемся по телефону. Диана недавно покинула этот мир. Девочки наши дружат по-прежнему, да и ко мне иногда приезжают Таня Романова и Света Шамрай вместе с моими Сашей и Наташей. Они для меня остались родными и любимыми.

На Рижское взморье мы ездили в 1969 году. Сначала осмотрели Ригу, потом на пригородном поезде поехали в Юрмалу на станцию Дубулты, где находился Дом творчества

писателей. Поселились в старом уютном корпусе. Сидели за одним столом с Мариэттой Шагинян, которая была слеповата и особенно – глуховата. Но узнав, что мы собираемся гулять, сказала: «Я пойду с вами, только сбегая домой». Ей было немало лет. При помощи «Литературной энциклопедии» я выяснила, что родилась она в 1888 году, на 12 лет позже моей бабушки. Значит, в 1969-м ей был 81 год. Вспомнилась эпиграмма:

*Мариэтта всем богата –
Деньги есть, и слава есть.
У неё ума палата,
Но палата номер шесть.*

Однако ум её не покинул. Она возила с собой чемодан романов Агаты Кристи на английском языке и читала их через лупу.

В Домском соборе мы были на органном концерте. Ездили в Саласпилс. Гуляли по Майори, Дзинтари и другим местечкам, протянувшимся вдоль берега моря. Любовались полноводной рекой Лиелупе. Песок, сосны, солнце, уходящая вдаль голубизна спокойного моря... Как жаль, что мы всё это потеряли и теперь тоже стали врагами. Русским школьникам в Латвии не разрешают учиться на родном языке.

Часто с нами гулял Виктор Перцов, известный автор книг о Маяковском, приехавший без Натальи Борисовны. Он регулярно ходил к педикюрше, чего, наверное, не мог делать в Москве. Мы проходили мимо очаровательных маленьких лавочек, где меня особенно пленяла фарфоровая посуда. Но не купила ничего, кроме деревянной ложки, некрашенной, с длинной ручкой, которую нашла на рижском рынке, и до сих пор ею пользуюсь, когда замешиваю тесто.

Рига, Юрмала, Домский собор, удивительно ухоженное кладбище... Всё это производило впечатление Европы, Запада. Коктебель, Гагры были «наши» (тоже, как выяснилось, недолго), а Дубулты – что-то западное. Значительно позже я с Наташиной семьёй побывала в Вильнюсе, впечатление было такое же. Было это в 1989 году, а в 1990-е годы всё рух-

нуло, и это действительно стало границей, причём ещё больше настроенной против русских.

7 августа 1999 года умерла Данута, через 10 лет после того, как она так мило принимала нас в Вильнюсе. Мы познакомились с ней на конференции в Устюжне, она делала доклад о литовском писателе Винцасе Петарисе, который работал там уездным врачом в 80-е годы XIX века. Он умер в 1902 году и похоронен в Устюжне. Данута была настоящей литовкой и настоящим человеком с большим сердцем. У меня хранятся её письма и поздравительные открытки. Судя по ним, она была полна энергии, много ездила по Литве, общалась с друзьями. Однажды побывала и в Вологде с группой туристов, зашла ко мне. Смерть её была скоропостижной: она никогда не жаловалась на здоровье. Может быть, как хорошо воспитанный человек считала неуместным занимать внимание других людей своими болезнями. А может, и не чувствовала никаких недугов. Пусть покоится с миром в своей родной земле. Я её вспоминаю с большой теплотой...

Карпаты

Эту поездку я вспоминаю как что-то волшебное. Карпаты – особенные горы, не похожие на кавказские. Вечных снегов и ледников там нет. Они покрыты альпийскими лугами и замечательными лесами. Таких могучих деревьев я не видела нигде. Больше всего было буков. Но расскажу всё по порядку.

Когда мы с Наташей решали, куда поехать, я почему-то думала о Карпатах, а говорила о Молдавии. Моя географическая неграмотность и тут сказалась. Позвонили Саше Суконцеву, корреспонденту «Правды» и нашему университетскому товарищу. Теперь уже не помню точно, но он, кажется, был спецкором где-то в этих краях. Саша объяснил, где что и что к чему. Пообещал связаться со знакомым львовским журналистом, чтобы он нам помог. Вологодский знакомый Володя Петухов дал нам адрес своего дяди во Львове.

И вот мы приезжаем в этот сказочный город. Май. Цве-

тут каштаны, которых мы никогда раньше не видели. Володины родственники знакомят нас со всеми львовскими достопримечательностями: памятник Мицкевичу, оперный театр, музеи, великолепное львовское кладбище. Красивейшие здания! Ведут нас на гору, с которой весь Львов виден как на ладони.

А потом на чёрной «Волге» нас везут через перевал в Закарпатье. Чем выше, тем холоднее, тем меньше чувствуется весна. А на самой вершине деревья ещё не распустились. Но вот мы спускаемся по другой стороне Карпат, и все климатические зоны следуют в обратном порядке. А в Закарпатье тепло, цветущая весна. Нас доставляют в маленькую деревянную гостиницу километрах в десяти от Ужгорода. Она называется «Короп», что значит «Карп». Там есть садок с карпами, их ловят и тут же зажаривают. Уютно, чисто, красиво, вкусно. Немного погодя мы выходим на шоссе и ловим машину, чтобы доехать до Ужгорода. Город небольшой, но есть университет. Красивые места, река Уж извивается между старинными зданиями. Православные храмы, костёл, синагога. Город возник в VIII–IX веках, входил попеременно в состав России, Венгрии, Австро-Венгрии, Словакии, снова Венгрии. Сохранился замок XV века, в нём находится музей. В пяти километрах – граница с Чехословакией. Стоят столбы, будочка, пограничники. Граница прошла через село, жители которого теперь оказались в разных государствах: часть – в Украине, часть – в Словакии.

По дороге, обсаженной грецкими орехами, мы возвращаемся в нашу гостиницу, а завтра исследуем окрестности при помощи пойманной военной машины. Молодёжный лейтенант «положил глаз» на Наташку и гоняет своего водителя, куда мы скажем. Едем в горы к какому-то озеру, к какому-то ручью, где плещется форель, попадаем на территорию большого санатория, чуть не сваливаемся в пропасть и всё же получаем огромное удовольствие.

Расставшись с Наташиным поклонником, которого призывали обязанности службы, решаем подняться в горы.

Не помню уже последовательности, но оказываемся в Рахове, Ясинях, Яремче и оттуда едем в Ивано-Франковск. Впечатлений масса. Деревянные церковки на зелёных лугах, подвесные мосты, аисты, спокойно разгуливающие в нескольких шагах от нас. От города до города мы ехали на автобусах. Долго любовались быстрой рекой Тисой, которая идёт по границе с Венгрией и впадает в Дунай возле Белграда. Последний населённый пункт, кажется, был Рахов, очень высоко в горах. День был пасмурный, горы окутал туман, который исходил мелким дождём. Ночевать нас устроили в лёгком летнем помещении, было очень холодно. Мы легли вместе на одну кровать и укрылись всем, что у нас было. А было совсем немного. Утром, вполне насытившись горами, мы захотели в цивилизацию и взяли курс на Ивано-Франковск. Оттуда на поезде поехали в Москву. На пути у нас был Киев. Я дала телеграмму Аге Ошурковой, которая жила с мужем в Киеве. Она встречала наш поезд, бежала за вагоном и кричала: «Делай остановку!» Мы и сделали. Гуляли по Крещатику, были в Печерской лавре, а главное – разговаривали, вспоминали. Это было чудесно. И никто тогда не мог предположить, что через несколько лет она, бедная, совсем ещё молодая и такая красивая, умрёт. Судя по её письмам из Москвы, где она лечилась, у неё был лимфогранулематоз.

Домой мы привезли массу впечатлений и замечательные керамические изделия закарпатских мастеров.

По Польше и Чехословакии

Уж раз я вспомнила про это путешествие, напишу ещё о других моих вояжах, которых было не так уж много. Первый выезд за рубеж состоялся в 1962 году. Мы решили с Таней Паникаровской поехать в Польшу и Чехословакию. Но в Вологде группу собрать не удалось, и нам пришлось в Москве присоединиться к армянской группе. Армяне оказались замечательными, хотя часто поднимали такой гвалт, что хоть святых выноси. Но в автобусе за нами ухаживали, усаживали на лучшие места. Дружба народов из затрёпанного лозун-

га превратилась в конкретные дела, и это было так приятно! Наши спутники подтвердили свою славу музыкального народа и услаждали наш слух красивыми грустными армянскими песнями. В нашем присутствии старались говорить по-русски. Чуть ли не с самого утра угощали коньяком. «Пан» Саркисян, наш руководитель, читал лекции о международном положении, правда, на родном языке, но, думаю, мы не много потеряли. Нас с Татьяной он особо выделял, в отелях селил «по праву руку» от себя. Жили мы под неусыпным оком. Получали уроки армянского языка: *Ես կես սիրում Եմ* – Я люблю тебя; *Դուսից պաշտեմ* – Поцелуй меня; *Տե՛ս* – любовь; *Արեւ* – солнце; *Լուսին* – луна.

Можно подумать, что я это помню до сих пор. Нет, конечно, Да и объясняться в любви ни с какими армянами мне не приходилось. Нашла в записях. Но каков подбор слов и фраз! Однажды пан Саркисян прочитал лекцию «Стиль моего руководства». Не знаю, о чём он говорил, но стиль у него был что надо! На торжественном ужине в Закопане он выступал с двумя переводчиками – русским и польским. Вещал с пафосом, и вообще был очень забавный. А позднее сообщил, что ест рыбу с головой и с ногами.

Мы с Таней часто общались с очень симпатичным молодым человеком по имени Рудик. Он приглашал нас в бар, вёл себя вполне пристойно и, я бы сказала, интеллигентно, и мы удивились, узнав, что он всего лишь шофёр. Потом кто-то из наших попутчиков (вот неблагодарная, забыла, кто именно!) прислал мне томик Омара Хайяма и армянские сладости.

Наше путешествие началось не лучшим образом. Уезжали мы из Москвы 13 октября. Билеты имели в 13 вагон. Роковое число не замедлило себя проявить: ещё не успели отъехать от Москвы, я ещё не заснула, слышу встревоженные голоса в коридоре, и поезд вроде бы стоит. Выглядываю в коридор, а там полно дыма. Огонь уже потушили, но стало не по себе. Ведь могли и сгореть, но Бог спас.

Однако роковое число не оставило меня и в дальнейшем.

На границе меня чуть не вернули обратно по причине отклеившейся от паспорта фотокарточки. Звонили в Вологду, уточняли, есть ли такая гражданка и не шпионка ли она. Все пошли смотреть Брестскую крепость, а я ждала решения своей судьбы. Она сложилась благополучно, меня пропустили и в 16.15 по московскому времени мы отбыли на Варшаву, предварительно понаблюдав, как вагон переставляли на более узкую колею. На станции Тересполь в вагон вошли польские таможенники и пограничники, очень милые молодые люди: «Дзень добры! Прошу, пани!» – и всё в таком духе. Проверили документы, а у наших соседок и вещи. Одна из них, очень славная женщина 65 лет, русская, живёт в Польше. Сын и зять – коммунисты, сидели в тюрьмах при немцах, сама была связной у партизан. Счастлива, что повидала Москву.

В Варшаву приехали в 18.30 по местному времени, уже темно. Возили нас по трём вокзалам: Варшава Выходня, Варшава Заходня и Варшава Гловна. На последнем нас высадили.

На другой день осматривали город. Вот старинное Краковское предместье. Названо так потому, что после перенесения столицы из Кракова в Варшаву вокруг княжеского дворца поселилась знать из Кракова. Старые здания, дворец Сташица, просвещённого князя, который обосновал здесь нечто вроде Академии наук и поставил памятник Копернику. Напротив – костёл, где захоронено сердце Шопена, привезённое его сестрой из Парижа, где композитор скончался в 1849 году. На углу – дом, где он жил. Напротив – лицей, где он учился (там теперь университет), а за ним костёл, где он играл на органе. Святые места!

Совсем другое – Старе Место, то есть старый город. Прямые улицы с плотно стоящими домами польского мещанства. Есть дома узкие и высокие – в три окна и в три этажа. Рыночная площадь, а над всем этим – самый древний собор Святого Яна, церковь иезуитов, звонница Святого Мартина. Во время войны всё это было превращено в развалины. Польские реставраторы изучали облик старого города по сохранившимся документам и описаниям, и теперь этот

район Варшавы полностью восстановлен. Позолота, лепка. В костёле идёт служба: орган, пение, чёрные сутаны и белые передники. Всё так красиво и трогательно. Наверное, пепел моего польского деда стучит в моё сердце...

Показали нам еврейское гетто, где хозяйничал немецкий генерал Штроп. Его имя наводило ужас на обитателей гетто. Необыкновенно жестоко им было подавлено восстание, он должен был уничтожить всех евреев к дню рождения Гитлера. Но из полумиллиона всё же 70 тысяч уцелело. После войны американцы выдали его полякам.

Конечно, были мы и на самой главной улице Варшавы – Маршалковской, где я купила своим мужчинам капроновые носки. Они после первой стирки съёжились и пришли в негодность, а я потратила на них драгоценные злотые, которых давали совсем немного. Конечно, показали нам построенный Советским Союзом типичный сталинский небоскрёб – Дворец культуры и науки. Ещё одна советская примета – памятник Дзержинскому на фоне горсовета. Уцелел ли он сейчас, не знаю. Невиданные нами в те времена частные лавочки, где продаётся всякий ширпотреб. Но даже на него у нас не было денег.

Одной из самых красивых улиц мне показалась Аллея Уяздовска, где расположены посольские дворцы и Бельведер для высоких гостей. Рядом с этой улицей тянутся Королевские Лазенки с замечательным памятником Шопену. Он сидит под плакучей ивой, согнутой порывом ветра, её ветви напоминают кисть пианиста. Здесь же дворец короля Станислава Понятовского, а перед ним памятник его племяннику Иосифу работы Торвальдсена. Ещё до революции статую кто-то вывез в Гомель. В 1918 году её увидел там Дзержинский и вернул в Польшу. Понятовский глубоко связан с Россией. Он был любовником Екатерины Второй, она держала его при себе и запрещала ему жениться. Через некоторое время, охладев к нему, царица разрешила ему вернуться в Польшу, и при её поддержке он был избран королём Августом. Дворец замечательно красив и снаружи, и внутри.

Театр, построенный по образцу греческого. В пруду утки, лебеди, на деревьях прыгают белки. А потом показали дом, где живёт секретарь ЦК Гомулка. Квартира из трёх комнат с кухней. Поскромнее Понятовского!

На улицах города мало людей, большинство в костёлах (в Польше 95% верующих), в музеях, парках. Люди отдыхают. Магазины закрыты. Много цветов, деревьев, уже позолоченных осенью. Медленная Висла с тремя мостами.

Вечером были в филармонии – гремучий джаз. А на другой день предались другой музыке в Желязовой Воле. Чудесный парк, куда присылают деревья со всего мира, дом с открытыми окнами концертного зала, где стоит рояль и приезжающие к Шопену пианисты играют для слушателей, сидящих в парке.

Ещё один день в Варшаве был посвящён нашему самостоятельному знакомству с городом. Все мы были подавлены и раздавлены частнособственническим сектором в этой социалистической стране. У нас такого не было!

Поздно ночью нас повезли в Краков. Ехали весь день, любовались природой, а вечером, уже затемно, добрались до цели. Ужин был в третьесортном ресторане, но он мне запомнился тем, что какой-то поляк обратил на меня внимание, пытался поговорить и закончил словами: «Пани бардзо мила». Наверное, учуял мои польские корни.

Краков – город студентов, костёлов, стариков, монастырей. В городе 86 костёлов! За то, что маршал Конев сумел сохранить этот город-музей, известный ещё с VI века, он удостоен памятника и звания почётного гражданина Кракова. Памятник создал польский скульптор Хайдецкий. Так было. А сейчас, когда в Эстонии уничтожают память о воинах-освободителях, а в Грузии к дню рождения президента Саакашвили взрывают замечательный памятник героям Великой Отечественной войны, поляки отказались от памятника, и его перевезли на родную Коневу Вятскую землю. Хорошо, что не взорвали.

В средневековой части города улицы настолько узки, что

едва проезжает лошадь с телегой, гружённой камнями для ремонта старинной мостовой. Дом Марины Мнишек, памятник Мицкевичу, монетный двор, картинная галерея, довольно бедная, и, конечно, Вавель начала XVI века. Прямо дух захватывает от всей этой старины! В Вавеле картины Рубенса, уникальная коллекция средневековых гобеленов, резьба по дереву и огромный турнирный зал, где когда-то сражались рыцари, завоёвывая благосклонность своих дам.

Вечером хотели послушать орган в костёле, но орган не играл, только через микрофон священник читал проповедь. Среди прихожан было много молодёжи.

Поездка в Освенцим была очень тяжёлой, зато потом мы попали в настоящий праздник – в Закопане! 500 метров над уровнем моря. Горы, леса, поля. Жили в маленьких домиках в совершенно домашней обстановке. Милые пани и паненки. Чудесный воздух. Главная улица блистает витринами, и мы сожалеем об уже истраченных золотых. Всё же я покупаю симпатичную чашку с тарелочкой. Таня, как всегда, долго колеблется.

В Татрах поднимаемся на 1400 метров. Симпатичные домики с высокими крышами, выложенными черепицей, как в Закарпатье. Горцы пасут овец на альпийских лугах и сушат траву особым способом – на палках. В озере под названием «Морское око» вода синяя-синяя, там водится форель. Женщины продают чернику (в октябре!), а на склонах гор, окружающих озеро, лежит снег. Ко мне привязался огромный сенбернар. А может, это я к нему привязалась? Тут же стоит коляска, в которой он катает детей. На фуникулёре поднимаемся ещё на триста метров. Да, забыла, конечно же, были обязаны посетить музей Ленина. И чего он столько ездил?! Куда ни поедешь, везде музеи Ленина...

Вечером на прощальном ужине полакомились национальными блюдами, которые подавали, как за домашним столом, в больших супницах красиво одетые в горские костюмы и очень любезные хозяйки. Вместе с поляками пели «Подмосковные вечера» и ещё какие-то песни, было прият-

ное чувство единения и дружбы.

В получасе езды от Закопане, откуда ужасно не хотелось уезжать, – граница с Чехословакией. Чешские таможенники сказали: «Дайте значки – чемоданы проверять не будем». Вот такая «коррупция». В горах поселились в современном отеле «Партизан»: пиво в «ведрах», кофе в напёрстках, холодный и невкусный. Чехи, в отличие от поляков, неприветливы.

С замиранием сердца переправляемся по канатной дороге на другую сторону пропасти. Тепло, солнечно, но под ногами снег. Промочила ноги, заболело горло. Гид рассказывает о русском партизане, который спас всё село. Молодец, знай наших! Гид мог бы быть с нами и полюбезнее. Выручают чехословацкие пионеры, которые поют вместе с нами всё те же «Подмосковные вечера». Вот это песня! За ужином наш шеф делится своими ночными думами, о которых группа не знает. Говорит о роли великого русского народа. Наверное, это реверанс в нашу с Таней сторону. Поведение соотечественников его расстраивает, говорит, что «нужен дисциплин».

Поездом переезжаем в Готвальдов, не оставивший никаких впечатлений, кроме музея обуви. Не помню, что произошло, но в моём блокноте запись: «Выходим и ждём шефа и Егиша, которые дарят коньяк. Ропот группы, переходящий в бунт. Гнев шефа, отдавшего свой марочный коньяк. Введение крутых мер». Словом, внутринациональный конфликт на почве коньяка.

Самым интересным в Чехословакии была, конечно, Злата Прага. Вечером город плохо освещён, зато днём – красота. В магазинах всего много и всё дёшево. Пражане одеты средне, даже в театре, где мы слушали оперу Сметаны «Поцелуй». Я подробно всё записывала: Вацлавская площадь, Карлов мост, Пороховая башня, храм Святого Витта с часами более четырёх метров в диаметре, тысячелетний кремль – Пражский Град. В нём замечательные залы, где проходили пиры, посвящения в рыцари, конные турниры, где избирали королей. Теперь там президент

принимает присягу. В одном зале – замечательный потолок – чудо техники XVI века: площадью 62 на 16 метров без единой опоры. В Испанском зале тогда заседал ЦК, и здесь Юрию Гагарину вручали орден Белого Льва. Книжная палата – музей чехословацкой письменности и библиотека со старым глобусом, на котором Австралия ещё обозначена как полуостров.

В Пантеоне нам показали зал Советской армии, где хранится священная земля с Мамаева кургана, пропитанная кровью. Осталась ли она священной для нынешних чехов? И сохранилась ли символическая гробница – монумент, посвящённый жертвам освобождения Праги нашей армией? Как и мозаичные картины, изображающие восемь родов советского оружия? Как и бюст маршала Рыбалко, раненного при захвате Праги?

В древнейшей городской ратуше (1338 год!) тогда находился райсовет. Всего не опишешь, впечатлений было очень много. И самым интересным для меня было всё, что связано со Средневековьем. Прошло столько веков, прошли войны, а старые постройки уцелели или потребовали лишь небольшого восстановления. Поразительно: строили действительно на века!

Когда мы были в Праге, начались события, связанные с Кубой, было тревожно, мир висел на волоске. Наш шеф нам сказал: «Мы должны закончить нашу поездку спокойно и присоединиться к своему народу». Но прежде чем присоединились, побывали ещё в одном сказочном месте – в Карловых Варах, которые в 1958 году праздновали своё 600-летие. Это курорт в 125 километрах от Праги, в живописной местности, известный своими минеральными источниками с температурой от 35 до 72 градусов. Один из них бьёт на 12 метров в высоту, ежедневно выбрасывая три миллиона литров целебной воды. И откуда берётся такая прорва?! Отели похожи на дворцы, самый большой в то время был для советских людей, назывался «Империал». Здесь бывали Пётр

И, Суворов, Гёте, Шиллер, Бетховен, Шопен, Гоголь и многие другие, всех не запомнила. И мой Витя дважды приезжал сюда, пил воду и исцелился здесь от язвы. А Вера Лукницкая была тут завсегдатаем и почётным клиентом.

Мы прощались с Чехословакией, страной высоких гор, романтических пейзажей, готических храмов и замков.

А с Кубой всё обошлось благодаря Хрущёву и Кеннеди. А если верить последним сведениям, то и благодаря провидцу Вольфу Мессингу, который посоветовал Хрущёву уступить.

Финляндия

Другая моя поездка была в капиталистическую Финляндию. Всего 9 дней. Обменивали гроши. А мне надо было купить Наташе туфли к голубому выпускному платью. К поездке пришлось готовиться. Через одну знакомую продавщицу купила красивый материал на пальто, удалось достать белую норку на воротник и шапку. Ведь дело было зимой, а ехать в старом не хотелось. Купить же что-то достойное было просто невозможно. Но вот всё готово, и мы уезжаем, а мои домашние остаются в предвкушении «капиталистических» подарков.

Наш путь лежал через Ленинград, где мы переночевали в роскошной новой гостинице «Ленинград». Юра Андреев, литературовед и путешественник, о котором я уже упоминала, снабдил меня посылочкой для своей знакомой в Хельсинки и дал несколько финских марок помимо тех, что нам обменяли. Встреча с этой женщиной в незнакомом городе без языка представлялась мне довольно сложной.

Но пока что пересекаем границу в Выборге и в субботу 15 января 1972 года прибываем поездом в небольшой городок Лахти. Половина второго дня, обед не запланирован, а ужин только в 18 часов. А есть хочется. Ничего не догадалась взять с собой. Сам ужин тоже не очень-то: суп-пюре, который многие отвергли, а я съела с удовольствием, и что-то ещё, весьма лёгкое. Весь вечер мы предоставле-

ны сами себе. Из окна гостиницы был виден дом на противоположной стороне улицы. Вдруг без всякого вмешательства человека открываются ворота, выезжает машина, на крыше которой укреплены лыжи. Садится вся семья. Ворота так же закрываются. Машина уезжает. Суббота – финны отдыхают, выезжают на природу. Город почти пуст. Любуемся витринами, в которых выставлены разные фрукты и земляника. В разгар зимы! Так обидно за свою страну с её дефицитом и очередями, не говоря уж о фруктах зимой, что даже не хочется заходить в магазин...

Утром нас везут на водонапорную башню, очень оригинальную, с высоты которой открывается прекрасный вид на леса и озёра. Там в ресторане завтракаем и отправляемся на экскурсию по городу. Потрясающая мебельная выставка фирмы «Аско», интересные церкви. На улицах детвора катается на санках и лыжах. На голове смешные меховые шапочки с толстым хвостом. А вот и трамплин, в самом центре, здесь происходят соревнования. Ближе к городу подступает лес, и в самом городе много сосен. Финны очень берегут природу. Поразительный памятник Свободе – просто голый человек, свободный от всего, в том числе от одежды и всяких условностей. Монумент Труда – лесоруб с топором. Это уже ближе к нашему мировосприятию.

17 января (у меня сохранился план путешествия, поэтому пишу так точно) после завтрака покидаем Лахти и отправляемся в Тампере через Хямеенлинн, самый старейший город Финляндии. Там родился и учился Сибелиус. Это город со старинным замком XIV века, который реставрируется. Ещё на пути город Валкеакоски, ничем не примечательный, просто промышленный центр. В 2 часа дня приехали в бывший Таммерфорс в отличную гостиницу «Эммаус», где в 1905 году проходила знаменитая Таммерфорсская конференция РСДРП, о которой я, конечно, ничего уже не помнила, хотя должна была бы помнить. Ленин с Крупской жили в рабочем районе, в деревянном доме, его нам тоже не замедлили показать. Вообще память

о Ленине тут везде. Его почитают, наверное, особенно потому, что он подарил Финляндии независимость. Да, им повезло!

Конечно, нас сводили в сауну, которая мне с моей глаукомой была противопоказана, но я тогда ещё про глаукому не знала. На другой день осматривали город, большой и шумный, очень современный. Он находится на узком перешейке между озёрами и потому получил название «жемчужина среди озёр». Зимний стадион, где в 1965 году проходил чемпионат мира по хоккею. Мы тогда наблюдали за ним по телевизору, а теперь я могла посидеть на зрительском месте. Правда, смотреть было не на что.

В Тампере находится университет. В городе много современных зданий, хорошие гостиницы. Но есть и тихий район Калева с одноэтажными домами, где улицы названы по финскому эпосу и существует какой-то «Кошачий район» с частными домиками, символом которого является памятник «Кошачья лапа». Ужинали в ресторане на обзорной вышке. Ресторан вращался, и мы вращались вместе с ним, делая один круг за 48 минут.

Проведя ночь в Тампере, мы отправились в Турку, старую столицу Финляндии, известную с XIV века. Здесь находится старейший университет, основанный в 1640 году, нам его показали. Город расположен на самом западе страны, на берегу Финского залива. Здесь мягкий хороший климат. Нам показали порт, где находятся конюшни для орловских рысаков, и вокзал для грузовиков, которые доставляют яйца в Ленинград. Пять раз в день из порта отправляется теплоход в Швецию. Путь до Стокгольма занимает десять с половиной часов, из них полтора часа – в открытом море. В теплоход входит 175 легковых машин. Он принадлежит фабриканту Ретти, одному из самых крупных капиталистов Финляндии с ежегодным доходом около трёх миллионов марок. Живёт в собственном трёхэтажном доме с балконами, верандами, садом за глухой высокой каменной стеной. Мы слушали с открытым

ртом, всё это было непонятно и неприменимо к нашей жизни. А теперь?! Стало понятно, но опять же неприменимо к жизни таких людей, как мы. Мы не Абрамовичи, не Дерипаски и не Ретти.

Финны очень тесно общаются со шведами, а Ленин ходил туда и обратно пешком по льду Финского залива. Конечно, и тут нам показали музей Ленина. Это уже порядком надоело, и нам больше понравилась великолепная церковь Святого Михаила, вся устремлённая ввысь, старинный замок XIII века и кафедральный собор, где служит архиепископ, глава лютеранской церкви. Это самое старое сооружение в Финляндии – готика, красный кирпич, очень красиво, хотелось войти, но внутрь нас не пустили.

Оставалось три дня пребывания в этой замечательной стране и один, но самый главный город – Хельсинки, «дочь Балтийского моря». Город основан в 1550 году шведским королём Густавом Вазой и особенно расцвёл в XVIII веке в связи со строительством крепости Свеаборг. В 1812 году по решению Александра Первого он стал столицей Финляндии и начал бурно развиваться. В его территорию входит 200 скалистых островов, на которых расположены зоопарк, рестораны, яхтклуб. Хельсинки был запланирован как единое целое архитектором Карлом Эйнгелем и выполнен как произведение искусства. Замечательна Сенатская площадь, на которой стоит памятник Александру Второму, в 1863 году подписавшему декрет о равенстве финского языка с русским. Большое впечатление на меня произвело посещение парламента, куда может войти с улицы кто угодно в любое время и стать свидетелем решения государственных дел. Когда заходишь, то оказываешься на верхнем ярусе зала, построенного амфитеатром, и никому не мешаешь. Невероятно! Думаю, до наших дней этот обычай не сохранился, теперь это небезопасно.

Нас познакомили с уровнем жизни в Финляндии,

и очень интересно сейчас это вспомнить. 1 рубль равен примерно 4–5 маркам. Сравнительные зарплаты: рабочий – 900 марок, квалифицированный до 1050, инженер – 3000, школьный учитель – 1200–3500, начинающий врач – 3000, а специалист – 5000, да ещё имеет частную практику, а приём стоит от 15 до 20 марок. Государство регламентирует отпуска. Первоначально отпуск составляет 18 рабочих дней, но со стажем может доходить до 34. Если отпуск не дан с 1 мая по 30 сентября, к нему добавляют 50% оплачиваемых дней. У нас, конечно, такого не было и нет. А вот пенсии мне показались небольшими. Во-первых, мужчинам их назначают с 65 лет, женщинам с 63, и составляют они от 70 до 140 марок в месяц. Цены в то время были такие: мясо от 6 до 16 марок, масло 8,5, хлеб 1,5, яйца 3,5, сахар 2,5, водка 10–15 марок, а русская – 29. Можем гордиться! Продавались в Финляндии и наши машины: «запорожец» – 5000, «москвич» – 8500, «Лада» – 11 000, «Волга» – 18 000 марок.

Большая часть населения занята в сфере обслуживания и промышленности, остальные в сельском и лесном хозяйстве. Странно нам было слышать, что маленькая Финляндия с её суровым климатом добилась перепроизводства молока, мяса и пшеницы.

Некоторым утешением было узнать, что и у них есть проблемы. Например, недостаток врачей, высокая плата за лечение, дорогие квартиры и даже арендная плата одна из самых высоких в Европе. На квартиру и налоги у рабочего уходит 60–65% зарплаты. Тут финнов можно было пожалеть, имея бесплатное медицинское обслуживание и маленькую квартплату. Правда, больницы, которые нам показали, нам и не снились.

На «закуску» нас отвезли в студенческий городок Отаниemi. Это просто сказка! Отдельные коттеджи, выросшие прямо в лесу, для жилья, для еды, для занятий спортом, для развлечений. Не догадались спросить, сколько стоит получить высшее образование, потому что не могли

себе тогда представить, что оно может быть не бесплатным. Очень понравилось мне бережное отношение финнов к природе, к каждому дереву. Нам показали дом, через который прошла сосна, вписавшаяся в интерьер. Сберегли дерево! Замечательно!

В понедельник 24 января мы распрощались с замечательным гидом и переводчиком Матти Гренлундом и отправились в обратный путь. Домой я привезла подарки: Вите белую нейлоновую рубашку, которая там стоила дешевле ситцевой, а у нас была предметом вожделения мужчин, Наташе голубые туфли, которые вскоре развалились, Саше красивый галстук, а себе набор посуды с синим узором. Кое-что от неё ещё и сейчас осталось.

Вот и все мои путешествия. А ведь могла бы побывать ещё и в Париже, но не пустили...

«Жизнь полна любовью и заботой...»

Наташа и МГУ

Атеперь – ктому времени, когда Наташа второй раз штурмовала цитадель науки – МГУ. На этот раз всё происходило без моего вмешательства. «Страховал» её Виктор. Сочинение она написала на четвёрку, английский сдала на «отлично». Всё же для дневного отделения баллов не хватило, её приняли только на вечернее. Немного похныкала вначале, когда чувствовала своё неустойчивое положение, когда не было общежития, но потом жила в Москве без проблем. Когда Саша отслужил два года в Кирове и поступил в аспирантуру, они жили в одном корпусе, потому что на втором курсе Наташа уже была на дневном отделении. Она частенько бывала у Саши, и за ней ухаживал Сашин приятель Эльхан, который потом женился на Нине Микоян. У Наташи появились свои друзья, она хорошо училась, а потом появился и жених, поэтому никаких терзаний при расставании с Москвой она

не испытывала.

Всегда в курсе всех наших дел и переживаний была Тамара Константинона. Она любила наших ребят, приезжая, всегда что-нибудь им дарила. Недавно нашла письмо Лоры, в котором она писала, что мама хорошо у нас отдохнула и приехала повеселевшая и довольная. Это было в 1972 году, когда поступала Наташа. В этом письме Лора спрашивала, не прислать ли продуктов, и в этом смысле её письмо освещает тот дефицит, без которого мы не мыслили своей жизни. Свыклись с ним, привыкли привозить даже самые необходимые продукты из Москвы или Ленинграда. Но и там далеко не всё было. Вот выдержка из её письма, в котором она пишет, что снабжение улучшилось: «Даже греча стала появляться и резиновые чешские сапоги без очереди». Теперь мы уж и забыли, как выглядели наши магазины в советское время. Как получали по талонам колбасу (300 граммов на человека в месяц!).

Тамара Константиновна бывала у нас и в Дулепове, где мы купили дом. Пришлось основательно приводить его в порядок, но пока суд да дело, посадили и съели первые огурцы. Появление вкусных сочных огурчиков из маленького семечка, брошенного в землю, я ощутила как настоящее чудо. Ведь никогда раньше не имела дела с землёй. И начала в ней копать без всякого энтузиазма, во вкус вошла значительно позже. Особенно хотелось вырастить что-нибудь необыкновенное, экзотическое. Выписывала семена и даже сажены земляники. Виктор же в основном занимался благоустройством дома и территории. Мы посадили много деревьев, которые стоят и при новых хозяевах. Теперь уже каждое лето мы проводили в деревне, здесь мы принимали гостей из Москвы, Ленинграда, Саратова и, конечно, Вологды. Саша привозил свою гостью из Польши, и ей тоже всё понравилось. Прекратились наши поездки в Дома творчества. Оставалось вспоминать или рассматривать фотографии, на которых запечатлены Гагры, Дубулты и Коктебель, где мы познакомились с Верой Лукницкой.

Вера Лукницкая

В те годы она была весёлой, энергичной, избалованной, капризной, но доброй и щедрой. Могла так, между прочим, по дороге на дачу остановиться на Кутузовском проспекте у игрушечного магазина и купить Наташке дорогую немецкую куклу на последние деньги. Гоняла по Москве на «победе», одна из немногих тогда женщин за рулём. Пользовалась своей неотразимостью при редких встречах с гаишниками. Редких потому, что водила машину почти безупречно и с удовольствием. Транжирила деньги, которые с трудом доставались Павлу Николаевичу, и даже устраивала ему скандалы, что мало зарабатывает. Принимала и кормила кучу гостей, и нас в том числе, а возражений не принимала. Как будто брала реванш за трудную нищенскую юность. Было в этом что-то искреннее, но и что-то показное, чего, может, она и сама не понимала. Любила по-своему Павла, который стал настоящим отцом её сына Серёжи, но имела при этом немало любовников. Самым долгим и глубоко любящим её был «комсомольский» поэт Жаров, который написал гимн пионеров «Взвейтесь кострами, синие ночи». Он посвящал ей стихи, задаривал дорогими подарками, водил по театрам. Догадывался ли об этом муж, не знаю. Но и Жарова она обманывала, чему я была свидетельница и даже участница, хотя относилась к Жарову, как и он ко мне, очень хорошо. Удостоилась даже автографа этого известного в своё время поэта: он прислал мне поздравление с 8 Марта на новогодней открытке, наверное, другой под рукой не оказалось. Это было в 1965 году.

*Ирина! Это Вам сегодня
Один поэт солидных лет
Шлёт на открытке новогодней
Весенне-праздничный привет!
Он вовсе не сошёл с ума,
Он знает: в Вологде зима.*

Жаров долго не мог стряхнуть с себя Вериного обаяния, хотя и понимал, что не так много для неё значит. Но в 1964-ом году освободился от «гипноза». В это время он, обращаясь ко мне, назвал меня ошибочно «Константиновна», а это было отчество Веры. Вскоре я получила извинения: «Миленькая Ирина Викторовна! Простите меня, пожалуйста: я ухитрился, обращаясь к Вам, перепутать Ваше отчество... Это склероз. Или гипноз. Кстати, с гипнозом у меня всё кончено. Удивительно, но факт. Виктор Васильевич Вам, вероятно, подтвердит это».

Верочка была неповторима, вся соткана из противоречий: нежна и цинична, добра и зла, иногда обожаема, иногда неприняема. Это её мало тревожило. Она сама себе была закон и суд. Талантлива, о чём свидетельствуют её книжки, написанные уже в зрелом возрасте, умна, но в чём-то невежественна. Пережившая немало после смерти Павла, не переставала жить на широкую ногу, в чём помогли ей оставленный мужем архив с документами об Ахматовой и брак с итальянцем, который истратил на неё всё, что имел, и уехал умирать в Италию, но она не поехала его хоронить. Считала естественным, чтобы служили ей.

Но и сама Верочка могла помочь и обогреть того, кто был ей безразличен. В частности, немало сделала для нашего Саши в первые годы его студенчества. Полностью подчинила себе сына, и он, осиротев, прожил после неё немногим больше года. Проявила завидное мужество в последний год жизни, зная, что умирает. Позвала нас всех встретить с ней последний Новый год, только нашу семью. Вышла к столу еле живая, но нарядная, накрашенная, как всегда, была весела и благодарна, что мы приехали. И через три месяца умерла. Мир праху её, мы все её любили, сознавая, что и она нас любит.

Болезнь Виктора Васильевича

Вдруг на память пришёл 1975 год, стоивший немалых переживаний. Всё началось совершенно прозаически. Сидели, смотрели телевизор, и я заметила на шее у Вити какую-то шишку. Он сказал, что она у него давно. Решили показаться врачу. Послали в областную больницу, в гематологическое отделение. Там шишку вырезали, исследовали, и анализ показал, что это лимфогранулематоз. Виктор пролежал несколько дней в больнице, когда его выписывали, я за ним приехала. Елена Михайловна, его лечащий врач, позвала меня в кабинет и сказала: «Пять-шесть месяцев жизни». Как я не упала, не знаю. Это было так бесцеремонно, так жестоко! Он меня ждёт в палате, я должна сейчас к нему зайти. Что мне ему сказать? Как себя вести? Хватит ли у меня выдержки не подать виду, что я раздавлена этими четырьмя словами? Щёки горят, ноги не слушаются, язык присох к гортани... Что-то лепечу, что болезнь серьёзная, но не злокачественная, врач советует ехать в Ленинград. А Виктор, прекрасно себя чувствующий, весело собирается домой.

И наступают страшные дни. Я сижу в облздраве, «выбивая» направление в Ленинград, из обкома мне помогает Василий Тимофеевич Невзоров, теперь уже покойный. Заведующий облздравом не понимает, почему такая спешка, а у меня в ушах – «5–6 месяцев жизни», и они уже утекают. Надо торопиться. Прошу всех знакомых почаще бывать у нас, отвлекать Виктора от мрачных мыслей. А у него их и нет – смотрит по телевизору хоккей, весь захвачен этим зрелищем. А я его уже мысленно хороню... Ведь молодой ещё, вот-вот стукнет всего лишь 50 лет. Как-то держусь, бегаю, хлопочу, ничего не ем – всё где-то застрекает. Стараюсь не показывать своего отчаяния.

Наконец, мы в Ленинграде. Нас встречает Юрий Андреев и везёт в Песочное, где находится Институт радиологии. Виктора принимает врач Ида Давыдовна Кучерова, которая успокаивает меня, говоря, что диагноз совсем не такой страшный, что такие пациенты у неё были и вот уже

10–15 лет здоровы. Немножко отлегло от сердца. Оставляю моего дорогого в этом страшном учреждении и еду к Тамаре Бесединой, где все тоже в тревоге за Виктора. Я прожила там несколько дней, потом вернулась в Вологду. Попросила Наташу из Москвы съездить в Ленинград, что она с радостью сделала, но её появление почему-то напугало Виктора. А его там, бедного, мучили, облучали, обследовали, вводя какое-то контрастное вещество в сосуды ноги. Приехал, можно сказать, здоровый, а забрала я его совсем больного, ослабевшего. Сохранились фотографии того времени, сделанные у Тамары Бесединой. Он очень плохо выглядел.

В начале мая Виктор попал домой. 9-го мая надел все ордена, мы пошли гулять. По дороге везде, где могли, отдыхали. Да ещё было очень жарко, а он в чёрном костюме.

А потом понемножку-понемножку под контролем Иды Давыдовны, с которой муж переписывался и встречался, а также Елены Михайловны, с которой периодически, не очень аккуратно, но консультировался, всё как-то забылось, сгладилось, а теперь я уже вообще думаю: «А был ли мальчик?» У Виктора тоже появлялась мысль, что диагноз был поставлен неправильно, потому что перепутали стёкла с соскобом. А у меня появилась почти уверенность в этом, потому что после его смерти в 1991 году при вскрытии не обнаружили никаких следов лимфогранулематоза, а врач уверял, что такого просто не может быть. Но ведь и в Песочном проверяли! Может, и зря они его там мучили. И хорошо, что он отказался вырезать селезёнку, как советовал заезжий московский профессор. С Еленой Михайловной Виктор подружился, дарил ей свои книжки, поздравлял с праздниками. А я, высказав ей своё возмущение по поводу «5–6 месяцев жизни», потом простила, забыла, стала звать её в гости и бегать с ней по концертам. Она подкупила меня своим отношением к Вите при его жизни, настаивая на том, чтобы он проходил обследование в нужные сроки, а потом – реакцией на его внезапную смерть, очень искренней и сердечной.

Юбилей В.В. Гуры

31 мая 1975 года в институте праздновали 50-летний юбилей Виктора. К этой дате он был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Помню, как хлопотал В.Т. Невзоров, чтобы орден не опоздал. Ведь поставленный Виктору диагноз был очень серьёзным, и в буквальном смысле думалось о том, чтобы успеть отметить его заслуги при жизни.

Пришло огромное количество поздравительных писем и телеграмм. Было торжественное заседание, речи, подарки, угощение «а ля фуршет». А у меня в голове одна мысль – не последний ли это день рождения? Не говоря уж о юбилее. Напрасны были опасения. Потом отпраздновали и 60-летний юбилей, а шесть лет спустя, когда никто не ожидал, Вити моего не стало. Неисповедимы пути Господни!

Из присланных к 50-летию поздравлений мне хочется процитировать Евгения Андреевича Пермяка: «Утром в день Вашего 50-летия первой поцелуйте Вашу единственную Ирину Викторовну. Вы многим обязаны ей из того, о чём было сказано и будет сказано в эти знаменательные для Вас и для неё дни. Поцелуйте Сашу – он хорошо продолжает своего отца и этим украшает его. Дважды (второй раз от меня) поцелуйте Наташу. Она самое последнее яркое перевоплощение породивших её. Она достойная награда давшим ей жизнь». Евгений Андреевич был хороший, добрый человек, несмотря на некоторую самовлюблённость.

Очень хорошие слова нашёл Саша Суконцев, которого тоже уже нет в живых. И какую-то смешную штуку сочинил, только я её не могла найти. Нашла лишь издание спецвыпуска «Крокодила» (домашнее, конечно) к 40-летию Вити, замечательно сделанное Сашей. Все эти поздравления, как и с последующего юбилея, собраны в альбомах, которые Виктор делал, фиксируя этапы своей жизни. Я передала их в Вологодский музей.

Пастернак писал, что не надо заводить архивы, над рукописями трястись, и это, наверное, справедливо. Но с другой стороны, что бы мы знали о жизни и творчестве многих

писателей, если бы не сохранились их дневники и письма? Виктор всегда с уважением относился к архивным материалам и использовал их в своей работе над «Тихим Доном», отсюда и его привычка хранить все документы.

Саша в Москве

Наверное, надо рассказать и о бракосочетаниях моих детей.

Отработав два года, вернулся из Кирова Саша и поступил в аспирантуру МГУ к Никите Ильичу Толстому, получил временную прописку в Москве. Толстой брал его к себе в сектор на работу, но нужна была постоянная прописка, а её по тем драконовским правилам не было никаких оснований получить. Только жениться! Вот тут-то и взялась за дело Вера Лукницкая, которая познакомила его с бывшей соученицей по школе её сына Серёжи. С матерью этой девочки она была знакома. Дело шло к свадьбе, Виктор был очень доволен. Он хотел, чтобы Саша женился и его дети продолжили его фамилию. Саша привёз Олю в Вологду для знакомства с нами. Она произвела неплохое впечатление. Миловидная, скромная, неглупая. Никто не мог подумать, что под этой благообразной внешностью скрывается вздорное, упрямое существо. Благословение было получено, надо было думать о свадьбе.

Все свадебные расходы мы взяли на себя – ресторан, кольца. Ужин был в гостинице «Россия». Саша не хотел, чтобы на ужине присутствовал Н.И. Толстой, почему-то стеснялся. Лия Афанасьевна, мать Оли, это знала, но без его ведома пригласила Толстого, хотя весь список гостей мы с ней обсудили заранее. Можно представить себе моё удивление и замешательство, когда я, встречая гостей, увидела, как ко мне приближается Никита Ильич! Это было ужасно. Его усадили рядом с Верой Лукницкой, которая была, как всегда, ослепительна, нарядна, окутана какими-то цепями, браслетами. Никита Ильич остался весьма доволен таким соседством. «Но ещё более я доволен тем, – сказал он мне, – что

так хорошо всё устроилось. Саша сможет жить в Москве и спокойно работать».

Большую часть стола занимали какие-то знакомые Лии Афанасьевны, мне они представлены не были. А я сидела с отцом Ольги, очень приятным скромным человеком, известным кинооператором Казниным, который снял трогательную картину «Тропой бескорыстной любви». С матерью Ольги он был в разводе.

Вскоре Сашин брак распался, подробностей приводить не стоит. Но хочется упомянуть об Олиной бабушке Александре Николаевне, которая очень хорошо относилась к Саше, всегда держала его сторону и сохранила ему московскую прописку вопреки всем попыткам дочери и внучки её аннулировать. Это дало ему возможность поступить на работу в Институт славяноведения Академии наук к Н.И. Толстому.

Начались скитания Саши по частным квартирам и хлопоты о разрешении построить кооператив. Помню две его квартиры, которые я часто посещала, – на Подбельского, где Сашку донимали старухи-соседки, и на Малой Бронной. Особенно памятна последняя. Комната была запущенная, но большая, находилась в замечательном месте рядом с известным театром. Но главное – в этой коммунальной квартире жили славные люди, которые полюбили Сашу, и он платил им взаимностью. Отмечая потом, после долгих мытарств, Сашино новоселье в кооперативной квартире, его бывшие соседи радовались вместе с ним, а одна из них, Наташа, сказала, что он с успехом прошёл испытание коммунальной квартирой. С Татьяной Алексеевной он сохранил добрые отношения до её отъезда из Москвы. Да и я с ней виделась и переписывалась. А её муж Василий Демьянович помогал Саше в устройстве на новом месте. Спасибо этим славным людям: такие вещи не забываются.

Будучи аспирантом, а потом уже и сотрудником института, Саша ездил в экспедиции в Полесье. Чаще всего с Олей Терновской на её машине. Инвалид, почти без ног, лишённая, с моей точки зрения, всякого женского обаяния, она дважды

выходила замуж и родила двоих детей – дочку и сына. Теперь со своим вторым мужем, художником, живёт в Германии. Поистине, не родись красивой, а родись счастливой!

Полесье, где бывал Саша, ему очень нравилось, он писал оттуда интересные письма. Но в 1986 году рванула Чернобыльская атомная станция, и всё кончилось. А ведь экспедиции бывали именно в этих местах. Планировали поехать и летом 1986 года, но авария произошла раньше, 26 апреля.

Окончив аспирантуру, Саша защитил кандидатскую диссертацию. Я поехала в Москву, на самую защиту не пошла, потому что не хотела волноваться и смущать Сашу. Ужин был на квартире Оли Терновской. За столом говорили всякие приятные слова в адрес Саши – Н.И. Толстой, Б.А. Успенский, Г.А. Хабургаев. Сашка был в какой-то прострации после пережитых волнений.

В академическом кооперативе тянули волюнку, то обещающая, то отказывая, видимо, в расчёте на взятку, но как, кому и сколько давать, мы не знали. В конце концов помог отец Петрика, Сашиного друга, и он получил квартиру в обход академии, чем очень удивил тех, кто мурьжил его столько времени. Виктор дал ему две с половиной тысячи рублей. Мог бы дать и больше, деньги у него были, всё равно всё потом прахом пошло. Тогда бы сейчас у Саши была двухкомнатная квартира и он бы горя не знал. Но отец считал, что это было излишней роскошью. У него были свои «принципы». Даже мебель нам пришлось покупать в основном на мои деньги, хотя у меня их было немного. Саша, правда, уже сумел купить холодильник, кресло-кровать, книжные полки и пылесос. Разумно было бы купить стенку, чтобы всё туда помещалось и занимало немного места, но Виктор упёрся: «Я сам стенку только недавно приобрёл, обойдётся пока и так». Мы всё же купили стенку, но сказали отцу, что это – комбинированный шкаф. Он сделал вид, что ничего не понял.

Единственное, что было куплено с его одобрения и даже субсидии, это неподъёмный письменный стол, который Петрик продавал за 300 рублей. Кровать (вернее, матрас), сту-

лья, стол, кушетку и кухню приобретали постепенно. Генерал Осьмак, Витин старый приятель, помогал навешивать кухонные шкафчики, Виктор тоже делал вид, что помогает, но в основном распорядился и ворчал. Такой уж он был человек, из песни слова не выкинешь, хотя и полагается говорить о мёртвых или хорошо, или ничего. Отметим новоселье, и он уехал. Потом из Вологды я отправляла пианино и книжные стеллажи изделия того же Павлика Харитоновна. Это была целая эпопея, но сделать удалось всё. Вещи, заранее вымеренные сантиметром, разместились. Стеллаж пришлось распилить, иначе он не входил в лифт. Но в результате все остались довольны: Саша водворился в свою квартиру. Купил бумагу и краски и сказал, что теперь сможет рисовать. Это были только благие намерения, всё лежит нетронутым уже три десятка лет. Как и пианино, заваленное нотами, книгами, рукописями...

Наташина семейная жизнь

А что же Наташа? Подчиняясь законам хронологии, о ней следовало бы написать раньше, хоть она и младше своего брата. Я уже писала, как Наташа поступила в МГУ. На первом курсе общежития ей не дали. Помогла Наталья Борисовна Перцова, которая поселила Наташку у своей дочки с условием, что она будет ей помогать по хозяйству. Это был довольно тяжёлый выход из положения, но всё-таки выход, пока её не перевели на дневное отделение. Училась она хорошо, добросовестно, старалась. Ведь право перехода на дневное отделение надо было завоевать. Она оказалась в одной группе с той самой Наташей Аветисян, с которой в детстве познакомилась в Гаграх. Наташа, Света Шамрай и Таня Романова образовали дружеский кружок. Это были москвички, и Наташа стала бывать у них дома, через них приобрела новых знакомых, тоже москвичей. Там же впоследствии встретила и своего жениха. В общежитии тоже появились свои приятели. Но все подробности студенческой жизни Наташи я оставляю для её будущих воспомина-

ний, ведь она всё это знает лучше меня.

Заканчивая четвёртый курс, она позвонила домой, и я шутя её спросила, не собирается ли она замуж. На мой шуточный вопрос последовал вполне серьёзный ответ, что действительно собирается. Сказала за кого. У меня возникло два вопроса: «Не пижон ли он?» и «Любит ли он собак?» Ответы меня удовлетворили. Вскоре Виктор поехал в Москву и познакомился с будущим зятем, который пригласил его и Наташу в ресторан. Впечатление у Вити сложилось вполне благоприятное. Саша Дёмин, видимо, ему понравился своей основательностью, серьёзностью, занимаемой должностью. Виктор понял, что этот человек сможет взять на себя содержание семьи, несмотря на то, что, как мы потом уже узнали, он накопленные на машину деньги проездил в течение двух месяцев в Москву, чтобы все выходные дни проводить с Наташкой.

Летом Наташа привезла Сашу Дёмина к нам на дачу. Открыв шампанское, купленное, кажется, в нашем сельпо, Саша произнёс: «Мы любим друг друга и хотим пожениться». Это так он попросил родительского благословения. Виктор промолчал, а я сказала: «Раз уж вы всё решили, то женитесь». А сама всё время пребывания их в деревне не осушала глаз, оплакивая, видимо, и потерю дочери, и свою уходящую молодость. Не знаю даже, почему я так горько плакала. Когда потом женился сын, я не проронила ни одной слезинки, хотя далеко не всем была довольна, но всё-таки не горевала. А тут было такое чувство, будто жизнь вообще кончилась.

Свадьбу назначили на 10 сентября 1977 года, решили отпраздновать её в очень престижном московском ресторане «Арагви». Расписались они в Минске, а пировали в Москве. Всем заправлял Олег Бавыкин, приятель Саши. Организовано всё было отлично. На свадьбу приехала Сашина сестра Таня, а мама не смогла приехать, потому что получила путёвку и уехала в санаторий. Мне это показалось странным, но потом я узнала, что Мария Николаевна была участницей

партизанской борьбы в Белоруссии и получила поэтому бесплатную путёвку, которую жалко было не использовать. Познакомились мы с ней позже. А Таня мне сразу очень понравилась, и наши отношения с годами только укрепились.

Так Наташа стала замужней дамой и, окончив университет, уехала жить в Минск. На мои сетования, что она будет так далеко, пожимала плечами: «Разве это далеко?!» А сейчас мы оказались в разных государствах...

Настя

Теперь уже, конечно, мои дороги лежали в Минск, и первый приезд туда был связан с появлением на свет Насти. Когда она родилась, Мария Николаевна прислала мне письмо с подробным описанием новорождённой и всеми возможными восторженными эпитетами. Но первым её увидел Саша, который поехал в Минск и по телефону мне сказал, что никогда ещё таких красивых детей не видел. Я же познакомилась со своей внучкой, когда ей было уже три месяца. Незадолго до её рождения я ушла на пенсию по настоянию Виктора и, разумеется, по собственному желанию. Работать надоело, никаких ностальгических чувств по своей преподавательской деятельности я не испытывала, была счастлива, что освободилась. Но тут попала под машину Клавдия Алексеевна Шилова, и мне пришлось вернуться за кафедру, прочитать зарубежную литературу Средних веков, Возрождения и XVII века, свои прежние курсы. Оказался непредвиденный доход, который я быстренько прибрала к рукам и с Витиной добавкой купила себе шубу, о которой мечтала всю жизнь. Но в те времена купить шубу было не так просто. И откуда их сейчас столько взялось, как и многого другого?! А тогда, случайно зайдя в универмаг, я увидела две шубки. Хоть мне и не нравился каракуль, я купила одну. Других всё равно не было. Теперь я понимаю, что это был не лучший вариант – мех какой-то тусклый, застёжки ужасные, шуба тяжёлая, но по тем временам это всё же была вещь. Недавно отдала её Наташе, потому что таскать такую тяжесть я уже не в состоя-

нии. Она её переделала.

Но про шубу это так, к слову... А главное – поехала я в Минск во время студенческих каникул, когда освободилась от занятий. Сашка не ошибся – Настя была похожа на куклу. Днём её закутывали, клали в коляску, и она спала на улице под окнами, где иногда уже пригревало солнце, но и мороза она не боялась. Спокойным ребёнком её нельзя было назвать, да вдобавок неполадки в тазобедренном суставе, полученный при рождении, требовал особого пеленания, что создавало неудобства: между ножками была широкая прокладка. К слову сказать, никаких последствий не осталось, ножки у неё теперь что надо!

Наташа кормила её грудью, с трёх месяцев стала подкармливать. Тогда, кажется, и начался диатез, который мучил девочку довольно долго и сейчас изредка даёт о себе знать. Мария Николаевна работала и не могла много помогать Наташе, а я тоже долго не могла задерживаться, так что все тяготы по уходу за маленьким ребёнком легли на юные, ещё не окрепшие плечи моей дорогой девочки. Непросто ей было, да ещё приходилось ладить со свекровью, что не всегда обходилось без конфликтов.

Зато потом судьба подарила Наташе и её семье пять с половиной лет жизни в Париже, о чём подробно я написала в своих воспоминаниях о внуках.

О Тимоше

А Тимоша родился 8 января 1982 года в Вологде, для чего Наташа специально приехала из Парижа, где Саша Дёмин служил в ЮНЕСКО. Из роддома его нёс дедушка, сознавая всю ответственность возложенного на него поручения. Пришли домой, развернули и увидели, что ребёнок красотой не блещет. Стали друг друга утешать, что для мальчика это неважно. Не знали, что со временем его будут сравнивать с Леонардо ди Каприо. Через четыре месяца этот маленький вологжанин отбыл в Париж, и там его наблюдали французские врачи, визиты к которым стоили недёшево. «Вот когда

начинаешь ценить наше бесплатное медицинское обслуживание», – писала из Парижа Наташа.

Письма и фотографии были для нас главным источником сведений о том, как росли внуки. Изредка звонили, первое время это было не очень дорого. Наташе приходилось нелегко, особенно когда Тимка стал ходить. Вдвоём с Настей они способны были перевернуть весь дом! Дрались и мирились. Но любили друг друга. И когда Наташа спросила однажды маленькую Настю: «Как же мы раньше жили без Тимы?!» – та подумала и ответила: «Очень плакали».

А потом пошли замечательные дулеповские лета! Наташа привозила детей из Парижа, и они жили с нами в деревне Дулепово в недавно купленном доме. Пили настоящее коровье молоко, ели испечённые Валентиной Павловной вкуснейшие рогульки с творогом, дышали чистым воздухом, купались в сравнительно чистой речке и ходили за грибами в берёзовую аллею. Думаю, что это было очень для них полезно, они любили деревню. А для меня это были счастливые месяцы общения с моими дорогими внуками. Да и они вспоминают это время с радостью.

Вот на этом месте я поставила точку 20 сентября 2005 года. Сегодня 18 января 2010 года. И я, снова отредактировав и дополнив свои воспоминания, опять ставлю точку. Какие-то сведения о моей жизни родные, если захотят, найдут в моих дневниках. А о самых счастливых годах я написала. Так приятно было погрузиться в то старое доброе (и недоброе) время, когда была молода и жизнь казалась бесконечной. Теперь конец не за горами, но благодарю Бога, что увидела, как сложилась судьба моих детей и внуков, и даже дожидая до рождения правнука, чудесного Николеньки, которому недавно исполнилось десять месяцев.

Много потерь пришлось пережить. Восемнадцать лет тому назад не стало Вити, пятнадцать лет тому назад не стало Саши Дёмина. Поредели ряды друзей. Нет больше тёти Лиды, Тамары Константиновны, Юры Менакера, Тамары Бе-

седьмой, Бориса Николаевича Головина, Юры Дмитриевского, Тани Паникаровской, Веры и Серёжи Лукницких, Музы и Олега Шайтановых, Клавдии Алексеевны Шиловой. Но живы ещё Нонна Чинкина, Вера Миртова, Ада и Лора, дочери Тамары Константиновны. Ещё продолжает работать в Саратовском университете Женя Никитина. Здесь, в Вологде, ближе всех теперь Валя Веселовская, которой на днях стукнуло 88 лет (В.И. Веселовская ушла из жизни в 2011 году. – Л.З., Т.П.).

В общем, я думаю, что прожила счастливую жизнь. И долгою, как бы и за свою бедную маму, которая погибла в 39 лет. Счастливую потому, что и дети мои, и внуки стали моими настоящими друзьями и не обманули моих ожиданий и надежд. Всё, что могла, я для них делала и бесконечно любила и люблю их. Счастливой и долгой им жизни в этом меняющемся и не самом лучшем из миров!

Мои близкие, уже далёкие

30 июня 2008 года мне исполнилось 85 лет. Цифра страшная, за ней как будто бы ничего уже и нет. Теряю друзей – одного за другим. В записной книжке одни траурные рамки. Хожу с трудом, но всё же ещё хожу. Голова соображает, но многое из прошлого забывается. Чтобы совсем не утратить того, что было, и тех, кто был мне близок, решила кое-что записать. Если не смогу или не успею написать обо всех дорогих мне людях, пусть они простят меня за это...

Бабушка

Начну с детства, которое прошло в Ленинграде на Измайловском проспекте в доме 16/30, в квартире № 10 на шестом этаже. Окна выходили на проспект, по которому ходил трамвай, и смотрели на дом из красного кирпича, в котором была известная до сегодняшних времён типография, и школа, в которой я начинала учиться.

Главным человеком в моём детстве была моя бабушка, о которой я уже писала в своих воспоминаниях. Ей я обязана всем. Её любовь и забота помогли мне выстоять в трудное время, когда арестовали маму. С бабушкой связаны все мелочи жизни, все воспоминания о быте того времени. Некогда очень красивая, но к тому времени уже поблекшая под гнётом многих испытаний, она была гордым человеком с обострённым чувством собственного достоинства. Бабушка знавала лучшие времена – обеспеченную жизнь с горячо любимым её мужем, занятия музыкой, жизнь в замечательном городе Киеве, а затем и в Петербурге в достатке и любви. Ещё девушкой в Киеве она с подругой за компанию отправилась к местной гадалке и, сама того не ожидая, узнала о том, что скоро выйдет замуж. Вскоре появился на горизонте богатый поляк на 12 лет её старше, начал за ней ухаживать и сделал предложение. Партия была очень подходящая, сыграли свадьбу, и началась красивая и безбедная жизнь. Но бабушка не очень любила вспоминать те времена, как бы отсекала их от себя в новой трудной действительности.

За несколько лет до революции она с семьёй поселилась в Петербурге в новом доме, в большой квартире из семи комнат. Революция отняла всё, и она осталась без средств к существованию с детьми и старухой матерью на руках. Приспособилась и к тем условиям, которые предложили большевики. И в материальном, и даже в политическом смысле. В период всяческих гонений на религию она водила меня на службы в Троицкий собор, а иногда и в костёл на Невском, учила каждый вечер перед сном читать «Отче наш» и «Богородицу», а утром помогала повязать пионерский галстук. Гордилась моими успехами как председателя совета отряда, потому что мне однажды поручили вести районный слёт пионерских дружин. Зарабатывала чем могла: сначала играла на пианино во время демонстрации немых фильмов, потом продавала шоколад, на заказ вышивала блузки, воротнички и носовые платки. Вела всё домашнее хозяйство. На-

училась готовить, стирать, прибираться. Научилась топить печку, когда нас выслали из Ленинграда в башкирское село Мелеуз. В нижнем ящике шкафа хранились ноты, но пианино было продано соседям Варшавчикам и перекочевало на второй этаж нашей парадной (так в Ленинграде называли подъезды). Ноты с красивыми портретами композиторов и исполнителей лежали без дела, а когда-то бабушка хорошо пела и могла бы концерттировать, но её муж считал это неприличным. Когда в фотовитрине появился её портрет, художник Кадлубович, живший на последнем этаже, по настоятельной просьбе моего деда вынужден был этот портрет убрать, тем самым обеднив свою рекламу.

Воспитанная в строгих правилах, бабушка всегда знала, что прилично и что неприлично, и учила этому меня. Так, например, сидеть, положив ногу на ногу, она считала неприличным, и я никогда так не сидела и не сижу. Перебивать говорящего с тобой неприлично. Не ответить на обращённые к тебе слова неприлично. Не пропустить старшего в дверь неприлично... Её возмущали люди невоспитанные, особенно те, которые вселились в нашу квартиру в результате «уплотнения». Ведь с ними приходилось постоянно соприкасаться, а иногда и терпеть их хулиганские выходки. Она очень придирчиво относилась к правильности русской речи и не терпела искажения её необразованными людьми. Это не просто резало ей слух. Это оскорбляло её, и она относилась к таким людям с презрением, может, и не всегда оправданным. В то же время, когда мы летом снимали домик в деревне недалеко от Ленинграда, её не коробила простонародная речь тёти Кати, которая была нашей хозяйкой. Потому что это была простая крестьянка, и бабушка понимала, что «университетов она не кончала». С тётей Катей мы жили душа в душу. По представлениям бабушки, это было правильно. Ведь она оставалась в деревне в отличие от тех, кто бросил насиженные места и наводнил Петроград после революции. Со свойственным ей снобизмом она о таких людях говорила: «Из грязи в князи».

Теперь я хорошо понимаю, что бабушка хотела воспитать из меня достойного человека. Её нравственные уроки сопровождают меня всю жизнь, и я стараюсь им следовать. «Никогда ничему не завидуй!» – учила меня бабушка. И это стало для меня законом. «Никогда не поступай с людьми так, как тебе не хотелось бы, чтобы поступали с тобой!» И этот урок я тоже твёрдо усвоила. Быть доброжелательной, деликатной, тактичной она учила своим примером. Так же, как и честно выполнять порученную работу, быть справедливой. Но она всегда умела постоять за себя и нередко бранила мою маму, которая легко шла на поводу у своих подруг, иногда в ущерб своим интересам. Не складывались у бабушки отношения с невесткой, которая на первых порах отнеслась к ней чуть ли не как к прислуге, и бабушка сумела поставить её на место, однако жила по принципу: «худой мир лучше доброй ссоры».

Наказывала меня бабушка весьма чувствительно – просто переставала со мной разговаривать. И я маялась, не зная, как вернуть её расположение. До сих пор помню некоторые наши размолвки. Например, летом в деревне она разрешала мне бегать с ребятами целый день, пока не пригоняли коров. А потом – мыть ноги, пить молоко и быть дома. Но иногда заиграешься в лапту или в казаки-разбойники и пропустишь «контрольные сроки». Бабушка недовольна, но ещё не пускает в ход главное наказание. А вот если я прошусь опять на улицу и отказываюсь с ней погулять, она обижается и перестает со мной разговаривать. Теперь я отлично её понимаю. Весь день она была одна, сидела в этой деревне только из-за меня, чтобы я дышала воздухом. Общаться ей было особенно не с кем. Это была «чухонская» деревня (так называли обрусевших финнов), населённая Иванайненами и Тухканайненами. Я играла с приехавшими из Ленинграда дачниками и деревенскими детьми, которых мы, городские, дразнили таким стишком:

*Мита сана пёргала
За верёвку дёргала.*

*Верёвка оборвалась,
Мита сана обо...лась.*

Бабушке, конечно, было скучно, а я пыталась лишить её такого удовольствия, как прогуляться к железной дороге, которая шла между двумя откосами, пособирать цветы, особенно её любимые скабиозы, поговорить со мной о моих ребячьих делах. Я это особенно хорошо почувствовала позднее, когда жила на даче с внуком Тимошей и скучала весь день и даже вечер, пока не договорилась с ним полюбовно о том, что он не будет меня оставлять одну надолго.

Бабушкины строгости и представления о приличном и неприличном иногда причиняли мне много неприятностей. Так, например, только в 10 классе она разрешила мне ходить в кино с ребятами, а до этого – только с ней. Теперь я могла бы признаться ей, что нередко приходилось её обманывать. Она единственная из всех родителей посещала школьные вечера, была знакома с учителями и разговаривала с ними, наблюдая за нашими танцами. Это было как-то не принято. Но не помню, чтобы ребята надо мной смеялись. Бабушку они уважали и бывать у нас дома любили.

С особой нежностью вспоминаю наши деревенские вечера. Горит керосиновая лампа. Бабушка читает вслух «Давида Копперфильда». Я занимаюсь каким-нибудь рукоделием, которому она меняучила. А потом меняемся ролями – я читаю, а она вяжет. Тишина, покой, тётя Катя давно уснула в своей комнатке. А мы с интересом следим за любовью Давида к Доре, а затем к Агнесс, и в отношениях его со своей бабушкой находим много близкого нам. С тех пор Диккенс – один из моих любимых писателей.

Вечера в городской квартире тоже помнятся очень хорошо. Большая комната разделена громадным буфетом красного дерева на две неравные части. В меньшей половине – кровати: моя, мамина и бабушкина. На ночном столике возле маминой кровати лежат книги. Некоторые недоступны мне, потому что они на французском языке, а в другие я уже сунула нос и помню, что это были романы Кэрвуда. Над обеден-

ным столом горит лампа под широким абажуром с бисерными висюльками. Бабушка и мама, если она дома, склонились над своим рукоделием. Мама вяжет большую красивую белую шаль, которую мы потом послали ей в лагерь. Я здесь же делаю уроки или читаю с трудом добытую очередную книжку. Например, «Пертскую красавицу» Вальтера Скотта, которая настолько растрёпана, что девочки передают её друг другу по листочкам. Или «Евгения Онегина», из которого уже много знаю наизусть, и мама учит меня правильно читать французское слово *Monsieur*. Сегодня мы с бабушкой были в бане, потому что горячей воды в нашей ванной после революции не стало. После бани я обязательно съедала яблоко ещё в бане, а бабушка дома пила чай с пареной брусникой. Вот теперь каждый занят своим делом. Бабушка потихоньку что-то напевает. Помимо всевозможных арий и романсов, она знала много украинских, или, как она говорила, малороссийских, песен: «Ніч яка місячна», «Ганзя-любка», «Дывлюсь я на небо». Ведь она выросла в Киеве. Эти песни были для меня самыми любимыми в детстве. Так мы тихонько сидим, как вдруг открывается дверь смежной комнаты и выходит дядя Рома с кем-нибудь из своих товарищей. Это Шура Белобокий или Володя Долматов. Мама идёт в кухню и ставит на примус чайник. Накрывается стол. А потом мужчины усаживаются за шахматы. Или приходит тётя Ляля, мамина подруга, тоже с рукоделием.

Бывали у нас и другие гости. Например, Тамара Константиновна с дочкой Адой, а позже Маршаки. Тогда уже устраивался настоящий пир. В кондитерской «Nord» на Невском покупались пирожные. В гастрономе нашего дома – копчёные сиги, колбаса и сыр, которые тогда не были повседневной едой, считались деликатесами. Должна сказать, что жили мы довольно скромно, даже моя любимая сметана доставалась мне только в виде добавки к борщу.

Насколько это было возможно, бабушка всегда пыталась выглядеть прилично. Например, никогда не позволяла себе надеть платок. Носила шапочки или даже оставшиеся

от прежней жизни шляпки, которые у людей вызывали удивление, а может, даже и осуждение, особенно когда мы жили во Владимире. Бывало, какая-нибудь прохожая проводит её изумленным взглядом, а бабушка мне говорит: «Чего она так смотрит? Как будто на мне узоры нарисованы!»

Наверное, это чувство самоуважения помогало ей выдерживать удары судьбы – болезнь сына, арест и пропажу дочери, скитания по Советскому Союзу и разлуку со мной. Не говоря уже о том, что революция лишила её и мужа, и привычной жизни. Об утраченных материальных ценностях она никогда не жалела. Понимала, что есть ценности более значимые.

На всю жизнь бабушка сохранила интерес к музыке. В концертах бывать ей приходилось редко, но радио было доступно даже в тех отдалённых местах, куда её гоняла советская власть. Кроме модных кумиров того времени Козловского и Лемешева, она любила Норцова, Рейзена, Пантофель-Нечецкую, Барсову. С детства я запомнила имена Льва Оборина, Генриха Нейгауза, Давида Ойстраха. Когда радио передавало их концерты, надо было сидеть тише воды, ниже травы. А как радовалась бабушка победам наших молодых музыкантов на международных конкурсах! Например, Буси Гольдштейна, в 11 лет покоровшего даже Сталина своей игрой, или Розы Тамаркиной, ученицы знаменитого Гольденвейзера.

Умерла моя бабушка в 1959 году в возрасте 83 лет. Умерла во владимирской больнице, откуда писала мне свои последние письма.

Царство ей небесное и великая благодарность!

Мама

Мамочка моя бедная! Как несчастливо сложилась твоя судьба! С сохранившейся гимназической фотографии на меня смотрит молодая хорошенькая девушка в тёмной форме с белым воротничком. Похожа, видимо, на отца и потому какой-то нерусской внешности. Правда, и мама её была

с изрядной долей греческой крови, о чём свидетельствует её необычная девичья фамилия Риза-Тернавиот. Отец же был поляк Мариан Юлианович Фрейзлер. Холёный, нарядный барин, которого я представляла себе только по фотографиям. Более поздняя мамина карточка запечатлела молодую красивую женщину. А в моей памяти она осталась немножко другой – не такой молодой и не такой нарядной. С самого раннего детства я её не помню. Наверное, потому, что я всегда была на руках бабушки. А потом мама поехала зарабатывать деньги на север, в Кандалакшу, и взяла меня с собой. Это было замечательное время, когда мы были с мамой вместе и когда у неё появились друзья Манасевичи, которые сыграли немалую роль в нашей жизни. О них ниже особый разговор.

Как ни странно, мне трудно вспомнить подробности нашего общения, бесед, прогулок. Вероятно, как и многие молодые родители, мама не придавала особого значения вопросам воспитания своего отпрыска. Она была хороша собой, после развода с моим отцом у неё ещё были романы, и, когда мы вернулись домой, она снова препоручила меня бабушке. Иногда, видимо, когда в порт приходил корабль, как я теперь думаю, у нас появлялся высокий датчанин с цветами и очень вкусной толстой плиткой шоколада для меня. Бабушка к этим визитом относилась неодобрительно, насколько я могла уловить.

Мама много работала, бывала в театрах, в гостях, и, наверное, поэтому я особенно ценила время, которое она проводила со мной. Это был праздник. Это с ней я впервые побывала в опере и на балете, с ней бывала у её друзей. Я помню, как мы вместе читали «Евгения Онегина», как она учила меня вышивать, как помогала готовиться к школьным праздникам, как радовалась моим пятёркам. Но всегда у меня возникало чувство какой-то тревоги за неё. Она была худенькая, болезненная. То, что с ней случилось в декабре 1936 года, когда она не вернулась с работы и мы узнали, что она арестована, показалось мне как бы неизбежным. Я лишилась мамы. На короткий срок ещё остались письма из лагеря, но

и они вскоре прекратились. Не знаю, правду ли она писала, но во всех четырнадцати письмах, полученных нами в период с 6 января 1937 года и до 28 сентября того же года, она ни на что особенно не жаловалась, кроме недоедания. Только уверяла, что ни в чём не виновата, и умоляла писать, потому что письма были для неё единственной радостью. Почти три месяца наши письма до неё не доходили, а потом она получила их сразу. Но когда на её мольбы писать чаще не было ответа, чего она только не передумала! Беспокоилась, вероятно, не постигла ли нас её участь, не знала, здоровы ли мы и, конечно, очень тосковала в новой обстановке и среди чужих людей.

Судя по её письмам, порядки в ГУЛАГЕ были ещё не самые страшные. Может быть, имело значение то, что это был Беломорско-Балтийский канал, всячески разрекламированный как способ перевоспитания «преступников». Не случайно его показывали Горькому и другим писателям и даже возили туда иностранцев. Во всяком случае, мама жила не в бараке, а в комнате сначала на десять, а потом и на три человека. Из-за слабого здоровья и расшатанных нервов она получала рыбий жир, молоко, лекарства. Могла заниматься своим любимым рукоделием, гуляла весной и летом, сидела на солнышке в лесу, вместе с товарищами по несчастью выращивала цветы и послала мне один цветочек в качестве подарка на день рождения. Весной писала, что летом, наверное, придётся поработать в поле, но больше ни в одном письме об этом не вспоминала. Работала счетоводом в канцелярии, была занята до четырёх часов, остальное время была свободна. Писала о красивой природе, которая её окружала. Не думаю, что это была неправда и она так писала только потому, что не хотела нас расстраивать.

Мамины письма из лагеря целы. Я их перепечатала и отдала по экземпляру детям, оставив себе оригиналы. Приведу их здесь с некоторыми сокращениями. Мамины письма могут служить дополнением к этим моим воспоминаниям. Грустным дополнением...

Письма семье из лагеря

6.01.1937 г.

Родные мои, дорогие!

Наконец-то я имею возможность написать вам. Я жива и здорова, а об остальном писать пока не могу – нужно себя как-то собрать, очень развинтились нервы. Об одном я только умоляю всех вас и, главное, маму: не волноваться обо мне. Знайте, что я перед вами всеми не виновата, моя совесть совершенно чиста и упрекать меня не за что. Случилось для меня что-то страшное, от чего я опомниться не могу. Но жить как-то нужно, поэтому я всеми силами стараюсь поддержать в себе силы. Простите меня за всё то горе, которое я вам всем причинила, но в котором я не повинна.

Нахожусь я в довольно благоприятных условиях. Люди, окружающие меня, относятся ко мне хорошо, это меня сейчас как-то поддерживает. Вещи я все получила, спасибо. Относительно дальнейшего дело обстоит так: я писать часто не буду иметь возможности – одно письмо в месяц, а по мере надобности можно посылать телеграммы, но на это нужны деньги. Вы же можете писать хоть каждый день, о чём я очень вас прошу. Главное – пусть Ирушечка пишет мне как можно чаще.

С питанием дело обстоит плохо, но нужно к этому привыкать. Ем всё, чтобы не протянуть ноги. Посылки сюда принимают в неограниченном количестве, но не надо тратить на меня денег. Если когда-нибудь будет возможность, то самое необходимое – это сахар и масло.

Тоска по дому ужасная. Нет возможности никакой её заглушить, не знаешь, что с собой сделать. Берегите маму и мою родную девочку. Напишите мне все хоть несколько ласковых слов и, если можете, пишите мне чаще, не забывайте меня, на это я только рассчитываю сейчас. Адрес: г. Кемь, Бел.-Балт. комбинат, 8-е отделение, мне.

4.02.1937

Дорогие мои мамочка, Лидочка и Романчик!

Получили ли вы моё письмо от 7 января? Я ужасно бес-

покоюсь, не получая от вас писем. Здоровы ли вы все? Всё ли дома в порядке? Умоляю написать мне как можно скорее.

Я чувствую себя физически сносно, но ужасно тоскую, поэтому жду письма каждый день. Обстановка здесь вполне удовлетворительная, я работаю на посильной для меня работе и не устаю. Со стороны врачей я вижу много внимания: получаю рыбий жир, мышьяк и белый хлеб взамен чёрного. Стараюсь больше гулять. Здесь скоро будет каток, мне усиленно советуют кататься на коньках.

Живёт нас в комнате 10 человек. Комната очень большая, светлая и тёплая. Очень тщательно поддерживается чистота. Отношение ко мне со стороны окружающих хорошее. Но конечно, очень тяжело жить среди чужих людей. Нервы мои совсем расстрепались, при каждой мысли или слове о доме лью слёзы. Если бы скорее получить от вас всех письмо и Ирочкину карточку, это бы меня немного успокоило. <...>

Как здоровье Ромочки? Совсем ли он поправился? Это меня, конечно, тоже очень волнует. Поэтому моя единственная просьба – писать мне. <...> Лидочка, дорогая, как ты живёшь? Пиши мне тоже. Что слышно у Леночки? Как её здоровье? Крепко их всех целую.

Я ещё до сих пор не могу прийти в себя от всего случившегося. Наверно, моё письмо поэтому очень сумбурно. В феврале я пришло вам ещё два письма. Письмо отправляю без марки, так как на марку нет денег. Надеюсь, что оно дойдёт благополучно.

Мамочка, дорогая! Ты не очень волнуйся обо мне. Я как-нибудь проживу. Береги своё здоровье и мою родную девочку.

Обнимаю вас всех, моих родных, любимых крепко-крепко и целую много-много раз. Пишите, умоляю!

Любящая вас всех Пата

4.02.1937 г.

Родная моя доченька Иринушка!

Я жду не дождусь письма от тебя. Напиши мне, девочка дорогая, как можно скорее, подробно напиши, что у тебя слышно в школе, что вы сейчас проходите, как твои общественные нагрузки.

Ирочка, ты теперь уже большая девочка и прекрасно понимаешь, как я скучаю без тебя и без всех вас вообще. Поэтому обещай мне писать каждый выходной день, хоть несколько слов, чтобы я знала, что дома всё благополучно, все здоровы. Очень прошу тебя, Ириночка, быть послушной и помогать по мере твоих сил и возможностей бабушке. Старайся быть хорошей девочкой, как всегда ты была, а главное – пиши мне. Пиши мне о каждой своей отметке, напиши, что за отметки были у тебя в четверти. Нужно, Ирочка, сделать так, чтобы я, несмотря на то что я так далеко сейчас от тебя, знала бы все подробности о тебе и о всех вас. А это может быть только тогда, когда я буду часто получать письма. Может быть, бабушке и тётке с дядей не всегда будет время написать мне, а ты, доченька, дорогая, должна мне писать как можно чаще, а в выходной день уж обязательно. <...>

Целую тебя, моё солнышко любимое, очень-очень крепко, много-много раз. Не забывай свою маму.

23.02.1937 г.

Дорогая моя мамочка, доченька Ириночка и Лидочка с Романчиком!

Что случилось дома? Почему я не получаю ни одного письма? Ведь подумайте, как я ужасно волнуюсь, беспокоюсь и скучаю. В последнем письме я очень просила дать мне телеграмму, что дома всё благополучно. Получаете ли вы вообще мои письма? Я пишу уже четвертое письмо и буквально схожу с ума, не зная, что делается дома. Здоровы ли вы все? Умоляю написать мне скорее. <...> Умоляю дать мне телеграмму и писать.

Любящая вас Ната

16.03.1937 г.

Пишу вам, мои родные, уже пятое письмо, а от вас ещё не получила ни слова. Не могу понять, что случилось, волнуюсь безумно. Вчера заняла здесь денег и послала вам телеграмму, может быть, на неё получу ответ. Я не могу представить, чтобы хоть кто-нибудь не написал мне. В каждом письме я умоляю пожалеть меня и написать хоть несколько слов. <...> Для меня каждая почта приносит

только слёзы. Я безумно волнуюсь, нервничаю, совсем извожусь. <...> Все мои мысли только с вами. Я ещё раз умоляю написать мне как можно скорее. <...>

Любящая вас Ната

22.03.1937 г.

Дорогие мои, родные, любимые!

Сегодня у меня самый счастливый день за всё последнее время: наконец я получила от вас всех письмо. <...> Я бесконечно счастлива, что дома всё благополучно, что вы все здоровы. Спасибо вам всем за заботу обо мне! <...>

Сейчас я наплакалась над письмами вдоволь, но это уже другие слёзы, чем были раньше. Меня сегодня целый день все поздравляют и говорят, что у меня глаза стали другими. Вам всем не понять, что значит ждать письма так долго и какая безумная радость получить его.

Мамочка, родная! Ты о моём здоровье не беспокойся, я здорова, правда, сильно похудела. Это, конечно, результат пережитых волнений и резкая перемена питания. Но чувствую я себя неплохо. <...>

Если бы не то, что я оторвана от всех вас, то условия, в которых я живу, вполне хорошие. Комната прекрасная, только что отремонтированная, чистая, светлая, большая. Очень тепло. На днях провели электричество. Живёт нас девять человек, народ приятный. Иногда ссорятся, но ко мне все относятся очень хорошо, даже заботливо. Я староста нашей комнаты. Работаю я всё время счетоводом. Работы много, но это только лучше: время проходит быстро. <...>

Здесь есть библиотека с хорошими книгами, но мне что-то сейчас трудно читать, мысли разбегаются. Немного рукодельничаю, но это трудно, так как ни у кого нет ни тряпочек, ни ниток. Всё же несколько воротничков сделала. <...> Когда я немного успокоюсь, поправлю свои нервы и силы, то хочу заняться серьёзно бухгалтерией и английским языком. Здесь почти все изучают иностранные языки. <...>

Ещё раз спасибо вам, мои любимые, за всё. Пишите часто, не волнуйтесь обо мне, берегите мою девочку дорогую,

а всё остальное я переживу, лишь бы все были здоровы. Мамочка, дорогая, береги свои силы и здоровье, пиши мне. Я пишу вам при каждой возможности. Число моих писем ограничено, вам же можно писать сколько угодно, кто только хочет.

Целую вас всех. Любящая вас Ната

Иринушка, девочка моя золотая! Наконец-то я получила твоё письмо. Я очень рада, что ты умница, радуешь свою маму, что хорошо учишься по-прежнему. Пиши мне, доченька, всё подробно, для меня сейчас твои письма единственная радость. Судя по твоим отметкам, ты, верно, опять первая? Да? <...> Стихотворение твоё мне очень понравилось, присылай мне, деточка, все твои стихотворения и обязательно пришли «Страж». Напиши, кого ты играла в «Мёртвой царевне», видела ли тебя бабушка и как ты играла. Хорошо? Мне очень приятно, Ирусенька, что тебя интересует алгебра. Будь дальше, моя девочка, такой же умницейй.

Карточка твоя хорошая, мне понравилась. Но мне очень хочется иметь твою мордочку на той карточке, которая висит в столовой на стенке. Попроси бабушку мне её прислать в следующем письме обязательно, ведь таких карточек у нас две, так пусть одна будет у меня. <...>

Целую крепко-крепко. Любящая тебя твоя мама

4.04.1937 г.

Дорогие, любимые мои!

Спасибо вам всем за ваши письма, деньги и всю заботу. <...> Теперь я успокоилась, зная, что дома всё благополучно, что все вы, мои родные, здоровы.

Относительно приезда сюда, мамочка, это длинная история. Нужно подать заявление в ГУЛАГ в Москву. Существует два вида свидания: общее – это на 10 час. Это, конечно, очень мало. Но есть свидания личные – на 5, 10 и больше дней. Поэтому нужно просить такое свидание. Более опытные люди говорят, что вряд ли в это лето могут разрешить свидание, но попытаться можно. Мамочка, дорогая, ты сама прекрасно понимаешь, как безумно

я хочу видеть тебя и Ирочку. Но я боюсь, что если свидание не разрешат, то это испортит вам всё лето, тем более что если сейчас подавать заявление, то разрешение будет не раньше двух-трёх месяцев.

Я до сих пор ничего не писала об этом, так как не знала. Сейчас я узнала все подробности. Если ты, мамочка, решишь подавать заявление, то дай мне телеграмму, и я тоже сейчас же подам заявление. Но обязательно нужно просить о личном свидании и, конечно, с Ирочкой. Так скорее можно надеяться на благоприятный ответ. <...>

Обнимаю вас всех, моих родных, и целую много-много раз. Пишите. Любящая Ната

20.04.1937 г.

Дорогие мои, родные мамочка, Лидочка и Романчик!

Я вам давно сравнительно не писала. Но если от меня долго нет писем, вы не волнуйтесь, я пишу при каждой возможности. Спасибо вам всем, мои дорогие, за деньги. Я получила в общей сложности 260 руб. Этих денег мне хватит на долгое время, поэтому сейчас не посылайте большие совсем. Есть предположение, что числа 15–20 <мая> уже откроется навигация, но это можно будет точно узнать на почте. Я думаю, что числа 10 мая можно будет послать посылку.

Мамочка! Ты о моём здоровье не беспокойся. Сейчас я чувствую себя совсем сносно. Первое время я, правда, чувствовала себя плохо, очень сдала в весе, всё это – результат сильного нервного потрясения. Но за последнее время я даже прибавила в весе на 3 кг. Самое главное здесь – отсутствие жиров и витаминов. У меня начинались цинготные явления, но теперь всё прошло. Очень многие получают какой-то витамин С, который продаётся в аптеке. Романчик, наверно, лучше меня знает это. Если это не дорогое удовольствие, то пришлите, пожалуйста.

Теперь вот что, Романчик. Меня ужасно изводит изжога. Что бы я ни съела, я сразу же ощущаю изжогу, причём сильно выделяется слюна. Единственное спасение – это сода, но ведь нельзя же питаться содой, нужно сделать что-то другое, а что – посоветуй ты. Мне уже хотели сделать ана-

лиз желудочного сока, но я пока не решаюсь на это.

Но конечно, сейчас я чувствую себя значительно лучше, чем в первое время. Нервы, конечно, совсем не в порядке, но так я стала значительно спокойнее после того, как стали приходить письма. Но в общем вы обо мне не беспокойтесь и не волнуйтесь.

О том, чтобы получить свидание со мной, я уже писала. Скучаю я без вас бесконечно, нет минуты, чтобы я не думала о доме. Все мои мысли с вами ежеминутно, и единственная радость – это письма. Я работаю по-прежнему, работа меня, конечно, отвлекает от всех моих мрачных мыслей. Ужасно жду ваши карточки, но их надо послать в письме, а не в посылке. <...> Целую вас всех моих дорогих много раз, очень крепко. Спасибо ещё раз за заботу. Узнайте на почте, когда можно посылать посылки. Мамочка, не волнуйся, дорогая, береги себя. Целую ещё и ещё и жду писем.

Любящая Ната

20.04.1937 г.

Иринушка, доченька моя родная!

Я получила за последнее время много писем от тебя. Пиши мне и дальше так же часто. Это моя единственная радость и утешение сейчас. Меня очень радует, что ты по-прежнему хорошо учишься и ведёшь себя. По твоим письмам я чувствую, что ты стала как-то взрослее. Как это бабушка разрешила тебе ездить одной в трамвае? Надеюсь, что ты ведёшь себя осторожно и внимательно, когда едешь одна. Я очень прошу тебя об этом, девочка родная.

Как твои занятия во Дворце пионеров? Успеваешь ли ты в рисовании? Ты бы нарисовала какую-нибудь картинку и прислала мне. Мне так ужасно грустно без тебя, так я скучаю, что каждая строчка, каждое слово – всё мне доставит удовольствие. <...>

Как началась новая четверть, девочка? Какие отметки? Видишь ли ты Женечку, Юрочку и Бореньку? Поцелуй их всех от меня крепко. Здоровали ты, девочка родная?

Я живу по-прежнему неплохо, работаю, гуляю. Здесь

тоже уже началась весна, снег тает быстро, масса солнца, и стоят совсем тёплые дни. На солнышке даже совсем тепло. Но в такие дни мне ещё тоскливее без всех вас, ещё больше хочется домой.

Как прошёл пушкинский вечер в школе? Понравилось ли бабушке? Пиши мне всё-всё подробно, солнышко. Каждое подробное письмо из дому радость для меня на несколько дней. <...> Пиши мне, маленькая, часто-часто, помни свою маму, которая ужасно тоскует без своей доченьки. В следующем письме я пришлю ответ на твою викторину. Сейчас я ещё не думала над этим.

Целую тебя бесконечное число раз, родненькая.

Твоя мама

15.06.1937 г.

Дорогие мои, родные!

На этих днях я получила несколько писем от вас и очень удивлена, что вы не получаете моих писем. Правда, сейчас больше двух писем в месяц я не могу написать, но, конечно, эту возможность я использовала в мае аккуратно и вообще каждый месяц пишу одно письмо в начале месяца, другое в середине, иначе говоря, каждые две недели. Здесь тоже была небольшая задержка с письмами, но сейчас постепенно все письма доходят хорошо. <...> Это письмо, конечно, вы получите, когда уже будете на даче. Я счастлива, что вы отдохнёте. Но как будет с продуктами? Пока Лида с Ромой дома, это ещё ничего, ну а дальше как? Я эти дни всё время думаю об этом, страдаю ужасно, что я сейчас совершенно бессильна что-либо сделать.

Если бы кто-нибудь из вас, мои дорогие, мог заглянуть ко мне в душу, то понял бы, что я переживаю, как я безумно мучаюсь и терзаюсь всё время, не говоря уже о тоске, постоянной, ежеминутной. За что, спрашивается, я должна всё это переносить? Живу только надеждой, что это положение не может так продолжаться, что-то должно выясниться. Собираюсь писать заявление в Москву и в Ленинград, в облпрокуратуру. Кажется, по существующим законам я уже имею право это сделать. <...>

Единственное моё счастье в данный момент – это хо-

рошее отношение ко мне, которое я вижу на каждом шагу. Все ко мне хорошо относятся. По мере возможности я вижу внимание и заботу о себе. Правда, я не делаю ничего такого, чтобы заслужить обратное отношение. Всегда во всём аккуратна, исполнительна, подчиняюсь всему, что от меня требуется, честно работаю, так, как я всегда жила и поступала. Здесь это, по-видимому, учитывается больше, чем где-либо.

Целую и обнимаю вас всех, родных моих, каждого в отдельности много-много раз. Жду писем, скучаю.

Любящая всех Пата

Ириночка, девочка моя родная, любимая!

Хочется мне, чтобы это письмо ты получила ко дню своего рождения. Поздравляю тебя, моя маленькая, желаю тебе быть всегда такой, как сейчас, – здоровенькой, послушной и умницей. Твои письма для меня сейчас большая радость. Ты понимаешь, как мне приятно, что ты так хорошо учишься и так отлично перешла в седьмой класс. С этим я тебя тоже поздравляю и надеюсь, что это будет так всегда. Правда, доченька?

Ты мне должна подробно написать, как вы закончили учебный год, как тебя премировали. Я так плакала, что в этом году я не смогла быть на родительском собрании и быть вместе с тобой в такой радостный день!

Ты уже теперь совсем большая девочка и сама прекрасно понимаешь, как мне грустно и тяжело сейчас.

Напиши мне, что нового в деревне, что вы с бабушкой делаете. Теперь у тебя будет больше времени, поэтому пиши мне всё-всё подробно. Береги бабушку, пусть она отдохнёт как следует. Теперь ты ей можешь во многом помочь. Помни, девочка, что ты уже большая и можешь меня во многом заменить, раз так случилось, что меня нет с вами. Расти, Ириночка, так, чтобы ты доставляла радость и пользу всем, помни, что в жизни бывает так много несчастий и огорчений, которые не зависят от нас, поэтому нужно стараться быть как можно лучше.

Меня очень огорчает, что я даже не могу тебе ничего подарить. Посылаю тебе цветочек, который я сама сажала.

Больше у меня ничего-ничего нет сейчас. Мне очень грустно, что в день твоего рождения я не смогу даже поцеловать тебя...

Твоя мама

15.09.1937 г.

Ирушенька, солнышко моё любимое!

Спасибо тебе, девочка, за коврик. Он сделан чудесно и принёс мне много радости. Так приятно, что он сделан твоими ручками! Как твои школьные дела, доченька? Как ты занимаешься? Поздравляю тебя, моя маленькая. Роднушенька, желаю быть всегда такой умницей, как сейчас, и так же хорошо учиться. Скучно твоей маме без тебя ужасно, только и живу тем, что разглядываю твои карточки, перечитываю письма. <...>

Я забыла попросить бабушку, если будет возможность, прислать мне какие-нибудь тёплые перчатки и мой розовый платок. Теперь уже становится холодно, рано темнеет, идут дожди, наступила осень, и становится ещё тоскливее. Поэтому я так жду от вас писем. Пиши, доченька родная, всё-всё подробно про себя и про всех.

Обнимаю тебя крепко-крепко и целую много-много раз.
Твоя любящая мама

28.09.1937 г.

Мои дорогие родные!

Получаете ли вы мои письма? Я уже давно ничего от вас не имею, очень волнуюсь, тоскую. Всё ли дома благополучно? Здоровы ли вы все? <...> На днях я получила посылку с мёдом, спасибо вам, родные мои! Каждая посылка – это праздник здесь. Вы не можете себе представить, как радостно получить из дому хоть что-нибудь. Знаешь, что это всё уложено родными руками, всё это из дому.

Здесь так ужасно одиноко мне, так трудно смириться с мыслью, что я одна среди совсем чужих людей. Одно спасение, что даже и здесь ко мне хорошо относятся. Вообще жить мне не очень плохо. Чувствую себя совсем хорошо, работаю довольно много, всё там же, где и раньше. Живу я в комнате с двумя очень хорошими женщинами. Вече-

ром сидим работаем, читаем. Сейчас уже рано темнеет, наступила настоящая осень, холодно, идут дожди, слякоть. Здесь очень красивая осень, весь лес золотой и ярко-красный. В солнечный день удивительно хорошо. Было много ягод – черники и брусники.

Я очень жду, мои дорогие, от вас подробного письма. Ведь из тех открыток, которые я получила уже очень давно, я ничего не знаю, что с вами. Как вы устроились, где вы находитесь, какая там жизнь, работают ли наши, какое у вас всех настроение, как вы уезжали из Ленинграда, на какой срок. Все эти вопросы меня чрезвычайно интересуют и волнуют. Не могу понять, отчего от вас так долго нет писем, не допускаю мысли, чтобы вы не писали мне. Но непонятно, отчего произошёл такой перерыв в письмах. Ведь я живу только письмами из дому.

Вот уже скоро год, как я оторвана от вас, мои родные. Но до сих пор я не могу опомниться от этого кошмара и всё время живу как во сне. <Если бы я> хоть знала, за что я должна страдать и заставлять страдать близких и дорогих мне людей! Верьте мне, что я ни в чём не виновата. Верно, так должно было случиться. <...>

Ирушенька, доченька моя единственная!

Как твои школьные дела? Меня очень интересует твоя новая школа. Ужасно тоскливо твоей бедной маме без своей девочки, а тут ещё так долго не было писем. Так безумно хочется знать, что у вас делается. Как ты учишься, маленькая? Как себя ведёшь? Что вы сейчас проходите? Какая у вас погода?

Я живу всё так же, так же тоскую без всех вас, всё смотрю на твою карточку, на свою любимую девочку. Ирушенька, напиши своей маме большое, подробное письмо, чтобы я всё знала подробно-подробно. Есть у тебя какие-нибудь знакомые девочки? Хорошие ли преподаватели? Что ты читаешь? Здорова ли ты, деточка? Много ли ты занимаешься?

Коврик твой висит у моей кровати. Он очень хорошо сделан. Тебе, верно, кто-нибудь помогал?

Жду от тебя, доченька родная, письма. Целую тебя,

моё солнышко родное, бесконечно много-много раз, крепко-крепко.

Любящая тебя мама

Это было последнее письмо, которое мы получили от мамы. Жили надеждой на новые весточки, а их не было...

Но внезапно ГУЛАГ показал свою зловещую сущность: 10 октября по приговору особой «тройки» она была расстреляна. Ни суда, ни следствия, ни допросов, ни адвокатов. Вот так просто лишили человека жизни, отправив предварительно на Соловки. О смерти мамы я узнала только в 1957 году, а через год получила извещение о её реабилитации. Сначала нам лгали, что она умерла от воспаления лёгких. Годы спустя я всё же добилась правды. Страшной правды о том, как закончилась жизнь 39-летней женщины, не совершившей никакого преступления, отторгнутой от дочери и от всех родных, которых любила, с ужасом осознавшей сначала несправедливость приговора – 10 лет лагерей. А что она пережила потом! Какой беспросветный ужас ею владел и о чём она думала в последние минуты, поставленная к стенке на Соловках? Об этом можно только догадываться.

Это осталось незаживающей раной в моей душе.

Дядя Рома

Предметом моей особой любви и даже, пожалуй, обожания был мой дядя Роман Марианович. Он был красив, образован, хорошо воспитан, остроумен. Хирург божьей милостью, ученик и ассистент знаменитого Джанелидзе, он мог надеяться на блестящую карьеру. Но советской власти не нужны были хорошие специалисты с такой подмоченной репутацией – его сестра была репрессирована, значит, всю семью надо было сослать в глухомань, где никакой хирургической практики не может быть по определению. Да и происхождение его было весьма сомнительным. Не случайно же его выгнали из Военно-медицинской академии и заканчивать учёбу ему пришлось в Смоленском медицин-

ском институте. Отступить от своей мечты быть хирургом он не мог и уехал из Ленинграда, а вернувшись с дипломом, стал работать с Джанелидзе. Уезжал в Кандалакшу зарабатывать деньги. Много позже с той же целью – во Фрунзе, откуда вернулся, тяжело заболев малярией. Его везде все любили, особенно женщины. И он их любил. У меня сохранились свидетельства его многочисленных романов в виде писем и фотографий. Жил так, как ему хотелось, заразился и пороками того времени. Был связан с богемой 20-х годов, с поэтами того времени, например, с Оцупом, эмигрировавшим в 1923 году. Дядя делал блестящие операции и буквально вытаскивал людей с того света, особенно во время войны уже во Владимире. Недаром одна спасённая им колхозница подарила ему мешок муки. Настоящее сокровище в те голодные годы!

Дяде я обязана тем, что не была отдана в детский дом, а жила с ним и бабушкой, что никогда не чувствовала себя сиротой, что по его настоянию получила высшее образование. И всё это было естественно, всё вытекало из отношений в нашей семье даже и тогда, когда в неё вошла его жена. Он меня любил и, как мог, баловал. Вникал в мои школьные занятия, особенно в уроки литературы. Окончив гимназию и последний класс советской школы на круглые пятёрки, он отлично знал поэзию и сам писал стихи. Но и из прозы мог цитировать целые куски, заставляя меня угадывать, какое это произведение. И когда я ошибалась, говорил, что нас плохо учат в школе. Особенно любил Гоголя. Из опер – «Пиковую даму». Из поэтов – Гумилёва и, конечно, Пушкина.

В комнате дяди в Ленинграде стояли книжные шкафы, набитые медицинской литературой на русском и немецком языках. Толстые тома, красивые переплёты, отличные иллюстрации, привлекавшие внимание моё и моих друзей. Много интересного и не очень подходящего для нашего возраста узнали мы из этих книг, снимая их с полок, когда оставались дома одни. Наверное, с тех пор у меня осталась вера в медицину и в действенность помощи врачей. Мой дядя представ-

лялся мне эталоном такого специалиста.

Бедный дядя Рома! И его судьба не пощадила. Наверное, только молодые годы и первые годы женитьбы были для него счастливыми. А потом – борьба с трудностями жизни, высылки в Башкирию, во Владимир, снова в Казахстан, потеря любимой женщины, не выдержавшей всех его несчастий, положение ссыльного, человека как бы второго сорта, хотя во Владимире это было меньше заметно – там он пользовался уважением и больных, и коллег. Но всё равно – ощущение поломанной жизни, несбывшихся надежд. Он всего на два года пережил свою маму, о которой не переставал заботиться до конца её дней. И умер от рака лёгкого в своей больнице, и был оплакан последней любившей его женщиной Наташей Гончаровой. Для меня это тоже была огромная потеря. Я предлагала ему переехать к нам, но он отказался.

Красивый, достойный, но несчастливый человек...

Лидия Александровна Сегал

После своих многочисленных романов в 1933 году дядя Рома наконец остановил свой выбор на прелестной женщине, которая не на шутку задела его сердце. Это была Лидия Александровна Сегал, по первому мужу – Менакер. У неё был десятилетний сын Юра, мой ровесник с разницей в одну неделю. С мужем она разошлась и стала жить у нас. По национальности еврейка, но крещёная и абсолютно на еврейку не похожая. Очень красивая, с тонким профилем и пепельными волосами, очень изящная, хороший врач-терапевт. Избалованная и привыкшая, чтобы её обслуживали, как это было, видимо, в семье первого мужа. Это и не понравилось моей независимой бабушке, о чём я уже упоминала. Но я была от тёти Лиды в полном восторге, а мама быстро с ней подружилась.

С появлением тёти Лиды мы вступили в родственные связи с известными в то время людьми, хоть это и не было кровное родство. Сестра тёти Лиды, Лена, была замужем за писателем М. Ильиным. Это был его псевдоним, отделяв-

ший его от родного брата, Самуила Яковлевича Маршака. Тётя Лена выступала в основном как соавтор своего мужа, но и сама писала книги, я знаю две – о композиторе Бородине и о Ленинградской Публичной библиотеке. Они у меня есть с её автографами, как и книги дяди Люси – так дома называли Илью Яковлевича Маршака. У них к тому времени была одна дочка Женечка. Позднее родились Боря и Марина. Никого из всей этой семьи уже нет на свете. Из детей особенно известен Борис Маршак, научный сотрудник Эрмитажа, археолог, востоковед, историк искусства.

Интересно, что бывший муж тёти Лиды был двоюродным братом Александра Менакера, мужа Марии Мироновой, с которой вместе выступал на эстраде, и отца замечательного артиста Андрея Миронова. С ними мы, естественно, знакомы не были.

Родители тёти Лиды жили в Латвии. Тогда это была граница и контакты с ними были нежелательны. По-моему, они даже не переписывались. Третья сестра Лиды и Лены жила в Америке. Это была Евгения, или, как её звала тётя Лида, Жека. Я видела её фотографии. Она была самой красивой из сестёр. Так что со всех сторон наша семья вполне могла быть на подозрении у тогдашних властей. Родственники за границей – один из самых страшных пунктов анкеты, которую приходилось заполнять в разных случаях жизни, а особенно при приёме на работу. Думаю, что НКВД следило за этой семейкой задолго до катастрофы с мамой.

Но был и солидный «противовес», а именно – М. Ильин. Писатель, который пользовался большой известностью. Его книги переводились на все европейские языки, потому что в них отражались лучшие стороны жизни молодой советской страны. Особенно «Рассказ о великом плане» (о первой пятилетке). Кроме того, химик по образованию, он написал много книг для детей, где рассказывал о разных науках. Одним из первых советских писателей он был награждён орденом, его поддерживал Горький. Это была значительная фигура, неподвластная даже НКВД. В жизни это был заме-

чательный человек, очень добрый, большой труженик, который всю жизнь боролся с туберкулёзом, а умер 58-ми лет от рака, болезни, скосившей весь клан Маршаков.

Тётя Лида, несмотря на разрыв с моим дядей, до конца её дней осталась для меня близким человеком, как и её сын Юра. Она сразу признала меня настоящей племянницей и пресекла мои попытки называть её на «вы». Уроки, которые она мне преподавала, наверное, не понравились бы моей бабушке, но мы её в это не посвящали. Тётя Лида учила меня быть более раскованной, рассказывала, что с 14 лет целовалась с мальчишками, и я не замедлила воспользоваться её примером, когда мы жили в Башкирии и я пользовалась успехом у одноклассников как уроженка большого далёкого города Ленинграда. Многие её советы, касающиеся одежды, походки, я помню до сих пор. Она рассталась с нами, когда мы жили во Владимире, уехала к сестре в Москву и через некоторое время вышла замуж за Владимира Павловича Покровского. Бывая в Москве, я обязательно навещала её и тётю Лену сначала на Ленинградском шоссе, дом 40, а потом на улице Маршала Бирюзова, дом 28. В последней квартире у тёти Лиды была небольшая уютная комната, заставленная книжными шкафами, письменным столом, двумя тахтами. Я любила там бывать. Меня интересовали книги, но не Лесков, которого очень почитал Владимир Павлович, а те, что находились на полках в коридоре. Это были книги тёти Лены. Книги Серебряного века, которые с трудом выдавались даже в библиотеке Ленина. Там я познакомилась с Ахматовой, с Волошиным, с Гумилёвым, которые были под неофициальным запретом. Тётя Лена много помнила наизусть, и мы с ней иногда читали друг другу любимые стихи.

В своём новом муже тётя Лида нашла тихую пристань. Владимир Павлович, интеллигент высшей марки, обладал замечательным характером. Он совершенно естественно принял меня как бывшую племянницу тёти Лиды, а затем и моего сына Сашу, с которым охотно общался. По роду деятельности он был, кажется, инженером. Но интересовался многим. Состоял то ли в родстве, то ли в дружбе с режиссё-

ром Радловым. Был заботливым и нежным мужем.

Тётя Лида долго продолжала работать. Она была отличным терапевтом старой школы и всегда критиковала молодых коллег, которые казались ей недостаточно сведущими и поверхностными. К домашнему быту она была плохо приспособлена, что когда-то раздражало мою бабушку. Готовить не умела. Это делала домработница, которая обслуживала её и тётю Лену. Она могла лишь вытереть пыль и подмести в своей комнате. Вся остальная квартира её не интересовала. Но по поводу беспорядка ворчала. Не помню, чтобы она мыла посуду. Позже, когда не стало Владимира Павловича и тёти Лены, она жила с племянницей Мариной и её семьей. Это был тяжёлый период в её жизни, и только Юра с Машей скрашивали её существование. Несколько раз она приезжала к нам в Вологду. Жила у нас на даче. Помню, как она занялась несвойственным ей делом – помогала делать сок из яблок, которых в тот год уродилось видимо-невидимо. Я знаю, что она меня любила и была мне родным человеком не формально, а по существу.

Теперь от всей этой семьи осталось мало её членов. Только последняя замечательная жена Юры Маша Седых. И потомки Женечки Маршак да сын Марины Сашура, о котором я уже ничего не знаю. Общаюсь только с Машей.

Названный брат Юра

И Юры уже нет в живых. Он скончался 14 июля 2007 года. Последнее время был очень болен, страдал от невозможности работать. Я думаю, что его жизнь продлевалась только усилиями Маши, которая ухаживала за ним, как за ребёнком. А в нашем далёком детстве он был хорошим, надёжным товарищем. Он появился у нас, когда нам обоим было по 10 лет, и приходил каждую неделю по выходным дням. Мы быстро нашли общий язык, затевали всякие проказы вместе с моей школьной подругой Нёней Брусникиной. Когда я в последнее время приезжала в Москву, мы всегда встречались втроём. Теперь Юры нет, у Нонны (Нёни) изменился номер теле-

фона, а я в Москву уже не езжу...

Когда мы поселились во Владимире, Юра приехал к нам на зимние каникулы. Я потащила его в школу на танцы, и мои подруги долго потом вспоминали эту «столичную штучку» — мальчика в сером костюме.

Надо сказать, что тётя Лида мало заботилась о своём сыне. Она оставила его с отцом, и встречи с ним раз в неделю не могли восполнить для мальчика образовавшуюся брешь в семье. Дядя Рома относился к нему хорошо, но всё равно Юра был для него только гостем. Настоящую заботу и тепло он нашёл в семье Ильи Яковлевича и Елены Александровны. Они помогали ему, когда он в чём-нибудь нуждался, они заботились о его воспитании и образовании, и Юра стал писателем потому, что этому его «научил» дядя Люся. Его замечательные книги «Почемучка» и «Потомучка» продолжают традицию М. Ильина, но только ещё более интересно и доходчиво рассказывают детям о сложных вещах, с которыми они встречаются в жизни.

Почти всю войну Юра был на фронте. У меня сохранились его письма и фотографии той поры. Он имел какие-то награды. Товарищи-артиллеристы его уважали и любили за весёлый нрав. В личной жизни у него не всё ладилось. Покончила с собой первая жена, у которой были явные проблемы с психикой, со второй он разошёлся, и только третья, Маша, с которой он встретился в Пицунде, стала для него настоящим верным другом. Она трогательно заботилась о стареющей и почти уже беспомощной свекрови. Тётя Лида была обласкана и Юрой в последние годы своей жизни, хотя не очень на это надеялась, памятуя свои грехи по отношению к нему в молодости. Это ему она сказала, уходя в мир иной, последние слова: «Я умираю»...

Юра с Машей приезжали ко мне, я гостила у них на даче в Серебряном Бору. Теперь продолжаю переписываться с Машей, которая тяжело перенесла потерю. И храню светлую память о моём названном двоюродном брате, с которым всегда можно было поговорить о моей маме, о бабушке, о дяде Роме. О далёком ленинградском детстве...

Тамара Константиновна Манасевич

1 декабря 1978 года я лишилась очень близкого мне человека, и вот уже прошло 30 лет, как не стало Тамары Константиновны Манасевич. Она была самой близкой подругой мамы. Меня знала с детских лет по Кандалакше. И считала меня своей старшей дочкой, когда мамы не стало. Она была, что называется, «из бывших». То есть из тех людей, которые составляли цвет нации и планомерно истреблялись советской властью. Не имея высшего образования, которое вовсе не всегда определяет степень интеллигентности и даже образованности, она была эрудированным, начитанным человеком с отменным вкусом и хорошим дореволюционным воспитанием.

В девичестве Рыбакова, Тамара Константиновна происходила из семьи потомственных моряков высокого ранга. Первым мужем её был Готфрид Гессе, немец, и от него родилась дочка Ариадна. Вторым, которого я хорошо знала и любила, – Николай Николаевич Манасевич, отец младшей дочери Лоры (Глории). У Николая Николаевича был брат Константин, моряк дальнего плавания. Оба они были необыкновенно красивы, изысканны. Особенно обаятельным был Константин, которого очень красила морская форма и который мне, девчонке, представлялся идеалом мужчины. Мать этих братьев Людмила Францевна вспоминается смутно, но всё же как некая седая барыня с высокой причёской, в красивых одеждах и драгоценностях. Родителей Тамары Константиновны к тому времени, когда я её узнала, то есть в конце 20-х годов, уже не было в живых. Я много узнала о них от Ады, написавшей интереснейшие воспоминания о своих предках. Но пересказывать не буду, потому что пишу о самой Тамаре Константиновне.

В молодости она была не красавицей, но весьма интересной женщиной, всегда была одета и причёсана по моде того времени. С безукоризненной выправкой, с отличными манерами, которые были для неё естественны и непереходили в манерность. Она никогда не позволя-

ла себе ходить в халате, с утра была одета, как подобает, и дома, и в гостях. Одно время она курила, как и многие в те беспокойные годы перемен. Много читала и интересовалась новыми книгами, советовала и мне их прочитать. Ценила настоящую литературу, и не только художественную. Так, например, «Ветку сакуры» Всеволода Овчинникова я прочитала по её совету. Она же рекомендовала мне «Путешествие с Чарли в поисках Америки», прелестную книжку Джона Стейнбека. Она первая начала читать Ремарка. Саше, который интересовался живописью и архитектурой, она дарила книги из этой области. Хорошо знала Петербург, историю города. Жила долго в самом сердце Ленинграда. Сначала, если я правильно помню, в одном доме с Зошенко на Конюшенной, недалеко от храма Спаса на Крови. Потом – в большой коммунальной квартире на углу Невского и Герцена (Большой Морской), в доме, где был кинотеатр «Баррикада». Этот очень известный дом был построен в конце XVIII века, в нём находилась последняя квартира Грибоедова, Русское музыкальное общество устраивало там концерты. После революции там находился Дом искусств, где нашли приют Манделштам, Ходасевич и другие во время голода и разрухи, а Гумилёв создал студию поэтов-имажинистов. Об этом я много узнала из воспоминаний И. Одоевцевой. Каких только знаменитостей не помнила широкая лестница, ведущая на второй этаж, где находилась квартира Манасевичей! Может быть, и мой незначительный дядя Рома там бывал в молодости.

Собственно, эта квартира была огромной, в ней умещалось большое количество комнат. В общей кухне стояло 9 столов и, наверное, столько же газовых плит. По правую сторону длинного коридора находилась большая комната с двумя высоченными окнами и ещё более высоким потолком. Рояль, старинные шкафы, среди них один буфетик чёрного дерева петровского времени. Впоследствии он был продан и теперь находится в доме Петра, что в Летнем саду. Старинный фарфор – остатки прежней благополучной

жизни. Совершенно особая атмосфера, хранящая отголоски невозвратного времени.

До войны Манасевичам принадлежали две комнаты, но, вернувшись из эвакуации, они потеснились и отдали вторую комнату близкой подруге их семьи, потому что её дом пострадал от бомбежки. В этом поступке проявилось замечательное качество Тамары Константиновны: она всегда была рада помочь людям. Так, она помогала нам паковать вещи и продавать мебель, когда нас высылали из Ленинграда. Дала нам два старинных сундука, проводила нас на вокзал, совершенно пренебрегая тем, что общение с такими подозрительными личностями могло навлечь на неё самую неприятности. Это было страшное время, полгорода отправилось в лагерь или ссылку. Но она ничего не побоялась, и, к счастью, её не тронули. Видно, не до всех доходили руки даже у вездесущего НКВД.

Тамара Константиновна любила приезжать к нам в Вологду. Мы всегда были ей рады. С ней можно было посоветоваться, получить новый рецепт какого-нибудь кушанья. Она любила моих детей и каждому подарила по серебряной ложечке «на зубок». До сих пор в буфете живёт большая расписная чашка Ломоносовского завода, которую она привезла когда-то Виктору Васильевичу. А лично у меня хранятся её вышивки на подушках, на фартучке. Она была большая мастерица и знала много разных красивых швов.

В её присутствии я и мои ребята всегда старались соответствовать строгим правилам поведения. А я иногда боялась, что их может не соблюсти Виктор, хотя к нашей гостье он относился хорошо. Если он и «прокалывался», она делала вид, что ничего не случилось. Совсем по пословице, что истинное воспитание заключается не в том, чтобы не пролить суп на скатерть, а в том, чтобы этого не заметить. С Виктором она вообще любила разговаривать, особенно на литературные темы.

Когда бы я ни приехала в Ленинград, я всегда могла рассчитывать на самый тёплый приём в доме Тамары Констан-

тиновны. Однажды мы приехали вчетвером – я, Наташа, Настя и Тима. Николай Николаевич вызвался быть нашим гидом и показал ребятам город и его пригороды. А ведь он был уже немолодым человеком, у него назревали проблемы с ногами. Тогда я об этом не задумывалась, а теперь подозреваю, что это было связано с тем, что он много курил. Курил трубку, запах табака которой мне всегда очень нравился.

Большим ударом для моей дорогой Тамары Константиновны была измена её мужа, когда оба они были уже немолоды. Николай Николаевич увлёкся молодой сослуживицей, «добрые» люди поспешили донести жене, и Тамара Константиновна потребовала, чтобы он оставил её дом. Какое-то время он прожил у своей пассии, а потом его пригрела Ада, его падчерица, которую он воспитал как свою дочку, ничуть не меньше её любя, чем родную Лору.

После замужества Лора с мужем Женей и мамой переехали в новую квартиру на Гражданский проспект, ничего общего с настоящим Ленинградом не имеющий. Квартира была уютная, на первом этаже, место довольно тихое, но это был уже совсем другой город, каких тысячи, а не мой любимый и родной Ленинград. Когда родился Петя, доставивший всем немало хлопот своим здоровьем, Тамара Константиновна рада была сбегать от них в Вологду. Там, на Гражданском, однажды нашёл приют наш замечательный пёс Кеша, её любимец, когда мы все как-то разъехались и его некуда было деть. Кстати сказать, вся семья любила собак. В разное время у них жили охотничьи собаки, я помню рыжего сеттера. А Тамара Константиновна всегда вспоминала любимую лайку, с которой несколько лет прожила в Сибири. Её звали Соболь, она была очень умной. Если мне память не изменяет, её разорвали волки.

Николай Николаевич, пережив свой романтический порыв, вернулся в старую квартиру. Острота случившегося прошла. Он был болен, Тамара Константиновна его навещала. Ведь с ним была прожита жизнь, полная разных переездов из-за его профессии, житейских неурядиц, военных бед.

И конечно, любви. Это не забывается и не вычёркивается из жизни. Там и закончились его дни.

А Тамара Константиновна с семьёй Лоры снова переехала в центральную часть города на улицу Яблочкова в Петроградском районе. Тихая улица, старый-престарый дом, но пешком можно дойти до Стрелки Васильевского острова, что мы с Лорой и проделали несколько лет назад. Там Тамара Константиновна долго болела, за ней очень старательно ухаживала Лора. В последний раз, когда я позвонила, Тамара Константиновна сказала, что, наверное, больше меня не увидит. А через несколько дней утром Женя зашёл в её комнату и понял, что она уже не дышит.

С Тамарой Константиновной ушла целая эпоха моей жизни, всё связанное с мамой, с детством. Тамара Константиновна дарила меня своей любовью и заботой и в какой-то степени заменила мне уже утраченных маму и бабушку. Она была человеком старого мира, который всегда притягивал меня. С её смертью эти связи оборвались. Остались Ада и Лора, но они – мои ровесницы. А она была старшей, помнившей ещё устои прошлой жизни, знакомой нам по литературе и всегда окутанной каким-то особым ореолом.

Мой дорогой муж

Сегодня 17 ноября 2008 года. Роковое число. Исполнилось 17 (17!) лет со дня смерти Вити, Виктора Васильевича Гуры. Помню этот день в Минске до мельчайших подробностей.

Наташа должна была поехать в больницу, чтобы поговорить с врачом, который лечил отца. Я оставалась дома с её детьми. И вдруг позвонили из больницы: «Ваш муж умирает, а возможно, уже умер». Что делать? Куда бежать? Дети видят, что я не в себе, бросаются ко мне, и мы, обнявшись, плачем. Потом бегу к телефону и звоню Саше. Он почему-то сразу говорит, что немедленно приедет. Потом оказалось, что Наташа ему уже всё сказала. А я начинаю верить, что может быть, ещё не всё потеряно и можно Виктора застать в

живых. Хватаю пальто, выбегаю на улицу и тут же встречаю Наташу, которая с подругой едет из больницы, выскакивает из машины и говорит, что всё кончено, никуда ехать не надо. Смерть наступила от тромба лёгочной артерии.

Таким был конец, а начало было в студенческие времена.

Заканчивался 1945 год. Наша армия победила Японию. Война кончилась. Я была на втором курсе Саратовского университета, жила в общежитии на Вольской. И этот день помню тоже отлично. Стояла на лестнице с Мирой Каганович, председателем студсовета. Обсуждали очередной номер газеты, которую редактировала я. А по лестнице поднимаются, звеня медалями, незнакомый паренёк в гимнастёрке. Здоровается с Мирой как со старой знакомой и рассказывает, что демобилизовался и восстановился на первом курсе, с которого ушёл на фронт. Мира сообщает ему, что вечером в красном уголке будут танцы, и он обещает обязательно быть.

Наверное, уже в этот момент он «положил на меня глаз». Что называется, любовь с первого взгляда. На танцах от меня уже не отходил, танцевал только со мной. Потом оказалось, что его поселили в комнату напротив нашей, и он зачастил к нам. Перезнакомился с моими девочками, фотографировал нас, приглашал меня на «пир», когда его мама привезла ему немного продуктов, и угощал меня картошкой, жареной на сале. В то голодное время такая еда была неслыханной. Словом, всячески меня «обольщал».

А что же я? Долго оставалась равнодушной. Мне нравился Ванечка Сергеев, хотя это была любовь без взаимности. Тоже, кстати, фронтовик. Виктор явно проигрывал ему во внешности, которая для меня тогда имела большое значение. В нём самом меня тоже не всё устраивало. Он был излишне нервен и возбудим. Тяжело переживал, что не может добиться от меня даже не любви, но хотя бы увлечённости. Я долго не переходила границ дружеских отношений, но выслушивала его признания. В силу, видимо, присущей мне деликатности и боязни огорчить его я не лишала

его надежды. Думаю, если бы сейчас Витя прочитал то, что я написала, он бы очень расстроился, а может быть, и не поверил бы. Но было действительно так.

Меня пугали некоторые вещи. Например, однажды зимой мы возвращались из цирка, где впервые выступал приехавший на родину Вертинский. Не помню, почему речь зашла о наших отношениях и что ему показалось обидным. Только он зарыдал и побежал, а через несколько шагов бросился головой в сугроб и забился в каком-то подобии припадка. Только потом я узнала, что одной из причин, по которым ему удалось демобилизоваться, была неврастения, заработанная на войне. Это заболевание некоторое время значилось и в его инвалидном свидетельстве наряду с тяжёлым ранением.

Меня привлекала его жажда знаний, его упорный труд, который он прилагал к тому, чтобы догнать меня, ушедшую на целый курс вперёд. Он был хорошим товарищем. Друзья его ценили и признавали даже некоторое его превосходство в знании жизни. Например, Женя Калмановский. Это был интеллигентный мальчик, который жил с матерью и тёткой наискосок от нашего общежития. Сначала с ним подружилась я, хотя он учился курсом ниже. Бывала у него дома. Он же был вхож к нашему общему кумиру Григорию Александровичу Гуковскому, так как дружил с его дочкой Наташей. С Виктором они вели долгие споры о современной литературе, которую Женька не очень высоко ставил, «Тихий Дон» даже не читал, что особенно возмущало Виктора. Но общий язык они всё же находили на протяжении всей последующей жизни, хотя язык Женьки со временем стал щедро уснащаться нецензурными выражениями, а Виктор этого не терпел. Так что общий язык надо понимать как метафору.

Замечательным качеством Виктора было его стремление глубоко знать предмет и уважительное отношение к светилам тогдашней филологической науки. От него я узнала имена некоторых учёных-филологов, о которых раньше

не слышала, например В.М. Жирмунского, Н.К. Пиксанова, преподававших раньше в Саратовском университете. Пиксанов, положивший начало филологической школы в СГУ и занимавшийся текстологией, источниковедением и библиографией, своими трудами оказал особенно заметное влияние на Виктора и определил дальнейший круг его научных интересов. Пока же его персонально занимал М.А. Шолохов, с которым судьба свела его в школьные годы и библиографический справочник о котором он подготовил студентом в рамках научного студенческого общества. Университет издал этот справочник в 1950 году.

Время шло. Виктор много занимался и сдавал экзамены за первый и часть второго курса. На третий курс мы уже перешли вместе. Он сдержал своё слово, и не оценить этого было нельзя. Его любовь и верность, а также упорство, с которым он добивался моей взаимности, сделали своё дело. Хотя я была девушка увлекающаяся и имела порой успех, меня никто никогда так не любил. Постепенно отступали те недостатки, которые я в нём находила. И я сдалась. Это не было похоже на мои предыдущие влюблённости. Это было другое и, наверное, более глубокое чувство. Я к нему привязалась, он стал родным человеком, я стала о нём заботиться и понемногу исправлять те его недостатки, которые так мешали мне раньше. Да он и сам, как человек умный, многое понял и постепенно избавлялся от того налёта, который наложили на него армейская среда и воспитание.

Он родился в семье колхозного бухгалтера, происходившего из бедняков. Мать его из немцев Поволжья, из более зажиточной семьи. Её отец был кучером у богатого купца слободы Николаевской. Она была едва грамотной. Обладала сильным, но неуживчивым характером. Схоронила нескольких детей до появления Вити, который стал её любимцем. Позже появились сестра Тамара и брат Владимир. Отец, видимо, был более мягким и добрым человеком. Я его не застала, он погиб на фронте в начале войны. Знала я только его сестру, имя которой, к сожалению, забыла. Она мне очень

понравилась своей добротой, замечательным украинским говорком и природным юмором.

Надо отдать должное моей свекрови Анне Андреевне, которая в тяжелейшие годы войны сумела сохранить и воспитать детей, не имея никакой профессии. Она долго держала корову, которая спасала семью от голода. Немного помогал Виктор, присылая так называемый аттестат, то есть деньги, которые ему платили. Ведь он закончил артиллерийское училище и был офицером. Однажды что-то с коровой случилось, и её пришлось зарезать. С деньгами, вырученными от продажи мяса, мать отправилась за новой кормилицей. Купить её можно было только на другой стороне Волги. Была весна, и лёд был непрочным. Приходилось обходить большие полыньи. Но эта отважная женщина шла по тонкому льду и вела за собой корову, которая была намного тяжелее её самой и запросто могла уйти под лёд. К счастью, обе остались живы, семья снова была с молоком.

Со своей будущей свекровью я познакомилась накануне нашей свадьбы. Мы поехали в Николаевку в августе 1947 года. Меня встретили очень любезно, приветливо. Мы были недолго, и из всей этой поездки мне больше всего запомнился поход на бахчу. Я впервые увидела, как растут мои любимые арбузы, и вдоволь ими полакомилась. Потом поехала во Владимир представлять своего жениха. Реакция была прямо противоположной. Я знала, что бабушке трудно будет смириться с моим замужеством, но чтобы настолько! Она лишилась языка и лежала, отвернувшись к стене. Потом, когда обрела дар речи, начала допрашивать Виктора, на что он собирается жить и содержать семью. Виктор не нашёл ничего лучшего, как, видимо, от испуга, сказать: «Я пишу роман». «Ты слышишь, Ромочка? Он пишет роман!» – воскликнула бабушка, обращаясь к моему дяде.

Было жарко, и мой будущий муж, нарушив все правила приличия, сел за стол в одной майке. Что-то ещё не так он сделал со столовыми приборами. В каком-то слове неправильно поставил ударение. Всего этого было достаточно,

чтобы бабушка дала ему понять, что для нашей семьи он не подходит. Он собрался и отправился на вокзал, а я осталась плакать и уговаривать бабушку. Увидев, что я расстроена не на шутку, она всё-таки дала нам своё благословение. Конечно, за такое короткое время она не могла понять, какой он человек, и только годы спустя оценила его не внешнее, а внутреннее, душевное благородство.

Свадьба была настоящая, студенческая, на квартире моей самой близкой подруги Жени Никитиной. Скромно, но весело, в кругу замечательных друзей. Было много цветов, добрых пожеланий, весёлых шуток, на которые был большим мастером Женя Калмановский. Еды было мало. Но питья, судя по фотографиям, было достаточно. Факультетское начальство к нам благоволило и выделило нам в общежитии отдельную комнату. В ней поместилась кровать, стол для занятий, некое подобие книжных полок для уже тогда сформировавшейся библиотеки, а в небольшом «предбаннике» было ещё нечто вроде столовой – столик и полка для посуды. Туда и был помещён небольшой немецкий сервиз, подаренный на свадьбу Калмановским. Вскоре от сервиза осталась только одна тарелочка. Всё остальное разбила сестра Вити Тамара, которая приходила к нам обедать каждый день. К тому времени она училась в пединституте. Вопреки сомнениям бабушки, Виктор уже в начале нашей жизни зарабатывал деньги – получал гонорары в газете, куда писал по заказу разные корреспонденции и очерки. Впрочем, не без моей помощи.

Жизнь начиналась неплохо. Вскоре родился сыночек Сашенька, доставлявший нам обоим много радости. Но недолго. Сначала заболела я, потом Виктор. Ребёнка сдали в ясли, потому что мы оба были в больнице, и там он умер от токсической диспепсии. В это тяжёлое для меня время Виктор показал себя с самой лучшей стороны. Утешал меня, уговаривал взять себя в руки, чтобы закончить университет. Хотя и сам тяжело переживал смерть сына.

Как бы то ни было, я написала дипломную работу, уни-

верситет был окончен. От аспирантуры Виктор отказался, потому что надо было работать и помогать матери, ещё воспитывавшей младшего брата. Да и сестра как студентка ещё нуждалась в поддержке. Мы приехали работать в Вологду, и у нас поселились на два года Анна Андреевна с Володей. Кстати сказать, моя свекровь не оценила того, что Виктору пришлось лишиться аспирантуры, и всегда была недовольна тем, что он недостаточно ей помогает. Это неправда, Виктор посылал ей деньги ежемесячно и всегда добавлял в экстраординарных случаях. Я за этим следила.

Рождение второго Сашеньки помогло мне справиться с горем, и жизнь вошла в свою колею. Работали, сражались с житейскими трудностями. Не хочу, чтобы создалось такое впечатление, будто всё в наших отношениях было гладко. Да так, наверное, и не бывает. Сначала я не придавала этому значения, но потом как-то получилось так, что все зарабатываемые нами деньги оказались «в ведении» моего мужа, и я от него получала деньги на хозяйство, а если нуждалась в чём-то ещё, должна была не то что просить, но как-то ставить его в известность и получать одобрение. Словом, не была хозяйкой своим деньгам. С одной стороны, это было неплохо, потому что сама я была транжиркой. Виктор же явно был скуповат. Просить я не любила. Он расставался с деньгами неохотно. Но умел копить, и это помогало нам делать необходимые крупные покупки на первых порах самостоятельной жизни.

Была у него одна черта, которая давно не давала мне покоя, но как с ней бороться, я не знала. Он был излишне самоуверен и честолюбив. Недавно я прочитала его дневник школьных лет и поняла, что это давняя болезнь, а его успехи в университете её только подогрели. Я же всегда была скромна и даже не уверена в себе, и мне это не нравилось. Оставалось надеяться на жизнь, которая щёлкнет его по носу. Но жизнь не торопилась.

В чисто личном плане я тоже не всем была довольна. Увлечение наукой привело к тому, что для меня не оставалось места в его жизни. Куда подевались пылкие признания

в любви, лирические стихи? Я хотела, чтобы меня любили, дарили мне цветы, не забывали поздравить с днём рождения и вообще как-то выражали свои чувства. А видела чаще всего спину моего умного мужа, склонившуюся до самого рассвета над очередным опусом. Мне не хватало внимания. Какое-то время Виктор всячески демонстрировал мне свою любовь, правда, надолго его не хватало. Но значит, он просто не умел любить напоказ. А по сути, конечно, любил.

Отношение к детям у Виктора было разное. Он очень любил маленьких детей. Был счастлив, когда родился сын. Даже гордился этим, видя в нём продолжателя рода. Маленькая Наташа тоже была его любимицей. Повседневные заботы о них, тем не менее, его не касались. Маленький Сашка плохо спал ночью, но вставала к нему только я. Днём он был на руках бабушки. Но когда я приходила с работы, она мне его сдавала. И тут уж никто не думал о том, надо ли отдохнуть мне, успею ли я подготовиться к завтрашним занятиям, удастся ли мне хоть немножко поспать. Когда уехала свекровь, появилась няня Маруся, и я вздохнула свободней. Наташку вообще вынянчила замечательная Юля. Без домработниц мы не жили, и это нас обоих устраивало. Поэтому и была возможность Виктору не вникать в хозяйственные дела.

Виктор любил с детьми играть, он их фотографировал, представлял их гостям. И всё было хорошо, пока они не подросли, пока у них не прорезался характер и они не посмели иметь своё мнение. Особенно в этом преуспел Саша, усвоивший в студенческие годы дух вольномыслия, с чем отец никак не хотел мириться. Постоянно вспыхивали споры, потом ссоры, и домашняя атмосфера становилась тяжёлой. Никто из них не хотел идти на уступки, и каждый оставался при своём мнении. Особенно по политическим вопросам. Виктор придерживался ортодоксальных взглядов, и отклонение в сторону его возмущало. Он хотел, чтобы сын развивался и мыслил по его образу и подобию. Хотел, чтобы он продолжил его дело – литературоведение – и не желал замечать, что тому ближе и интереснее лингвистика. Да

и на филологический факультет Саша поступил по настоянию отца, а сам интересовался искусствоведением. Несмотря на разногласия, отец во многом ему помог и в поступлении в университет, и в поисках работы после его окончания, и в устройстве в Москве, потому что дал деньги на кооперативную квартиру. Большим разочарованием для него было то, что Саша после развода не женился снова и не имел детей, лишив его таким образом продолжателя фамилии.

Наташа политикой не интересовалась, в разговорах была более уступчива и дипломатична, чем брат, умела обходить острые углы, не настаивая на своём. Из строгих экзекуций запомнилась одна, когда Наташа в детском саду выстригла себе чёлку и не хотела сознаться, что сделала это сама. Была строго наказана отцом за вранье – её не взяли на Первомайскую демонстрацию. Виктор долго всем рассказывал о своём педагогическом приёме и свято верил, что навсегда отучил её лгать.

Когда Наташа сама уже была мамой, а Настеньке было полгода, она оставила её нам и с мужем Сашей уехала отдыхать на море. Это очень рассердило отца. Он считал, что такого маленького ребёнка мать не должна оставлять. Его возмущало, что она с его мнением не посчиталась. Когда Наташа вернулась, отвыкшая от неё за это время дочка отказывалась идти к ней на руки и отчаянно цеплялась за меня. Виктор считал, что так она наказывает мать за то, что она её бросила, и продолжал ворчать.

Надо сказать, что в своё время он, в отличие от меня, на удивление легко смирился с Наташиным замужеством. Зять его вполне устраивал по всем показателям. К внукам относился с особенной нежностью, хотя они доставляли немало хлопот ему лично. Сердился, но прощал. Настю считал одарённой натурой. Проказы Тимки, наверное, напоминали ему его далёкое детство, тоже богатое всевозможными проделками. Ребята его любили и сейчас вспоминают с нежностью.

Виктор был человеком увлекающимся, азартным. Играл в шахматы и в подкидного дурака. Это были настоящие баталии, которые заканчивались далеко за полночь. Не раз я бра-

ла нашу любимую собаку Кейта и отправлялась в институт, где Виктор сражался в шахматы с преподавателем русского языка Александром Андреевичем Даниловым, оттуда уводила его домой по ночной Вологде. Из карточных боёв, которые происходили у Ивана Полуянова, муж возвращался сам, когда никакой транспорт уже не ходил, и однажды со смехом рассказывал, что его подвезла мусорная машина. Ведь из района Лынокомбината путь был неблизкий. Когда играли у нас, я видела, что он забывает обо всём на свете и с головой уходит в эту игру. Третьим обычно был Юрий Макарович Леднев. Из кабинета доносились громкие голоса и взрывы смеха, потому что эти заядлые картёжники обладали незаурядным чувством юмора и устраивали весёлые розыгрыши.

И во время наших дружеских сборищ Виктор был шутником и заводилой. В молодости его мучила язва желудка, но он даже забывал на время о болях и смешил всех, участвуя в передеваниях или читая свои шуточные воспоминания. В его характере было много добродушия, что очень хорошо подметил какой-то фотограф, снимавший его в разговорах с нашим университетским товарищем Сашей Суконцевым. Его любили студенты и особенно студентки, да и он ко многим был неравнодушен...

Эти лёгкие черты его характера соседствовали с такими, которые наживали ему немало врагов, – он говорил то, что думал, что называется, резал правду-матку. Особенно на партийных собраниях. Многие ему этого не прощали. Но с членами кафедры, которой он заведовал лет 25, Виктор находил общий язык, многим очень помог: до конца держал на работе большую Александру Королёнок, прощал леность Володи Пудожгорского, терпел Ирину Константиновну Канунникову с её неустроенной личной жизнью, потому что понимал, какой она хороший специалист. Точно также относился к продолжателю знаменитой фамилии Евгению Евгеньевичу Соллертинскому, которого перевёл в Вологду из Астрахани. Он через некоторое время заболел и не смог защитить уже готовую докторскую диссертацию. Хороших вузовских преподавателей Виктор выискивал по всей стране, добывал им квартиры, всячески способствовал устройству на новом

месте и даже требовал, чтобы они защищались.

Со временем, правда, характер Виктора портился, а молодые не во всем с ним соглашались. Возникали конфликты, и с заседания кафедры он возвращался расстроенным. Сознание того, что с ним вступали в непримиримые споры его ученики, было особенно горьким. Его считали ретроградом. Я пыталась как-то помочь, сгладить неприятное впечатление, но делала это, видимо, неумело. И однажды он мне с горечью сказал: «Ты никогда меня не понимала». Это было несправедливо и обидно. Думаю, что и он потом это понял. Сказал сгоряча. Но слово не воробей, и я теперь часто вспоминаю эти слова, спрашивая себя, чем они были вызваны. Грустно...

Незадолго до моего выхода на пенсию Виктор купил дом в Дулепове. Там он и отдыхал, и работал. Из окна его комнаты, устроенной на бывшей повети, открывался чудесный вид на поля и дальний лес. На столе стояла машинка, которая редко оставалась без дела. На самодельных полках от пола до потолка нашли своё место сосланные сюда из города журналы за много лет. Это были «Октябрь», «Знамя», «Звезда», «Иностранная литература», «Юность», «Наука и жизнь», «Вокруг света». Всех не перечислить. Только «Новый мир», печатавший в те времена наиболее смелые материалы, оставался в городе и до сих пор стоит у меня дома на полках.

В деревне Виктор охотно общался с местными жителями, и не только потому, что нуждался в их помощи. Всячески благоустраивал дом. Покрыл железом крышу, отремонтировал баню. Рабочих находил с трудом и поэтому платил им любые деньги. По просьбе своих помощников среди дня садился в машину и отправлялся в магазин за водкой. Посадил много деревьев, их он выискивал в лесу и приносил к себе на участок. Иногда ему в этом помогали друзья – Женя Калмановский, Анатолий Михайлович Микешин. Поэтому под окнами комнаты Виктора росла «Микешинская сосна», а во дворе цвели цветы на так называемом «Евгешинном газоне».

Когда Виктор побывал в Киеве, привёз оттуда саженцы замечательных роз. Они цвели целое лето, но сохранить их

мы не сумели, и они замёрзли. Дача была красивая, с яблонями, с клубникой, с огородом. Виктор любовно ухаживал за деревьями, самостоятельно выращивал огурцы, а в теплице даже вырастил маленький, но несъедобный арбуз. Холодная Вологда не покорялась его усилиям и не хотела походить на заволжские степи. После его смерти я ещё семь лет держалась за дачу, особенно из-за Тимоши, который приезжал каждое лето. Но когда он заканчивал школу, дачу я продала. Очень рада, что она попала в руки человека, который ничего не нарушил ни в саду, ни в доме, сохранил всё, вплоть до настенных росписей, сделанных Сашей и Настей. Приятно думать, что дело рук Виктора пригодилось людям и они хранят его память.

Виктор был очень общительным человеком. По всему Советскому Союзу у него было много знакомых. Со всеми он состоял в переписке, и его записная книжка до сих пор хранит кучу адресов. Я не поленилась и посчитала, сколько их. Оказалось – 285! Перед Новым годом он составлял длинный список, кого надо поздравить, всех умудрялся одарить открытками и краткими сообщениями, но и сам получал много писем. Думаю, что нашей почтальонке мы доставляли немало хлопот. Она до сих пор работает на нашем участке и всегда по старой памяти приносит мне корреспонденцию, даже если перепутан адрес. Разобрать оставшиеся письма перед тем, как отдать в архив после смерти адресата, было непросто.

Поселившись после приезда в Москву в гостинице, Виктор сразу сел на телефон и обзванивал всех знакомых. Знаю, что прежде всего звонил генералу Осьмаку, товарищу детства. Потом Саше Суконцеву, однокашнику по Саратовскому университету. Потом Николаю Ивановичу Мацуеву, известному библиографу. Евгению Андреевичу Пермяку, писателю, о котором в своё время написал книжку. Это были самые близкие ему люди в Москве. А уж потом, наверное, – по всяким издательским делам, по делам Министерства просвещения, председателем учёной комиссии которого был, в Союз писателей, где состоял членом совета по критике... Я не знала и половины этих людей, хотя многие перебива-

ли у нас в гостях во время тех всесоюзных конференций, которые по инициативе В.В. Гуры проводила наша кафедра. Теперь ничего подобного не проводится, и вообще кафедра утратила свою былую славу.

Областью научных интересов мужа была советская литература и особенно творчество Шолохова. Ещё школьником он познакомился с семьёй Михаила Александровича, а с его дочкой Светланой учился в одном классе. Во время войны все они были в Николаевке в эвакуации. Шолохову он принёс на суд свои первые литературные опыты. Творчество Шолохова стало главной темой его исследований. Его книга «Как создавался «Тихий Дон»» в пору недоверия к авторству Шолохова убедительно доказывала, что ни Крюков и ни кто другой не написали этот великий роман. Докторскую диссертацию он защищал по книге о прозе 20-х годов «Роман и революция». Долго сотрудничал с Архангельским издательством. Там были изданы с его предисловием и под его редакцией книги предшественника Пушкина К.Н. Батюшкова, уроженцев Вологды В.А. Гиляровского и К.И. Конищева, забытого поэта В.И. Красова, а также считавшего себя вологжанином Ивана Евдокимова, тоже плохо известного современному читателю. Внимание к авторам, связанным с Вологдой, проявилось у Виктора уже в первые годы нашего пребывания в этом древнем городе. В 1951 году вышла его книжка «Русские писатели в Вологодской области».

В последние годы жизни В.В. Гура работал над историей своей родной Николаевской слободы и писал автобиографическую повесть. Как и всегда, пользовался архивными материалами, историческими источниками, заказывал фотокопии документов, начиная с пугачёвского времени. Работал с увлечением, докапывался даже до происхождения своей фамилии и искал однофамильцев. Дорожил всякими добытыми сведениями и вообще относился ко всем записям и даже незначительным документам очень бережно. В этом проявлялась его натура собирателя. Ведь он собирал марки, экслибрисы, книги. Эта привычка иногда доходила до абсурда, в чём я убедилась, разбирая его архив. Там лежали аккуратно подколотые железнодорожные билеты, квитанции,

выданные почтой за все годы ежемесячных пересылок денег матери. Всё в идеальном порядке, как и рукописи, черновики, письма. Наверное, так проявлялись его немецкие корни.

Вероятно, не все стороны многогранной и противоречивой природы моего дорогого мужа мне удалось осветить, но кажется, что о главном я всё же написала. Прошло 17 лет, но до сих пор я многое из совместно прожитой жизни отчётливо помню, и мне очень его не хватает..

В. Гуря

Из опубликованного и неизданного

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ИРИНЫ ВИКТОРОВНЫ ГУРА

Три редакции романа А.Н. Толстого «Сёстры» // Учёные записки Вологодского педагогического института. – Вологда, 1950. – Т. 7. – С. 197–246.

Батюшков К.Н. // Гура В.В. Русские писатели в Вологодской области. – Вологда, 1951. – С.18–42.

Путь к мастерству (О заслуженном артисте В.В. Сафонове) // Литературная Вологда. – Вологда, 1956. – Вып. 2. – С. 194–205.

Рассказы о природе // Литературная Вологда. – Вологда, 1957. – Вып. 3. – С. 313–315.

А.Н. Толстой в работе над «Хождением по мукам» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Саратов, 1958. – 20 с.

История редакций романа А.Н. Толстого «Восемнадцатый год» // Учёные записки Вологодского педагогического института. – Вологда, 1958. – Т. 22. – С. 138–202.

Литературные места Вологодской области // Экскурсии по родному краю : маршруты и материалы для бесед. – Вологда, 1963. – С.142–144.

Письма А.И. Куприна к Ф.Д. Батюшкову // Север : альманах. – Вологда, 1963. – С. 152–158.

Межвузовская конференция в Вологде по проблемам реализма в русской и зарубежной литературе // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1965. – Т. 24. – Вып. 5–6. – С. 457–459.

Частушки Вологодской области // Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края : сказки, песни, частушки / под ред. В.В. Гуры. – Архангельск, 1965. – С. 151–183, 312–316.

Путь А.И. Куприна к реалистическому мастерству (1893–1896) // Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. – Ленинград, 1966. – Т. 306. – С. 33–54.

Повесть А.И. Куприна «Поединок» : (к вопросу о мастерстве писателя) // Вопросы жанра и стиля : [сборник статей] / под ред. В.В. Гуры. – Вологда, 1967. – С. 84–116.

О романтических тенденциях рассказов А.И. Куприна периода первой русской революции // К.Н. Батюшков, Ф.Д. Батюшков, А.И. Куприн : материалы Всероссийской научн. конференции в Устюжне о жизни и творчестве Батюшковых и А. Куприна (28–29 сент. 1966 г.)

/ ред. И.В. Гура. – Вологда, 1968. – С. 74–87.

Особенности реалистического творчества Куприна в годы реакции // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературах : метод и мастерство : тезисы докладов 2-й межвузовской научн. конференции литературоведов, май 1969 г. / [редкол.: В.В. Гура (ред.) и др.]. – Вологда, 1969. – С. 116–118.

Особенности реалистического творчества Куприна в годы реакции // Метод и мастерство : [сборник статей]. – Вып. 1. Русская литература / под ред. В.В. Гуры. – Вологда, 1970. – С. 324–332. – Библиогр. в сносках

«Я помню его разным...» // Гура И.В. Виктор Гура – учёный и писатель : [сборник / сост.: И.В. Гура и др.; ред. В.В. Судаков]. – Вологда, 1997. – С. 43–53.

Биография В.В. Гуры // Хронограф. – Вологда, 2001. – Вып. 2. – С. 138.

Комическое в трагическом // Мезон. – 2002. – № 8. – С. 4–5.

Лампа почётного председателя : [В.Т. Невзорова] // Мезон. – 2002. – № 8. – С. 14–15.

Что пили и что ели наши предки // Красный Север (Зеркало). – 2002. – 17 июля. – С. 7. Рец. на кн.: Судаков Г.В. Живое русское слово : книга для внеклассного чтения по русскому языку. – Вологда : ВИРО, 2002. – 156 с.

Невзоровская лампа // Русский Север. – 2002. – 28 авг. – 3 сент. (№ 35). – С.11.

Вологодский фольклор на страницах отечественных изданий 1838–1917 годов : памяти Виктора Васильевича Гуры посвящается : [сборник] / Департамент культуры Вологод. обл., Вологод. обл. универс. науч. б-ка; [ред.-сост. А.В. Гура, И.В. Гура и др.]. – Вологда : Книжное наследие, 2003. – 147 с.

«Вологодчина – моя вотчина!» : 100 лет Константину Коницеву // Красный Север (Зеркало). – 2004. – 25 февр. (№ 38). – С. 7.

Добрый старый Владимир // Старая столица : краеведческий альманах. – Владимир, 2007. – Вып. 2. – С. 26–28.

Душа поэта // Шилова К.А. Знаешь, жизнь всё равно хороша... / [сост., примеч.: Е.В. Титова; предисл.: И.В. Гура, Т.В. Рожкова]. – Вологда, 2009. – С. 1–5.

Счастливые пятидесятые // Дело всей жизни. Памяти В.А. Шитова / [сост. Л.Ю. Зорина, Т.В. Парменова]. – Вологда, 2009. – С. 21–24.

*Составитель – заведующая отделом библиографии
и краеведения Вологодской универсальной
научной библиотеки им. Бабушкина
Н.Н. Фарутина*

Что пили и что ели наши предки

Приходилось ли вам читать роман А.К. Толстого «Князь Серебряный»? Хорошо ли вы представили себе, как одет, например, князь Вяземский? Как выглядел во второй половине XVI века *кафтан, опашень, кушак*? Что такое *однорядка? Летник?* Шлык?

Ответы на эти вопросы вы найдёте в книге Г.В. Судакова «Живое русское слово». Здесь и дорогая соболя *душегрейка* из пушкинской сказки, и знакомый нам по Есенину *шушун*, и встретившиеся в романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский» *армяк, полукафтанье, охабень*, *ширинка*. В описании пиров так и мелькают забытые слова: *штоф, ендова, склянка, братина, кубок, чара, сулея*. Помните, у Пушкина: «Ковши круговые, запенясь, кипят на тризне плачевной Олега»? Что это за ковши? И что пили предки наши? Снова Пушкин: «И мёд из тяжкого стакана за их здоровье выпивал». Значит, пили *мёд*, а ещё *брагу, наливки, полынную водку, сбитень* за столом Ивана Грозного. Каковы эти напитки, вы узнаете из книжки Г.В. Судакова. «Пахнет рыхлыми дробчёнами», – вспоминал Есенин. И *дробчёнам* нашлось место в книге вместе с другими изделиями из теста, которые с XV века выпекали русские хозяйки. Хотите узнать рецепты? И они есть!

Следуя за мыслью автора, погружаешься в далёкое прошлое и среди незнакомых слов вдруг находишь и такие, что дожили до нас. И сейчас старушка из Дулепова скажет: «Налей кошке молока в черепеньку». А это XVI век! И многие слова очень древние. Например, слово *блюдо* известно с XI века, а наш современный *чемодан* и *фата* – с XV века.

Немало смешного для нас сегодня таит в себе история слов. Мы узнаём, что на *сковороде* варили щи, что можно было «сидеть в блюде», что в *пряники* добавляли перец, что передник иначе назывался *передовик*, что женщины носили *подзатыльники*, что *веко* – это кухонная посуда, в которой пекли пироги, что в Великом Устюге кадочка с ушками называлась *ручкой*, что изящную маску именовали *харей*, муфту – *манькой* и что цена стопы бумаги была равна цене коро-

всей туши.

Книга построена на большом материале, и сами источники её весьма интересны: челобитные, духовные грамоты, монастырские уставы и описи, дипломатические памятники, берестяные грамоты, таможенные книги, царские указы, распоряжения церковных властей, летописи, старинные словари. Сколько труда и времени потребовалось, чтобы отыскать приведённые свидетельства в архивах, в том числе и в Вологодском. Нам особенно интересно, как жили, ели-пили, чем торговали и что покупали вологжане, иногда во многом опережая других. Так, например, в Спасо-Прилуцком монастыре уже в 1627 году знали валенки (или катанки), а широко известны они стали только в XVIII в. В целом же география книги обширна – от Белого до Азовского моря, от Соловков до Астрахани.

История слов тесно связана с деталями быта, нравов, судеб людских, как например, свидетельство печальной женской доли.

Книга рекомендована школьникам. И это очень правильно. В наше время постоянно к месту и не к месту возникают заимствованные слова, и современный подросток скорее употребит навязчивое слово *имидж* вместо хорошего русского слова *образ* или трудно выговариваемое *консенсус* вместо *согласие*. Так можно совсем забыть меткие, сочные русские слова. А они – это история народа, его характер, его смекалка и остроумие. В связи с этим интересны завершающие книгу размышления автора о языке и небесспорная попытка определить название ушедшему XX веку.

В качестве пожеланий: хотелось бы более точного определения понятия «национальный период», для удобства читателей неплохо было бы снабдить книгу словарём, расставив ударения в словах. Не лишним было бы для школьников упомянуть, что цитаты даны в орфографии источника.

В целом же ребята получили интересную, полезную и хорошо оформленную книгу.

Красный Север (Зеркало). – 2002. – 17 июля. – С. 7. Рец. на кн.: Судаков Г.В. Живое русское слово.

Вологодчина – моя вотчина!

Сто лет назад, 26 февраля 1904 года, родился один из самых известных наших земляков – писатель Константин Иванович Коничев.

Родился он недалеко от Устья в деревне Поповской, которую в своей «Деревенской повести» называет Попихой. Есть фотография: стоит Константин Иванович среди широкого поля на месте родной деревеньки, разведя руки. А на обороте написано: «Ни хаты, ни души, вот тут и пиши...» Пропала деревня.

Детские и юношеские годы Коничева описаны им в «Деревенской повести» и в книге рассказов «Из моей копилки». Шести лет оставшись круглым сиротой, мальчик полной мерой хлебнул лиха: был в учениках у сапожника, рубил лес, батрачил на богатеев и рано понял все прелести деревенской жизни, повернувшейся к нему самой тёмной стороной. Поэтому шестнадцати лет он добровольно уходит в Красную армию, потом становится селькором «Красного Севера», коммунистом, строителем новой жизни. В областном архиве хранится карта Вологодской области, на ней широким коничевским почерком написано: «Вологодчина – моя вотчина!» – и отмечено множество мест, где побывал в эти трудные годы неутомимый и любознательный собкор, выполняя поручения редакции и не гнушаясь никакой работой.

В сентябре 1925 года Коничев решил обнародовать свои литературные пробы на заседании группы пролетарских писателей, которая собиралась в гостинице «Золотой якорь». А в 1929 году вышла первая тоненькая книжка селькора «Тропы деревенские». Так определилось подлинное призвание талантливого крестьянского паренька – он стал писателем. И главную роль в этом становлении сыграл даже не оконченный позже Литературный институт, а хорошее знание жизни и любовь к своему северному краю и его людям.

Эта любовь требовала не только художественного воплощения, но и самых конкретных дел. Поэтому во время Великой Отечественной он защищал свой родной Север

на Карельском перешейке, а затем воевал и на других фронтах на западе и на востоке, закончив войну в Корее («От Карелии до Кореи», 1948).

Уже в мирное время Коничев участвовал в создании писательской организации в Архангельске, часто навещался в Вологду, поддерживая здешнюю писательскую молодёжь.

Желанным гостем был он и в нашем доме с первых лет жизни в Вологде. Бывало, пришлёт открыточку, где уведомляет о своём приезде и просит приготовить солёных рыжиков, да таких, чтобы пролезали в бутылочное горлышко. С ног, бывало, собьёшься, ищешь по всему базару, да не всегда и найдёшь. Порадуешь пирогом с рыбой, до которого Константин Иванович тоже был большой охотник. А он смеётся, сыплет пословицами, поговорками, частушками.

Весёлый, добродушный, с шутками-прибаутками, он был очень расположен к детям. Сохранилась новогодняя открытка, адресованная нашей маленькой дочери: «Восьмимесячной вологжанке мой самый ей наипервейший новогодний привет! Эх, Наташенька, и не вспомнить тебе в 2000 году хотя бы, как ты цеплялась за мои очки и облизывала серебряные часы, проверяя их вкус (а не время). Будь счастлива, детка! Привет от дедка К.И. Коничева. 26.XII.55 г.»

В нём самом было что-то детское, как ребёнок, он был горазд на выдумки: придумает какую-нибудь невероятную историю и выдаёт её за взаправдошную быль. Рифмованные строки так и складывались у него – легко и просто, часто заменяя скупые прозаические сообщения, например:

*Милый Гура!
С Первым мая, ура!
Сожалею, что запоздал
К проводам на вокзал,
И не встретились в Ленинграде.
Извините, бога ради.
Заглянете в следующий раз –
Не обходите нас,
До встречи летом.
Поклон с приветом.*

На «Повести о Федоте Шубине» запечатлён такой автограф:

*В.В. Гура – опять книга!
Урра!
А книга сия не шутейная,
Познавательная и идейная;
Больше о ней судить не берусь
И больше к ней не вернусь.
Найди время прочесть,
Достоинства – учесть,
О недостатках – умолчать.
Отзыв – в печать!*

Это была книга, повествовавшая о земляке Ломоносова Федоте Шубине. Помор, искусный косторез, он стал знаменитым скульптором, академиком, профессором Петербургской Академии художеств. С неё началась серия историко-биографических книг Коничева о северянах: «Повесть о Верещагине» (1956), «Повесть о Воронихине» (1959), «Русский самородок. Повесть о Сытине» (1966). Коничев словно гордится тем, что все они были северянами, людьми, близкими ему по духу. На одной фотографии Коничев смотрит на портрет художника Василия Верещагина и как бы беседует с ним, о чём шутливо сообщает на обороте:

В.В.В.: – Что вы такой грустный, господин Коничев?

К.И.К.: – О том я печалюсь, Василий Васильевич, что в начале 1904 года Россию постигли два несчастья: погибли Вы, замечательный художник, и родился я...

В.В.В.: – Что вы, что вы! Не скорбите, земляк, всему свой черед, своя судьба! Кстати, слышал я, что и на вас добрые люди не в обиде.

К.И.К.: – Спасибо, Василий Васильевич! Но мне от себя хотелось бы большего, лучшего, но вот беда, нуждишка часто заедает.

Фотографии свои Коничев раздавал щедро, по ним можно восстановить многие его маршруты. Вот он на месте исчезнувшей Попихи, вот – в ялтинском Доме творчества с Сергеем Викуловым, вот за своим столом в доме на Дворцовой набережной рассматривает коллекцию монет и орденов,

а вот уже в Соловецком монастыре, а теперь – на вологодском стадионе ждёт приезда космонавта Беляева и затем – в поездке по Волго-Балту рядом с прославленным земляком, а надпись гласит:

«У.П.И. Беляева, знатного гостя,

«выцарапывает» автограф дядя Костя. 27.05.1965 г.»

Последний герой Коничева – император Российский Пётр I, побывавший на Севере и, в частности, в Вологде, Тотьме, Великом Устюге. Преобразователь России, «вечный работник на троне» показан в мыслях, делах, в общении с народом. В книге «Пётр I на Севере» колоритно переданы подробности жизни и быта русского народа конца XVII века. Любовно описана Вологда, город «первостатейный» по тем временам, его улицы, постройки, его жители – умелые мастера и торговцы. В Великом Устюге царь дивится множеству церквей и знакомится с историей города по «Устюжскому летописному своду», а потом, забрав с собой лучших мастеров и певчих, поразивших его красотой голоса, отправляется по Сухоне и Северной Двине в Архангельск. В книге использованы исторические свидетельства, летописи, архивные документы, предания. Она написана живым народным языком.

Не довелось Константину Ивановичу увидеть свою книгу вышедшей в свет. Он писал в Вологду: «Я со своей болезнью разменял второй год лежания. Думаю о своей былой лени, о малости общения с природой, о многом невысказанном и недосказанном... С больничной койки никак не могу три месяца уже сорваться... Очень хочу побывать в Вологде и около». Не пришлось. 2 мая 1971 года не стало замечательно разностороннего человека, исследователя, воина, неутомимого путешественника, нумизмата и книголюба, патриота и своеобразного писателя. Вологда, Устье и многие уголки Вологодчины сохраняют память о Константине Ивановиче Коничеве.

«Вологодчина – моя вотчина!»: 100 лет Константину Коничеву // Красный Север (Зеркало). – 2004. – 25 февр. (№ 38). – С. 7.

Старый добрый Владимир

На протяжении моей долгой жизни мне пришлось жить в разных городах. Родилась я в Ленинграде, училась в Саратове, сейчас уже давно живу в Вологде. Но между Ленинградом и Саратовом был ещё город Владимир, оставивший глубокий след в моём сердце, хотя попала я туда не по доброй воле.

1937, печальной памяти год, сорвал со своих мест добрую половину ленинградского населения. Не миновала эта чаша и мою семью. Несправедливо обвинённая, моя мать погибла в сталинских лагерях, а её родные – мать, брат и дочь, т.е. я, – были высланы в Башкирию, а через год получили разрешение переехать во Владимир. Мне было 15 лет, я окончила седьмой класс и должна была учиться в восьмом. Опять новая школа, новые требования, новые учителя и ребята. Должна сознаться, что, видимо, по молодости лет, всё это мало меня тревожило, было даже любопытно. Все заботы и тревоги ложились на плечи моих родных.

Сереньким осенним днём мы подъезжали к новому месту жительства. Из окна поезда видна была возвышенность, на ней красивый собор, промелькнула крепостная стена, и поезд остановился. На вокзальной площади стояли извозчики, на повозку одного из них мы погрузили наши пожитки, сели сами, и лошадь потащила нас в гору. Так начиналась наша владимирская жизнь.

Через некоторое время она вошла в свою колею. Была найдена частная квартира в двухэтажном деревянном доме на улице Горького, меня определили в школу неподалёку, а мой дядя и его жена, оба врачи, устроились на работу в близлежащую больницу «Красный Крест». Наступило время осваиваться и привыкать к новым условиям жизни. И прежде всего мне хочется рассказать о нашем доме, хозяином которого был Николай Васильевич Гончаров. Рассказывали, что раньше он имел магазин, а может быть, и не один, но, конечно, человек всего лишился, и дом стал единственным остатком прежней роскоши. Он был довольно обшир-

ным, с мезонином, который в доме называли «вышкой», выполнявшей роль библиотеки. Там было настоящее царство книг и старых журналов, например, годовые комплекты журнала «Нива», но всё пребывало в довольно хаотичном состоянии. Я сразу же с головой зарылась в это богатство.

Николай Васильевич был интересным пожилым мужчиной, а его жена, ничем не примечательная женщина, играла в доме незаметную роль. Они имели троих детей – красавицу Наташу, полную тётку жены Пушкина, и сыновей Николая и Всеволода. И Наташин муж, Юрий Дмитриевич Кирьянов, и её братья имели среднее техническое образование, но вся семья производила впечатление интеллигентных людей.

Нас приняли хорошо, установилась вполне дружественная атмосфера. А весь дом представлялся мне осколком давнего ушедшего быта. Скоро мне пришлось убедиться, что город хранит ещё многое из традиционной жизни русской провинции, такой уютной, такой тёплой и такой знакомой по произведениям русских классиков.

Наша школа № 4 находилась на улице Луначарского. Восьмой класс «А» принял меня настороженно, но с интересом. Уже через несколько дней я чувствовала себя вполне свободно. Но прежде чем рассказать о моих товарищах, мне хотелось бы добрым словом вспомнить тех, кто нас учил. И прежде всего учителя математики и одновременно нашего классного руководителя Алексея Александровича Попова. Это был педагог, что называется, от Бога. Весь класс отлично знал математику и без обычного трепета ждал, когда учитель, посмотрев в журнал, произносил свою знаменитую фразу: «Ну те-с, пожалуйте к доске...» Кстати, эта фраза послужила основанием для прозвища – мы совершенно беззлобно называли его «Нутик». Он был строг, но справедлив и никогда не обижал, делая замечания.

Александр Павлович Воскресенский преподавал русский язык и литературу. Без особых методических изысков он добивался того, что мы много читали и учились грамотно излагать свои мысли, свои суждения о прочитанном. Пусть

в памяти города останутся хотя бы имена наших наставников. Это Елена Арсеньевна Бутакова (химия), Ксения Наркизовна Орлова (физика и астрономия), её отец Наркис Иванович (география), Таисия Дмитриевна Сапунова (немецкий язык). С учителями истории происходило что-то странное. Они постоянно менялись. Одно время нам преподавала историю Софья Моисеевна Коптиевская, кандидат наук, видимо, тоже из ссыльных. На её уроках-лекциях было невыносимо скучно. И всё же мы получили хорошие знания по всем предметам. Спасибо родной школе!

Мои дорогие школьные товарищи! С какой теплотой и благодарностью я их вспоминаю! С кем-то была ближе, с кем-то дальше, но всё равно все остались в памяти как родные. Иных уж нет, о некоторых ничего не знаю. Последний раз мы собирались спустя 30 лет после окончания школы. С тех пор наши ряды, конечно, значительно поредели.

Самыми закадычными моими подругами были Вера Миртова, которая долго работала потом начальником областной судебно-медицинской экспертизы, Тоня Леншева, окончившая московский институт связи и живущая в Москве, и Ага Ошуркова, к сожалению, умершая очень рано. Она вышла замуж за нашего одноклассника Виталия Иванова, который во время войны получил звание Героя Советского Союза. Он был лётчиком, о чём мечтал ещё на школьной скамье.

Замечательным товарищем был Шура Шнейдман. Он не побоялся заступиться за меня, дочку «врага народа», когда меня принимали в комсомол, и его выступление стало решающим. Меня приняли, несмотря на сопротивление старшей пионервожатой Валентины Гужовой. Шура погиб в самом конце войны под Кёнигсбергом. Вечная ему память!

Хотелось бы написать о многих моих товарищах, но не знаю, уместно ли это в такой небольшой статье, тем более, что меня просили рассказать о самом городе. Но ведь и город не может обойтись без людей.

А город был замечательный! Уютный, компактный, во многом патриархальный. Большинство домов были де-

ревянные, утопающие в вишнёвых и яблоневого сада. Там наливалась соком знаменитая владимирская вишня, вкуснее которой я никогда уже потом не ела. Перед войной, правда, случилась очень морозная зима, которая нанесла большой урон чудесным владимирским садам. А до этого весенний Владимир был похож на готовую к венцу невесту. Расположенный на холмах, город хорошо обозревался с возвышенных мест и в пору цветения садов стоял как молоком облитый. И у нашего дома был сад с вишнями, яблонями и сливами. Сидишь, бывало, учишь какую-нибудь физику и пощипываешь яблоки с самого вкусного дерева.

На улице Воровского стоял одноэтажный деревянный дом, в котором жила Вера Миртова с мамой, Лидией Петровой, тётёй Валерией Андреевной и братом Андреем. Дом был заполнен старинными вещами, фотографиями в красивых рамочках, висевшими на стенах. Посреди большой комнаты, выходившей окнами на улицу, стоял старый рояль. Часто за него садилась Вера, окончившая музыкальную школу, и тогда даже на улице слышны были чарующие звуки «Лунной сонаты» Бетховена или какие-нибудь мелодии попроще. Здесь мы репетировали старый романс «Мне минуло шестнадцать лет» для школьного вечера: я пела, а Вера мне аккомпанировала.

Самая большая прелесть этого дома заключалась для меня в том, что противоположная комната, в которую надо было пройти через небольшую анфиладу, заканчивалась верандой и выходом в сад, который спускался к глубокому оврагу и ассоциировался в моём представлении с гончаровским романом «Обрыв», прочитанным в то же время залпом. Сколько замечательных вечеров провели мы в этом доме, сколько песен перепели, сколько танцев перетанцевали!

А совсем недалеко находился дом Миши Щиченкова, где был замечательный сад с благоухающими флоксами, душистым табаком и другими цветами. Туда выносился патефон, который пел голосом Вадима Козина, Изабеллы Юрьевой, Леонида Утёсова или Клавдии Шульженко, наших тогдаш-

них кумиров. И вот уже закружились пары, послышался смех и даже первые робкие признания в любви. Всё было красиво, целомудренно и, наверное, наивно с точки зрения сегодняшней молодёжи, но зато как трепетно и сердечно!

А жизнь была нелёгкая и, несмотря на то, что мой дядя Роман Марианович Фрейзлер и его жена Лидия Александровна, хирург – он и терапевт – она, врачи со стажем и хорошей квалификацией, работали в больнице, с деньгами и продуктами было очень неважно. Всё покупалось на рынке, магазины же располагали весьма скудным ассортиментом. Мясо, молоко, сметана, сушёные грибы, овощи, ягоды и яблоки приобретались на рынке, но всё было как-то ограничено. На что никогда не жалели денег, так это на мёд, частенько заменявший отсутствующий сахар, да и вообще благодаря его лечебным свойствам. По воскресеньям хозяйка ставила самовар и угощала нас тёплыми булочками, а Наталья Николаевна иногда и пирогом с капустой. Это было так вкусно! Из других лакомств для меня пределом были 100 граммов подушечек, купленных за 10 копеек в маленькой лавочке через дорогу.

19 июня 1941 года на выпускном вечере мы распрощались со школой и строили планы на дальнейшую жизнь, ещё не подозревая, что им не суждено сбыться.

В книжке «Мы вышли из войны»¹ говорится о том, что постановление о строительстве тракторного завода было принято в феврале 1943 года. Но почему же тогда, а это я помню хорошо, уже после окончания школы нас, комсомольцев, направили на большую стройку на Всполье и говорили, что это строится тракторный завод². Мы работали разнорабочими: возили песок, кирпичи, видимо, тогда ещё только строился котлован для будущего здания. Через некоторое время я получила «повышение» – стала контролировать поездки машин с грузом и за каждую поездку выдавала талончик, что потом, видимо, учитывалось при начислении зарплаты водителям. Бывало, что и лишний талончик дашь, если очень попросят. Но вообще дисциплина была железная. Вместе

с нами работали молодые ребята, пригнанные из Бессарабии, которая за год до войны была возвращена Румынией Советскому Союзу. Красивые, молодые, плохо одетые, с некоторыми приметами национальных костюмов, они едва говорили по-русски, были малообразованны, но работали на совесть.

Глубокой осенью я закончила свою работу на строительстве и мне удалось устроиться во владимирскую редакцию радиовещания. Сначала диктором, потом литературным сотрудником, а когда Владимир стал областным городом, я недолго работала редактором «Последних известий», потом поехала учиться. И здесь мне хочется сказать, что, живя во Владимире на положении ссыльных, мы не испытывали дискриминации ни в государственных учреждениях, ни в быту. Вот почему я и назвала свои записки «Добрый старый Владимир». Дядя, широко образованный человек, отличный хирург, отмеченный таким выдающимся специалистом, как доктор Джанелидзе (Герой Социалистического Труда, профессор, главный хирург ВМФ), получил возможность работать даже в областной больнице и пользовался уважением коллег и больных. Я, совсем ещё не оперившаяся бывшая школьница, была допущена к микрофону радио, несмотря на свою «подмоченную» репутацию.

Участливо и с доверием ко мне отнеслась редактор радиовещания Вера Фёдоровна Сокова, поощрявшая мой дальнейший рост, а позднее и Борис Владимирович Виноградов, который визировал наши передачи как цензор. Дружеские отношения установились у меня и с коллегой Аделей Левговд, дочкой директора Владимирского драматического театра. Мы работали дружно и плодотворно, с большим энтузиазмом, думая, что и наш труд, достаточно напряжённый, нужен нашему городу в суровые военные годы.

Уже многое сказано о том, каким Владимир был во время войны. Когда враг стоял у ворот Москвы, то до Владимира ему было рукой подать. Город затаился, приготовился к обороне, пропустил через свои улицы бесконечные вер-

ницы машин с эвакуируемым имуществом и людьми, потуже затянул поясок, развернул госпитали в бывших школах и других подходящих помещениях, перепрофилировал свои предприятия на военные нужды. И всё это должно было находить освещение в наших ежедневных радиопередачах, строго выверенных, чтобы не раскрыть какой-нибудь военной тайны.

Мне приходилось бывать в заводууправлениях, партбюро, в цехах владимирских предприятий, беседовать с директорами и рабочими, брать интервью у раненых, проходивших лечение в госпиталях. Зачастую кто-нибудь из начальства спрашивал: «Обедала?» – и, даже не дожидаясь ответа, давал талончик в столовую. Есть хотелось всегда. Нас очень выручало то, что дядя помимо основной работы заведовал медпунктом на хлебозаводе и вместо зарплаты получал раз в неделю буханку хлеба, а это была и еда, и «валюта». Всё равно недостаток питания остро ощущался и иногда приводил к неприятным последствиям. Однажды меня командировали в богатый колхоз в Сновицах. Оттуда прибыл транспорт – лошадка, запряжённая в дровни. По дороге я, что называется, «отрубилась» – потеряла сознание. Очнулась – и ничего не могу понять: кругом снег, солнце сияет, молоденький возница яростно погоняет лошадь. В деревне меня накормили, обогрели, и всё прошло. В другой раз потеряла сознание, переходя дорогу, прямо на проезжей части. Хорошо, что тогда не было такого интенсивного движения, как сейчас.

Запомнился мне один подарок, ценность которого можно было понять только в военное время. По делам службы я часто встречалась с горвоенкомом Борисом Ефимовичем Романовым. Однажды я заболела, и мне пришлось предупредить его, что наша встреча не состоится. Через некоторое время в дверь позвонил ординарец и передал мне буханку белого хлеба, вкус которого я к тому времени уже забыла. Так Б.Е. Романов решил поддержать больную.

Помню, мы пригласили его выступить по радио. Ни-

каких записей тогда не делали, всё шло в эфир сразу. Полковник Романов, несомненно, имевший опыт публичных выступлений, был ужасно смущён микрофоном, и это выступление далось ему непросто. Когда призвали в армию моих школьных товарищей Михаила Щиченкова, Василия Зуева и Андрея Миртова, он определил их в Военно-морскую медицинскую академию. Все они стали врачами, а Миртов даже доктором наук и лауреатом Государственной премии.

Постоянно курировал нашу работу первый секретарь горкома партии Иван Иванович Мирский, подсказывая, какие темы надо затронуть в наших передачах, о каких людях рассказать.

В уже упомянутой книжке «Мы вышли из войны» Елена Александровна Бродецкая вспоминает о том, что перед войной на улице Первомайской химзавод построил два дома. В один из них под номером 23 переехала и наша семья, так как мой дядя уже года два заведовал медицинским пунктом на заводе. Это было замечательное событие – переселиться в новый дом со всеми возможными по тем временам удобствами. В квартире на первом этаже мы занимали две комнаты, а в двух других жили соседи. В этом же доме жил и директор Хабарин³ со своей семьёй. Когда начались воздушные тревоги, мы первое время бегали в какие-то канавы за домом, а потом перестали, поняв, что немецкие самолёты летят на Ковров и Горький и не хотят расходовать боезапас на какой-то незначительный городок. Народная молва объясняла это тем, что во Владимире много церквей и поэтому город спасают высшие силы.

Несмотря на тяжёлую обстановку, город не сдавался, в нём даже продолжалась культурная жизнь. Работал драматический театр, в котором начинал свою блестящую карьеру один из самых любимых народом артистов – Евгений Александрович Евстигнеев, летом приезжала Ивановская оперетта, а однажды заглянул и джаз Леонида Утёсова. Это уж был настоящий праздник! Зал был полон,

восторгам не было предела. Всех покорила виртуозный ударник, который выделял своими палочками настоящие чудеса. Ну и, конечно, сам Леонид Осипович. На другой день после концерта я помчалась в гостиницу, чтобы взять у него интервью. Он вышел какой-то заспанный, в помятой гимнастёрке и был не очень расположен разговаривать. Всё же интервью появилось в «Призыве».

В этой же газете 30 июня 1943 года была напечатана заметка, оценивающая нашу работу. Поскольку радиовещание было довольно существенной частью городской жизни, мне кажется уместным привести этот материал, характеризующий его со стороны:

«Говорит Владимир» – так регулярно, утром и вечером, начинает свои передачи местное радиовещание. Мы слышим голос в репродукторе. Он передаёт самые разнообразные сообщения из жизни заводов, артелей, колхозов, культурно-бытовых учреждений. Он вошёл в нашу жизнь как насущная потребность. Но мало кто знает кропотливую работу радиовещания. Это маленький коллектив, всего три человека: редактор В.Ф. Сокова, литературные сотрудники А. Левголд и Ира Шоофс. Нужно быть вездесущими, чтобы успеть за темпами нашей жизни. Своевременно отметить успехи одних, указать и раскритиковать недостатки других. И они в основном успевают собрать, обработать и издать в живой доходчивой форме злободневный материал.

За год организовано 280 вечерних выпусков, всего прочитано 2005 корреспонденций. С октября прошлого года широко используется особо активная форма – тематически направленные радиопередачи и авторские выступления у микрофона. Прочитано 44 передачи и 141 выступление. Кроме того, дано 144 очерка и рассказа о героях фронта и тыла. Наше радиовещание и по форме и по содержанию считается лучшим в области. Работа редколлекции отмечена областным комитетом радиовещания».

Работала я с большим интересом, но понимала, что надо иметь высшее образование, о чём мне постоянно напоминал дядя, и я уехала в Саратов, где находился в эвакуации Ленинградский университет, но это уже совсем другая история. Каждый год я приезжала во Владимир на каникулы, пока там были мои родные. Но советская власть снова обрушилась на них и во второй половине 1940-х годов загнала в Казахстан. Лишь только после смерти Сталина они вернулись во Владимир и получили две комнаты в доме на улице Большие Ременники.

К тому времени в городе произошли большие изменения, он сильно разросся и потерял для меня былую прелесть. Я понимала, что прогресс не остановить, но бывшее очарование тихого зелёного деревянного города было утрачено. Только в моей памяти оно осталось навсегда.

Сноски:

¹ Мы вышли из войны: город Владимир и владимирцы в годы Великой Отечественной войны по дневникам, воспоминаниям, документам. Владимир, 2004.

² До войны на месте будущего тракторного завода, о сооружении которого решение было принято в 1943 году, начиналось строительство авиационного завода, законсервированное впоследствии (прим. ред.).

³ Г.А. Хабарин был главным инженером Владимирского химического завода (прим. ред.).

Добрый старый Владимир // Старая столица : краеведческий альманах. – Владимир, 2007. – Вып. 2. – С. 26–28.

Счастливые пятидесятые

Как это было давно! Как молоды мы были! Как верили в себя! В начале 50-х годов в Вологодском пединституте появилась целая группа молодых преподавателей, начинающих свой трудовой путь. Мы с Виктором Васильевичем Гурой из Саратова, Тамара Алексеевна Беседина с Юрием Дмитриевичем Дмитриевским и Варвара Александров-

на Дворецкая из Ленинграда, Валентина Ивановна Веселовская из Владимира, Вячеслав Александрович Шитов и Татьяна Георгиевна Паникаровская из Москвы, Борис Николаевич Головин с молоденькой женой Лесей также из столицы.

Наша молодость, наше положение «не местных», как теперь бы сказали, общие интересы и проблемы сблизили, а потом и подружили нас. Несмотря на трудности первых шагов в вузовском преподавании, когда приходилось осваивать новые курсы, мы находили время для весёлых встреч, повседневного общения и в институте, и в общежитиях, где поселились. Особенно часто собирало нас общежитие № 4, где жили Дмитревские. Большой деревянный дом на берегу реки Вологды рядом с главным зданием института теперь снесён и некуда повесить памятные доски с указанием на то, что здесь проживали люди, ставшие известными педагогами и учёными.

После обязательных праздничных демонстраций, сдав в институт флаги и транспаранты, мы поднимались на третий этаж этого дома, где нас уже ждала с праздничным угощением гостеприимная Беатриса Александровна, мама Ю.Д. Дмитревского. Здесь же часто проходили и наши годоводные встречи. С нами пировали и веселились и Шайтановы – Олег Владимирович, декан филологического факультета, и его жена Муза Васильевна.

Издавались шуточные газеты, писались эпиграммы, рисовались шаржи. Дмитревский играл на пианино, и мы пели песню собственного сочинения:

*Неказистая, суровая, простая –
Березняк, рябинка да сосна.
В целом свете ближе нету, нету края,
Вологодская родная сторона!
Белой ночи сумрак нежный
И осенних красок жар,
Колдовство метели снежной
Ты приносишь людям в дар.*

Музыка Дмитревского, слова мои. Ещё пели гимн, сочинённый Головиным:

*Нас воспитает и научит,
Путёвку даст и в жизнь, и в труд
Наш дорогой и самый лучший
Наш вологодский институт.*

Так мы становились вологодскими патриотами, хотя большинство из нас родилось далеко за пределами Вологды.

Играли в литературные игры, придумывали шарады... Наши дети до сих пор ностальгически вспоминают развлечения своих «предков».

В.А. Шитов и Т.Г. Паникаровская были молодожёнами, и их трепетное отношение друг к другу трудно было скрыть. Оно и послужило темой дружеской эпиграммы, сочинённой Олегом Владимировичем:

*С супругом милым неразлучна,
Минутку врозь – и ей уж скучно.
Пусть, как голубка с голубком,
Они сидят всегда рядком.*

Вячеслав Александрович был немногословен и углублён в себя. Его постоянно занимали синтаксические проблемы русского языка. Так же, как Бориса Николаевича Головина – проблемы глагола. О чём сохранилась в моей памяти такая эпиграмма:

*Он на глаголе съел собаку.
За свой излюбленный глагол
Готов идти в любую драку.
Пускай бы он скорей нашёл,
Что им обглодан весь глагол.*

Автора не помню, да это и неважно. Все мы понемножку упражнялись в виршеплетении. Уже позже кто-то прошёлся по «научному» методу Вячеслава Александровича, который вырезал из журналов и газет куски текста, интересные в синтаксическом отношении. Стихов не помню, там было что-то про то, как он стриждёт лапшу и завалил ею всю квартиру.

Научные свершения В.А. Шитова, кандидата филологических наук и впоследствии заведующего кафедрой русского языка, были от меня далеки. Я знала, что его уважают в научных кругах, что он, как и Татьяна Георгиевна, воспитывает достойных учеников на своей кафедре. Студенты с интересом слушали его лекции. На экзаменах он был доброжелателен и даже либерален, как многие профессора, у которых мы учились сами. Студенты это ценят во все времена.

Наши сердца Вячеслав Александрович подкупал своей неизменной галантностью. Поцелует ручку, не забудет сказать какой-нибудь комплимент, подаст пальто, уступит дорогу. Это качество он сохранил до последних дней и приветствовал приходящих к нему в гости женщин неизменным утверждением, что они великолепно выглядят, хотя многим было уже за восемьдесят.

Казалось, он с лёгкостью мирился с некоторой бытовой неустроенностью в своём доме, потому что Татьяна Георгиевна, поглощённая проблемами диалектологии и составлением словаря, не находила времени на досадные хозяйственные мелочи. Наука им была важнее. И только потом, когда оба были уже не очень здоровыми пенсионерами, она постоянно заботилась и трогательно опекала мужа.

А теперь уже нет ни того, ни другого, и не к кому прийти на Энгельса, 38 в квартиру № 24. И многих-многих уже нет. И это очень горько.

Счастливые пятидесятые // Дело всей жизни. Памяти В.А. Шитова / сост. Л.Ю. Зорина, Т.В. Парменова. – Вологда, 2009. – С. 21–24.

Вологда в 50–60-е годы прошлого века

1949 год. Мы с мужем приехали в незнакомый город, чтобы начать новую самостоятельную жизнь. Позади было пять университетских лет в большом волжском городе Саратове. Здесь нам предстояла работа на кафедре литературы педагогического института.

О Вологде мы имели самое смутное представление. Знали, что город областной, старинный, находится где-то на севере. Особенно разбираться и вникать было некогда – собрали свои нехитрые пожитки и поехали. От Москвы поезд тащился часов четырнадцать, и за это время мы с интересом и не без труда постигали особенности вологодского произношения, прислушиваясь к разговорам наших спутников, коренных вологжан.

Наконец прибыли к месту своего назначения и вышли на привокзальную площадь. Первым человеком, принявшим нас на вологодской земле, стал лаборант кафедры литературы Иван Сергеевич Окулов. Уже немолодой, очень милый и деликатный человек, он встречал нас на институтском грузовике, которым управлял Валентин Менгелеев, впоследствии не один раз выручавший нас своим транспортным средством. С грохотом, подпрыгивая на булыжниках, которыми была вымощена главная улица, конечно же, носившая имя Сталина, мы отправились на улицу Папанинцев (теперь – проспект Победы).

Здесь находился единственный в то время ресторан под названием «Север». Он и сейчас существует под тем же названием. Над ним были расположены номера, принадлежавшие в старое время, видимо, одному хозяину. Небольшие узенькие комнаты были превращены в квартиры для преподавателей и служащих института. После крохотной комнатухи в общежитии Саратовского университета это жилище показалось нам настоящими хоромами. Ведь имелась ещё и кухня с плитой, небольшой чуланчик, водопровод на общей кухне и прочие удобства – тоже общие. Мы были неприязнительны и готовы были довольствоваться малым. Совсем недавно закончилась война, жизнь только налаживалась, а мы, вчерашние студенты, пока ещё ничего не заработали и не могли предъявлять никаких претензий.

В институте нас приняли хорошо. Декан историко-филологического факультета Олег Владимирович Шайтанов и заведующий кафедрой литературы Геннадий Иванович

Лебедев определили нам нагрузку, учли и наши пожелания. Оставалось ещё несколько дней до начала занятий, и мы решили познакомиться с городом. Оказалось, что мы живём в самом центре. Кругом были интересные старинные здания, остатки бывших торговых рядов, Каменный мост, где находилось фотоателье с дореволюционным чучелом медведя при входе, а рядом – «Оптика», где ещё продавались пенсне. Здесь же находилось несколько магазинов и в том числе особенно привлекательный для меня – кондитерский. Правда, и в бывших рядах продавали вкуснейшую вещь – маринованные белые грибы. Их доставали из больших бочек. Красивые, жёлто-коричневые, скользкие от маринада, они были восхитительного вкуса.

Как ни странно, в первые годы пребывания в Вологде мы могли лакомиться такими вещами, которые теперь попали в разряд почти недоступных. Это были чёрная икра, которая стояла в больших ёмкостях и её продавали на вес, и крабы. Последние не пользовались особым спросом у населения, и потому банки с этим деликатесом красивыми пирамидами возвышались на полупустых полках продовольственных магазинов.

По городу ходили три автобуса. Маршрут первого номера начинался на Лынокомбинате и заканчивался в Ковырине (теперь – Октябрьский посёлок). Номер третий шёл от Прилук до вокзала, и так оставалось многие годы. Как ходил номер второй, не помню. В конце 50-х годов в городе появилось несколько такси.

Одной из примет Вологды были деревянные тротуары. Константин Симонов, проезжавший через Вологду на Карельский фронт в октябре 1941 года, написал здесь стихотворение:

*В домотканом деревянном городке,
Где гармоникой по улицам мостки,
Где мы с лётчиком, сойдясь накоротке,
Пили спирт от непогоды и тоски...*

Деревянные мостки ещё держались на улице Урицкого до

конца пятидесятих годов, когда мы переехали в новый дом и когда постепенно вообще менялся облик улицы, появлялись каменные дома. А тогда прямо в центре, рядом со зданием института на берегу, возле Соборной горки, находилось деревянное здание институтского общежития, а дальше – величественная громада Софийского собора. Это место стало навсегда самым любимым в городе.

В общежитии мы часто бывали своих коллег, вскоре ставших друзьями. Это были Тамара Алексеевна Беседина и её муж Юрий Дмитриевич Дмитревский, приехавшие из Ленинграда. Тамара Алексеевна работала на нашей кафедре, она окончила Ленинградский университет, и у нас нашлись общие знакомые, а главное – общие учителя, например профессор Г.А. Гуковский, который во время эвакуации работал в Саратове. Ю.Д. Дмитревский был географом, но филологические проблемы и интересы были ему не чужды. Мы подружились и с Анной Михайловной Гольдиной, человеком большой души, преподававшей педагогику.

Из нашего дома в это общежитие перебрался ещё один наш приятель, замечательный человек, специалист по русскому языку Борис Николаевич Головин, впоследствии профессор Горьковского университета. Вскоре на кафедре русского языка появилась пара молодых преподавателей – Татьяна Георгиевна Паникаровская и Вячеслав Александрович Шитов. Они жили в другом общежитии, на улице Лермонтова, но это не помешало им примкнуть к нашему дружескому кружку. В том же 1949 году после окончания московской аспирантуры на кафедре экономгеографии появилась Валентина Ивановна Веселовская, с которой я была знакома ещё со школьных лет во Владимире. Наш декан, которого мы немножко побаивались на работе, оказался весёлым и остроумным человеком, а его жена Муза Васильевна была первой красавицей Вологды.

Все вместе мы отмечали праздники, дни рождения, привнося в эти традиционные сборища много выдумки и молодого задора. Загадывали шарады, играли в литературных

героев, писали смешные телеграммы, пожелания и шаржи, выпускали подходящие к случаю газеты. Ю.Д. Дмитриевский играл на пианино, и мы пели песню про Вологду. Музыка принадлежала ему, а слова – мне. И хоть Вологда была мне не родная, я писала с полной искренностью о её очаровании, она была близка моей родной ленинградской природе.

Танцевали мы под «Брызги шампанского», новости слушали по чёрному репродуктору, оставшемуся с довоенных времен, «вражеские голоса» ловили по ламповому приёмнику. Однажды он почему-то замолчал. Пришедший мастер обнаружил в нём мышинное гнездо. Был ещё один повод посмеяться.

Чувства дружбы, взаимной близости, участия, доверия сохранились у нас до сегодняшнего дня. Иных уж нет на этой земле, но память о них в сердце навсегда. Они неотделимы от нашей молодости.

Мы умели развлекаться, но умели и работать, хотя на первых порах приходилось нелегко. В студенческих аудиториях было ещё много бывших фронтовиков, которые казались мне более взрослыми и умудрёнными жизнью, чем я, да так оно и было. На заочном отделении занимались вообще взрослые люди, многие уже работали в школе. Я смущалась и не ощущала себя настоящим преподавателем, но чувствовала поддержку и симпатию студентов. Это немного успокаивало и придавало силы. Приходилось читать не те курсы, к которым я была более подготовлена. Мне досталась зарубежная литература, а я писала диплом по творчеству Алексея Толстого. Однако делать было нечего, и приходилось много готовиться, чтобы не ударить в грязь лицом. Мужу было проще: он получил свою любимую советскую литературу, да и отношения со студентами, прошедшими, как и он, войну, у него быстро наладились.

Это было время, когда у нас учились Сергей Викулов, тогда уже писавший стихи, Валерий Дементьев, впоследствии известный литературовед, Павел Булин и Владимир Пудожгорский, будущие доценты нашего факультета, Юрий

Герт, теперь известный писатель, живущий в США, и много других талантливых людей, проявивших себя в филологии и в педагогике. Бывшим фронтовикам приходилось трудно-вато во всех отношениях, и мы, совсем недавно покинувшие студенческую скамью, хорошо их понимали.

На факультете было три преподавателя, что называется, старой закалки. Это Вера Дмитриевна Андреевская, методист кафедры литературы, Александр Михайлович Ремизов, доцент этой же кафедры, и Василий Сергеевич Третьяков, доцент кафедры русского языка. Они нас подбадривали и не оставляли своим вниманием. Первая в Вологде новогодняя встреча прошла в доме Василия Сергеевича на Октябрьской улице. Мороз тогда доходил до 40 градусов, и в деревянном доме, который в своё время был, вероятно, добротным, а теперь обветшал, было довольно холодно. Согрела нас теплота человеческих отношений.

Вера Дмитриевна, получившая педагогическое образование до революции, преподавала русскую словесность ещё в гимназии. Она приглашала нас к себе в гости, делилась своим методическим опытом, что было для меня очень важно, потому что в университете методике почти не уделялось внимания. В её маленькой квартире было так уютно и всегда находилось что-нибудь вкусное. Когда Виктор Васильевич защитил диссертацию, она подарила ему красивый бокал, по её словам, когда-то принадлежавший кому-то из князей Вяземских.

У А.М. Ремизова была большая библиотека, и он разрешал нам ею пользоваться. До сих пор я нахожу на своих полках подаренные Александром Михайловичем книги с инвентарным номером, написанным его рукой. Так с помощью этих добрых людей и, конечно, благодаря собственным усилиям мы постепенно становились на ноги. Мне, новичку в зарубежной литературе, ещё очень помогали лекции Олега Владимировича, которые он любезно разрешил мне посещать.

Отличную обстановку на кафедре создавал её заведующий Геннадий Иванович Лебедев, который с большой семьёй

жил рядом с нами над рестораном «Север». Это у него я всегда перехватывала трёшку или пятёрку до получки.

Одним из неприятных воспоминаний первых лет нашей жизни в Вологде было обсуждение на кафедре изданной моим мужем, Виктором Васильевичем Гурой, книги «Русские писатели в Вологодской области», ставшей теперь почти библиографической редкостью. Она вышла в 1951 году. В ней, несомненно, были и ошибки, и пропуски, но не было никаких политических огрехов. Однако суровая и бдительная критика того времени их нашла. Автору строго указали на то, что в его книге не нашлось места для упоминания об И.В. Сталине, в своё время побывавшем в вологодской ссылке и что-то здесь написавшем. Тогда такое обвинение было довольно опасным. Но во время обсуждения на кафедре Геннадий Иванович Лебедев не дал страстям разгуляться, и никаких «оргвыводов» не последовало. Мы работали в спокойной, доброжелательной атмосфере, в постоянном контакте с кафедрой русского языка, во главе которой стоял Б.Н. Головин.

В 50-е годы на разных кафедрах работали крупные специалисты. Игорь Кон, имеющий сейчас широкую известность как психолог, начинал работать на кафедре всеобщей истории. Артур Владимирович Петровский два года читал вологодским студентам психологию, затем уехал в Москву и через некоторое время стал академиком-секретарём, а затем и президентом Российской академии образования. Но не все попадали в Вологду добровольно. Кандидат химических наук Софья Соломоновна Норкина, бывшая доцентом МГУ и парторгом естественных факультетов университета, накануне защиты докторской диссертации была выслана сначала в Казахстан, а затем отбывала ссылку в Вологде и работала в педагогическом институте. Такова же была судьба и профессора А.Г. Гольдмана, одного из крупных физиков страны. Профессор В.Ф. Дягилев читал студентам естественно-географического факультета ботанику, профессор Н.А. Чулков – анатомию.

Павел Викторович Терентьев, бывший проректор Ленинградского университета, доктор биологических и кандидат физико-математических наук, читал зоологию, профессор М.А. Гуковский – историю. Для провинциального вуза это было редкой удачей. Многие, правда, после 1953 года из Вологды уехали.

Все торжественные мероприятия по праздникам проходили в КОРЕ, как он назывался раньше (Клуб Октябрьской революции), или Дворце культуры железнодорожников, как его именовали уже при нас. Там же приезжие знаменитости давали концерты или спектакли. Часто приезжал Ярославский симфонический оркестр, которым дирижировал Юрий Аранович, теперь давно уже живущий в Израиле. Мы имели счастливую возможность слушать величайших пианистов нашего времени Святослава Рихтера и Эмиля Гилельса, знаменитого Мстислава Ростроповича, ещё одного известного виолончелиста Даниила Шафрана. На сцене Дворца культуры железнодорожников играл ансамбль скрипачей Большого театра под управлением Юлия Реентовича и знаменитый джаз Олега Лундстрема. На ней танцевал Махмуд Эсамбаев и ставил балеты Макс Миксер, в которых блистали вологодские девочки и мальчики.

В Вологду привозили свои спектакли московские и ленинградские театры. В том же зале мы смотрели мхатовских «Мещан» и «Беспокойную старость» с Ольгой Андровской. Алла Константиновна Тарасова играла Раневскую в «Вишнёвом саде». Вместе с ней в спектакле были заняты Степанова, Яншин, Грибов, Масальский, так называемые «мхатовские старики». «Последнюю жертву» с Тарасовой мы видели в постановке Московского областного драматического театра. Из Ленинграда театр имени Ленсовета привозил ибсеновскую «Нору, или Кукольный дом». Каждое такое событие было праздником, его нельзя было пропустить. Мы хоть в чём-то становились причастными к столичной жизни.

Надо сказать, что и Вологодский драматический театр в 50-е и 60-е годы радовал своих поклонников отличными

спектаклями. Художественным руководителем театра с 1954 по 1965 год был Александр Васильевич Шубин, заслуженный деятель искусств РСФСР. Человек большой культуры, окончивший студию Мейерхольда в 1916 году, он был отличным режиссёром и педагогом. Мы не пропускали ни одной премьеры, знали всех артистов, «Красный Север» заказывал нам рецензии на спектакли, и мы писали их, хоть и не были театральными критиками. Любимцами публики были Марина Владимировна Щуко и Василий Васильевич Сафонов, оба заслуженные артисты РСФСР. При театре был филиал студии МХАТа, которым руководил А.В. Шубин, и я даже читала молодым актёрам зарубежную литературу, что мне было очень интересно.

Само помещение театра на бывшей Дворянской улице хранило память XIX века. Мне представлялось, что именно в таких провинциальных театрах впервые ставились пьесы Островского, Тургенева, Гоголя. Действительно, Вологда знала замечательные времена. Здесь начинали свой путь Орленев и Корчагина-Александровская. На вологодской сцене в разное время выступали Андреев-Бурлак, Варламов, Давыдов, Мамонт Дальский, Блюменталь-Тамарина, представители театральной династии Садовских.

Первый деревянный театр сгорел. Новый каменный был небольшой, но вполне достаточный для такого города, каким в 50–60-е годы была Вологда. Зал почти всегда был полон, особенно на премьерах. Вологда, обладавшая давними театральными традициями, сохранила их и в новые времена.

Из тогдашних спектаклей запомнились «Живой труп», «Фома Гордеев», «Обрыв», «Такая любовь» Когоута, «Кремлёвские куранты», «Вишнёвый сад». Марина Владимировна Щуко поражала многогранностью своего таланта в «Госпоже министерше» Нушича, в итальянской пьесе «Деревья умирают стоя». Ей одинаково был доступен и трагический, и комический репертуар.

Филармония в те времена располагалась в том здании, где

сейчас находится кукольный театр «Теремок». Там мы слушали Зару Долуханову, Михаила Александровича, Александра Вертинского и других известных певцов, а ещё раньше, до нашего приезда, там выступал Вадим Козин. Ленинградская консерватория присылала своих артистов, которые представляли сцены из разных опер.

В центре города был большой кинотеатр. Он был назван именем Горького и оборудован в бывшей церкви, через некоторое время разрушенной. Старая прочная кладка долго не поддавалась, но в конце концов сдалась. Кроме того, работали кинотеатр «Спутник» за вокзалом, «Искра» на улице Ленина, позже «Родина» в заречной части города. Фильмы показывали и во Дворце культуры железнодорожников. Картин тогда снималось немного, шли они подолгу, и мы успевали все посмотреть, иногда и по два раза, благо билеты стоили копейки, не как теперь.

Что мы смотрели в 50-е годы? «Весна на Заречной улице» и «Высота» с самым популярным и любимым Николаем Рыбниковым. «Сорок первый», необыкновенно смелый по тем временам, с Изольдой Извицкой и Олегом Стриженовым, «Дело Румянцева» с Алексеем Баталовым и Инной Макаровой, «Убийство на улице Данте» с Михаилом Козаковым. В марте 1961 года во Дворце культуры железнодорожников проходил кинофестиваль, приехали артисты, раздавали автографы. Мы с Музой Васильевной Шайтановой получили фотографию Валентина Зубкова («Коммунист», «Солнце светит всем») с его автографом и несколько слов от Людмилы Шагаловой в память о фестивале. Фильмы тех лет не устарели. Они были сделаны с разной степенью талантливости, но добротны, неторопливо. В отличие от тех поделок, которые теперь лепят, как блины, и называют сериалами.

В 50-е годы все мы увлекались итальянскими фильмами. Это было время расцвета неореализма. Выходили на экраны и французские ленты так называемой «новой волны», и английские с Вивьен Ли в главных ролях. Долго мы не по-

дозревали, что все они проходят придирчивую цензуру, которая вырезает из них кадры, способные нарушить высокую мораль наших граждан. Но всё же мы познакомились с искусством Жана Маре, Жерара Филиппа, Жана Габена, Симоны Синьоре, Даниель Дарье, Николь Курсель, Джульетты Мазини, Рафа Валлоне и других актёров. Обаятельная Лолита Торрес заразила нас задорными песнями из фильма «Возраст любви», снятого в Аргентине. Песни почему-то были о португальском городе Коимбра.

В бывшем Дворянском собрании находилась областная библиотека, в которой мы постепенно осваивались с помощью опытных работников библиографического отдела. Из них с особой благодарностью хочется вспомнить Елену Александровну Кондратьеву, отличного знатока и своего дела, и библиотечных фондов. Работа библиотекаря в те годы была очень кропотливой, не было никаких компьютеров, и содержание всего книжного богатства в надлежащем порядке требовало больших усилий.

Читальный зал был уютный и красивый, в нём было приятно заниматься. Заказы выполнялись быстро. Помню очень любезную Рахиль Давыдовну Пелевину, которая работала в читальном зале и одновременно училась заочно на нашем факультете. Вера Вениаминовна Печенская, Надежда Константиновна Карушкина, здравствующая и поныне, — это были люди, которые помогали нам в наших занятиях. Работал межбиблиотечный абонемент. Это тоже было очень важно и для меня, и особенно для мужа, который рано начал собирать материал для кандидатской диссертации и вообще много писал и печатался.

Постепенно и у нас дома накапливались книги, главным образом, по литературоведению. За текущей литературой следили по журналам, которые стали выписывать с первого же месяца пребывания в Вологде. И сейчас большой стеллаж в моей квартире занят годовыми комплектами «Нового мира» с 1950 по 1992 год. Это был лучший журнал на протяжении четырёх десятилетий. Выбро-

силь его считаю кощунством, а отдать некому. Получали мы также журналы «Октябрь», «Знамя», «Иностранную литературу», «Дружбу народов». В отдельные годы – даже «Дон», «Звезду», «Юность», «Вокруг света». Теперь они доживают свой век в уже проданном нами деревенском доме и их читают новые хозяева. А почитать там есть что.

Нагрузки в институте были немалые. В первый же год я должна была прочитать 400 часов одних лекций, а ещё – практические занятия, экзамены, зачёты, консультации. Получалось часов 800. Однако этим дело не ограничивалось. Необходимо было выполнять общественную работу. Партбюро назначило меня редактором институтской стенгазеты. Не приняли во внимание ни необходимость разрабатывать курсы, ни то, что я ждала ребёнка. Отказаться было невозможно, ведь я была членом партии. Но между прочим, никто не возражал, когда я отказалась от декретного отпуска и продолжала работать до самых родов.

И в дальнейшем какую только работу не приходилось выполнять! Но интереснее всего было отвечать за так называемую художественную самодеятельность (теперь это словосочетание как-то ушло в прошлое). Накануне смотров между факультетами, а их тогда было немного, разгоралась настоящая борьба. Каждый старался выступить как можно лучше и завоевать первое место. Занятые в смотре студенты на время забывали об учёбе, и преподаватели старались этого не замечать. Во время концертов ревниво следили за успехами друг друга, подозревали членов жюри в пристрастности. Концерты получались интересные, остроумные, выявляли неожиданные таланты. Но каких это стоило усилий и даже нервов! И всё же это было намного интереснее, чем, например, посещать студенческие общежития или высидывать часы на партийных или профсоюзных собраниях.

Была у меня и ещё одна работа – я курировала институтское радио, когда наш факультет перебрался на улицу Мальцева. Наш студент Юрий Богатурия, впоследствии кор-

респондент Всесоюзного радио, а позже и телевидения по Вологодской области, начинал свою карьеру с маленького радиоузла на филологическом факультете. Отсюда передавались последние новости, у микрофона выступали наши поэты, в том числе уже покойные Виктор Коротаев и Леонид Беляев. На всю мощность Юра Богатурия включил динамик 12 апреля 1961 года, когда передавали сообщение о полёте в космос Юрия Гагарина. Распахнулись двери всех аудиторий, студенты и преподаватели высыпали в зал и с восторгом слушали эту неожиданную новость. В такие моменты сердцем человека овладевает гордость за свою страну!

Но бывало и наоборот. Каждую осень студенты ездили «на картошку». Запомнилась одна такая поездка в деревню Непотягово. Была уже поздняя осень, шли затяжные дожди, поля раскисли. А бедные студенты, не имеющие соответствующей экипировки, в грязи и холоде выкапывали мокрые скользкие клубни. Я поинтересовалась, почему колхозники не принимают в этом участия. Мне ответили, что они не дураки работать в такую погоду. Обиднее всего было то, что выкопанная с таким трудом картошка не была вовремя убрана и замёрзла в поле. Такие факты не прибавляли ни энтузиазма, ни гордости за свою страну.

Между тем городская жизнь становилась всё интереснее и разнообразнее. В 1961 году было создано Вологодское отделение союза писателей. Оно объединило пишущую братию области, в которой уже давно были известны такие прозаики, как В.В. Гарновский, Н.В. Угловский, но недавно появились и новые, как например, Василий Иванович Белов, входивший в литературу замечательными рассказами и вскоре покоровивший всех своим «Привычным делом». В Вологде поселился приехавший из Архангельска Иван Дмитриевич Полуянов, большой знаток природы и обычаев Севера. Много лет работал в Вологде старейший писатель Виктор Азриэлевич Гроссман. В прошлом историк русской литературы, исследователь творчества Пушкина, он со временем стал пробовать свои силы в художественном творчестве.

Свидетельством этого может быть хотя бы роман о Пушкине «Орион», изданный в Москве в 60-е годы. Среди вологодской писательской молодёжи он выделялся как старейшина и многим помогал добрым советом.

Не порывали связи с родной землёй Александр Яшин, Сергей Орлов, Константин Коничев, с которыми мы особенно подружились. Как много светлых воспоминаний вызывает у меня его имя! В моей памяти остались многочисленные встречи с этим талантливым человеком. Дядя Костя, как его называли друзья, приезжал часто, о чём предварительно общал письмом и просил «испечь пирожка с рыбой» и приготовить солёных рыжиков, да таких, чтобы в бутылочное горлышко пролезали. Он был неистощим на выдумки, пересыпал свои рассказы шутками-прибаутками, только что сочинёнными виршами или давно запомнившимися частушками, которые собирал специально.

Приятно, не скрою, перечитывать отдельные строки, относящиеся лично ко мне. Например: «Тура! Виктор Васильевич! Привет Вам и прелестной супруге Вашей, любимице студенчества вологодского (слышал!)». Как хорошо, что остались письма и открытки, написанные его крупным размашистым почерком, многочисленные фотографии. Одна из них вызывает щемящее чувство грусти: стоит дядя Костя с разведёнными в недоумении руками в широком поле на месте его родной деревеньки Попихи, исчезнувшей с лица земли. На обороте надпись: «Ни хаты, ни души, вот тут и пиши...»

Жаль, что память не сохранила той россыпи остроумия, которой он удивлял и забавлял своих собеседников. Но осталась благодарность за доброе к нам отношение и восхищение подлинно народным талантом, истинным самородком, продолжившим череду уроженцев Севера, вершителей больших дел, о которых он писал в своих книгах.

Набирала силу вологодская поэзия, представленная Сергеем Викуловым, Александром Романовым, Ольгой Фокиной, Виктором Коротавым. Успехи наших писателей дали повод современной критике говорить о появлении «воло-

годской школы». На творческих встречах читатели обсуждали новые произведения, интересовались планами авторов. Приезжали в гости писатели из Архангельской области, из Коми АССР, из Москвы и Ленинграда. Вот передо мной билет во Дворец культуры железнодорожников на литературный вечер «У нас в гостях писатели-земляки». Вечер состоялся 6 декабря 1964 года. В нём приняли участие родившиеся на Вологодчине Ю. Арбат, В. Дементьев, Ю. Добряков, Ф. Кузнецов, К. Ломунов из Москвы, К. Конищев, Н. Кутов, П. Кустов из Ленинграда, П. Макшанихин из Свердловска, В. Соколов из Новгорода, И. Тарабукин (город не указан). Были заявлены ещё С. Орлов, Ю. Пиляр, В. Тендряков, А. Яшин, но по разным причинам они не смогли приехать. Конечно, выступали и наши: В. Белов, В. Гроссман, В. Гура, И. Полуянов, А. Романов, О. Фокина. В киоске продавались книги, писатели раздавали автографы.

7 октября следующего года на творческой встрече с читателями В. Белов читал отрывки из новой повести «Речные излуки», а Сергей Викулов – новые стихи и отрывки из поэмы «Хлеб да соль». В вечере принимали участие артисты драматического театра, вёл вечер Виктор Гура.

Большой переполох наделал в 1966 году Александр Яшин своим очерком «Вологодская свадьба». Ортодоксальная критика приняла его в штыки, объявила пасквилем на жизнь современной деревни. Обком партии организовал обсуждение новой вещи нашего земляка. Из студентов филологического факультета был выбран один, родом из Никольска, котором у предложили опровергнуть написанное, что он послушно и исполнил, за это был подвергнут остракизму в студенческой среде. Между тем очерк не содержал никакого очернительства, а просто правдиво воссоздавал особенности бытового уклада и обычаев современной деревни. Конечно, всё было изображено далеко не так безоблачно, как в романах С. Бабаевского. Но А. Яшин не хотел ничего приукрашивать. Подобные сцены он не раз наблюдал в родной деревне Блудново Никольского района.

Интересной жизнью жили наши художники. В картинной галерее проходили персональные выставки В.Н. Корбакова, Н.Н. Баскакова, Д.Т. Тутунджан, М.А. Ларичева, В.Н. Шваркова, С.В. Хрусталёвой и других, издавались небольшие каталоги. Главную роль в организации этих дел играл директор картинной галереи Семён Георгиевич Ивенский, поощрявший развитие графики и с самого начала поддерживавший талантливых Генриетту и Николая Бурмагиных и Владислава Сергеева. Вологодская графика стала известна далеко за пределами области и даже страны. К сожалению, супруги Бурмагины рано ушли из жизни, и мы многого лишились в искусстве графики.

Люди творческие – писатели, художники, артисты – организовали что-то вроде клуба. Собираясь, устраивали капустники, придумывали пародии, комические сценки, дружеские шаржи. Кто-то сочинял, кто-то рисовал, кто-то играл на сцене, а кто-то, сидя в зале, весело смеялся, узнавая себя или своих товарищей. Душой всего была Джанна Тутунджан. До поздней ночи порой засиживались мы втроем на нашей кухне, придумывая программу очередного собрания.

К сожалению, всё это сейчас утрачено, а как интересно было бы вспомнить некоторые придумки! Например, пародию на запись в книге отзывов картинной галереи: «Выставка очень хорошая. Особенно понравились стулья и девушка-экскурсовод». В сценке, представлявшей заезжего столичного критика, последний обращался с претензиями к известной художнице и, желая подсластить пилюлю, умильно называл её через каждые два слова «голубчик». Весь комизм этой сцены передать сейчас словами невозможно. Важна интонация, важны непосредственные реалии того времени и сами люди. Но получалось смешно, а иногда и остро. Встречи проходили в зале сегодняшней филармонии и были интересны как их участникам, так и гостям.

В 50-е годы в городе стали появляться люди, которых разоблачение культа личности вызволило из лагерей. В нашем доме поселилась супружеская пара Ивановых – Порфирий

Дмитриевич и Вера Павловна. Отбыв 10 лет лагерей, Порфирий Дмитриевич был оставлен на поселении в Норильске, куда к нему приехала жена, и только в середине 50-х годов им разрешили вернуться в Вологду. Он был инженером-строителем и сразу получил работу, а через некоторое время и отдельную квартиру неподалёку.

Его жена прожила удивительную жизнь. Она происходила из семьи Золотиловых, людей состоятельных, имевших большой дом на теперешней улице Гоголя. Рано осиротела и была отдана дядей в московский институт благородных девиц, кажется, Мариинский. Рассказывала много интересного о том, как там воспитывали девочек, и на всю жизнь усвоила понятия долга, чести и правила достойного поведения. После окончания института вернулась в Вологду. В годы революции и Гражданской войны нашла какую-то работу, и тут повстречала своего первого мужа. Он был назначен торговым атташе в Стамбул, и она несколько лет прожила в Турции. Затем вернулась с мужем в Ленинград и через некоторое время овдовела. Нашла работу секретаря-машинистки в Академии наук, кое-как перебивалась. В это время её и встретил Порфирий Дмитриевич Иванов, который был к ней неравнодушен ещё с детских вологодских времён.

Они приехали в Вологду во второй половине 30-х годов, а в 1937 году Порфирий Дмитриевич был арестован. Веру Павловну долго не хотели брать ни на какую работу. Жила продажей некоторых ценных вещей, которые у неё ещё сохранились. Наконец ей удалось устроиться посудомойкой в привокзальный ресторан, а затем и получить повышение – её назначили кастеляншей. Началась война, из осаждённого Ленинграда поступали изголодавшиеся люди, которых прежде всего кормили на вокзале, и Вера Павловна принимала в их судьбе самое горячее участие, сопровождала в госпитали, иногда присутствовала при последнем вздохе. Вскоре после войны её муж был освобождён из лагеря, и она смогла поехать к нему. Жизнь в Норильске была не из лёгких, но она считала необходимым делить её со своим мужем.

Пережив обоих мужей, пережив сына и внука, Вера Павловна скончалась в возрасте девяносто одного года в доме для престарелых в Молочном. Для меня она навсегда осталась примером стойкости, умения переносить трудности, верности своему долгу и просто красивой во всех отношениях женщиной. Такие люди не забываются.

Что сказать о бытовой стороне нашей жизни? Конечно, она была непростой. При наличии сначала одного, а потом и двоих детей я бы никогда не справилась с работой и хозяйством. Мне помогали домработницы. Тогда это было весьма распространено. Из деревень уезжали в город молодые девушки, чтобы избежать работы на полях или фермах. Кроме того, они рассчитывали получить в городе паспорт и таким образом выкупиться из «крепостной зависимости». Ведь колхозники паспортов не имели и не могли жить, где захочется. Попадая в семью, девушка получала жильё, стол и небольшую зарплату. Чаще всего она нянчила ребёнка и помогала по хозяйству. А там уж как повезёт: или выйдет замуж, или хозяева всеми правдами и неправдами сумеют выхлопотать прописку и паспорт. Доски объявлений были полны соответствующими предложениями, на которые был и спрос.

У меня по несколько лет жили четыре домработницы, и почти все покинули меня, выйдя замуж. Это были Маруся, Юля, Зоя и её сестра Леля. За то время, что они жили с нами, они становились почти членами семьи, и до сих пор Юля и Зоя остаются моими друзьями. Были и другие, эпизодические, но с теми мы быстро расставались, чем-то не устраивая друг друга.

Как я уже говорила, бытовые удобства были минимальными. Даже в новой квартире, куда мы переехали в канун 1956 года, не было горячей воды, только колонка, которая отапливалась дровами. На кухне стояла большая плита, на ней мы готовили пищу. Были в ходу также керосинки и керогазы. Естественно, никаких стиральных машин мы не знали, так же, как и пылесосов. Мясо и другие скоро-

портящиеся продукты в холодное время года вывешивались за окно, так как холодильников не было. Первый появился у нас в 1959 году. Всё другое тоже появилось позже, и теперь мы не представляем себе жизни без этих помощников хозяевам. О том, чтобы поставить дома телефон, долго можно было только мечтать.

Не забудем ещё про нехватку продуктов, про очереди в магазинах, отнимавшие столько времени! Давно забыто слово «Дают!», которое изредка раздавалось по телефону: «Дают колбасу!» или «Дают сахар!» Было и ещё одно словечко, прочно сросшееся с теми временами: «Выбросили». Это значило, что в продажу поступил какой-то дефицит, и все бросались по названному адресу, а там уже успевал выстроиться целый хвост. Встанешь последней, стоишь и гадаешь – хватит или нет. Люди моего возраста ещё хорошо это помнят, а современной молодёжи понять это трудно, молодые уже привыкли к тому, что купить можно всё – были бы деньги. Зато молодые люди не знают и тех маленьких радостей, которые были доступны нам, когда после долгого стояния в очереди мы получали необходимые продукты и могли порадовать свою семью. И говорили не «купили», а «достали», потому что действительно всё доставалось с трудом, а иногда и по случаю.

Нехватка многих вещей приводила к тому, что уж если человек дорывался до какого-нибудь дефицита, то покупал столько, сколько мог унести. Огромными сетками тащили, например, апельсины или зелёные бананы, а иногда можно было встретить человека с настоящим ожерельем из рулонов туалетной бумаги. Прохожие бросались к нему с вопросом: «Где дают?» Я уж не говорю о том, как провинциалы опустошали московские магазины, стараясь увезти домой как можно больше и вызывая справедливое недовольство москвичей. Надо сказать, что большинство людей не испытывало недостатка в деньгах. Во-первых, потому, что привыкли жить скромно, а во-вторых, потому, что на деньги не всегда можно было что-то купить.

И всё-таки мы умудрялись прилично одеваться. На Каменном мосту работало ателье, и там была замечательная закройщица Анна Михайловна Малютина, которая из недорогого материала могла сшить красивый наряд, почти не отступая от картинки в журнале. наших мужчин обшивал лучший в городе портной Юрий Юрьевич Пшепюрка. Мужчины носили широкие брюки, летом рубашки с короткими рукавами, которые назывались «бобочки».

Потом стали появляться импортные вещи, и прежде всего нас заворожило незнакомое слово «джерси». Я знала, что на остров Джерси был сослан в своё время Виктор Гюго, но какое это имело отношение к одежде, не понимала. И вот однажды в сельском магазинчике случайно купила костюм из шерстяного трикотажа, который назывался «джерси», и очень долго его носила.

Было время, когда из соцстран поступала красивая обувь. Белые туфли венгерского производства на высоком каблуке, купленные с трудом, были безжалостно съедены любимым спаниелем. Вот была трагедия! Зимой иногда носили валенки. Ведь зимы были не чета теперешним: морозные и снежные, удивительно красивые, весь город в серебряном инее. Машин было мало, и снег подолгу оставался ослепительным. Была ещё одна зимняя обувь – так называемые «румынки». Это были тёплые ботинки на толстой подошве. Сапоги появились позже. Наверное, у нас, в России. Потому что помню заголовок какой-то газетной статьи «Русские сапожки шагают по Парижу». Осенью носили галоши и ботики.

Хотелось покрасивее одеть детей, но в магазинах выбор был бедный. Когда муж привёз из Чехословакии голубое капроновое платье маленькой дочке, то не было отбоя от желающих приобрести это платьице, когда она из него вырастет. Не сразу появилось такое замечательное изобретение, как детские колготки. До этого и мальчики, и девочки детского возраста носили чулки, резинками пристёгнутые к лифчикам.

Раз разговор зашёл о детях, хочется с благодарностью

вспомнить о том, какой заботой они были окружены, начиная с родильного дома. На другой день после выписки домой приходила патронажная сестра, затем она требовала, чтобы ребёнок регулярно посещал детскую консультацию, где следили за его развитием. Из детских врачей того времени с благодарностью вспоминаю ныне здравствующую Нину Григорьевну Рабчук, к которой можно было обратиться в любую минуту и получить помощь. Вообще в городе было много хороших врачей, в поликлинике и в больницах был порядок и соответствующий уровень обслуживания.

Со временем мы могли считать себя обеспеченными людьми, с конца 50-х годов ездили всей семьей отдыхать на юг. Появилась первая машина – «москвич». Но куплена она была, конечно, не на зарплату, а на гонорары, которые муж получал за книги. И всё же преподаватели, научные работники тогда зарабатывали хорошо, и их доход не был вдвое меньше дохода водителя автобуса, как сейчас. Но необходимые для библиотеки книжные полки венгерского производства были приобретены в Москве, так называемая «стенка» прибыла из Ленинграда благодаря заботам и усилиям нашего друга литературоведа Юрия Андреева. И всё в таком роде.

И всё-таки 50–60-е годы в Вологде я вспоминаю с благодарностью. Очень интересным было общение не только с друзьями и товарищами по работе, но и со студентами. Некоторые из них тоже становились друзьями. До сих пор приходят из Ставрополя письма от Лены Иноземцевой (теперь Демченко), талантливой очаровательной умницы, которая окончила институт в 1954 году. Перезваниваемся с Ирой Грибановой (теперь Губа), вспоминаем замечательного Леру Киселёва, его друга Володю Лисина. Переписываюсь с Валей Козловой (теперь Осовской), живущей в Саранске, и встречаюсь с её лучшей подругой Галей Васильевой (теперь Берсенёвой), с Галей Тропиной (теперь Цинман), с Аллой Поповой, с Вадимом Седовым. Да разве перечислишь всех, кто оставил в твоей жизни след!

И грустно сознавать, что так рано ушли из жизни ещё мо-

лодые люди, мои бывшие студенты Виктор Коротаев, Леонид Беляев, Валерий Крюков, директор одной из лучших школ города Иваново. Недавно я прочитала книгу Юрия Герта «Семейный архив». Она издана в Америке в прошлом году. Автор вспоминает Вологодский пединститут, который окончил в 1953 году, и своих друзей Феликса Марона и его жену Нину Соколову. Они учились на одном курсе и теперь встретились в Израиле. Старая дружба не ржавеет. Вспоминали, что бродили по берегу Вологды и обсуждали, как жить. А я вспомнила, что Нина Филадельфовна была лучшей учительницей литературы города Сокола и к ней специально на практику направляли из Вологды студентов.

Да, много было хорошего и разного. Хорошо, что память удерживает больше положительных моментов и издали всё видится в розовом свете. Наверное, это ещё и потому, что «молоды мы были», что «искренно любили», что «верили в себя», как поётся в одной замечательной песне.

2006 г.

Таким его помню (об Олеге Владимировиче Шайтанове)

Когда в 1949 году меня и моего мужа, приехавших по назначению в Вологодский государственный педагогический институт, представили декану, первое впечатление было: какой он большой! Молодой, тридцатипятилетний, с роскошной шевелюрой и очень высокий. Я с моими полтора метра роста почувствовала себя неуютно. «Как Эльбрус, как Монблан, возвышается наш декан», – написал потом кто-то из наших острословов.

Но Олег Владимирович Шайтанов сразу расположил к себе, пообещав освободить меня от преподавания русского языка, которое мне грозило и было очень нежелательно, и перевести на кафедру литературы, которой заведовал Г.И. Лебедев. Так с благословения декана началась моя жизнь в Вологодском педагогическом институте.

Поскольку мне пришлось читать зарубежную литературу-

ру, к чему я в общем-то не готовилась, я решила послушать лекции Олега Владимировича и была покорена их логикой, стройностью, умением показать историческую обусловленность литературного процесса. После эссеистской свободы и даже некоторой хаотичности изложения материала, которыми грешили саратовские профессора, учившие меня в университете, такая строгость композиции казалась мне недостижимой.

На первых порах обязательное посещение моих лекций деканом было для меня сущей мукой. В его присутствии мне казалось, что я говорю не то и не так, как нужно. Но Олег Владимирович был снисходителен к начинающему преподавателю.

Студенты уважали Олега Владимировича за интересные лекции, которые служили в те времена почти единственным источником знаний, потому что в связи с абсурдной борьбой против космополитизма из библиотек были изъяты все учебники и исследования по зарубежной литературе. Живое слово преподавателя, эрудированного, увлечённого своим предметом, намного легче воспринималось молодыми людьми, чем нудные учёные сочинения. Олег Владимирович отлично знал историю, обладал незаурядной памятью. Доказательством этому может служить ставшая легендарной лёгкость, с которой он мог без запинки перечислить все пятьдесят американских штатов. Знание французского языка помогало ему преподавать французскую литературу на факультете иностранных языков, где студенты под его началом знакомились с произведениями в оригинале.

Знание текста всегда было его главным требованием на экзаменах, и студенты в течение семестра поглощали тысячи страниц романов, пьес и поэм. В библиотеках не всегда хватало книг. По этому поводу в факультетской стенгазете появилось такое моё стихотворение:

*«Пуритане» и «Орас»
Избегают, видно, нас.
Слышим мы всегда в ответ:*

*«На руках», «На месте нет».
Почему их нет на месте?
И притом обоих вместе?
Ведь Орас не англичанин
И совсем не пуританин.
Разыскать же пуритан
Приказал нам сам декан,
И декана, как и нас,
Беспокоит, где Орас,
Вот досталась нам забота
От Жорж Санд и Вальтер Скотта!*

Примечательно, что из произведений этих авторов Олег Владимирович выбрал наиболее серьезные – не каких-нибудь там «Консуэло» или «Квентина Дорварда», а «Ораса», развенчивающего романтический индивидуализм в свете революционных событий во Франции, и «Пуритан», где В. Скотт объясняет, почему пуритане выступили против восстановленной династии Стюартов, и пытается разрешить проблему революции. Переплетение истории и литературы помогало студентам окунуться в отдалённые эпохи, способствовало приобретению широкого кругозора.

Авторитет О.В. Шайтанова как декана и преподавателя был непререкаем. Под эгидой такого декана на факультете царил доброжелательная деловая атмосфера, никаких конфликтов между кафедрами и отдельными работниками не было. Все проблемы решались легко и просто. Преподавателям намного облегчала работу стабильность расписания, которое составлял сам декан, ведь никаких замов у него тогда не было. Особо следует сказать о расписании занятий во время заочной сессии. Составить это расписание, чтобы нигде ничего не сталкивалось и не пересекалось, было невероятно трудно. Олег Владимирович пропадал на несколько дней и в уединении колдовал над необъятными «простынями» расписания, раскладывая по ним преподавателей с их предметами, как карты в пасьянсе.

Под строгой внешностью декана в Олеге Владимировиче обнаруживался вполне земной человек, идеалом которого

был Кола Брюньон, его он сам назвал когда-то своим другом. В образовавшейся дружеской компании из приезжих преподавателей Олег Владимирович умел блеснуть хлесткой эпиграммой, мог принять участие в комическом «Танце маленьких лебедей» в «балетной» пачке из газет, с успехом участвовал в литературных играх и шарадах, которые скрашивали наши праздничные застолья в отсутствие ещё не появившегося телевизора.

Ко всему надо добавить, что он был заботливым мужем, брал на себя значительную часть домашней работы и трогательно ухаживал за своей женой Музой Васильевной, которая, к сожалению, часто болела. Постоянной любовью его оставались книги. Он читал и перечитывал их до последних дней жизни. Так и вижу его сидящим в кресле, а в руках – очередной том кого-то из его любимых французов или польского писателя Генриха Сенкевича.

2008 г.

К истории кафедры литературы ВГПИ

Кафедра пополнялась новыми членами. В 1963 году из Архангельска приехал доцент Пётр Леонович Артюхов, в конце 60-х – один из представителей славной фамилии, доцент Евгений Евгеньевич Соллертинский. Из Кемерова переебрались в Вологду супруги доценты Клавдия Алексеевна Шилова и Анатолий Михайлович Микешин. Это было в середине 70-х годов, а пятью годами раньше – Юлия Викторовна Бабичева из Иванова, через год защитившая докторскую диссертацию. У каждого из них уже было своё имя в литературоведении. Из Череповца была приглашена специалист по зарубежной литературе Ирина Константиновна Канунникова.

Пополнили коллектив кафедры недавние аспиранты Сергей Юрьевич Баранов, Александра Ивановна Королёнок, Людмила Михайловна Аринина. Работали на кафедре и выпускники факультета: Маргарита Александровна Вавилова и Владимир Константинович Пудожгорский, тоже «осте-

пенившиеся», а также Галина Владимировна Цинман, один из лучших учителей города, которой была поручена методика преподавания литературы. Незадолго до своей кончины заведующий кафедрой принял на работу Виктора Николаевича Баракова, заняли свои места на кафедре и аспиранты более позднего выпуска – Ольга Юрьевна Неволина и Татьяна Васильевна Рожкова.

К 1991 году на кафедре было уже три профессора: В.В. Гура (защитил докторскую диссертацию в 1968 году), Ю.В. Бабичева (защитилась в 1971 г.), А.М. Микешин (защитился в 1991 г.).

Аспирантура при кафедре открылась в 1974 году. Аспирантами руководили В.В. Гура и Ю.В. Бабичева. Аспирантуру закончили одиннадцать человек: Т. Загвоздкина, А. Пехтерев, А. Королёнок, С. Баранов, И. Смольнякова, Т. Рожкова, О. Страшкова, Л. Аринина, Л. Бронская, О. Неволина, С. Яковченко.

На протяжении многих лет кафедра вела большую работу по изучению устного народного творчества Вологодского края. Ещё в 1957 году Валентина Германовна Блок создала первый фольклорный кружок, а с 1959 года началась систематическая работа, в которой участвовали студенты Виктор Коротаяев (впоследствии известный поэт), Валерий Крюков (ныне – директор образцовой школы в г. Иваново), М. Локец, Л. Удисман (Аринина, ныне доцент кафедры), Валентин Гостинцев, впоследствии проректор института, и многие другие. В ходе работы были обследованы Тотемский, Великоустюгский, Усть-Алексеевский, Верховажский, частично Никольский, Тарногский, Бабаевский, Устюженский, Вытегорский районы. Участники экспедиций записали образцы многих фольклорных жанров, которые к тому времени перестали уже бытовать в южных и центральных областях России.

С 1962 года был организован ряд экспедиций: «По следам братьев Соколовых» (1962–1965 гг.), «По следам М.Б. Едемского» (с 1964 г.), «По следам А.Н. Радищева» (1967 г.).

Работа велась совместно со студентами Новгородского пединститута и сектором фольклора Института русской литературы Академии наук, так называемого Пушкинского Дома. В результате в 1968 году вышел в свет сборник научных студенческих работ. Ещё раньше, в 1962 году, был завершён первый коллективный труд кафедры – издан сборник «Сказки, песни, частушки, загадки Вологодского края». К этому времени уже увидели свет четыре тома «Учёных записок кафедры» (1950, 1953, 1956 и 1958 гг.). Впоследствии научная деятельность членов кафедры нашла своё отражение в ряде сборников и других изданий: «Проблемы реализма» (1966 г.), «Батюшков и Куприн» (1966 г.), «Вопросы жанра и стиля» (1967 г.), «Проблемы реализма в русской и зарубежной литературах. Метод и мастерство» (1969 г.), «Метод и мастерство» (ещё 2 выпуска в 1970 и 1971 гг.), «Проблемы реализма» (вып. I–VII, 1975–1980 гг.), «Практические занятия по теории и истории русской литературы. Учебное пособие для пединститутов» (М.: Просвещение, 1978 г.), «Жанрово-композиционное своеобразие реалистического повествования» (1982 г.) и др.

Когда Северо-Западное книжное издательство начало выпускать новую книжную серию «Русский Север», В.В. Гура и Ю.В. Бабичева приняли участие в издании ряда книг как составители, редакторы и авторы вступительных статей. В различных издательствах вышли монографии членов кафедры: В. Гура и Ф. Абрамов. Шолохов. Семинарий (1962 г.); В. Гура. Роман и революция (1973 г.); В. Гура. Как создавался «Тихий Дон» (1980 г.); В. Гура. Времени соединенье (1985 г.); О. Шайтанов. Ромен Роллан (1960 г.); Ю. Бабичева. Драматургия Леонида Андреева эпохи первой русской революции (1971 г.); А. Микешин. Романтическая поэма XX века (1991 г.) и др.

Первая межвузовская конференция «Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе» прошла в Вологде в 1965 году, затем последовали конференции в 1966, 1969, 1976 годах. В 1978 году были проведены «Чтения по истории

и культуре Древней Руси». В них принял участие академик Д. С. Лихачёв. Последняя конференция – «Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы» – состоялась 14–18 сентября 1989 года.

Во всех этих конференциях участвовали видные учёные нашей страны, тогда ещё – Советского Союза. Вот имена некоторых из них: член-корреспондент Академии наук В. Щербина, профессора из Москвы и Ленинграда А.С. Бушмин, У.Р. Фохт, Э.В. Померанцева, Б.Ф. Егоров, Б.И. Бурсов, Я.С. Билинкис, Н.Н. Скатов, Ю.А. Андреев, Е.В. Белая, Ю.В. Ковалёв, З.С. Паперный, Н.П. Михальская, Б.И. Пуришев. Из других городов приняли участие А.М. Абрамов (Воронеж), П.В. Куприяновский (Иваново), Е.И. Покусаев и Т.М. Акимова (Саратов), В.П. Скобелев (Самара). Перечень можно было бы значительно увеличить.

Члены кафедры выступали в качестве рецензентов и оппонентов на защитах кандидатских и докторских диссертаций, участвовали в различных конференциях и совещаниях, принимали участие в проведении Дня славянской письменности, 200-летия К.Н. Батюшкова. В.В. Гура был членом совета по критике Союза писателей СССР.

Кафедра и факультет в целом поддерживали связи с писателями и оказали заметное влияние на становление и развитие областной писательской организации. Ещё на заре существования Вологодского пединститута писатель Иван Евдокимов читал здесь лекции по истории искусства. Спецкурс по Пушкину вёл известный пушкинист В.А. Гроссман. Работал на факультете член ССП критик В.С. Бакинский. В гостях у студентов бывали С. Серафимович, А. Яшин, К. Коничев, С. Орлов, С. Марков, В. Боков, В. Белов, О. Фокина, В. Астафьев. Экзамены по литературе и русскому языку сдавал в институте в своё время А.Я. Попов (А. Яшин). В 1950 году окончил этот институт В. Дементьев, ставший затем литературным критиком, а год спустя – поэт С. Викулов. Ещё через год институт окончили А. Романов и Ю. Герт, в 1963 году – В. Коротаев. Писателями стали выпускники института Л. Фролов, В. Оботуров, журналистами

А. Кибардина, А. Шорохов, Н. Орлова, Ю. Богатурия.

В.В. Гура, который в первые годы работы в Вологде вёл литературно-творческий кружок на факультете, стал одним из основателей Вологодского отделения Союза писателей, а впоследствии по поручению Союза писателей СССР руководил всесоюзными семинарами молодых критиков.

Большую работу проводила кафедра с учителями города и области. В 1968 году начал действовать лекторий для учителей. Лекции читали Г.В. Цинман, П.Л. Артюхов, Г.И. Лебедев, Т.А. Беседина, Е.Е. Соллертинский, О.В. Шайтанов, И.В. Гура и В.В. Гура. Для общеобразовательной школы были подготовлены различные научно-методические пособия. Несколько изданий выдержала книга «Выставка в школе «М. Шолохов»», выпущенная издательством «Детская литература» (автор – В.В. Гура). Под редакцией В.В. Гуры в Москве вышел сборник «Шолохов в школе».

1993 г.

«Стихи мои, свидетели живые...»

Наедине с компьютером

Сегодня 24 августа 2007 года. Решила осваивать компьютер, перепечатывая свои стихи. Пытаюсь овладеть Wordом, но, наверное, многое забыла из того, чему учил меня Саша. Вот хотела сделать абзац, но никаких стрелок слева не нашла. Попытаюсь изменить шрифт. Почему-то, когда я писала дату, выскочила эта дата курсивом и надо было что-то сделать. Но я ничего не сделала, потому что не знала, как это делается.

Кое-как вернулась к старому шрифту.

Забавный человечек справа корчит всякие рожи и удивлённо поднимает брови, если я замешкаюсь. С ним как-то веселее. А сейчас я куда-то не туда попала, и он левой ручкой чешет голову... Смешной!

Последние 4 строчки – результат моих манипуляций с намерением разбить строчки. А теперь две последние строчки я сблизила, как было сначала.

Мой друг моргает глазами и ждёт продолжения. Постараюсь отменить какую-нибудь ерунду... Отменилось «Ехал грека через реку», но появились жирные точки после каждого слова. Кликнула на загогулину, и они исчезли. Наверное, началась новая страница, а я этого не поняла. Почему-то конец предыдущего текста попал на неё. Что с ним делать? И мой гномик не знает, только глазами хлопает. Теперь начал чесать затылок. А нет бы помочь!

Ну пока, наверное, хватит. Теперь надо сохранить. Это третья картинка слева. Попробую. И ещё как-то надо выйти!

Но ведь я писала, что примитивным способом убрала «Греку», который залез не на ту страницу. Почему-то эта запись не сохранилась. Не знаю, как исправить ошибку вот там, выше. Можно, конечно, убрать и написать снова, но ведь есть какой-то другой способ.

Мой помощник молчит. Он терпеливо за всем наблюда-

ет, а когда я кончаю работать, садится на велосипед и уезжает. Ему и горя мало!

Избранное

Стихи я начала писать, наверное, лет с тринадцати, не все они сохранились, но некоторые из них любопытны как отражение времени, моих настроений и переживаний.

Из юношеских стихотворений

Белая ночь

*Белая ночь. Голубая даль.
Тихо нисходит на землю печаль.
Вздыхает Нева. Всплески волны...
Белою ночью все звуки полны.
Ночь ленинградская, белая ночь,
Сон ты от глаз прогоняешь прочь.
Рисуешь на небе ты крепость Петра
И с днями сливаешь свои вечера.
Одета таинственной белою мглой,
Не хочешь ты знать, что такое покой,
Тревожишь людей, не даёшь им уснуть,
Не можешь позволить им веки сомкнуть,
Заставила всех любоваться собой,
Своею чарующей белой красой.
Туманная даль и зовёт, и манит...
Но вот уж заря, как румянец ланит,
Встаёт над землёю, гоня ночи тень,
И вновь просыпается радостный день.*

21 октября 1938
г. Владимир

Танго

*Звуки чаруют,
Звуки волнуют,
Звуки уносят вдаль,
Скрипки тоскуют,*

*Пары танцуют,
Плачет о чём-то рояль.
Танго уносит,
Нежности просит,
Просит забвенья от грёз...
Взгляд только бросит,
Снова уносит
В вихре улыбок и слёз.
Мы расстаёмся...
Снова сойдёмся ль,
Друг мой, увидимся ль вновь?
Или порвётся,
В жизни сотрётся
Первая наша любовь?..*

22 октября 1938 г. Владимир

Как хорошо, что в русском языке так много отлично рифмующихся слов: «грёзы», «слёзы», «розы». Их можно вставлять в любые стихи для придания романтического колорита. Можно ещё «мимозы», но это я ни разу не использовала, чуждаясь экзотики, оставаясь в пределах нашего климата и романсовых клише. Есть ещё «морозы», но это уже для реалистических пейзажей. Для таких, например, как следующее стихотворение.

Осень

*Уж вставлены рамы двойные,
Уж холодом тянет с реки,
И, осени вестники злые,
С деревьев летят лепестки.
В лесу на шуршащих тропинках
Не бродит уж луч золотой.
Обмыты сухие травинки
Дрожащей алмазной росой.
И, падая, листья кружатся
Над мёрзлой и голой землёй
И, всё покрывая, ложатся*

*Своей золотой пеленой.
А утром, осенним и звонким,
Канавы и лужи кругом
Покрыты хрустящим и тонким,
Но прочным и крепким ледком.*

1938 г. Владимир

Осенний туман

*Осенний туман расплзается,
Над городом низко навис.
Всё мглою его покрывается,
Всё тянется вниз.
Во все уголки забирается,
Урюмо повис над Невой,
И каждый пролёт наполняется
Его синевой.
Туман прорезая, сверкают
Яркие фары машин.
И тускло сквозь дымку блистают
Окна витрин.*

31 октября 1938 г. Владимир

Да, Ленинград меня не отпускал...

«No pasaran»

*Помнишь ты железную дорогу?
Поезд мчался сквозь туман, мороз.
Жутко становилось мне немного,
Как гудел при встречах паровоз.
Мы с тобой, Мадрид оставив сзади,
Уезжали зимней ночью вдаль,
И в твоём грустившем молча взгляде
Я читал и веру, и печаль.
Сзади рвались с грохотом шрапнели,
Умирал под пулями народ.
Люди днями, сутками не ели,
Но всё так же двигались вперёд.
Смерть с лица улыбок не скосила,*

*Не убил надежды пуль свинец,
С гордостью Испания носила
Веры в счастье лавровый венец!
Каталонию, Валенсию, Гренаду,
Арагону Франко не убить!
Пусть он в злобе сыплет бомбы градом,
Но народ испанский будет жить!
Велика народной воли сила,
Не умрёт, как человек, от ран!..
Ты в окно кому-то погрозила,
Горячо сказав: «No pasaran!»*

10 марта 1939 г.

Это стихотворение было написано для школьного литературного журнала. Мы все тогда горячо переживали события в Испании и повторяли испанский лозунг «Они не пройдут!» И я думаю, редакция журнала не обратила внимания на такие мелочи, как несовместимые Мадрид и мороз. Далеко надо было уехать от Испании, чтобы «мчаться сквозь мороз»!

Без названия

Дорогой тёте Лене
посвящаю
эти строчки, написанные
под влиянием её стихов.

*Сентябрьских глаз твоих холодный взгляд,
Осенний вечер, листьев позолота,
И этот старый опустевший сад –
Во всём жестокое, невидимое что-то.
А ветер песнь прощальную поёт
И лету, и любви, и этой встрече,
Дорожки сада как метлой метёт,
Шумя листвою, сжимая дрожью плечи.*

Лето 1940 г. На даче в Звенигороде

Хотелось написать, помню, что-то очень декадентское, грустное, таинственное, недоговорённое. Все штампы подобной поэзии оказались налицо.

Вечер

*С пожелтевших клавиш плачущей рояли
Из-под быстрых пальцев, тонких и проворных,
Звуки вальса плыли, таяли, дрожали,
Рвались чрез окошко в даль полей просторных.
Летний день бледнеет, наступает вечер,
Бродит белой дымкой по полям туман,
И в окно распахнутое бросил свежий ветер
Из садов цветущих нам в лицо дурман.
Грустно плачут в сумерках клавиши рояля,
Бродит белой дымкой по полям туман...
Не забыть тот вечер, не забыть печали,
Не забыть и счастья опьяняющий дурман.*

Это стихотворение было написано 27 марта 1941 года, следующее – в апреле, а за ним – 7 мая с такой припиской: «Уже 7 мая, через 10 дней начнутся испытания, а на улице такой холод, что идёт снег, такой ветер, что под его вой я бы с удовольствием заснула, как под колыбельную песню, и такая грязь, что внизу, у Поцелуева мостика, можно утонуть в ней. Погода портит всё настроение. А так вообще всё нормально. Тьфу-тьфу, не сглазить».

На этом кончается довоенный период моего творчества, как пишут в литературоведческих исследованиях. Следующее стихотворение помечено ноябрём 1941 года. Но грозные военные события там не отразились. Оно опять о любви.

Стоит ли продолжать? Интересно было вспомнить, какая я была школьница, и все несуразности той «поэзии» можно было объяснить молодостью, малограмотностью, отсутствием вкуса, более или менее простительными в юном возрасте. А потом? Достаточно сказать, что в студенческие годы я набралась нахальства показать какие-то свои опусы самому Григорию Александровичу Гуковскому, который был для нас настоящим богом. И выслушала приговор: «Это – не стихи». Этим всё сказано.

Поздравительные вирши

В последние годы я в основном писала стихотворные поздравления. Они ни на что не претендуют, есть среди них довольно забавные. Это не стихи, это вирши. Всякие поздравления и «сопроводилочки» к подаркам, кое-что написано давно, кое-что недавно. Иных уж нет, как Тамары Бесединой, Вари Дворецкой, Олега Владимировича, Геннадия Ивановича, Анатолия Михайловича, Саши Суконцева, К.В. Некрасова, Н.П. Антипова, Н.М. Лукашевич, Романа Бобровского, Леонида Мартынова... Другие, слава богу, здравствуют и могут послужить новыми адресатами моих шуточных стихов, пока я сама ещё жива.

Как известно, долго бессменным деканом нашего факультета был **Олег Владимирович Шайтанов**. В 1964 году Олегу Владимировичу исполнилось 50 лет. Мой отклик:

*Вы слышали, что люди говорят?
Шайтанову сегодня пятьдесят!
Не может быть! Всё врут календари!
Он молод, как и прежде, посмотри:
Чуть побелела, правда, шевелюра,
Но стройность не утратила фигура,
Всё так же весел и приветлив взгляд,
Когда он утром входит в деканат,
Горит к своим французам прежней страстью,
Владеет с лёгкостью своей деканской властью.*

К какой-то дате мы подарили Олегу Владимировичу настольные часы, присовокупив при этом следующее:

*Мы дарим Вам сии часы
Конечно, только для красоты.
Желаем жить да поживать
Так, чтоб часов не наблюдать.
Чтоб груз годов Вам не нести,
Чтоб счёт минутам не вести,
Чтоб жизнь всегда была полна,*

Как чарка доброго вина,
Чтоб жил в Вас крепкий галльский дух,
Чтоб прежний юмор не потух
И чтобы впредь, как много лет,
Вели бы Вы наш факультет.
Вот на этом банкете, на этом балу
Воздадим мы сегодня декану хвалу,
Потому что давно и успешно декан
Нас ведёт, как корабль свой ведёт капитан.
И ни крена, ни течи корабль не даёт,
Потому что его сам Шайтанов ведёт!

Дальше, начиная с 1980 года, идёт целая серия поздравлений **Музе Васильевне Шайтановой**. Наверное, были и более ранние «сочинения», но не сохранились.

На 30 апреля 1980 года

Дорогая Музочка! В этот день рождения
Мы тебе приносим наши поздравления.
В этот день весенний шлём тебе мы вновь
Наши неизменные нежность и любовь!
Будь здорова, Музочка, смейся, не грусти,
Пусть к тебе все добрые сходятся пути.
И пускай сегодня и на много лет
Над тобой струится солнца яркий свет.
Годы не помеха счастью и любви.
Пусть тебя лелеют близкие твои,
Не коснётся сердца никакая тень
И пускай счастливым будет каждый день.

Музе Шайтановой в день юбилея 30 апреля 2000 г.

Сегодня ради юбилея
Не будем вовсе лить елея,
А скажем честно и правдиво,
Что Муза – это просто диво.
Была когда-то наша Муза

Краса Советского Союза.
Сегодня, в новой ситуации –
Краса Российской Федерации.
Пусть усталость за плечами,
Пусть порой не спит ночами,
Но ведь откуда что берётся –
Всё Музе сделать удаётся.
Пусть же впредь на долги годы
Обходят Музу все невзгоды,
Пусть всеблагое Провиденье
Ей ниспошлет выздоровленье,
Пусть избавит от давленья
За стойкость, волю и терпенье,
И пусть покой ей будет ведам
В любви, в согласии с Олегом!

Теперь уже кстати давнее стихотворение **Игрю Шайтанову** по случаю защиты им кандидатской диссертации. Давно уже он доктор наук, но тогда это было событие и мы подарили ему красивый альбом французской живописи. Его содержание очень помогло придумать стихотворное поздравление. Вот оно:

Самостоятельный, остепенённый,
На кандидатскую ступеньку вознесённый,
Ты не утратишь трепетного чувства
Пред вечными шедеврами искусства.
И пусть теперь тебя порадуют вдвойне
Похожие и разные Ма(о)не,
Пусть льёт в тебя художник Ренуар
Свой нежный, но и пламенный пожар,
Пусть одарит тебя Альбер Марке
Спокойной ясностью, что он нашёл в реке.
Ты можешь позаимствовать немного
От пестроты безумного Ван-Гога,
С гогеновской «Женою короля»
Сбирать плоды отправишься, шаля.
Цветы Матисса, персики Сезанна

Вкушай самозабвенно, невозбранно,
Войди, как равный, в «Завтрак на траве» –
Причудливый убор на голове,
А рядом, тут не допусти промашки, –
Прелестные французские мордашки.
С Сезанном, Ренуаром и Гогеном,
Матиссом, Пикассо и Ван Донгеном,
Ван-Гогом и Мане, то бишь Моне
Ты вкусишь жизнь прекрасную вполне!

22 января 1976 года на 70-летний юбилей **Геннадия Ивановича Лебедева** я сочинила поздравление:

Сказать желая Вам о многом,
Поздравить, счастья пожелать,
Державина высоким слогом
Решили Вам хвалу воздать.
Ведь больше трёх десятков лет
Вы здесь трудились неустанно.
Без Ваших лекций факультет
Представить нам довольно странно.
Без Вас не знали бы студенты,
Что значит дактиль и хорей,
Баллады, рондо и сонеты
И прочих множество вещей.
Без Вас постичь бы не сумели,
Как Ломоносов славил мир
И как клеймил дворян злонравных
Поэт учёный Кантемир.
Без Вас бы муза Мельпомена
Не осенила наши стены
И не зажгла бы факел свой
Любовь «Любови Яровой».
И средь научных всех занятий
И драматических затей
Вы воспитать сумели кстати
Прекрасных пятерых детей.
Из Ваших судим мы поступков,
Что Вы нисколько не горды,

Любезны и в делах, и в шутках,
Приятны в дружбе и тверды.
Так пусть же Вас судьба хранит
От всех болезней, зол и скуки,
Пусть дом Ваш счастье осенит,
И пусть Вас тешат Ваши внуки!

Надежде Михайловне Лукашевич

Вам семьдесят? Что это за года?!
В сравнении с вечностью, конечно, ерунда!
И каждый из семидесяти лет
Не старый и седой ворчливый дед.
Нет, он имеет, скажем для примера,
Совсем невинный возраст пионера.
Вот эти семьдесят – не дедов, а ребят! –
Шумливый, жизнерадостный отряд,
И составляют семь десятков лет,
Прожитых средь трудов и средь побед,
Средь радостей, творимых для других,
Среди друзей, улыбок молодых!
Конечно, в этой радости живой
Пребудете Вы вечно молодой!

Варваре Ивановне Дворецкой

Хоть Вы и прожили здесь десять лет подряд,
Пред Вами призраком маячил Ленинград.
О степени любви к нему я говорить не стану –
Она известна лучше всех декану.
Но думаю, в душе оставят след
И вологодских десять лет...
Наверно, ленинградской белой ночью
Вы этот старый дом увидите воочью,
И сразу же тогда предстанут взору
Все квартиранты коридора.
Вот мчится Рита, ужасом объята:
Вчера сорвалась встреча с депутатом!
Где Гольдина жила, та комната пустая –
Хозяйка далеко в горах Алтая.

Тамара – вечно занята, в делах не видит света:
Хозяйство, лекции, муж, дочка и газета.
А вот и муж – он тут как тут –
И изрыгает вновь хулу на институт.
Вот здесь Вы не удержитесь от вздоха:
Не всё ведь в институте так уж плохо!
Бывали и приятные моменты –
Хотя бы отношение студентов
И даже те безумные авралы,
Что подготовкой к смотру называли,
К концу которых даже тот, кто к ним привык,
И то уж плёлся, высунув язык.
Шутя готовились, а спорили всерьёз
И часто доводили Вас до слёз,
Когда вступал в особенности в спор
Физматчиков разноголосый хор.
До обморока довести могла одна
Взъярённая Наташа Ногина...
Но мимо эти мрачные картины!
Вот перед взором мысленным равнины,
Дороги сельские, озёра и леса.
Кресты монастырей уходят в небеса...
Ну есть ли старина такая где-нибудь?
Что из того, что к ней ведёт тернистый путь?
И если даже, скажем между нами,
На том пути пришлось сидеть Вам в яме?
И если Вас до утренней поры
Едва живьём не съели комары?..
Итак, Вас в Ленинград ведёт дорога.
Мы Вам хорошего желаем очень много!
Не забывайте же, как, горечь затая,
Вас провожали в Ленинград друзья!

Два момента требуют пояснений. Во-первых, Варя часто ездила в Ленинград, и это создавало для деканата определённые проблемы с расписанием.

Во-вторых, поездка в Кирилловский монастырь, предпринятая тогда ещё начинающим водителем «москвича» Виктором, осложнилась тем, что машина съехала в кювет

и не могла из него выбраться, пока утром не подоспела помощь в виде деревенского трактора. Наша целомудренная Варенька очень переживала, что должна была провести ночь наедине с мужчиной. Вот каковы были нравы того времени!

Была у нас и другая беглянка – это наша дорогая подружка **Тамарочка Беседина**, или Томпсик, как прозвал её Виктор. Категоричная, принципиальная, жутко ответственная, стойко пережившая глубокую личную драму, она была замечательным верным другом. Задумав переехать в Ленинград и не имея там работы, она продолжала выполнять нагрузку на нашей кафедре, бывая в Вологде наездами.

Тамарочке Бесединой в день её ...-летия

*Ты, словно Фигаро, на зависть бедным нам,
Сегодня здесь, а завтра там.
Поэтому догнать тебя года,
Наверное, не смогут никогда.
Живи и впредь такой же жизнью бурной
На избранной стезе литературной.
Желаем впредь повсюду успевать –
Некрасовскую продвигать науку,
Воспитывать любя детей и внуков
И лекции о Чехове читать.*

Март 1978 г.

На 70-летие Т.А. Бесединой

*В день большого юбилея
Безо всякого еля,
Чувств сердечных не жалея,
Мы приветствуем тебя.
Наша дружба не стареет,
И значенья не имеет,
Что года бегут быстрее,
Мы живём, тебя любя.
В жизни трудной, но привычной,
Будь такой же энергичной
И все функции отлично,
Как и раньше, совмещай.*

В доме пусть тебя лелеют,
Холят, любят, не болеют,
Ну а если плохо греют,
К нам на Север приезжай!

Март 1988 г.

Так получилось, что в течение многих лет я не попадала на день рождения **Валентины Ивановны Веселовской**. Но несколько виршей, посвящённых ей, всё же нашлось. Они без дат, но их очерёдность Валя мне уже не поможет восстановить...

Сей скромный дар, что мы вручаем,
Пусть полнится не только чаем.
Пускай бы из посуды нашей
Пила ты счастье полной чашей.
Взамен же Васеньки-кота
Мы дарим пса... без живота.
И украшеньё, и отрада,
Кормить же век его не надо.
Старинный этот поставец
Для драгоценностей, колец,
Для кружев, лент и для тесьмы,
Румян, помады и сурьмы.
Здесь всё для женщины найдёшь:
Заколки, бусы, серьги, брошь...
Коль это будет не с руки,
Его используй для муки,
Орехов, круп или конфет,
И он прослужит много лет.
Лишь не швыряй его с горы!
Привет! Шайтановы, Гурьы.

А вот и юбилейный спич. 11 января 2007 года Вале исполнилось 85 лет.

Юбилей, юбилей!
За столом полно гостей!
И неважно ведь, что дата
Ну... чуть-чуть великовата.

*Вспомним старое присловье:
В жизни главное – здоровье.
Светлый ум, друзей участие.
Разве это всё не счастье?*

*Да, бывают и невзгоды.
Их виной во многом годы.
Но и радостей немало
Ты за жизнь свою узнала.*

*И сама дарила людям –
Мы об этом не забудем –
Столько знаний, столько света,
Столько... правил этикета!*

*Мы же вспомним в этот вечер
Про владимирские встречи,
Про друзей своих, про город,
Что по-прежнему нам дорог.
Что ж! Бокалы поднимаем
И от всей души желаем
Грузу лет не поддаваться
И почаще улыбаться.*

В 70-е годы на кафедре появились **Микешины**. Сначала сам Анатолий Михайлович, потом – Клавдия Алексеевна Шилова. Вскоре они получили квартиру, и мы на новоселье подарили им самовар с таким сопровождением:

*На новоселье – самовар,
Чтобы над ним струился пар,
Чтоб собирал по вечерам
Людей, всегда приятных вам,
Чтоб вы за ним вели беседы,
Как наши бабушки и деды,
И чтоб сегодня, как и впредь,
И нас он смог бы отогреть.*

Потом, конечно, последовали поздравления со всякими датами. Стихотворений, посвящённых **Анатолию Михайловичу**, сохранилось только два.

*На дворе уже апрель,
По утрам звенит капель,*

*И готовят нам субботы
Огородные работы.
Но пока в глубокий сон
Огород наш погружён,
Будем прелестью полны
Ранней северной весны.
Вытьём дружно и до дна
Виноградного вина,
Пожелаем имениннику,
Чтоб жизнь была полна,
Чтобы всем на удивленье
Не испытывал давленья
Ни на службе, ни в крови,
Жил в покое и любви.*

На 65-летие мы, видимо, подарили Анатолию Михайловичу бумажник и красивую записную книжку, как видно из нижеследующих стихов. Предыдущее стихотворение было написано 3 апреля 1994 года, а это – 3 апреля 1995 года. Через год Микешина не стало... Здоровья желали от всей души, но не помогло...

*Пусть прошла Олимпиада,
Горевать о том не надо.
В жизни главное условие –
Олимпийское здоровье.
Важно для его защиты,
Как бумажники набиты.
Потому желаю Вам,
Чтобы треснул он по швам,
Но от этой процедуры
Чтоб не выпали купюры.
А пока купюр не лишка,
Эта памятная книжка
Пусть напомнит для начала
Накопленья капитала,
Адреса и телефоны
Ваших близких и знакомых!*

Далее следует несколько виршей, посвящённых **Клавдии Алексеевне Шиловой**. Не рискую называть их стихами, потому что она, тонкий знаток поэзии, сказала мне, что я пишу рифмованную прозу. Её стихи, адресованные мне, гораздо поэтичнее. Но я и не претендую на звание поэта!

В 1997 году, уже будучи на пенсии, Клавдия Алексеевна на время вернулась на кафедру и устроила праздник по поводу получения первой зарплаты.

*Сегодня не праздник, не красная дата,
Нет, всё обстоит до банальности просто:
Сегодня получена Вами зарплата,
И это – событие, достойное тоста.
Презренный металл – не предмет для поэта,
Но это предмет для приятных покупок,
И в нашем застольи вспомнив про это,
Поднимем с шампанским искрящийся кубок!*

В 1999 году Клавдии Алексеевне исполнилось 70 лет. Вот стихотворное приветствие юбилярише:

*Ныне, богиня, воспой юбиляришу и нашу подругу.
Клавдия имя её, отец же звался Алексеем.
Матерь двоих сыновей: старший Миша,
а младший Андрюша.*

*Щедро природа благая талантом её одарила:
С кафедры долго она студентам науку толкала,
Всё облакая в слова, как Нестор сладкоголосый,
Яркий оставила след в головах этих дев тугоумных.
С юности сердцем приняв поэтической лиры звучанье,
Много статей написав, став уже кандидатом,
доцентом,*

*Кямбам, хорейам и рифмам она и сама приобщилась,
Радуя нас несказанно в дни праздников и юбилеев.
Внятен язык ей философа, экономиста,
Жадно она поглощает страницы любимой газеты,
Взгляд свой имея, отличный от авторов тех
многоумных.*

*Верная милой отчизне, продукты она выбирает
Только без импортных ярких обложек или наклёек.*

*Мил ей продукт вологодского мясо- и молкомбината,
Масло Никольска и Тотьмы «Раме» предпочитает.
Пусть сохраняют её боги на радость друзьям и потомкам,
Пусть за столом этим чаще она их в кружок собирает,
Пусть теплотой и заботой Клавдию балуют дети
И да продлятся подольше дни её благополезны.*

Вот найденная Виктором в Москве жительница Иваново **Юлия Викторовна Бабичева**. Она уже давно живёт в Вологде в выхлопотанной ей квартире. Защитила докторскую диссертацию, и мы идём её поздравлять с подарком (что-то фарфоровое) и стихами:

*Пусть докторская мантия на худеньких плечах,
Пусть доказали Вы – в науке Вы ретивы,
Но всё же тайно, ночью, при свечах
Читать Вы будете, как прежде, детективы!*
*Себя одеть не стоит Вам труда,
Поскольку Вам давно подвластны спицы,
Но может Вас украсить иногда
Изделье вологодской кружевницы.
Вы всё же женищина, хоть дрались, как боец,
Сражались храбро, как на поле битвы!
Услышав наши общие молитвы,
Бог ниспослал блистательный конец:
Аудитория за Вас голосовала,
И больше доктором одним на свете стало!*

В конце 2010 года **Гурию Васильевичу Судакову** исполнилось 70 лет. По случаю его юбилея и выхода его книги «История русского слова» я сочинила вирши, которые и привожу, хотя без объяснений не всё будет понятно.

*Конечно, это уж не ново,
То, что в начале было СЛОВО,
Но вряд ли знал тогда хоть кто-нибудь,
Какой для слова уготован путь.
Профессор Гурий Судаков
Проник за словом в глубь веков*

И объяснил в одной из книг,
Что значит слово холодник,
Что значит летник, подзатыльник,
И что такое крашенинник,
Наушник, манька, плетеницы,
Кто мог рядиться в распашницы,
Чем наполнилась тогда мошня,
Хамьян, козушка иль козица,
И почему когда-то люди
Частенько сиживали в блюде
И запивали туняядцев
Кваском, перебродившим в кадцах.
Теперь припомнит лишь знаток,
Что был ширинкою платок...
Так говорили наши деды,
Ведя неспешные беседы,
И завещали нам беречь
Родную речь!

Примечания: *холодник* – летняя женская одежда из холста; *летник* – женская верхняя холодная одежда; *подзатыльник* – задок кокошника в виде широких сборок, покрывающих затылок; *наушник* – головной убор типа подшлемника; *манька* – муфта; *плетеницы* – вязаные рукавицы; *распашница* – женская верхняя одежда с подкладкой и пуговицами; *мошня* – мешочек для денег с замочком или завязками; *хамьян* – мешочек для денег, чаще кожаный, который носили на шее или на поясе; *козица*, или *козушка* – кожаный мешочек для денег; *сидеть в блюде* – сидеть за столом около одного блюда; *туняядцы* – печенье с корицей и миндалём; *кадца* – кадка.

Несколько лет председателем государственной экзаменационной комиссии на факультете был замечательный человек, профессор кафедры русского языка Череповецкого пединститута **Леонард Яковлевич Маловицкий**. Ему исполнилось 50 лет, и мы его поздравили.

*В Череповце готовят гимн для Вас,
Там пишут оды, складывают стансы,*

*А мы в любви признаемся сейчас
Старинным слогом русского романса.
Вы лучший в мире председатель ГЭК –
Сказать об этом можем повсеместно,
А уж какой Вы славный человек,
То это нам доподлинно известно.
Мы любим Вас за Вашу доброту,
Мы ценим ум Ваш, тонкий и глубокий,
Он покорила науки высоту
В довольно ограниченные сроки.
Проминализацией Вы
Почти единолично овладели
И вот уж, не жалея головы,
С спецкурсом в Самарканд Вы полетели...*

Конец где-то затерялся.

20 марта 2009 года исполнилось 60 лет **Тане Парменовой**, я была на юбилее бывшей любимой студентки. Сочинила стихи:

*Ах Таня, Таня, Танечка!
С ней случай был такой:
Кончала наша Танечка
Госпед наш городской.
Аспирантура, кафедра, обычные дела,
А между ними Танечка двух дочек родила.
Любовь, семья, призвание,
Но что-то манит вдаль.
И с Вологдой расстаться ей
Совсем-совсем не жаль.
И вот – дорога дальняя, германский институт.
Конечно, наша Танечка себя нашла и тут.
Но у судьбы превратности
И тонкости свои.
И снова наша Танечка
В родном ВГПИ.
Но Гейдельберг прославленный покоя не даёт.*

*И вновь она в Германии, и вновь преподаёт.
Потом судьба подобросила
Для Танечки внучат.
За делом не заметила,
Как стало шестьдесят.
Теперь маршруты новые и новые дела.
Но всё же наша Танечка такая, как была.
Умна, добра, приветлива,
Открытая душа,
И всем-то наша Танечка,
Как прежде, хороша.
Здоровья ей и счастья ей на долгие года!
И пусть сидит на месте хотя бы иногда!*

Среди аспирантов нашей кафедры самой замечательной была **Ольга Страшкова**. Вот уж более тридцати лет она остаётся не просто другом, а по-настоящему близким мне человеком. Всегда, при первой возможности, приезжает в Вологду, и это для нас настоящий праздник: пируем, поём романсы, вспоминаем моего Витю и Витю Лебедева вместе с Танечкой Лебедевой, которая все эти годы дружит с Олей и принимает её в своём гостеприимном доме.

В 1978 году Ольга защитила кандидатскую, о чём свидетельствуют приводимые ниже стихи, а вчера, 26 сентября 2006 года, – докторскую. Вот что я писала 4 октября 1978 года:

*Среди пристрастий, мнений, вкусов,
Средь споров, бушевавших встарь,
Поднялся вождь – Валерий Брюсов,
«Как некий равный государь».
Но он не знал, творя в раздолье,
Того, чему свидетель я, –
Взрастёт в просторах Ставрополя
Его строжайший судия.
И, разобравши строго драмы,
Все замыслы наперечёт,
Сия сиятельная дама
Свой приговор произнесёт.*

И станет ясно всем на свете,
И удивится целый свет,
Что драматург возрос в поэте
И без него театра нет.
Участье наше пусть витает
Над ней в защиты трудный час,
Пусть в Ставрополе вспоминает
Она не без печали нас.
А мы запомним голос низкий,
Души и сердца скрытый жар,
Скупую милую улыбку,
Волос сияющих пожар.
Средь кафедрального застолья,
Коль профбюро нас соберёт,
Не раз мы вспомним нашу Олю,
И пусть она о нас взгрустнёт.

Танечка Рожкова – это уже следующее поколение аспирантов. Витина аспирантка, не успевшая защититься при его жизни, она очень подружилась со мной и всегда охотно помогает мне во всём. Когда ей исполнилось 40 лет, я подарила ей в память о Викторе то зеркало, которое он вывез из Манчжурии во время войны.

Подарок прибыл издалёка,
На нём загадочность Востока.
И средь японских украшений
На нём следы былых сражений.
Быть может, в нём под дымкой тонкой
Ещё живёт душа японки,
Но усладить он будет взоры
Теперь твои, дитя Печоры.
И пусть средь новых отражений
Не будет прошлых огорчений.
Как жизнь бы ни была крута,
Пусть в нём сияет красота.
Живи же, вечно молодея,
Подобно Дориану Грейю!

14 июня 2001 г.

Танечке Лебедевой исполнилось 50. Появилось стихотворное поздравление.

*И снова май! Разбужена природа,
На всём лежит её весенний свет.
Мы любим май всё больше год от года,
Хоть он и не свободен от примет.
Не верь приметам, это всё напрасно!
Надежду дарит нам цветущий май,
Его дары, что, как всегда, прекрасны,
Обеими руками собирай.
Надежда, вера и любовь, конечно,
Пусть красят жизнь среди дневных забот.
С друзьями, с их поддержкою сердечной
Пройдёт ещё один грядущий год.
И снова будет май с прозрачными ночами,
В которых тополиный аромат,
С черёмуховым цветом, без печали
О том, чего не возвратит назад.
Что за беда, что минуло полвека?
Другая половина – впереди.
С надеждою, присущей человеку,
Ты по дороге жизненной иди.
Пускай отступит мрачное ненастье
И пусть, мой друг, тебя согреет вновь
Весенний свет, друзей твоих участие,
Надежда, вера и любовь!*

Хочется присовокупить ещё несколько внутрисемейных поздравлений. И не только поздравлений. Одно из первых стихотворений писалось **Настеньке** в Париж 8 мая 1981 года.

*Настеньке два с половиной года,
А у нас холодная погода.
Пережить нам это нелегко,
Так как наш Настёныш далеко.
Проживать во Франции, в Париже,
Может быть, неплохо для престижа,*

Но ведь деду с бабкой нелегко –
Очень уж Настёныш далеко.
В городе пустынная квартира,
А на даче холодно и сыро...
Нас утешить очень нелегко,
Если наш Настёныш далеко.
Хоть бы фотографию прислали,
Мы бы ею любоваться стали.
Ведь Париж увидать нелегко!
Очень уж Настёныш далеко.

В печально памятном 1986 году мои дорогие вернулись из Франции в опасную из-за чернобыльской катастрофы Белоруссию. После долгих проволочек получили шикарную квартиру на девятом этаже.

Чьи головки там в окошке
На девятом этаже?
Это Настенька с Тимошкой
Переехали уже.
Взяли все свои вещички,
Маму, папу и багаж
И вспорхнули, словно птички,
На девятый свой этаж.
Это кто так горько плачет
В старом доме у дверей?
– Это я, меня забыли, –
Говорит печально Дей.
Дверь внезапно отворилась,
Завилял наш Дей хвостом –
Настя с Тимочкой явились
За своим любимым псом.
– Мы тебя не позабыли,
Ты любимый пёсик наш! –
Пса в охапку захватили,
Завертели, закружили,
Поскорее потащили
На девятый свой этаж.

Выше, выше, выше, выше,
Нет у Дея больше сил.
Ну куда же? Скоро крыша!
Может, Карлсон пригласил?
Настя с Тимой выше, выше,
Наконец пришли уже!
– Мы теперь живём под крышей
На девятом этаже.

Мимо нас летают птицы,
Проплывают облака,
Далеко внизу змеится
Вдоль по городу река.
А машины – как игрушки,
А деревья – как кусты,
Люди стали – словно мушки!
Это всё от высоты.
Дея обнюхал новый дом.
– Хорошо нам будет в нём! –
Успокоился, зевнул
И тихонечко заснул.

8 января 1994 года **Тимоше** исполнялось 12 лет. Мы с Са-шей ему послали поздравление:

Это было в Вологде восьмого января.
Только лишь на небе затеплилась заря,
Мамочка Наташа, бросив все дела,
Всем родным на радость Тиму родила.
Было очень скользко, был большой мороз,
Когда Тиму бережно дедушка принёс.
Развернули мальчика – очень дед просил,
А он его тотчас же влагой оросил.
Мы Тимошу сразу полюбили очень,
Даром, что бессонные проводили ночи:
Вот уже погаснут огни во всех домах,
А мы Тимошу плачущего носим на руках.
С той поры немало пролетело зим,
Дорогой наш мальчик стал совсем большим.

Правду скажем, ростом не очень он большой,
Но зато с большою и доброю душой.
Мы тогда, конечно, не думали о том,
Что он почти родился в один день с Христом,
И никто подумать в этот день не мог,
Что таким хорошим будет КОЗЕРОГ.
Бабушке на даче огород польёт,
С ней и посмеётся, и слезу прольёт,
Наберёт грибочков, принесёт воды
И займётся книжкой, завершив труды.
Но и недостатки у Тимоши есть,
Что ему в дальнейшем следует учесть,
И о чём твердим мы Тиме вновь и вновь –
Это к телевизору страстная любовь.
Вдумчиво уроки делать не привык,
Тройки, словно птицы, летят в его дневник,
И никак не может до сих пор понять,
Что мужчина должен волей обладать.
Но мы твёрдо верим, что это он поймёт,
Ведь уже тринадцатый год ему пойдёт!
И не может детство длиться бесконечно,
И нельзя на старших полагаться вечно.
Тимочка, любимый, с днём тебя рожденья!
Наши с дядей Сашей приносим поздравленья.
Будь здоров и счастлив, милый Тимофей,
И ко мне на дачу приезжай скорей.

Мои поэтические таланты иссякли. Вот и всё! Нет, не всё.
19 ноября 2008 года **Настёнышу** исполняется 30 лет. Как
тут обойтись без стихов?!

Наверно, в Штатах скверная погода,
Всегда такая в это время года.
Но я надеюсь, солнце улыбнётся,
Когда Настюша в тридцать лет проснётся.
Я не увижу, не смогу поздравить.
И это грустно, не хочу лукавить,
Но в Вологде, далёкой и дождливой,

*С утра ей пожелаю быть счастливой,
Моей родной, любимой, самой-самой,
Которая готовится стать мамой,
Которая, мне кажется, недавно
Сама была ребёнком своенравным.
Выдумщица, шалунья, непоседа
С ума сводила бабушку и деда.
Дай бог тебе, дитя моё родное,
Жить без забот в достатке и покое,
Не зная ни потерь, ни огорчений,
Ни разочарований, ни сомнений,
И в новом доме, что построит Лёша,
Пусть будет жизнь весёлой и хорошей.
А я тебя, кисуля, поздравляю
И этот стих на Запад отправляю.*

А позавчера 60 лет исполнилось **Саше**. Юбилей! Как же без стихов?! Сочинила, конечно.

*Это было вечером в далёком январе –
Город весь в сугробах, стужа на дворе,
Но настал в ту пору долгожданный миг,
И тогда услышала я твой первый крик.
Первый крик. Первый шаг. Первые слова.
Ты и выговаривал-то их едва-едва.
Первый класс. Первый курс. Первая зарплата.
И защита первая на степень кандидата...
Пролетело много лет, ещё больше дней,
И сегодня у тебя первый юбилей,
Первый настоящий – шесть десятков лет!
А меня сегодня с тобою рядом нет.
И опять, как прежде, стужа на дворе,
Как и в том далёком-далёком январе...
Из морозной Вологды шлю тебе привет,
Самый современный – через Интернет!*

26 января 2010 г.

Одно из последних поздравлений моей дорогой

Настеньке на вручение ей нашего подарка по случаю дня рождения.

*Дорогая Настенька, время – как вода,
Быстро уплывает неведомо куда,
Но, расположив его на своей руке,
Можно побеседовать с ним накоротке.
Вспомнить то, что было и что есть теперь –
Время обретений и, увы, потерь...
Например, парижскую школу *maternel*
Или вологодскую стужу и метель,
Ёлки новогодние в минском далеке
Иль катанье лыжное в польском городке...
Лондон и Италия, наконец и США,
И восторг рождения Ника-мальшиа!
Не забыть беспечные детские года.
Всё казалось вечнорозовым тогда,
Шалости, проказы в дулеповском раю...
Словом, всё, что было.
Вспомнишь жизнь свою.
А сегодня время счастья и любви!
Каждое мгновенье мысленно лови
И скажи спасибо Богу и судьбе,
А ЧАСЫ пусть служат с верностью тебе.*

19 ноября 2012 г.

С благодарностью и любовью

Среди великих имён...

Пожалуй, каждое поколение филфаковцев ВГПИ (ныне ВГПУ) считает, что ему очень повезло с преподавателями. Мы, студенты 70-ых годов, разделяем эту точку зрения. Вряд ли кто-то из нас сомневается в том, что нам посчастливилось учиться у лучших преподавателей литературы и русского языка. К тем, кто составляет славу филфаковских Учителей, несомненно, принадлежит и Ирина Викторовна Гура.

У нас она преподавала одни из самых интересных для первокурсников предметов – мифологию, античную литературу; на старших курсах уже читала русскую литературу начала XX века, вела спецсеминар, посвящённый поэзии Александра Блока.

На первом курсе вместе с Ириной Викторовной мы погрузились в ранее неведомый нам мир античных героев. Эти ощущения живы и сейчас: в аудиторию входила невысокая, с гордой осанкой женщина; красивая посадка головы, лёгкая, иногда ироничная улыбка – всё в её облике было гармоничным. Начиналась лекция, которая создавала впечатление необычайной лёгкости и вместе с тем глубины, казалось, что Ирина Викторовна сама принадлежит этому миру античности. Легко всплывают в памяти строчки: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» А позже мы поняли, что греческая и римская мифология, античная литература – это почва для развития всей современной литературы, без знаний, которые мы получили на занятиях И.В. Гура, невозможно было бы понять сюжеты, характеры героев мировой литературы, да и всей мировой культуры в целом. Конечно, творчество великих греческих лириков Алкея, Сапфо, Архилоха, Анакреонта, трагиков Эсхила, Софокла, Еврипида было для нас, зелёных первокурсников, слишком сложным, но с нами была Ирина Викторовна.

Затем, когда из вчерашних «зашоренных» школьников

мы стали превращаться в настоящих студентов-филфаковцев, была русская литература начала XX века, сложный период. Напомним, что мы учились в 70-ые годы, когда главными в оценке художественного произведения ещё были идеологические мерки, когда советская литература считалась принципиально новой и мы должны были усвоить главные принципы социалистического реализма. А И.В. Гура читала нам наизусть стихи А. Ахматовой, Н. Гумилёва, Л. Пастернака, О. Мандельштама. Достать сборники этих поэтов в наше время было невозможно, несколько стихов каждого из них мы могли найти только в советской хрестоматии по русской литературе. Но благодаря Ирине Викторовне мы уже могли понять реминисценции у О. Мандельштама:

*Там, где эллину сияла
Красота,
Мне из чёрных дыр зияла
Срамота.
Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну, а мне – солёной пеной
По губам.
По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет
Нищета...*

Возможно, весь трагизм этих строк и их подтекст мы поняли позже, но стремление это понять прививали нам наши Учителя.

На спецсеминар по поэзии Александра Блока нас привела любовь к поэту и преподавателю – Ирине Викторовне Гура. Казалось бы, шеститомник Блока прочитан не один раз ещё в школе, любимые стихи давно выучены наизусть. Но открывать их вместе с Ириной Викторовной нам пришлось заново. Наши доклады на спецсеминаре она подвергала строгому и точному анализу, её вопросы помогали многое осмыслить иначе, чем думалось нам.

Ирина Викторовна рассказывала о том, что она переписывала в общую тетрадь любимые стихи поэтов Серебряно-

го века, проводя долгие часы в архивах Ленинки (Российской государственной библиотеки имени В.И. Ленина). Уже после того, как мы окончили институт, у нас тоже появились рукописные тетради со стихами Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама, И. Бродского: сборники достать всё ещё было сложно, а стихи этих поэтов должны были быть с нами рядом. Это уже стало потребностью души, а не слепым подражанием нашему Учителю, глубокую благодарность которому нам хочется выразить от имени всего нашего курса.

*Елена Павловна Андреева (Вильверт),
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка ВГПУ;
Ольга Александровна Пылёва (Янчевская),
выпускница ВГПИ 1977 года*

Было много приятных встреч...

Я познакомилась с Ириной Викторовной Гура, когда приехала в Вологду. Благодаря её супругу, заведующему кафедрой литературы В.В. Гуре, я попала в город, который стал для меня родным. Первое время здесь для меня было очень сложным: я дописывала докторскую диссертацию, печатала её, неожиданно умер мой руководитель, это осложнило ситуацию. Через несколько месяцев наконец состоялась моя защита. К слову сказать, в институте были созданы все условия для того, чтобы я защитилась успешно и в срок.

Первое время я была почасовиком, а Ирина Викторовна работала на кафедре. Год мы работали вместе, но это было такое сложное для меня время, что в памяти не сохранились какие-то рабочие моменты наших контактов. Когда она ушла на пенсию, я стала читать курс литературы XX века, который именно Ирина Викторовна вела в течение многих лет. Но я постоянно слышала восторженные отзывы её бывших студентов, хотя сама не была на её занятиях.

Зато было много перекрёстных, домашних и очень тёплых встреч. Я жила первые полгода в институтском общежитии на улице Лермонтова. Нас познакомила Маргарита

Александровна Вавилова, и Ирина Викторовна взяла надомной покровительство: приглашала домой, угощала своими чудесными пирожками, успокаивала, уверяя, что я привыкну к новому месту, что и здесь у меня появятся друзья. Так естественно и очень по-домашнему она содействовала моему вживанию в вологодскую и кафедральную атмосферу.

Особые отношения сложились у меня с собакой семьи Гура, колли Кейтом. Когда я приходила к ним в гости, Кейт всегда бурно радовался моему появлению, клал голову и лапы мне на колени и подвывал, сочувствуя мне. Приносил какие-то свои игрушки, не зная, чем ещё меня утешить. Однажды я сижу и плачу, слёзы невольно льются, и тут Кейт удалился ненадолго, а потом принёс и шмякнул мне на колени какого-то затасканного, разодранного в клочья клоуна. Входит Ирина Викторовна... Увидев, что он мне принёс, она чуть не уронила поднос с чаем и воскликнула: «Что я вижу? Эту игрушку он даже мне не доверяет!»

Моя дочь Майя общалась с дочерью Ирины Викторовны и Виктора Васильевича Наташей. Они обе должны были одновременно поступать в МГУ. Собака была под Наташиным покровительством, юная хозяйка строго следила за любимцем семьи. Когда я была в доме Гур и за мной заходила Майя, она всегда воровато доставала кусочек сахара и давала его Кейту. Тот, прекрасно понимая правила игры, быстренько проглатывал сахар и делал вид, что ничего не произошло. Однажды была такая забавная история. Мы с дочерью гуляли по улице, по противоположной стороне нам навстречу шла Ирина Викторовна с Кейтом. Ирина Викторовна отпустила поводок, пёс рванул к нам, а хозяйка начала переходить через дорогу. Кейт подбежал к нам, положил Майе лапы на плечи в ожидании очередного подношения, которого, к сожалению, на этот раз не было. Пёс был явно разочарован. И вдруг раздался какой-то крик. Ирина Викторовна оглянулась: на том месте, откуда она уже отошла, на асфальт тихо оседала в обморочном состоянии какая-то женщина, видимо, испугавшаяся того, что собака бросилась на девочку. При-

шлось подойти к ней, успокоить, сказать, что это знакомая девочке собака и она не причинит ей никакого зла.

Все мои воспоминания об Ирине Викторовне не из рабочей жизни. Мы много общались домами, совместно отмечали дни рождения и другие праздники. У меня остались самые приятные воспоминания от этих встреч. Ирина Викторовна прекрасно готовит, их дом – полная чаша, здесь любят и умеют принимать друзей. Виктор Васильевич всегда был в центре внимания, он – король застолья, хозяйка же несколько в тени, за спиной мужа, но очень достойно и красиво ведёт себя.

Ирина Викторовна – очень любимый, близкий мне человек. Когда мне сообщили о смерти моего мужа, находившегося в больнице, первой ко мне пришла именно Ирина Викторовна. И очень поддержала меня тогда...

Она активно участвовала в жизни кафедры, уже не работая на ней, была в курсе всего, что происходило у нас. Наш заведующий был порой несдержан, мог вспылить, погорячиться, тогда Ирина Викторовна звонила и извинялась за его чудачества. И мы ценили это.

Я ездила с семейством Тура на их дачу в деревню Дулепово, с удовольствием проводила там с ними время. Помню, однажды мы ездили собирать упавшие с деревьев яблоки, которых оказалось в изобилии.

На протяжении многих лет, прожитых мною в Вологде, общение с Ириной Викторовной неизменно доставляло мне удовольствие. После внезапной смерти Виктора Васильевича в 1991 году мы по-прежнему общаемся с ней, обсуждаем не только новинки литературы, но и многое, многое другое. Я действительно люблю её. И в преддверии большого юбилея желаю моей дорогой Ирине Викторовне здоровья и душевных сил!

*Юлия Викторовна Бабичева,
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы ВГПУ*

Мой выбор

Где-то на даче (теперь уже на даче!) стоит мой старый фибровый чемодан с металлическими блестящими уголками. Нет, ну если честно, то чемодан принадлежал моим родителям, с ним они когда-то ехали в Ярославль начинать семейную жизнь, а потом скитались по воинским гарнизонам и форсировали на харьковском вокзале. К чемодану полагалась эдакая упряжь с дополнительной ручкой, на чемодан шился полотняный чехол... И упряжь, и чехол должны были надёжно хранить содержимое чемодана от всяких шустрых людей, промышлявших на вокзалах воровством.

Я почему про тот чемодан так подробно? Ведь неспроста же, правда? А потому, что именно в этом чемодане хранилось моё светлое будущее, мой выбор! Чемодан и со мной ездил с квартиры на квартиру, занимал почётные места в кладовках и на антресолях, чтобы в любой момент я могла наконец-то решиться и сделать свой выбор...

Чемодан во время переездов таскали случайные помощники и дивились его тяжести. Ну и откуда им было знать, что это не просто старый фибровый чемодан – вещь громоздкая, чуточку нелепая из-за своей старости и вообще-то не самая необходимая в современной жизни. Они же не подозревали, что тащат мой выбор, а это, согласитесь, всегда достаточно нелегко – выбор...

Ну да что интриговать? Тайна эта не такая уж и страшная. Просто в этот чемодан год за годом, курс за курсом, дисциплина за дисциплиной складывались все мои институтские конспекты. С ними было просто и надёжно, и знали они абсолютно всё, что требовалось для счастливой профессиональной деятельности. Все 18 определений омонимов, порядок расстановки парт в классе, лечение внутренних болезней и даже почему пала Троя...

А теперь – что ж, теперь я уже на пенсии, и тот так и не сделанный когда-то выбор делать поздно. Пенсия – это и есть отсутствие выбора. Жизнь есть, путь есть, а вот выбора, резко меняющего направление этого пути, и не остаётся.

Потому и чемодан переехал на дачу. Пусть дети печку растапливают моими институтскими конспектами, а я в последний раз пошуршу старыми страницами, пошепчусь с ними, повспоминаю...

Новые предметы, новые науки, новые имена... Тогда всё было новым и ярким, потому что в юности всё-всё-всё новое и яркое! А какие люди! Красивые, умные, ироничные! Люди, при одном только знакомстве с которыми вдруг сама по себе (или всё же с их помощью – тактичной и очень неназойливой) ткалась картина той ушедшей жизни, звучали голоса древнегреческого хора или свистели стрелы над Троей, шумной и не очень благопристойной ватагой шагали балагуры-ваганты и клялись в вечной любви Тристан и Изольда: «Навсегда, правда же? – Только ты и я, любимая, и даже смерть не разлучит нас».

По этим удивительным странам и событиям нас вела Ирина Викторовна Гура. С ней было совсем не страшно спуститься вослед за Орфеем и Данте в ад, она шалила вместе с вагантами и слегка насмешливо читала вирши куртуазных поэтов, а потом, для сравнения, спокойным, каким-то домашним голосом, глядя чуть ли не в душу каждому, вдруг произносила:

*Её глаза на звёзды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И чёрной проволокой вьётся прядь...*

Или ещё:

*Люблю, – но реже говорю об этом,
Люблю нежней, – но не для многих глаз...*

Хотелось замереть и долго-долго слушать музыку этого голоса, любоваться немного лукавой усмешкой и впитывать все интонации. Да, для меня это было настоящим чудом, потому что так легко и чуть беспечно говорилось о самом сокровенном, о том, что воображалось и непременно должно было случиться там, в будущем: «Ах, какая любовь у нас! Только ты и я, да, только я и ты!» Но Вы-то, Ирина Викторовна, знали, что потом будет немножко

другая мелодия: «Как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя...» И потому голос Ваш был мягок и задушевен, с той грустной ноткой знания, которого мы на ту пору были начисто лишены. Только наивные глаза, юбочки покороче и сильнейшее желание нравиться всему миру.

Нет, вот тут я, пожалуй, слукавила. Не только безликому миру, а конкретно Вам. Хотите тайну? Нет-нет, не бойтесь, не страшную военную тайну Мальчиша-Кибальчиша, а мою, студенческую? Ведь я же если начну болтать, то не скоро остановлюсь. Такая вот уродилась!

А тайна такая. Как я готовилась к зачёту по «античке»: всю ночь повторяла тексты, что-то искала в конспектах. Чтобы не уснуть, погружалась в ванну, а потом на кухне отпивалась кофе. Мне казалось, что такой ответственный зачёт именно так и нужно отрабатывать – ночным бдением-сидением. Ну, ночь не спала, зато прочитала ВСЁ! Вопрос – вспомнила ли бы к зачёту? Да кто ж теперь знает! Ведь когда я приготовилась – ну, не блистать, а хотя бы членораздельно и логично отвечать, Вы так легко, жестом феи, протянули руку и сказали: «Оля! Я же вам «автоматом» оценку поставила. Давайте зачётку».

До сих пор думаю: и зачем я в той ванне всю ночь зубами стучала от нервов и недосыпа? Ну сидела бы в своей комнате или на кухне. Что меня в ванну-то загоняло?

Шуршат странички моего «когдатошнего» выбора, встают вдруг перед глазами какие-то совершенно забытые и оттого нереальные детали: янтарные бусы, чуть с рыжинкой завиток, зелёная блузка (или свитерок?)... Вот фасоны не помнятся, а только оттенки: зелёный, сиреневый, медовый. И очень явственно то ощущение счастливого открытия, когда Вы вдруг начинали читать стихи. И почему-то через всю жизнь помнится тот вопрос: «А кому нравится Маяковский?» Ещё какой-то совершенно бытовой совет: «Оля, у вас щитовидка увеличена. Надо бы провериться». Грешна я, Ирина Викторовна, не про-

верилась до сих пор. Вот уж совсем выйду на пенсию и начну, как правильная старушка, ходить по врачам. Может, тогда, хорошо?

А ещё казалось очень важным научиться той лукавой усмешке, тому изяществу и достоинству, сквозившим в Ваших движениях. Ну да! Если хотите, то собезьянничать. И только с годами стало понятно, что это всё – мудрость женщины и матери, прожившей в семье и для семьи много-много лет.

Вам, конечно, напишут и скажут очень много добрых слов. Кого-то из говорящих-пишущих Вы узнаете, при именах иных лишь покачаете головой...

Шелестят страницы моих старых конспектов, выкачивается на колеснице Агамемнон (бедный! аж с тремя грамматическими ошибками!) и шуруется весёлый девчончий глаз: «Что плетут? Ах, что плетут!»

Вот так... Вспоминала-вспоминала и вдруг совершенно отчётливо поняла: Нет! Только не в растопку! Ребята, это мой выбор! И он мне ещё пригодится...

*Ольга Юрьевна Белова (Муркина),
выпускница ВГПИ 1978 года,
заведующая библиотекой
Вологодского техникума
железнодорожного транспорта*

Счастливые студенческие годы

Сбылась моя мечта: сданы вступительные экзамены, я стал студентом Вологодского педагогического института. На месяц нас отправили «на картошку» в Грязовецкий район. Через несколько дней после возвращения из колхоза мы получили студенческие билеты и зачётные книжки, в которых значилась дата выдачи – 1 октября 1958 года, и окончательно почувствовали себя студентами. Начались учебные будни. Теперь это были не уроки, а лекции, как правило, три пары в день. Позже пойдут семинары, практические занятия, коллоквиумы, каждые полгода – зачёты и экзамены, а на чет-

вёртом и пятом курсах – педагогическая практика в школе.

Уже на первом курсе мы начали изучать и филологические, и исторические дисциплины. Введение в языковедение читал Вячеслав Александрович Шитов, диалектологию – Татьяна Георгиевна Паникаровская, его жена, старославянский язык – Микаэла Ивановна Морозова, жена А.В. Райкова, введение в литературоведение – Геннадий Иванович Лебедев, устное народное творчество – Маргарита Александровна Сергеева (ныне Вавилова), древнерусскую литературу – Тамара Алексеевна Беседина, античную литературу – Олег Владимирович Шайтанов, историю Древнего мира – Юрий Ефимович (Нахмат Хаимович) Юдикис, историю СССР – Абрам Залманович Цинман, историю КПСС – Николай Васильевич Лебедев. Изучались и такие дисциплины, как общая психология, которую читала Любовь Михайловна Рыбакова, немецкий язык, были занятия физкультурой.

Преподаватели были кандидатами наук, среди них доценты кафедр. Учебные дисциплины, которые они преподавали нам, были в абсолютном большинстве своём совершенно для нас новыми, интересными, а педагоги – асы своего дела – стали незабываемыми.

Ну как можно забыть О.В. Шайтанова, сочным баритоном цитирующего Гомера:

*Встала из мрака младая,
С перстами пурпурными Эос...*

или Алкея, поэта-лирика конца VII – первой половины VI вв. до н. э.:

*В венке из фиалок, святая Сапфо,
О ты, чья улыбка так сладко играет.
Хотел бы сказать тебе слово одно,
Да стыд говорить мне мешает!*

Олег Владимирович потом добавлял: «Нетрудно догадаться, какое слово поэт хотел сказать распутнице Сапфо, которая «из любви к искусству» занималась этим», чем вызывал наши улыбки и скромные реплики по этому поводу.

Можно ли забыть фразу «и пристоумпи к нему едина рабыня, и глаголѣоншти» («и подошла к нему одна рабыня

и сказала»), всякий раз произносимую нами, как заклинание, перед практическими занятиями по исторической грамматике русского языка у Т.Г. Паникаровской («пани Каровской» – шутили мы): или забыть А.З. Цинмана с его «вятиЧИ, улиЧИ, кривиЧИ, дреговиЧИ, радимиЧИ» и преданностью Киевской Руси!

А кто забудет «кухню Юдикиса»? На законах царя Хаммурапи Юрий Ефимович учил нас скрупулёзному анализу документов и научил так, что этот опыт, эта «метода» помогла мне в будущем в совершенно иных сферах деятельности, никак не связанных с историей.

Куратором нашей группы стала Ирина Викторовна Гура, преподаватель литературы, кандидат наук. До четвёртого курса лекций она нам не читала, а потом вела курс русской литературы XX века. Ирина Викторовна приобщила нас к культуре и даже на третьем курсе, как школьников, «водила» в областной краеведческий музей, она много делала, чтобы наша группа была дружной, сплочённой, активной в общественной жизни.

Приведу один пример. В апреле 1960 года она написала мне записку, которая сохранилась у меня до сих пор: «Милый Борис! Поздравляю тебя с Первомайскими праздниками и с успехом на смотре! Вот видишь, ты, кажется, не прогадал, что стал заниматься пением у нас, а не в педучилище. Весна идёт несколько холодноватая, но солнечная; немного омрачённая неприятностями в нашей группе, но всё равно радостная. Я верю, что мы преодолеем эти «болезни роста». Народ у нас неплохой, а главное – не глупый. Думаю, что тот, кто ошибается, поймёт свои ошибки. Мне бы только хотелось, чтобы создалась непримиримость большинства к недостойному поведению меньшинства, и ты, Борис, должен сыграть здесь немалую роль. Пусть май принесёт тебе много радости и счастья! И. Гура».

Время стёрло в памяти, какие «болезни роста» имела в виду Ирина Викторовна. Думаю, важно другое – забота её о нравственном здоровье группы и такт, с каким она помо-

гает нам осознать это, и мы старались оправдать надежды Ирины Викторовны.

Мы не пропустили ни одного городского воскресника, принимали участие в посадке деревьев формировавшегося в те годы парка Мира, и сегодня там есть берёзовая аллея, высаженная нами вдоль берега Вологды. Мы были активны во всех делах факультета, работали в составе студенческих комитетов комсомола и профсоюза. Я на втором курсе, к примеру, был в составе студенческого профкома института, где занимался жилищно-бытовыми вопросами, а на третьем – председателем профкома факультета.

В мае 1960 года Ирина Викторовна организовала нам поездку в Череповец и экскурсию на металлургический завод. Мы впервые побывали на крупнейшем промышленном предприятии не только нашей области, но и всего Северо-Запада. На коксохимическом производстве мы увидели, как готовится кокс, на агломерационной фабрике узнали, что такое агломерат и как его готовят, в доменном цехе мы не только узнали о процессе варки чугуна, но и увидели его выпуск из печи и розлив в огромные ковши.

Побывали мы затем и в мартеновском цехе, где варят сталь, и в прокатном цехе, где нам разрешили заглянуть в кабину прокатчика, управляющего с пульта работой прокатного стана. Всё увиденное оставило массу впечатлений, но главное из них – впечатление о людях, делающих огромное дело для страны. Мы увидели настоящий рабочий класс!

Ирина Викторовна поздравила нас с наступающим 1961 годом. В письме, полученном по почте, была открытка, на которой она написала: «С Новым годом, Лёня, Боря, Юра! Желаю вам весело встретить и «на высоком уровне» провести весь 1961 год. Учитесь, дружите, пойте, пишите стихи, учите ребят по-комсомольски. И. Гура».

Шебутными же мы, студенты, стали к третьему курсу, осмелели её «подопытные»! Недаром Ирина Викторовна, когда почти через 46 лет по счастливой случайности между нами возникла обычная переписка, ещё до общения в Интернете,

в первом письме мне написала: «Ты вспоминаешь в письме о вашей группе, которую я очень любила, но которая немало испортила мне нервов. Были вы очень самостоятельные, задиристые, не любили подчиняться правилам, а главное – жил в вас дух вольномыслия, что было довольно опасно по тем временам. И не случайно на наши собрания приходили Олег Владимирович и преподаватели общественных наук вас усмирять. Я же чувствовала себя как слуга двух господ: и так называемую линию партии надо было соблюдать, и терять с вами дружбу не хотелось... Дела давно минувших дней!» (из письма Ирины Викторовны от 9 марта 2009 года).

Смотры художественной самодеятельности были в институте традиционными. Они проходили каждый год весной. В репертуаре смотров были чтецы и танцоры, певцы и музыканты. Наш факультет отличался чтением и музыкальными номерами в исполнении солистов, дуэтов, ансамблей. Подспорьем в этом был кружок сольного пения, который я посещал. Конферанс к смотрам писали тоже студенты, у нас это был Виктор Коротаев «со товарищи» и, оказывается, Ирина Викторовна Гура, я в те годы об этом не знал, а только слышал стихотворные объявления перед своими выступлениями.

Вот что через много лет написала мне Ирина Викторовна: «Совсем недавно вспоминала тебя в связи с участием в художественной самодеятельности, в пресловутых смотрах. Я же за них отвечала от партбюро. И вот разбираю старые бумажки и нахожу свои вирши, которые писала для конферанса. Например, такие:

*Борис Бобылёв. Это имя знакомо
Всему факультету давно.
Сначала он пел тополям возле дома
Через слуховое окно.
Потом выступал на колхозных покосах,
Сердца веселя косарям.
Два года назад озорные колёса
Бориса доставили к нам.
А завтра? А завтра он будет, быть может,
В Москве или в Киеве петь.
С таким удивительным тенором можно*

В Ла Скала хотя б полететь.

Или:

*Россия, Родина, любимая природа,
К тебе Борис всё ближе год от года.
Послушаешь его и скажешь: «Да, поёт
Горячий русский патриот!»
Ты был не чужд и классике:
Сейчас, друзья, для вас, о вас,
Кто раз любил, страдал хоть раз,
Звучит классический романс
«Мне грустно оттого, что весело тебе».
Внемлите же печальной сей мольбе!»*

(из письма Ирины Викторовны от 9 марта 2009 года).

Быстро пролетели годы учёбы. А потом были госэкзамены и организованный нами в одной из аудиторий банкет. Непривычно было сидеть за одним столом с преподавателями, но отметить такое событие без их участия было нельзя. Преодолевая неловкость, мы провозглашали тосты за тех, кто вёл нас к этому дню пять лет, за славный Вологодский педагогический институт, давший нам высшее образование. И не только образование, но и многое другое, что необходимо в жизни, в работе, в служении нашему делу, нашей профессии.

Когда здесь, в Архангельской области, мои собеседники узнавали, что моя профессия – учитель, и спрашивали: «Вы что закончили, наш Архангельский?» – я отвечал: «Нет. Наш Вологодский!», – давая понять, что сам я вологодский, чем и горжусь!

*Борис Николаевич Бобылёв,
выпускник 1963 года,
ветеран педагогического труда,
стаж директора школы – 27 лет*

С чувством уважения и признательности

О годах, проведённых в стенах родного института, вспоминать всегда легко и приятно. Точно так же, как о своей молодости. Не хочется быть банальным, эмоционально рассказывая, что это были самые лучшие годы из тех, что прожиты на белом свете. Хотя на самом деле это именно

так.

Я стал студентом первого курса в шестнадцать лет. Стоит ли много говорить о том, насколько всё было необыкновенно, ярко и интересно? Первые лекции и семинары по предметам, которым отдавал предпочтение ещё со школьной парты, активное общение с однокурсниками, захватывающая круговерть трудовой, напряжённой, но одновременно весёлой и шепутной студенческой жизни...

Особенное место в этих воспоминаниях по праву принадлежит нашим замечательным преподавателям. Помню, как говорится, всех поимённо: Олег Владимирович Шайтанов, Татьяна Георгиевна Паникаровская, Вячеслав Александрович Шитов, Виктор Васильевич Гура, Владимир Константинович Пудожгорский, Ирина Викторовна Гура, Маргарита Александровна Вавилова, Владимир Иванович Чуглов, Раиса Фёдоровна Богачёва... Их высокий профессионализм и мастерство преподавания стали залогом нашей подготовленности к самостоятельной взрослой жизни. Где бы за прошедшие четыре с лишним десятилетия ни приходилось трудиться, я всегда с благодарностью помнил своих талантливых педагогов.

Сегодня, когда для педуниверситета наступили нелёгкие времена, связанные, видимо, с некой его реорганизацией, хочется высказать своё мнение о том, что ВГПИ (а позднее ВГПУ) был, как мне кажется, одним из лучших педагогических вузов страны. Я всегда был в этом уверен. Жизнь не раз тестировала меня на широту кругозора и глубину знаний, в том числе и при получении второго высшего гуманитарного образования ещё в советском Ленинграде. Базовый багаж знаний, обрётённых на историко-филологическом факультете Вологодского пединститута, был надёжной основой как для дальнейшего постижения наук, так и для освоения новых направлений трудовой деятельности.

А теперь, конечно, с чувством уважения и благодарности – об Ирине Викторовне. И.В. Гура, без сомнения, занимала особое место в нашем студенческом восприятии мировой

литературы. С каким восторгом мы слушали её лекции по античной литературе! «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына», – её красивый грудной голос до сих пор звенит во мне, пробуждая тёплые воспоминания.

Я бесконечно благодарен Ирине Викторовне за то, что она научила нас безошибочно отличать настоящую поэзию от низкопробных стихотворных «произведений», которые сегодня, к сожалению, можно нередко встретить и в средствах массовой информации, и в библиотеках, и на полках книжных магазинов. Глубокое, эмоциональное восприятие поэзии, любовь к поэтическому слову – сейчас большая редкость, особенно среди людей молодого и среднего поколений. На мой взгляд, этого так не хватает в нашей жизни! Как тут не вспомнить наши благословенные шестидесятые, когда при всех трудностях бытия в духовном сознании людей процветал культ романтики и общенационального оптимизма.

Хорошо помню, что Ирина Викторовна с неподдельным интересом относилась к первым попыткам самостоятельного творчества студентов – будущих филологов. Многие из нас в ту пору пробовали сочинять стихи, публиковали их в курсовой стенгазете. Мы приносили Ирине Викторовне наши скромные «тайные» тетрадки со стихами, и она очень тактично давала свою оценку, высказывала замечания и предложения. Конечно, поэтами мы не стали, но, как поётся в одной из популярных песен, «ничто на земле не проходит бесследно».

Интересно, что наши «творческие порывы» Ирина Викторовна использовала и непосредственно во время занятий. Она вела у нас спецкурс по поэзии Серебряного века. Многие ныне громкие имена поэтов того прекрасного времени были для нас настоящим открытием, так как на уроках литературы в наши школьные годы их творчество не изучалось.

На одном из занятий мы знакомились с творчеством поэтов-символистов и, в частности, Валерия Брюсова.

Речь шла о его знаменитом стихотворении, состоящем из одной строки: «О закрой свои бледные ноги». Этим автор буквально эпатировал и читателей, и журналистов, и литературных критиков своего времени. Ирина Викторовна предложила нам в качестве домашнего задания попытаться сочинить стихотворение-пародию на этот моностих, взяв его в качестве первой стихотворной строки. При этом было необходимо, по возможности, использовать и поэтический стиль, и даже стихотворную лексику того времени.

На следующем занятии несколько человек осмелились прочитать свои «творения». Это действие, помню, сопровождалось дружным, доброжелательным смехом аудитории. Мой «опус» тоже сохранился в памяти:

*О закрой свои бледные ноги
Под лучом непогасшей зари!
Ты как будто бы создана богом
Для моей бескорыстной любви.*

*Всё, что было вчера в моих силах,
Уж сегодня никак не вернуть.
Ты придёшь, чтоб в тиши у могилы
О ночах невозвратных всплакнуть.*

*Будут слёзы твои, как виденье,
Как прозрачность лесного ручья.
Только ты не найдёшь сожаленья,
И беззвучно лежать буду я.*

*Посидишь на скамье у дороги...
Только ты уж меня не смущай
И закрой свои бледные ноги,
Не дай бог, оживу невзначай.*

Как высказались бы современные студенты-филологи на своём молодёжном сленге, было очень прикольно! Может быть, Ирина Викторовна вспомнит наши наивные студенческие стихотворные упражнения и улыбнётся этим воспоминаниям.

Уважаемая Ирина Викторовна! Низко кланяюсь Вам, человеку широкой и доброй души, Учителю с большой буквы. Многая, многая Вам лета!

*Вадим Константинович Букин,
выпускник ВГПИ 1970 года*

Слово об Учителе учителей

Филологический факультет Вологодского педагогического института в 70-е годы прошлого века славился своими прекрасными преподавателями, о которых мы, их ученики, помним всегда: О.В. Шайтанов, В.В. Гура, В.А. Шитов, Т.Г. Паникаровская, П.А. Артюхов, А.А. Данилов, Г.И. Лебедев, Р.Ф. Богачёва, Т.А. Беседина, П.В. Булин, В.К. Пудожгорский, Н.М. Лукашевич, А.А. Ломакина, Г.В. Цинман. Среди них – Ирина Викторовна Гура. Студенты-заочники при знакомстве с ней отмечали её красоту, её обаяние, её неповторимую чёткую речь.

Каждый преподаватель факультета, хорошо зная свой предмет, стремился увлечь им студентов. Ирина Викторовна сумела привить нам любовь к тому, о чём так вдохновенно рассказывала. Преподавала она нам античную и зарубежную литературу XII–XVI вв. Мы, поступившие на первый курс, были незнакомы с произведениями античных авторов и на её лекциях впервые услышали имена Софокла, Аристофана, Еврипида, с интересом слушали отрывки из «Илиады», «Одиссеи» Гомера, сонеты Ф. Петрарки, В. Шекспира. При знакомстве с «Декамероном» Дж. Боккаччо Ирина Викторовна предупредила, чтобы мы не рассматривали это произведение как собрание фривольных анекдотов.

Готовясь к экзамену, мы не вылезали из областной библиотеки: только там можно было прочитать произведения, чтобы сдать экзамен. Список произведений был обширный, но это не вызывало у нас затруднений. Увлечённость преподавателя материалом, умение интересно рассказывать передались и нам. На экзамен мы приходили подготовленными,

ответчали уверенно, что, конечно, радовало нашего экзаменатора.

Студенты всегда отмечали в Ирине Викторовне умение объективно оценить знания, её индивидуальный подход к каждому студенту. Так она воспитывала нас, будущих учителей, показывая, как нужно общаться с учениками. Всё это помогало нам в дальнейшем. Мы не забыли её уроков и старались применить в работе те знания, которыми она щедро делилась с нами.

Впоследствии я встречался с Ириной Викторовной в семье Т.Г. Паникаровской и В.А. Шитова. Она ничуть не изменилась: та же интеллигентность, та же завораживающая речь, то же обаяние, та же очаровательная улыбка и весёлый блеск глаз.

Читая воспоминания Ирины Викторовны о В.А. Шитове, я был приятно удивлён тем, как умели наши преподаватели весело, интересно, содержательно отдыхать во время встреч, праздников, сколько было шуток, розыгрышей, весёлых добрых стихов, радости и счастья!

Хочется пожелать Ирине Викторовне здоровья и поблагодарить её за те уроки знаний, доброты, внимательного отношения к человеку. Они до сих пор в душе моей!

Спасибо Вам, Учитель учителей! С уважением и благодарностью,

*Михаил Григорьевич Вячеславов,
выпускник ВГПИ 1971 года,
учитель русского языка и литературы
школы № 6 г. Вологды*

Подарок судьбы

Считается удачей и большим везением, если тебе в жизни встречается необыкновенный, замечательный человек. Таким человеком на моём жизненном пути стала Ирина Викторовна Тура.

Прошло более 60 лет, как такой подарок судьба преподнесла нам, выпускницам ВГПУ 1954 года факультета рус-

ского языка и литературы. Тогда мы, естественно, не могли и предположить, что наш куратор И.В. Гура займёт столь важное место в нашей жизни и нашей памяти. Подобное, согласитесь, бывает не так уж и часто.

Простота, доброжелательность, искренность в общении, высокая внутренняя культура, внимание к людям, спокойствие, душевная щедрость, сочетающиеся с внешним обаянием – всё это свойственно нашей Ирине Викторовне, всё это вызывает уважение и любовь тех, кто с нею общается. А мы никогда не упускаем возможности встреч и бесед с нашим дорогим воспитателем.

И те из нас, кто остался жить в Вологде, и те, кто обосновался в других местах, в письмах и разговорах по телефону обязательно интересуются, как живёт, как чувствует себя наша Ирина Викторовна, как обстоят дела у её сына и дочери, внуков, а теперь и правнуков. А уж когда удаётся нам, постаревшим подругам, собраться вместе, мы обязательно приходим в знакомую с 50-ых годов квартиру семьи Гура на улице Калинина (теперь Зосимовской). Знаем: нам здесь рады, нас помнят, у нас всегда есть о чём поговорить, посоветоваться и просто насладиться общением. Так было и при жизни уважаемого нашего преподавателя, мужа Ирины Викторовны – Виктора Васильевича, который был по-домашнему раскован, шутил и угощал нас своей наливочкой...

Мы помним, что 30 июня у Ирины Викторовны день рождения. стараемся поздравить и чем-то порадовать её, а к юбилейным датам преподнести цветы. Староста нашей группы Елена Иноземцева (в замужестве Демченко) из далёкого Ставрополя всякий раз даёт нам поручение сделать это наилучшим образом.

Вот и теперь мы рады поздравить дорогую нашу Ирину Викторовну с большим, славным юбилеем.

Желаем

*Мирного неба Вам, солнца лучистого,
Счастья заветного, самого чистого!
Много в Вас света, тепла, доброты,
Пусть исполняются Ваши мечты!*

Желаем Вам всегда быть здоровой, благополучной и любимой!

Ваши преданные воспитанники, давние друзья, велико-возрастные ученики

*Ирина Алексеевна Губа (Грибанова),
отличник народного просвещения РФ,
обладатель грамоты «Любимый учитель»;
Алла Андрониковна Смирнова (Варламова),
Зинаида Васильевна Хмылова (Кашинцева)
и другие выпускницы ВГПИ 1954 года*

Наследница своих предков

Наша мама родилась 30 июня 1923 года в Петрограде, незадолго до переименования его в Ленинград. Со времени революции прошло ещё только чуть более пяти с половиной лет, а со времени гибели царя – менее пяти. Ещё был жив Ленин, которого не станет, когда маме будет неполных семь месяцев. Родилась она в доме на углу Измайловского проспекта (д. 16) и улицы 7-й Роты. Во времена её детства они назывались проспектом Красных командиров и 7-й Красноармейской улицей. Дом сельскохозяйственного товарищества «Помещик», в котором она родилась, был построен в стиле модерн архитектором Я.З. Блувштейном совместно с Ф.Э. Крюгером в 1914 году. В советское время в нём находился известный гастроном «Стрела». Во дворе этого дома девочкой мама играла со своей подругой Нёнкой Чинкиной, ставшей впоследствии балериной Большого театра.

Мама многое унаследовала от своих предков, среди коих было немало представителей иных народов и культур, которыми была богата Российская империя. Её родословная по материнской линии прослеживается со второй половины XVII века, когда в Киеве появился греческий купец Николай Тернавиот (или Тарнавиот), торговавший сбруей, приправами и другими товарами. Благодаря ему киевляне впервые узнали о таких диковинках, как «венцианские» очки, стеклянные бусы, попробовали венский кофе. До него к середине

XVII века относится упоминание о некоем Иване Тернавиоте, возможно, его брате или отце. В 1685 году купец Николай Тернавиот построил на Подоле под Андреевской горой деревянную православную церковь Покрова Богородицы с колоколенкой на столбах под крышей. На её месте прежде стояла армянская церковь Рождества Богородицы, сгоревшая в 1651 году во время оккупации Киева литовским войском князя Януша Радзивилла. После смерти Николая Тернавиота, случившейся незадолго до февраля 1693 г., его вдова в начале XVIII в. завещала сделать эту семейную церковь приходской и передала её городу. А в 1766–1772 гг. она была перестроена архитектором Иваном Григоровичем-Барским в каменный двухэтажный трёхкупольный храм, действующий поныне, украшающий нижнюю часть Покровской улицы и переключаящийся своими барочными формами со знаменитой Андреевской церковью, чуть раньше построенной на горе знаменитым Бартоломео Растрелли.

Род Тернавиотов (греч. Τέρναβιот) имеет по крайней мере две ветви — киевскую, к которой относится мама, и нежинскую. Представителем киевской ветви был, по всей видимости, потомок (внук?) Николая Тернавиота — Степан Иванович Тернавиот (Тарнавиот, Турнавиот, а также Тернолетов). Он был учеником Киево-Могилянской академии, в 1748 г. принял монашество, получив имя Софроний, и выполнял обязанности постоянного уполномоченного Киево-Печерской лавры в Санкт-Петербурге при дворе Елизаветы Петровны. Позже он стал первым ректором Костромской духовной семинарии и одновременно был настоятелем Николо-Бабаевского монастыря и архимандритом костромского Богоявленского монастыря, в котором и был похоронен в 1771 году. При нём в Костромской семинарии были открыты школы для обучения детей духовенства, была введена должность префекта, открылись классы философии и богословия, началось изучение греческого и еврейского языков¹. Из киевских Тернавиотов в конце XVIII — начале XIX в. известен был также киевский «бургмейстер» (глава городской адми-

истрации), который преподнёс в дар Киевской духовной академии Евангелие на средства, вложенные полтавским значковым товарищем (прапорщиком) С. Максимовичем. В начале XIX в. получила огласку история ещё одного киевского Тернавиота — купца, который, как выявила ревизия, получил без каких-либо документов 6 тысяч рублей из городской казны.

Представители нежинской ветви оставили, пожалуй, более заметный след в истории. Родоначальником нежинской ветви был грек, родом из Македонии, возможно, брат или сын Ивана Тернавиота — Стерий (или по-русски Степан) Иванович Тернавиот, поселившийся около 1671 г. в Нежине. Он привёз с собой из Афона икону Афонской Богоматери Иверской Вратарницы, которая до 1999 г. находилась в нежинской сельской церкви, откуда была украдена.

Род Тернавиотов происходит из греческой Македонии и по некоторым признакам имеет валашские корни. Валахи (влахи, волохи), или аромуны, относятся к восточнороманской языковой группе, проживают в южной части Балкан (в тч. северной Греции и Македонии) и ведут своё происхождение предположительно от кельтов. На валашское происхождение может указывать имя Стерий. Нетипична для греков и фамилия, в которой при транслитерации варьирует первый гласный: Тернавиот, Тарнавиот, Турнавиот, румын. Turnavitu. Возможно, она происходит от славяноязычного названия одной из двух валашских местностей греческой Македонии: это либо Trnovo (греч. Τύρνοβο, аромун. Târnuva, макед. Трново, болг. Търново) — село на юге Республики Македония, в области Пелагония, в районе горной гряды Варнундас (по-македонски Баба-планина), западнее г. Битола, со значительным числом валашского христианского населения (в 1864 г. здесь было открыто первое аромунское училище в Македонии, а в 1900 г. жило 2400 валахов, или 10% всех жителей); либо Turnava (греч. Τύρνοβο, [Тирново], ныне Πράσινο [Прасино], местное произношение Търнаа, болг. Търнава или Търново, макед.

Ошчима) – село со славянским (болгарским) населением в Эгейской Македонии Греции, в префектуре Флорина, в 34 км от г. Флорины (или по-болгарски Лерина) и в 34 км от г. Кастории (по-болгарски Костура). Кроме того, в Западной Фракии (Греция) известна река, называемая по-болгарски Търнава (по-гречески Филкури потамос). В отличие от славян, валахи занимались скотоводством и вели полукочевой образ жизни.

Во 2-й половине XVII в. многие валахи бежали из Греции. Одним из традиционных мест, куда мигрировали македонцы и эпироты, был южнорусский город Нежин. Промежуточной станцией на этом долгом пути были Дунайские княжества. Здесь нередко вели совместные торговые дела купцы из Греции и греки, уже переехавшие в Нежин. Переселение это началось не позже середины XVII в. Греки стали привозить в левобережную Малороссию разные «турские» товары уже с первой половины XVII в. Получив в 1657 г. от Богдана Хмельницкого торговые привилегии, группа греческих купцов основала в Нежине большую общину, имеющую право на самоуправление. Значительные греческие общины существовали также в Переяславе и Киеве. В 1687 г. гетман Мазепа подтвердил права греческой нежинской общины на привилегии. При Мазепе греки образовали «Греческое церковное братство», а в 1696 г. создали «Нежинское греческое купеческое братство», имевшее собственные церковные и судебные органы. Члены братства пользовались большими привилегиями, начало которым положили грамоты Богдана Хмельницкого и Петра I. С 1649 г. Нежин был центром управления одного из больших малороссийских полков, Нежинского, и оставался им до 1782 г., когда Нежин уже стал уездным городом Черниговского наместничества. В 1785 г. Екатерина II своим указом освободила нежинских греков от налогов. Одновременно в Нежине утверждался греческий магистрат с широкими полномочиями, в частности, с правом выдачи заграничных паспортов нежинским грекам и паспортов на въезд во внутренние губернии России иностранным грекам,

приезжавшим в Нежин. Исключительные права, которыми пользовались греческие жители Нежина, привлекали в город всё новых и новых переселенцев. В 1782 г. Нежин имел 11 104 жителя, в том числе 765 греков. В Нежинское греческое братство в 1711 г. входило 25 семейств, в 1775 г. – 129, а в 1782 г. их было 140 (всего 977 человек).

В 1711 г. в Нежине Стерий Тернавиот был выбран войтом и возглавил городской магистрат. Его сын Пётр с 1727 г. тоже был нежинским войтом. Один из сыновей Петра, поручик лейб-гвардии Измайловского полка Фёдор Тернавиот, похоронен в 1747 г. в Александро-Невской лавре под Лазаревской церковью. Другой его сын, Иван Петрович Тернавиот, имел звание полковника и в 1767 г. стал предводителем нежинского дворянства (он упоминается на нескольких страницах 1-й главы 27 тома «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва за 1766–1767 гг.). Дочь Ивана Петровича Елизавета в 1788 г. вышла замуж за секунд-майора (отставного майора) Николая Еремеевича Родзянко, прадеда будущего председателя Государственной Думы Михаила Владимировича Родзянко, а её внук Валериан Павлович Родзянко (род. 1846) был женат на княжне Гагариной.

Малороссийский шляхетский род Тернавиотов, охватывающий потомство нежинского войта Тернавиота, внесён в Малороссийский гербовник, но в Родословную книгу Всероссийского дворянства он не был вписан. В XIX в. род Тернавиотов пересёкся с родом Риза, в результате чего возникла двойная фамилия Риза-Тернавиот. Фамилия Риза выдаёт её восточное, по-видимому, персидское происхождение, но носители её жили в России. Например, в конце XIX в. в Пирятинском уезде Полтавской губернии были известны некие дворяне Риза. И сейчас эта фамилия изредка встречается в некоторых городах и местечках Украины. Первое известное нам упоминание о носителе фамилии Риза-Терновиот мы находим в воспоминаниях В.В. Литвинова, где он описывает сослуживца своего отца с острой рыжей бородкой — маминого прадеда, который был свидетелем расстрела митинга на Привокзальной площади в Минске через несколько

дней после опубликования царского манифеста 1905 года².

Его молодой дочери – маминой бабушке Александре Григорьевне Риза-Тернавиот – гадалка предсказала, что она через несколько месяцев выйдет замуж. У девушки не было жениха, но вскоре она действительно познакомилась с состоятельным поляком из Варшавы Марианом Юлиановичем Фрейзлером, который был старше её на 12 лет, и вышла за него замуж. Он был сыном чиновника и домовладельца Юлиана Фрейслера и Филипины Гагатницкой, проживавших в самом центре Варшавы, на Злотой в доме номер 13, в двух шагах от главной улицы Маршалковской. Мамин дед служил в Петербурге инспектором в разных тогдашних страховых обществах. Летом семья уезжала отдыхать в Боярку, знаменитое дачное место под Киевом, упоминаемое К.Г. Паустовским и М.А. Булгаковым, связанное с именами С.Я. Надсона, Шолом-Алейхема и многих других писателей, артистов и художников. Когда произошла революция и в Петрограде наступил голод, Мариан Юлианович уехал добывать продовольствие в Харьков и не вернулся. Лишь недавно из записки, найденной в приходской книге варшавской церкви Всех Святых, выяснилось, что он добрался до Варшавы и умер там 3 января 1929 года. После революции прервалась связь маминой бабушки и с её братьями Николаем и Григорием, адвокатами, жившими до войны в Вильно.

Фамилия Фрейзлер имеет немецкое происхождение (нем. Vreisler, от ср.-в.-нем. vreiser ‘тиран, жестокий человек’). Из носителей этой фамилии в XVIII в. широко известны были гравёры из Нюрнберга, четверо братьев, один из которых (Иоганн Мартин) стал профессором Академии живописи в Копенгагене (как впоследствии и его сын, тоже гравёр, Иоганн Георг) и датским придворным гравёром. Но были ли они предками варшавских Фрейзлеров, мы точно не знаем.

Сын Александры Григорьевны и Мариана Юлиановича, мамин дядя Роман Марианович Фрейзлер, по профессии был хирургом. Его жена Лидия Александровна Сегал в детстве дружила со знаменитыми учениками Л.С. Ауэра скрипачами Яшей (Хейфецем), с которым играла в жени-

ха и невесту, и Тошей (Натаном Мильштейном). А её сестра Елена Александровна Сегал вышла замуж за младшего брата С.Я. Маршака – Илью Яковлевича (М. Ильина), вместе с которым они написали для детей книги об истории культуры и науки, из них наиболее известна книга «Как человек стал великаном», переведённая на многие языки. Детским писателем был и сын Лидии Александровны от первого брака Юрий Альфредович Менакер (писавший под псевдонимом Георгий Юрмин и состоявший в родстве со знаменитым театральным семейством Мироновой и Менакера). Мама дружила с ним с раннего детства до его смерти в 2007 г. С семьёй Маршаков, несмотря на распавшийся брак дяди Ромы, родственные отношения сохранились у мамы навсегда.

Дочь Александры Григорьевны и Мариана Юлиановича – это мамина мама Наталия Мариановна Фрейзлер, родившаяся в 1898 г. в Харькове и работавшая бухгалтером. Её брак с маминым отцом Виктором Евгеньевичем Шоофсом, выпускником реального училища, служившим в порту, был недолгим. Но родословная маминого отца, пусть и не так глубоко нам известная, не менее интересна, чем у её мамы. Он был внуком седельных дел мастера из Тифлиса Ивана (Иоганна) Шоофса и Фредерики Магдалены Бадер. Фамилия Шоофс (Schoofs) голландского происхождения (по-голландски она произносится «Схоофс»), очень распространена в Нидерландах и известна также в соседних областях Германии. Происходит от голл. schoof 'сноп' (что родственно нем. Schopf 'чуб, вихор, хохол').

В 1870 г. Тифлисе у супругов Шоофс родился сын Виктор Евгений, а по-русски Евгений Иванович, мамин дед. В 1890–1904 гг. он жил в Петербурге, в том числе в знаменитом доходном доме на Каменноостровском проспекте, 1–3, в так называемом доме Лидваля, построенном шведско-русским архитектором Ф.И. Лидвалем по заказу матери, Иды-Амалии Лидваль. Евгений Иванович в 1896 г. закончил Петербургскую консерваторию по специальности флейта, он был отличным пикколоистом, играл в оркестре оперного театра, где познакомился с артисткой Императорской

русской оперы Лидией Ивановной Высочанской-Ивановой и женился на ней. У него было пять сестёр и трое братьев, среди которых известен друг И.Е. Репина и большой ценитель искусства Герман Иванович Шоофс, математик и главный уполномоченный одного из страховых обществ Петербурга. По воспоминаниям К.И. Чуковского, Илья Ефимович и его вторая жена Наталья Борисовна Нордман-Северова бывали у Шоофсов на вегетарианских обедах в их доме в Петербурге и на даче в Павловске. Герман Иванович высылал порой к Финляндскому вокзалу свою карету, чтобы Репину, приехавшему из Куоккалы, не приходилось мыкаться на петербургских трамваях. Известно несколько портретов Германа Ивановича и его жены Ольги Владимировны работы Репина. Брат Германа Ивановича Фриц Иванович Шоофс был назначен душеприказчиком скончавшейся Нордман-Северовой по её завещанию, в котором принадлежавшая ей в Куоккале вилла «Пенаты» определялась в пожизненное владение Репину.

Мамин отец был сыном Евгения Ивановича Шоофса от первого брака. С 1904 г. Евгений Иванович жил в Тифлисе и играл в оркестре оперного театра. Во втором браке с Анастасией Малыгиной у него родилось пять дочерей. С некоторыми их потомками мама, считавшая, что у неё нет родственников на этом свете, неожиданно познакомилась на сайте «Одноклассники» и узнала об их ссылке в Казахстан в 1941 г., о невыносимых условиях жизни там и о смерти деда Евгения Ивановича в казахском ауле в 1942 году.

Жизнь маминых родителей оборвалась в страшном 1937 году. Родители были расстреляны, о чём мама узнала лишь не так давно, многие десятки лет спустя. После ареста матери начались годы ссылки – в Башкирию, в Казахстан, потом (Маршакам удалось выхлопотать переезд ближе к столицам) во Владимир, но после войны снова был Казахстан, а потом снова Владимир. В Ленинград семья уже не вернулась. Маму воспитывали бабушка и дядя. С тех пор у мамы было особо тёплое отношение к бабушкам, которых она видела со своими внуками.

Мама была современницей и свидетельницей всего того, что пережила наша страна в XX веке. Сталинский террор, ссылка, затем война, голодные студенческие годы в Саратове, трудные послевоенные годы, потеря первого ребёнка... Уже нет страны, в которой она родилась и прожила основную часть своей жизни. Жизнь и всё вокруг изменилось до неузнаваемости и продолжает стремительно меняться. Мама признаётся, что и сама иногда дивится окружающей жизни. Но мама идёт в ногу со временем. Я помню, как когда-то она, вспоминая о том, как её бабушка ещё до войны любила слушать по радио Лемешева, Козловского и других тогдашних оперных знаменитостей, говорила: «Как жаль, что моя бабушка не дождалась появления телевидения! Сколько бы радости это ей доставило!» А мама дождалась эры Интернета и электронной почты. Сначала она быстро освоила мобильный телефон и научилась так быстро строчить эсэмэски, что этому дивились не только её приятельницы из числа сверстниц, но и её дети и внуки. А потом всего лишь за несколько дней мама освоила компьютер. Ей было уже за 80, когда она стала пользоваться Интернетом, писать на компьютере воспоминания, заказывать через Интернет лекарства, переписываться по электронной почте, общаться в «Одноклассниках» и разговаривать со своими близкими и знакомыми в скайпе. Можно только гордиться такими её способностями!

Среди маминых предков были люди разных культур и конфессий: православные, католики, лютеране и, возможно, даже мусульмане. Несомненно, это обусловило важное качество её характера — терпимость и толерантность, стремление понять каждого, его душу, потребности и проблемы. Именно поэтому у неё было и есть так много верных друзей, именно поэтому люди так тянутся к ней и дорожат её дружбой. Уже не осталось в Вологде близких приятельниц её возраста, с которыми её связывали десятилетия дружеских отношений, но мама по-прежнему окружена любящими её людьми младшего поколения.

Мамины родители наградили её хорошими генами,

крепким здоровьем, светлым умом и завидной памятью, которой она может похвалиться в своём весьма и весьма солидном возрасте. Ведь она знает наизусть множество стихов, особенно Пушкина, Блока и других любимых ею поэтов Серебряного века, может декламировать на память огромные фрагменты из «Евгения Онегина», помнит многие десятки романсов и песен! Маме уже много лет, а она живёт и не стареет. Может быть, потому, что живёт не только за себя, но и за своих родителей, не израсходовавших полностью отпущенных им лет жизни, не избывших свой век.

¹ О нём немало написано, см., например: Титов Ф.И. *История Киевской духовной академии в XVII — XVIII вв. Вып. III: Воспитанники Академии на службе в Киево-Печерской Лавре, в связи с биографией Софрония Тернавиота (Кол. Попова № 34787) // Труды Киевской духовной академии, 1911, кн. 1, 2. — Киев, 1913; Андроников Н.О. *Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии. — Кострома, 1874. — С. 15, 22, 49; Афанасий (Дроздов). Исторические известия о костромском второклассном Богоявленском монастыре с XV по XIX век. — СПб, 1837. — С. 29, 53; Баженов И.В. Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. — Кострома, 1895. — С.44; Сырцов И.Я. 150-летие Костромской духовной семинарии. — Кострома, 1897. — С. 45.**

² Литвинов В.В. *Заглавие не придумано. Рассказы о моей жизни. Из давнего и недавнего прошлого. — М., 1968. — С. 58.*

Александр Викторович Гура,
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук

О нашей любимой бабушке

Когда меня спрашивают про бабушку, мое лицо сразу расплывается в улыбке, и я понимаю, что сейчас буду хвастаться. Сам факт, что в свои почти 90 лет моя бабушка бороздит просторы Интернета, скачивая программы, загружая приложения и просматривая электронные письма, многих вводит в состояние лёгкого шока и недоумения – а возможно

ли такое на самом деле? Ведь наши отечественные бабушки должны сидеть на лавочке возле дома, щёлкать семечки, судачить о соседях и жаловаться на свои болячки! Какой ещё Интернет в таком возрасте?! Моя бабушка – неординарный человек: она знает наизусть почти всего «Евгения Онегина» и много других стихов Пушкина, Блока, Гумилёва, она до сих пор изумительно готовит пироги и плюшки (кстати, моя любовь к выпечке пришла именно от бабушки, и лишний вес после летнего пребывания на даче стал причиной того, что я не поступила в хореографическое училище). Она всегда в курсе всех культурных событий страны, и если нужен совет по поводу того, какие нынче в моде книги, можно смело обращаться к ней.

Любовь к книгам, любовь к природе, растениям и ко всему живому, особенно к собакам, у меня тоже появились благодаря моей бабушке. Каждое лето мы с младшим братом Тимкой проводили в деревне Дулепово Вологодской области, где у бабушки и дедушки был дом. Там прошло моё «летнее» детство, беззаботное и полное приключений. Мы ходили за грибами, купались в речке, носили воду из колодца и брали молоко на ферме. А по вечерам бабушка часто читала нам вслух или советовала, что почитать самим. Помню, как бабушка даёт мне книгу Майн Рида «Всадник без головы». Я читаю первых 40 страниц и откладываю книгу в сторону. «Что же ты не читаешь дальше?» – спрашивает бабушка. «Неинтересно», – отвечаю я. «А ты почитай ещё чуть-чуть и увидишь». И на самом деле, бабушка права. Книжка становится всё более интересной и затягивает настолько, что невозможно оторваться.

На даче у бабушки хранилось много книг и старых журналов со своим особым книжным запахом, который я запомнила на всю жизнь. Это запах моего детства, когда ещё были живы мои любимые дед и папа, когда приезжал на дачу дядя Саша из Москвы и вся наша семья собиралась за круглым столом. Любимым нашим занятием после ужина было играть в «девятку». На кон вместо денег ставились пуговицы,

и особенное удовольствие доставляло обменивать пуговицы из «золотого фонда» (красивые и блестящие) на пуговицы «из-под кальсон» (бельевые, невыразительные, не представлявшие никакой ценности). Игрок на грани разорения мог «продать» ценную пуговицу за несколько, но «кальсонных». Мы всегда много смеялись, играя в эту карточную игру. Эти самые пуговицы до сих пор бережно хранятся в шкатулке у бабушки дома в Вологде.

Моя дорогая бабушка! Спасибо тебе за то, чему ты меня учила, вложила в меня вольно или невольно, что родила мою маму, что во мне есть твоя частичка, что до сих пор я могу поделиться с тобой своими секретами и получить совет и поддержку. Ты самый необыкновенный человек на свете, и я горжусь тем, что у меня такая замечательная бабушка. Я тебя очень люблю и всегда скучаю, потому что мы живём так далеко друг от друга.

*Анастасия Александровна Дёмина,
внучка И.В. и В.В. Гура*

Чрезвычайно сложно выразить словами те чувства, которые возникают у меня при мысли о бабушке. В голове начинает появляться много ассоциаций, картинок, образов и из детства, с того времени, как я помню себя, и из более поздней моей жизни. Меня одновременно переполняет множество тёплых ощущений, чувств, эмоций, идущих из глубины души. Именно поэтому очень сложно сказать, кем для меня является бабушка. Может, просто потому, что бабушка Ира для меня – это неотъемлемая часть моей жизни. Это что-то большее, чем просто бабушка или родной человек.

Сейчас очень сложно отделить мои настоящие первые воспоминания о бабушке от тех, которые я восстанавливал по фотографиям и рассказам близких. И эти мои детские воспоминания не только о бабушке, но и о дедушке тоже, они воспринимались мною как одно неделимое целое.

Условно ряд моих воспоминаний и впечатлений о бабушке можно разделить на детство (вплоть до моего поступления в университет), юность (университетские годы)

и настоящее время.

Мои детские воспоминания о бабушке связаны с ежегодными летними поездками в Вологду, в деревню Дулепово. Это было время летнего отдыха, походов за грибами, вкусных, приготовленных в русской печи пирогов, а также ухода за огородными посадками, среди которых особое место занимали помидоры и огурцы. «Помидорная» вотчина была за бабушкой, а «огуречная» – за дедушкой. Бабушкины помидоры были самыми вкусными и ароматными, и мне кажется, что я и сейчас могу представить себе их вкус и аромат. Бабушка была специалистом в «помидорном» деле, и потому они получались у неё на славу.

В особенные дни в русской печи бабушка пекла пироги. Она научилась этому у деревенской соседки Валентины Павловны. Это были необычайные пироги, вкуснее которых я никогда не пробовал и уверен, что больше не попробую. Среди «деревенских» воспоминаний также регулярные походы за яйцами и молоком, из которого настаивались великолепные сливки. Почти каждое утро с этими сливками мы пили вкуснейший кофе с кусковым сахаром вприкуску. Бабушка это очень любила всегда. Этот утренний «ритуал» остался до сих пор, хотя сливки уже не те, да и сахар уже совсем не тот.

Из детских воспоминаний особо запомнился бабушкин тёплый голос, который пел мне колыбельные на ночь, когда я не хотел спать.

Но беззаботное детство закончилось. Сначала умер дедушка, а потом, когда я поступил в университет и стало понятно, что я не смогу больше каждое лето приезжать к бабушке на дачу, был продан и тот чудесный дом в Дулепове.

Во время моей учёбы в университете бабушка неоднократно приезжала к нам в Минск. Мне кажется, что это были далеко не самые простые для неё годы. Она всегда очень переживала за меня (и продолжает переживать). Особенно, мне кажется, ей было сложно принять мой ленивый и временами безответственный подход к учёбе и сдаче экзаменационных

сессий. Бабушка искренне удивлялась, когда мне удавалось эти сессии худо-бедно всё-таки сдавать.

К связанным с бабушкой современным воспоминаниям я условно отношу послеуниверситетский период, поступление на работу в Министерство иностранных дел, командировку в Иран и возвращение из неё, а также рождение нашей любимой дочки Маргаритки.

Этот период полон как радостных, так и грустных моментов. Радость – от тех нечастых возможностей выбраться в Вологду, чтобы наконец повидаться с бабушкой, от её головокружительных успехов в освоении современных информационных технологий. Особенно я горд за бабушку, что она смогла побороть себя и отважилась на такой непростой для неё путь в Минск для встречи Нового, 2013, года. У неё было много стимулов: приезд в Минск её внучки, моей сестры Насти, с сыном Николашей, а также желание лично познакомиться с правнучкой Маргариткой.

Вместе с этим есть и некоторые грустные моменты. Это ощущение тревоги за бабушку в связи с разделяющими нас расстояниями. Особенно чётко это чувство сформировалось у меня во время иранской командировки, усилившись с уходом из жизни близких для бабушки подруг. Я могу представить себе, как бабушке порой бывает одиноко, несмотря на всю её силу духа и оптимизм. Я постоянно корю себя, что в суете будней забываю позвонить ей, хотя знаю, как она ценит наши нечастые разговоры. При этом не бывает дня, чтобы я не вспоминал о бабушке.

С ещё большей тревогой и грустью я думаю о нашей предстоящей командировке в Канаду. Но я уверен, что моя любовь и любовь всей нашей семьи будут бабушку оберегать даже на таком далёком расстоянии, что после возвращения мы обязательно ещё не раз соберёмся, чтобы дружно встретить очередной Новый год или юбилей!

*Тимофей Александрович Дёмин,
внук И.В. и В.В. Гура*

Мой самый родной человек

Как хорошо, что родителей не выбирают, потому что на мою маму нашлось бы много желающих. Я это точно знаю, так как всё время слышу от своих подруг: «Какая замечательная у тебя мама!» – или от моей бывшей няни: «Милая ты моя, как я без тебя и жила, не знаю!», – которая говорит так и плачет (это после того, как мама месяц пробыла у меня в Минске).

Помню, в детстве мне всё время хотелось, чтобы мама была дома. И хоть она и не работала с 9 до 18, как большинство женщин, но мне её всё время не хватало. Хотелось, чтобы она скорее пришла домой, а она помимо занятий в институте готовила со студентами смотры художественной самодеятельности, а ещё посещала малопонятный мне университет марксизма-ленинизма, партийные собрания.

Мои самые первые воспоминания о маме: зима, раннее утро, она меня будит, одевает (в том числе в какую-то сложную конструкцию, к которой пристёгивались чулки), и мы едем в садик на санках. Иногда с нами бежит наш спаниель Рекс. Любовь к собакам – это тоже от мамы. Она их очень любит, и мне это передалось. Нашу первую собаку Рекса мы взяли практически тайком, поставив папу перед фактом. Он не был в восторге, но смирился.

А ещё очень хорошо помню то, что предшествовало летнему отпуску. Мама всегда работала с заочниками, принимала экзамены. Возвращалась с рассказами о курьёзных случаях и букетом пионов. С тех пор я воспринимаю эти цветы как мамины. Их также часто дарили маме на день рождения. В те годы живые цветы были не круглый год. После заочников отпуск и целое лето впереди. Все вместе ехали или на дачу в деревню, или к бабушке на Волгу, или в Коктебель. И вот там мама много нам читала вслух, играла с нами в бадминтон, читала стихи наизусть. Меня это поражало и тогда, и сейчас: как много стихов она знает и помнит до сих пор! И сама с лёгкостью могла сочинить не одно четверостишие. Этот дар не утрачен ею и до сих пор. Она даст сто очков вперёд

нам с братом. Всегда, когда мы встречали Новый год вместе, для каждого было готово пожелание в стихах, написанное ею.

Очень много она дала моим детям. После их появления на свет мы почти каждое лето проводили на даче под Вологодой. Мама играла с ними в разные игры, читала им книги, терпеливо учила, объясняла, а когда надо, помогала с уроками. После папиной смерти она проводила у нас в Минске по паре зимних месяцев. Могла и поругать внуков, но чего никогда я не видела в ней, так это злости. По-моему, она не умеет злиться. Огорчаться – да, но злиться – это не про неё. Она всегда умела общаться с самыми разными людьми. Это были и академики, и художники, и писатели, и мясники с рынка, и таксисты, и деревенские жители. Причём общаться без всякого усилия над собой, всегда просто и естественно.

Мне кажется, что я могу сказать, что мама и до сих пор молода душой. Когда она работала в институте, то студенческое окружение не давало ей стареть. Студентки доверяли ей свои сердечные тайны. Подросли внуки, с которыми она всё время в контакте и в курсе их дел. Да и контакты она поддерживает не старомодными способами, а самыми передовыми. В восемьдесят с лишним лет овладела компьютером! Общается со всем миром: внучка и правнук в США, сын в Москве, дочь, внук и правнучка в Минске, друзья в Израиле, Казахстане, Норвегии. Она всегда знает, кто из нас куда летит или едет, мы отчитываемся перед ней о взлётах и приземлениях СМС-сообщениями или звонками в скайпе. Все новости и любую информацию она находит во «всемирной паутине». Книги и кроссворды всегда на её столе. Она тренирует память и не даёт себе лениться. Это не про неё – бесцельные прогулки и праздность. Я знаю, что к каждому нашему приезду домой на столе будут вкуснейшие пироги, с любовью приготовленные её руками.

Я абсолютно убеждена, что мамино долголетие и здоровье – это следствие её позитивного внутреннего настроения (мы никогда не слышим от мамы жалоб или раздражения),

умения любить, прощать и понимать других. Основным христианским заповедям её научила бабушка, которая воспитала её в очень непростое время. Спасибо моей прабабушке, что у меня такая мама, а у моих детей такая бабушка! Очень хочется, чтобы следующие поколения не растратили всего того, что заложили и сохранили наши предки.

Наталья Викторовна Дёмина (Гура)

Дар Божий

Наша родная, ненаглядная Ирина Викторовна! Возьму на себя смелость назвать Вас родной, ведь Вы были так добры и снисходительны к нам уже много лет, начиная с 1950 года, когда мы поступили в институт. Сколько уже времени минуло с тех пор! Прочитав отрывки из воспоминаний о Вашей юности, Вашей семье, я поняла причины Вашей доброты, великодушия к нам, детям, видевшим войну, а некоторым, как я, ещё и оккупацию. Доброта Ваша росла с годами, мы чувствовали это, и если позволяли в студенческие годы какую-либо вольность, то сразу нас отрезвлял вопрос: а что подумает о нас Ирина Викторовна? Вольности в основном заключались в уходе с лекции, например, по русской истории: не помню имени-отчества преподавателя, но он почему-то всё время путал даты и имена, чем и вызывал наше недовольство. Зато занятий Виктора Васильевича Гуры, Бориса Николаевича Головина, Ваших, дорогая Ирина Викторовна, мы всегда ждали, узнавая на лекциях и семинарах много нового, интересного, полезного.

Как умный педагог и куратор, Вы много говорили с нами о культуре поведения, читали «в назидание» статьи о жизни столичных студентов, о том, как они проводят свободное от занятий время. И старались привить нам любовь к литературе, искусству. Помню, как Лиля Мешкова рассказывала нам о связи поэзии Пушкина с музыкой. Тему эту Вы дали ей, конечно, не случайно, зная, что её мама работала в Доме офицеров музыкальным руководителем. Вы понимали, что нам, почти ещё детям, надо многое знать и уметь, чтобы

стать профессионалами. И многим из нас Вы помогли связать свой жизненный путь со школой, преподаванием родного языка и литературы.

В те трудные послевоенные годы Вы сердцем чувствовали, кто из нас голоден, и старались найти повод, чтобы пригласить к себе, накормить и напоить чаем, утешить и поддержать добрым словом. Так было не раз и со мной, тогда я познакомилась с Вашим сыном Сашей, ему было не более пяти лет.

Вы были дружны с Музой Васильевной, женой нашего общего кумира Олега Владимировича Шайтанова, декана факультета. Много лет преподаватели института жили в общежитии на улице Маяковского, 8. Там же проживали и мы, студенты. Вы жили неподалёку. Переехав в другой район города, Вы часто навещали нас, каждый раз неизменно с подарками и добрыми советами.

Навсегда запомнились проявления Вами доброты и великодушия. Я считаю общение с Вами даром Божиим. Где бы мы потом ни жили, старались все эти годы поддерживать связь с Вами. Все Ваши письма хранятся у меня в домашнем архиве. Есть даже поздравительная открытка Виктора Васильевича, в которой он написал, что служил в Чирчике под Ташкентом, а я учительствовала целых шесть лет, пока мой муж тоже служил там.

Дорогая Ирина Викторовна, ещё раз от всей души поздравляю Вас с прекрасным юбилеем, желаю здоровья, душевного покоя и счастья Вашему дому. Мы Вас никогда не забудем!

*Ваша Елена Петровна Демченко (Иноземцева),
выпускница ВГПИ 1954 года*

Про тётю Иру

«У Ирки благословенный характер, — всегда говорила мама. — Самый лучший из всех нас. С таким характером она проживёт дольше всех».

Преподаватели пединститута, приехавшие в Вологду по-

сле разных аспирантур в конце 40-х годов, работали, учили студентов, сочиняли песни, защищали диссертации и рожали нас. Они умели дружить и остались друг для друга до самого конца родными людьми, а для меня – моими «дядями» и «тётями». Валентина Ивановна Веселовская, Татьяна Георгиевна Паникаровская и Вячеслав Александрович Шитов, Алевтина Евстигнеевна и Борис Николаевич Головины, Анна Михайловна Гольдина, Варвара Александровна Дворецкая, Олег Владимирович и Муза Васильевна Шайтановы, помоложе — Маргарита Александровна Вавилова (тётя Валя, тётя Таня, тётя Лёся, тётя Аня, тётя Варя, тётя Муза, тётя Рита...). Самой счастливой была мамина кафедра литературы, которой руководил сначала Геннадий Иванович Лебедев, а потом — дядя Витя, Виктор Васильевич Гура. И была Ирина Викторовна Гура, тётя Ира.

*«Хороша природа юга,
Но мне как-то холодней,
Если близко нету друга,
Нету Вологды моей»,*

— поёт тётя Ира романс на собственные стихи (музыка моего папы, Юрия Дмитриевича Дмитревского).

Праздники, застолья, хохот, вирши, мытьё посуды целую ночь после ухода гостей... По счастливому стечению божественных обстоятельств в тот момент в ВГПИ приехали работать и собрались на много лет в уникальное дружество не просто молодые талантливые учёные, но и замечательные люди (многие прошли фронты и выжили — было чему радоваться!). Первое вологодское десятилетие они всегда вспоминали (я проверяла у многих) как счастье.

*«Вагон бежит, корабль плывёт,
И самолёт летит, как птица...»*

Это «Фестивальная», слова Бориса Николаевича Головина. В Москве проходил Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, и они в маленькой Вологде, ещё покрытой деревянными мостками, чувствовали себя почти его участниками... «Белые, красные, жёлтые люди встанут в большой

хоровод», — таким было «дотелевизионное» представление о фактуре фестиваля, но «красных» и «жёлтых», видно, представляли себе исключительно абстрактно и пели: «Вологда, Брянск, Павлодар и Саратов в круг с москвичами войдут...» Вот вам и вся всемирная география.

В их «принципиальном», «идейном» (пишу без иронии!) поколении тётя Ира была самой лёгкой — и это несмотря на пережитые репрессии близких, высылку... Ей всё и всегда нравилось, и до сих пор с нею остался этот дар приятия несносной действительности, умение радоваться жизни, во всём видеть хорошее и усмирять сложности.

«Из окон корочкой несёт поджаристой, за занавесками мельканье рук...» — поёт тётя Ира привезённую из Москвы песенку. Я ещё не знаю имени «Окуджава», но чувствую запах этой корочки на чёрном хлебе (почувствовать несложно, так пахнет свежий хлеб в нашей булочной возле «горелого» магазина). Досих пор помню её лёгкий голос, улыбку и радостную, игривую интонацию, и совершенно соглашаюсь с мамой: «У Ирки благословенный характер» — только с таким характером и можно так петь...

Мне лет семь, мы в гостях у Гур в новой квартире на Калинина, у них, единственных во всей компании, есть телевизор, взрослые смотрят фильм «Дама с собачкой» и обсуждают, как обаятелен Баталов. Потом мама и тётя Ира уединяются и шепчутся про то, что опять не выполнили ненавистные научные планы и «Витька будет отчитывать», а потом тётя Ира поёт про поджаристую корочку. У тётя-Ириного пирога корочка тоже поджаристая, и его запах сливается с песенкой, привезённой из далёкой Москвы (до Москвы мне нет никакого дела, потому что обожаемая Вологда — лучшее место на земле!), и сама тётя Ира похожа на эту московскую Наденьку с её мельканьем рук, она сливается с чем-то по-простому душистым и весёлым...

А ещё раньше мы едем на новоселье к Гурам в их огромную новую квартиру, и когда возвращаемся, то меня, спящую, до такси тащит на закорках кто-то из взрослых... Как же далеко они живут, просто край света какой-то (то ли дело

наша Маяковского, 8: вот — рынок, вот — институт), ужасно далеко, но очень роскошно! Ванная... а мы ходим в баню... Я сплю... На детских «ёлках» у Гур всегда были самые внушительные подарки — не конфета там какая-то, а толстая книжка «Детство Марселя» (боже мой, откуда сейчас я это вспомнила?!).

Именно у Гур я впервые увидела мохер. Это было, конечно, гораздо позже «Дамы с собачкой», уже в самом конце 60-х, когда тётю Иру выпустили в турпоездку по Финляндии. Но привозить оттуда мохер мотками почему-то запрещалось, а «в изделии» было можно. И тётя Ира рассказывала маме, что они с товарками ночи напролёт вязали в этой Финляндии эти «изделия» — какие-то неясные шарфы, чтобы дома распустить и связать уже что-то путное... Она рассказывала это, опять же посмеиваясь, не делая глобальных выводов о режиме, не возмущаясь советской властью, а считая (как и теперь), что во всём виноваты конкретные дураки на конкретных местах. «Не будем о политике», — шутливо останавливает она меня и сейчас... Всё, связанное в детстве с тётей Ирой (дядю Витю я побаивалась), было тепло, весело, красиво и беспроблемно...

Но зачем вообще-то ей был этот мохер, когда существовал Кеша, Кейт, царственная, эксклюзивная собака колли, экзотическое животное совершенно не местного происхождения? Когда Наташка в шапочке и шарфике из собачьей шерсти выгуливала этого Кешу — это был просто выезд Екатерины Великой к Дому культуры (есть такая фотография: на фоне заречного Дома культуры стоят Наташка и Кейт).

Но до мохеровой роскоши и Кейта надо было дожить и доработать... Они же все приехали в Вологду совершенно нищими! И начало вологодской жизни (до моего рождения было ещё несколько лет) ассоциируется у меня с чёрным фанерным чемоданом, стоящим посреди комнаты на втором этаже нашего общежития на Маяковского, 8. Сейчас мне кажется, что этот образ пришёл из мемуаров, которые написал дядя Витя к какому-то Новому году, и все тогда ужасно смеялись (почти так же, как в какой-то праздник, когда

он нарядился в женскую комбинешку, а все гости дарили нам осветительные приборы: рожковую люстру в кабинет и настольную лампу туда же). Так вот, в этих мемуарах, как зафиксировала их моя детская память, дядя Витя писал, что увидел приехавшего худого Юру Дмитриевского, грустно сидевшего на чемодане, потому что его Томпсик (дословно!) «осталась в Ленинграде аспирантские дела оформлять»... Мои родители жили в деревянном общежитии на Маяковского, Гуры — в каменном на старом рынке. Потом мастер — золотые руки алкоголик Павлик Харитонов (идеально работал пьяный, пока не повесился) делал всем одинаковые стеллажи (у нас стоят до сих пор, Гуры потом заменили их на новые книжные шкафы), а Мария Петровна, торговавшая книгами в институтском киоске с широким гладким прилавком, поставляла на эти стеллажи книги. Так рождались библиотеки... А выход каждой их собственной книжки, помню, праздновали. Отмечали, впрочем, и каждую сотую новую марку в коллекции. Лишь бы был повод собраться!

В мире моих родителей и их друзей радовались XX съезду, писали диссертации, издавали книги, собирали библиотеки, делали экслибрисы, ходили в театр, на демонстрации, в филармонию и на выставки, а тётя Валя, тётя Ира и мама, не завидуя друг другу, бежали покупать одинаковые сервизы и перекраивали на блузки нейлоновые румынские ночные рубашки, которые «выбросили» в «горелом магазине».

Поэтому я до сих пор приезжаю к тётке Ире как в дом моего вологодского детского счастья и узнаю давно знакомые предметы...

Но появляются и новые. Не всякий, как тётя Ира, освоит после восьмидесяти лет Интернет! Скажи когда-то ей, молодой, бегавшей с талончиками на междугородние переговоры к общему общежитскому телефону, что на старости лет она будет общаться с внучкой Настей и правнуком Николашей в Америке, внуком Тимошей и правнучкой Маргаритой в Минске — тётя Ира только бы посмеялась и, может быть, спела: «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна»... Теперь скайп даёт ей ощущение жизни в семье, в полной

и даже очень полной семье со всеми «турецкими берегами», на которых оказалось её потомство! Как же это прекрасно! И дай Бог каждому! Но каждому Бог не даст. Потому что не у каждого такой характер (тоже, между прочим, от него, от Бога...).

Я поражаюсь этому поколению. И даже тому, что, когда я, приехав, выхожу завтракать в какой-нибудь хламиде или бесформенной футболке, тётя Ира — уже в блузке и юбке. И в тапочках на танкетке. Как и моя мама...

*Марина Юрьевна Дмитриевская,
кандидат искусствоведения,
профессор Санкт-Петербургской
академии театрального искусства*

Спасибо вам, Учителя!

Что сближает нас, людей, в этом огромном человеческом море? Скорее всего, добрая память о тех, с кем пришлось общаться за долгие годы (теперь уже можно говорить и долгие).

Порой очень хочется заглянуть в промелькнувшие страницы книги жизни, обрадоваться и крикнуть: «Здравствуй, юность! Здравствуй, студенчество!»

И вот они, аудитории четвёртого этажа, куда бегом, вверх по лестнице, боясь опоздать на лекцию, спешили мы, студенты-филологи. Теперь стало понятно, что преподаватели не только читали свой предмет, они учили нас мудрости, помогали усвоить простую истину: что значит быть увлечённым человеком и как увлечь любимым предметом (в школьной практике это, уверенно скажу, пригодилось). С волнением и благодарностью вспоминаются студенческие наставники: Татьяна Георгиевна Паникаровская, Маргарита Александровна Вавилова, Олег Владимирович Шайтанов, Виктор Васильевич Гура, Евгений Евгеньевич Соллертинский, Павел Васильевич Булин и, конечно, Ирина Викторовна Гура.

Ирина Викторовна всегда красиво входила в аудиторию. Невысокого роста, уверенная, сдержанная, она по-доброму, с открытой улыбкой, не торопясь, начинала говорить. Невоз-

можно было не слушать её, потому что голос завораживал и заставлял верить в сказанное.

Иногда она читала свои любимые сонеты Шекспира о любви. Они звучали настолько проникновенно, что до сих пор я не могу согласиться с чьим-либо другим чтением.

А потом была совместная работа по подготовке спецвопроса на выпускной экзамен по литературе. Это множество прочитанных книг об Александре Блоке, сборники стихов поэта разных лет. И из всего собранного надо было найти нужное. Этому научила Ирина Викторовна. Ставший любимым Блок, пятёрка на экзамене – итог не только моей работы, а в большей степени – внимательного отношения Ирины Викторовны к неумелой ещё тогда студентке.

Легко было общаться с ней, каждая встреча вселяла уверенность в свои силы, в успех задуманного.

Имея теперь уже за плечами более сорока лет педагогического стажа, ясно осознаёшь, что каждый вузовский преподаватель был яркой личностью. Ирина Викторовна – одна из них. До сих пор удивляешься её умению владеть вниманием нашей шумной студенческой аудитории, «заражать» нас желанием вслушиваться и увлекаться. Значит, брать лучшее от преподавателя и потом нести своим ученикам.

*Алла Петровна Загоскина (Пашинская),
выпускница ВГПИ 1969 года,
учитель высшей категории,
отличник народного просвещения РФ*

Моя Ирина Викторовна

Я с удовольствием вспоминаю свои студенческие годы, очевидно, потому что я поступила именно в то учебное заведение, которое мне и было предназначено судьбой. Мне, деревенской девочке, родившейся в вологодской глубинке, всё здесь было как в сказке: строгие, умные и знающие преподаватели, просторные студенческие аудитории, новые друзья...

Но меня особенно поразила иная, грамотная и красивая, русская речь (ведь мы дома говорили по-вепсски). Возможно, у моих друзей-студентов был вологодский акцент,

но я этого не чувствовала, ведь и сама говорила на вологодском русском. Но в душе я уже с младенчества и юности, наверное, была языковедом. Моими любимыми предметами в школе были математика, русский и немецкий языки. Мне всегда казалось, что между ними есть значительно больше сходств, чем различий: и математика, и языковедение – точные науки.

И вот, поступив в институт, я убедилась в этом ещё больше. Как точна и богата была речь преподавателей на лекциях! Кажется, что я помню и сейчас голоса, интонации Павла Васильевича Булина, Евгения Евгеньевича Соллертинского, моих дорогих и особенно любимых Татьяны Георгиевны Паникаровской и Вячеслава Александровича Шитова. Они оба поражали меня своим московским выговором, и мне так хотелось быть на них похожей!

В этом ряду моих любимых учителей особое место занимала Ирина Викторовна Гура. Она сама, я думаю, даже и не подозревала об этом. Я была студенткой явно с языковыми склонностями, которые к тому же ещё только намечались, были в зародыше, мне даже было удивительно, что их разглядела во мне Татьяна Георгиевна, а может, мне так хотелось самой, чтобы она их почувствовала.

Лекции по литературе для меня были своеобразной музыкой. Я всегда любила читать, но в школе, находившейся в Бабаевском районе, не было большой библиотеки. Кроме того, сколько себя помню, мне всегда надо было что-то делать, ведь я была старшей в семье, где мал мала меньше – шесть детей без отца, который был инвалидом войны и скончался, когда мне было только 15 лет. Свет всегда выключали рано, сэкономили, да и вставать надо было рано. Домашняя работа не ждала. Днём найти время для чтения было трудно или даже невозможно. Поэтому всё мое литературное воспитание было основано на сказках бабушки и дедушки, родителей моей родной мамы Веры Филипповны, учительницы вепсского языка в 1930-е годы. Иногда, выскочив из дома на минутку, я заскакивала к дедушке и бабушке – моим духовным воспитателям. У них удавалось быть редко, даже когда

отец был жив. Эти редкие минутки особенно сохранились в моей памяти: тогда передо мной оживал Медведь-скрипучая нога, водяные и лесные духи – главные герои вепсских сказок и историй.

И вдруг в институте я смогла слушать «сказки» на лекциях по античной литературе Ирины Викторовны Гура, которая и сама была похожа на античную богиню. На лекциях я даже боялась дышать. Память была хорошей, я слушала внимательно, мне надо было только продолжить чтение тех произведений, которые рекомендовала Ирина Викторовна. И тут-то библиотека стала моим вторым домом. Там можно было читать сколько угодно, никто не выгонял из-за стола.

Я занималась много, но так случилось, что первую сессию – а было 3 экзамена! – я сдала на тройки. Для меня это стало настоящей трагедией: я боялась, что не получу стипендию и мне придётся покинуть эти милые институтские стены. Меня в институте оставили, стипендии не лишили, но веру в себя я всё же утратила. Мне казалось, что я так неумела и корява, некрасиво говорю, «нескладно и неладно» и, очевидно, не создана для этого удивительного заведения.

И вот наступила сессия, где первым был экзамен именно по античной литературе. Это ведь не секрет: экзаменатор всегда заглядывает на предыдущую страницу, чтобы посмотреть на успехи студента. А у меня там были одни «неуспехи». Я этот свой экзамен Ирине Викторовне помню в мельчайших подробностях, хотя прошло уже более 40 лет. Было заметно, что она меня помнила по своим лекциям, ведь я всегда сидела за первым столом и внимала её словам, наверное, с открытым ртом. После долгой беседы Ирина Викторовна и говорит: «Ну что ж, я поставлю, несмотря ни на что, «отлично» за ответ», – а сама выразительно взглянула на предыдущую страницу и покачала головой.

Спасибо Вам, милая Ирина Викторовна, что Вы вернули мне уверенность в собственных силах! Потом я все сессии сдавала только на «отлично», институт окончила с красным дипломом, стала учёным, доктором филологических наук. Но всё началось именно с того экзамена. Кроме того, неж-

ная любовь к литературе во мне стала даже конкурировать с преданностью языковым предметам. И я потом с огромным удовольствием посещала спецсеминар по творчеству М.Ю. Лермонтова у Е.Е. Соллертинского, писала доклад по творчеству В.И. Белова...

Тем не менее помню, как переживали за меня Татьяна Георгиевна Паникаровская и Вячеслав Александрович Шитов, что из-за государственного экзамена по литературе мне, возможно, не получить будет красный диплом, который, как им казалось, мне нужен, ведь у меня уже было направление в аспирантуру. Но тут вот, на государственном экзамене по литературе, и сказала во мне уверенность, открытая в своё время именно Ириной Викторовной. Я помню слова, сказанные мне после госэкзамена Евгением Евгеньевичем Соллертинским: «В таком слабом теле и такой сильный дух!»

Вера в меня моих милых преподавателей вела меня по жизни. Но Ирина Викторовна открыла мне самой и мою вторую любовь – к её величеству Литературе во всех её проявлениях. Сейчас я избрана в члены Союза писателей Российской Федерации. По-русски я пишу мало, больше по-вепски. Наверное, высокая планка классической русской литературы, которую я считаю самой лучшей в мире, не позволяет мне что-то писать по-русски. А вепскую литературу надо развивать, пытаться воздействовать ею на ревитализацию моего родного вепского народа и его культуры.

В своё время, в 1993 году, я состояла в группе организаторов газеты на вепском языке "Kodima" (Родная земля) и была её главным редактором в течение 8 лет. В одной из книг "Kodima, Veps nma" (Родина, Вепсская земля, Juminkeko, 2003), которую издал финский писатель Маркку Ниэминен и в которой много стихов на вепском языке, её создатель написал: «Матери вепского литературного языка посвящается эта книга». А книга эта посвящена мне. Мне действительно наряду с моей профессиональной лингвистической деятельностью много пришлось потрудиться на литературном поприще, редактируя стихи вепских писателей, направляя и поддерживая их. Но я всегда помню, что росток

веры в мои литературные наклонности, в умение анализировать и говорить поддержала именно Ирина Викторовна Гура.

Мне очень повезло с моими учителями в Вологде. Можно было бы назвать имена многих преподавателей, которые трудились в ВГПИ в 1965–1969 годы. Все они так или иначе направляли меня в жизни, помогали пойти по тому пути, который мне самой никогда бы невозможно было и найти. Поэтому я с искренней благодарностью вспоминаю золотую студенческую юность и моих любимых педагогов, с которыми мне несказанно повезло.

*Нина Григорьевна Зайцева,
вечная ученица любимого института,
выпускница 1969 года, доктор филологических наук,
член Академии Республики Карелия*

Достоинство, простота и сердечность

Наши студенческие годы пришлись на конец шестидесятых, очень небогатые, даже скудные годы. Нам, вологодским девчонкам, примерно одинаковым по уровню обеспеченности, преподаватели вуза казались особенными людьми, просто небожителями. Своим располагающим к себе обликом выделялась среди них Ирина Викторовна Гура.

Многое нравилось в ней: миловидная внешность, красивая одежда, своеобразная, подкупающе проникновенная манера ведения занятий по античной литературе. Хотелось следовать за нею, учиться у неё ещё и ещё. Именно этим объяснялся выбор многих студенток: старались записаться к И.В. Гура в спецсеминар по психологизму А.И. Куприна, пройти педагогическую практику под её руководством в лучшей школе города и т.д.

Ирина Викторовна давала практикантам свободу для творчества, позволяла им полную самостоятельность. Уроки, внеклассные мероприятия – КВН, литературный вечер – всё проводилось нами с большим воодушевлением. Ирина Викторовна направляла нас мягко, не менторски. Литературой, которую следовало нам прочитать, снабжала оператив-

но. Первые наши уроки в школе анализировала обстоятельно. За просчёты не отчитывала.

Однажды именно во время нашей практики И.В. Гура сделала мне, но, разумеется, очень тактично, замечание относительно употреблённого мною слова. Я произнесла «слабже» вместо «слабее». Привычнее для меня была именно форма «слабже». Не хотелось верить в её неправильность. Пришлось обратиться к Словарю трудностей русского языка, удостовериться в правильности рекомендации и на всю жизнь запомнить это «слабже» (может быть, диалектное, вологодское?). Так деликатно мне было подсказано правило: доверяя себе, всё же чаще проверяй себя.

Помнится сдача экзамена по литературе начала XX века. И.В. Гура спрашивает меня, знаю ли я стихи Ахматовой. И я читаю – о ужас! – пародии, опубликованные в то время в каком-то толстом журнале. Пародии-то я знала! Знала наизусть! Стихов Ахматовой не знала... А Ирина Викторовна лишь подбадривала: «Ещё! Ещё!» Оценку мне она не снизила. Впоследствии время расставило нужные акценты и ко мне пришло понимание случившегося: это так наш преподаватель вводил нас в ещё не санкционированную идеологами литературу.

В годы нашего студенчества Ирина Викторовна Гура по линии партийного бюро факультета отвечала за культурно-массовую работу. Смотр художественной самодеятельности, где наша группа пела песню на стихи Саши Чёрного про «турецкого султана», а Г.В. Судаков читал стихотворение С. Орлова «Его зарыли в шар земной», преподавательские новогодние вечера с карточками-эпиграммами для гостей – всё это эпизоды, связанные для нас с личностью Ирины Викторовны.

Любовь к радиожурналистике и владимирский опыт работы в качестве корреспондента вовлекали Ирину Викторовну в стихию вологодского радиоэфира. Мы помним нашего преподавателя и как автора репортажей об интересных людях историко-филологического факультета.

Помнится и совместный опыт работы с И.В. Гура на

вступительных экзаменах, и поездка после них в деревеньку Дулепово, где в их доме-даче было много-премного книг и журналов, а в огороде росло что-то интересное. После той поездки меня терзало ощущение какого-то неисполненного долга перед Ириной Викторовной. Поэтому потом уже состоялась совместная поездка и на нашу дачу. Ирина Викторовна согласилась на предложение поехать за 30 километров – легко, шутя, играючи, и вечер на нашей даче завершился пением глубокой ночью, буквально соревнованием Ирины Викторовны с нашим голосистым соседом по даче, Виктором Леонидовичем Левиным. По прошествии нескольких лет все мы вспоминаем, как душевно пели с Ириной Викторовной, какой богатый и красивый у неё репертуар, какой звучный, невзирая на возраст, голос...

Ирине Викторовне я обязана многими своими кулинарными достижениями. В моей семье к праздникам выпекается вкусный и достаточно простой торт – ореховый, со сметанным кремом. В стародавней записной книжке рецепт его приготовления так и обозначен – «по рецепту И.В. Гура». Этот торт варьируется по сезонам, изготавливается просто и никогда не подводит. Да и яблочный пирог по рецепту Ирины Викторовны хорош! И яйцо в салат удобнее измельчать предложенным ею способом!

В 90-е годы нас с Ириной Викторовной объединила дружба с Татьяной Георгиевной Паникаровской. Мы встречались в палате больницы, где лечилась Татьяна Георгиевна, бывали по случаю каких-то праздников и торжеств в квартире на улице Энгельса, восхищались прекрасными пирожками с разной начинкой, испечёнными Ириной Викторовной. До сего дня мы любим и ценим её хлеб, приготовленный в подаренной Сашей хлебопечке, искусного приготовления ликёрчик из морошки... От Ирины Викторовны всегда исходит оптимизм, какая-то особенная благодатная энергия.

Эта чудесная энергия Ирины Викторовны до сего дня имеет отзвук в сердцах многочисленных выпуск-

ников ВГПИ, которые были участниками диалектологических экспедиций. По просьбе Татьяны Георгиевны Паникаровской, отвечавшей вместе с М.А. Вавиловой за успешное проведение в конце 60-х годов межвузовской научной студенческой конференции в Вологде, Ирина Викторовна – литератор, проникшийся важностью диалектологических исследований, – сочинила очень удачный текст гимна для студентов-диалектологов. Он прозвучал тогда в нашем исполнении в актовом зале здания на ул. Мальцева, 2, впоследствии его распевали все студенты перед отправлением в экспедиции. И в настоящее время, выстраивая преподавание курса русской диалектологии, мы стараемся познакомить наших сегодняшних студентов с этим гимном. Поётся он на мелодию песни «Тройка». Правда, кажется, куплетов в гимне было больше. А вот то, что удержала память, хочется привести:

*Тройка мчится, тройка мчится,
Вьётся пыль из-под колёс.
Самолёт летит как птица,
Или тянет паровоз –*

Припев:

*Едем, едем, едем к ним,
Едем к бабушкам своим.
Едем, едем, едем к ним,
Едем к бабушкам своим!
Не сердись, бабуля злая,
Дай нам, девицам, приют.
Девки худа не желают,
Только говор узнают.*

Припев:

*Всё расспросим у старушек –
Был у них наряд какой,
Что за голос у лягушек,
Где мешают кочергой.*

Припев:

*Вот спасибо вам, старушки,
Было всё почти, как встарь.
Скоро вам пришлём в подарок
Наш увесистый словарь!*

Привет:

*Едем, едем, едем к ним,
Едем к бабушкам своим.
Едем, едем, едем к ним,
Едем к бабушкам своим!*

Если многие коллеги, знавшие семью профессора Гуры, рассматривают Ирину Викторовну сквозь призму личности Виктора Васильевича, то я воспринимаю её как совершенно самостоятельную персону. При этом она предстаёт в моём сознании как женщина умная, деликатная, щедрая, домовитая. Она ещё и цепкая, старается не утратить связи с ритмами и реалиями современной жизни (все новые технологии: мобильный телефон, компьютер, скайп – она осваивает осознанно и с моментальной быстротой и лёгкостью). И при этом – на ней прелестная новая блузка, купленная к очередному зимнему сезону шубка... Словом, Ирина Викторовна в гуще жизни, и всё происходящее вокруг неё она воспринимает с достоинством, простотой и сердечностью.

*Людмила Юрьевна Зорина (Кваша),
выпускница ВГПИ 1970 года,
профессор кафедры русского языка ВГПУ*

Благодарность на всю жизнь

Среди городов, которые мне очень дороги, особое место занимает Вологда – город юности моей. В 1971 году я поступила учиться на филологический факультет Вологодского педагогического института. О своём выборе не пожалела никогда.

Одно из первых ярких впечатлений – лекции по античной литературе Ирины Викторовны Гура, открывшие нам удивительный мир Древней Греции и Рима. Они стали для меня той основой, которая во многом помогла осмыслить развитие и русской, и западноевропейской литературы.

Самым любимым для меня в институте был курс «Русская литература XX века (дооктябрьский период)», который тоже читала Ирина Викторовна. Прошло много лет,

но память вновь и вновь возвращает меня в те далёкие годы. Я вижу, как Ирина Викторовна входит в нашу аудиторию, я слышу её удивительный голос – и чудная музыка Серебряного века начинает звучать в моей душе.

Когда я поступала в институт, я мечтала о том, что буду заниматься научной работой – изучать советскую литературу, которая мне очень нравилась в школе. Однако оказалось, что советскую литературу изучают только на четвёртом курсе, преподаёт её заведующий кафедрой литературы, доктор наук, профессор В.В. Гура, который с первокурсниками не работает. Моя мечта так и осталась бы, наверно, мечтой, если бы не Ирина Викторовна.

Я очень хорошо помню первый вечер нашей группы. Назывался он «Давайте познакомимся». Преподаватели рассказывали о себе, своих научных исследованиях, потом выступали мы. Когда Ирина Викторовна спросила меня, чем бы я хотела заниматься, я без раздумья ответила: «Советской литературой». Ирина Викторовна улыбнулась: «Тогда пойдём со мной». Она привела меня в деканат, где её ждал Виктор Васильевич, и сказала: «Эта девочка хочет заниматься советской литературой». Виктор Васильевич долго беседовал со мной и в конце разговора произнёс: «Я буду Вашим научным руководителем».

Благодаря Ирине Викторовне я получила счастливую возможность под руководством Виктора Васильевича заниматься научной работой все четыре года учёбы в институте. Доклады на студенческих институтских и межвузовских конференциях, курсовая и дипломная работы... Это было для меня самым значимым и самым интересным. И я бесконечно благодарна Виктору Васильевичу и Ирине Викторовне, что в моей жизни всё это было.

*Людмила Георгиевна Конасова, выпускница 1975 года,
заместитель директора по научной работе
Великоустюгского государственного
историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника*

«Как уст румяных без улыбки...»

Почему-то образ Ирины Викторовны Гура связан у меня с этой пушкинской цитатой. Так уж получилось, что я оказался от Вологды оторван – и уже много лет там не бывал – но этот образ в памяти непременно совмещается с её «фирменной» улыбкой. Кажется иногда, что улыбка эта – как у чеширского кота – существует отдельно от Ирины Викторовны.

Есть три разновидности улыбок. Приклеенная к лицу «американская» улыбка на все 32 зуба – ничего не выражающая, но определяющая просто комплекс «хороших манер», как его понимают за океаном. Редкая и чопорная улыбка «воспитателя», которой он изредка дарит своих воспитанников в знак хорошего расположения, – она уже сама по себе рассматривается её носителем как «подарок». И – открытая, искренняя, «всегдашняя» улыбка, которая будто освещает окружающих и даёт им энергию существования; носитель такой улыбки, не задумываясь, естественно и бескорыстно украшает окружающий его мир. Такая улыбка всегда особенно красива. Именно такая улыбка Ирины Викторовны и запомнилась мне.

Я учился на историко-филологическом факультете Вологодского пединститута с 1967 по 1971 год. Ирина Викторовна Гура читала на нашем курсе две дисциплины, трудно совместимые между собою. Эти дисциплины считались тогда «не главными», даже «дополнительными» (в конце – не экзамен, а всего лишь зачёт!), – но на самом деле были едва ли не определяющими в литературоведческом образовании. Тогда я этого ещё не понимал.

На первом курсе И.В. Гура читала нам античную литературу. Потом в своей жизни я повидал много «античников» и тоже мог бы привести соответствующую «типологию»... Ирина Викторовна не была похожа ни на кого. Её рассказ, казалось бы, такой «простенький» и невзыскательный, неожиданно обнаруживал особенную глубину и очень точно выходил на те проблемы, которые требовалось знать имен-

но школьным учителям. Всё это преподносилось как будто «не всерьёз», с многочисленными оговорками, что вот-де речь идёт о древних людях и принятых тогда условностях – но мы понимали, насколько это важно. И всё опять же осенялось улыбкой...

А под конец нашего обучения Ирина Викторовна читала важный, «идеологический» курс, который тогда назывался: «Русская литература XX века (дооктябрьский период)». Теперь мы говорим о Серебряном веке – а тогда было положено рассказывать о «декадентстве» и «символизме» и о том, как в борьбе с этими нехорошими направлениями зарождался «правильный» социалистический реализм. И соответственно, возникал отбор «приоритетных» имён русских писателей. Среди «реалистов» говорили про Горького, Алексея Толстого, Куприна и очень «избранного» Бунина. Но не дай бог было упомянуть Бориса Зайцева, Ивана Шмелёва, Евгения Чирикова, Евгения Замятина, Алексея Ремизова и т.п. Их как будто и «не было»... Не говорю уж о символистах: «не было» ни Мережковского, ни Зинаиды Гиппиус, ни Фёдора Сологуба... А те, которые «были», – те преподносились под соответствующим идеологическим соусом, в изобилии присутствовавшим в учебниках и хрестоматиях приснопамятного А.А. Волкова. И не вздумай какой-нибудь «знаток» посвоевольничать: «шаг вправо, шаг влево считается побег»...

Следующий, ещё более идеологизированный курс советской литературы читал муж Ирины Викторовны, известный профессор Виктор Васильевич Гура. Читал он совершенно «как положено»: очень громким и очень уверенным голосом. Читал – как гвозди забивал: всё, мол, было только так – и никак иначе. И не дай вам бог (бог – с маленькой буквы!) подумать, что могло быть по-другому!

Из своего сложного положения Ирина Викторовна выходила совсем необычным образом. Нет, она не поминала всеу запрещённых имён и не советовала студентам тайком почитать нечто крамольное. Она опять же пускала в ход свою

неповторимую улыбку. Вот рассказывает она, допустим, об Анне Ахматовой (о которой тогда было дозволено говорить только в стилистике незабвенного доклада Жданова – как о «блуднице»: представительнице «декадентства» и культурного разложения). Произносит необходимые слова – потом читает несколько стихотворений. Этаким пример «декадана». Но читает так, что все понимают: это настоящие стихи! И улыбка становится грустной-грустной – как же неудобно ей участвовать в таком литературном «судилище»...

На зачёт к И.В. Гура мы шли с особенным чувством – и всегда готовились. И как правило, благополучно получали этот зачёт – и улыбку в подарок. Ту улыбку, которая – вот уже сорок с лишним лет прошло! – запомнилась на всю жизнь.

*Вячеслав Анатольевич Кошелев,
выпускник ВГПИ 1971 года,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Новгородского государственного университета,
почётный работник высшего
профессионального образования РФ,
член Союза писателей РФ*

«Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...»

С этой строки великого Гомера начался для нас, первокурсников далёкого 1965 года, курс античной литературы. Произнесла эту строку нараспев, подчёркивая красоту гекзаметра, невысокая, чуть полноватая женщина – Ирина Викторовна Гура. Осталось ощущение, что «Илиаду» и «Одиссею» она знала целиком наизусть. И вот уже без малого 50 лет мне слышится этот голос, и в памяти оживает милая подкупающая улыбка Ирины Викторовны, и я, даже чуть подражая ей, начинаю свой урок мировой художественной культуры с этой гомеровской строки, чтобы погрузить своих учеников в загадочный мир античной мифологии и литературы. И рассказываю им не только о Гомере, но и о самой Ирине Викторовне, как и о многих других моих преподавателях.

Вологодский педагогический институт был для нас настоящей альма-матер: он дал нам не только знания (в конце концов, их можно почерпнуть из многих источников), но ввёл нас в атмосферу подвижнического педагогического труда, раскрыл горизонты творчества, заставил искать пути преодоления трудностей. И мы, став сельскими учителями, постарались позаимствовать у таких педагогов, как Ирина Викторовна, всё самое лучшее. Она поражала истинной интеллигентностью, мягкостью, добротой, щедро делилась с нами своей любовью к литературе и к жизни.

Удивительно сочетались в наших педагогах простота, доступность и строгость. Однажды Ирина Викторовна Гура и Татьяна Георгиевна Паникаровская пришли к нам в общежитие на чашку чая, чтобы поздравить меня, простую студентку, с днём рождения. Это было так трогательно и по-человечески славно, что помнится спустя многие годы. В то же время я не припомню ни одного случая какого-либо снисхождения на зачёте или экзамене – предельная требовательность и глубина. Широта интересов, глубокая эрудиция, умение увлечь аудиторию отличали и Ирину Викторовну, и, конечно, её супруга Виктора Васильевича Гуру, и многих других преподавателей. Огромная их трудоспособность, постоянный исследовательский порыв и снискали, я думаю, славу нашему замечательному Вологодскому государственному педагогическому институту.

*Людмила Ювенальевна Кратирова,
выпускница 1969 года, заслуженный учитель РФ,
учитель русского языка и литературы
Вожегодской школы Вологодской области*

И не прервать связующую нить...

Женщина без возраста. Слова, которые как нельзя лучше соответствуют облику Ирины Викторовны Гура. Она молода душой. Молодость – это её собственное ощущение. Ирина Викторовна сохранила молоджавость в своих привычках, в друзьях, в своей открытости к людям, несмотря на то что в её жизни было всё: счастье и горе, радость и боль. В этой

женщине собраны самые лучшие человеческие качества: ум, мудрость, доброта, благородство, интеллигентность, любовь, умение общаться с людьми разного возраста и понимать каждого человека. «Сокровища душевной красоты совмещены в ней были благодатно» и сохранены ею. Ирине Викторовне свойственны отзывчивость, великодушие. Она способна на глубокие привязанности и сильные чувства. Она изысканна, элегантна, красива. Но обаяние её – во внутренней, душевной красоте.

Этой женщине чужда всякая искусственность. Всё, что она делает, она делает самозабвенно: ухаживает ли за нежными фиалками, принимает ли гостей, поёт ли в тесной компании друзей, печёт ли самые вкусные пироги, работает ли за компьютером, пишет ли воспоминания... А фальшивость, ненатуральность её отталкивают. Глубокое содержание и доброта Ирины Викторовны проявляются в любой мелочи: в сочувствии к окружающим людям, в готовности прийти на помощь тому, кому в данный момент она необходима. Наверное, такая незаметная доброта – самая красивая, самая нужная в нашей обыденной жизни.

Невольно вспоминается совсем незначительный, казалось бы, эпизод. Ирина Викторовна, когда ей исполнилось только пятьдесят пять лет, решила покинуть нашу дружную кафедру, уйти на заслуженный отдых, то есть – на пенсию. При этом она бодро и даже как-то весело заявила: «Уступаю место молодым!» Все загрустили, почувствовав, как будет её не хватать... А в один из солнечных мартовских дней, когда на кафедре обсуждали очередную литературную новость, распахнулась дверь, и глазам предстала весенняя, брызжущая улыбкой Ирина Викторовна с корзинкой, как у Красной Шапочки, прикрытой изящной салфеткой. Запахло домашними пирожками, какие умеет печь только Ирина Викторовна. Их аромат заполнил кафедральную комнату. С молниеносной скоростью постелили на стол скатерть, поставили чашки. Перебивая друг друга, пытались высказаться, поделиться сокровенным. Было необыкновенно тепло, уютно, счастливо, дружелюбно, радостно – словом, как-то по-преж-

нему. Всё снова встало на свои места. И даже басовитое ворчание Виктора Васильевича Гуры, супруга Ирины Викторовны, нашего высокопочитаемого заведующего кафедрой, шефа, как мы его любя величали: «Опять кафедру превратили в кухню!», – не смогло нарушить создавшуюся атмосферу праздника и в то же время ощущения спокойствия и уверенности, которые сумела вселить эта маленькая женщина с большим добрым сердцем, излучающим любовь.

Ирина Викторовна – женщина-праздник. Её жизнелюбие и оптимизм неиссякаемы. И жизнь отвечает ей взаимностью. Жизнь подарила ей прекрасных детей, замечательных внуков, очаровательных правнуков, горячо любимых и любящих. Их фотографии украшают стены комнат, книжные полки рабочего кабинета, наполняют толстые альбомы и рассказывают – о прошлом, настоящем, будущем, напоминают о быстротечности и бесконечности времени.

С таким интересным, неординарным, внутренне богатым человеком связала меня жизнь в далёкие годы моей студенческой юности и, к счастью, не разъединила до сего дня. И я благодарна судьбе за это.

*Татьяна Яковлевна Лебедева,
выпускница ВГПИ 1972 года,
заведующая кабинетом литературы ВГПУ*

«Думайте сами, решайте сами...»

На первом курсе Ирина Викторовна Гура вела у нас занятия по античной литературе. На первом зачёте по её предмету я получил вопрос о творчестве поэтессы Сапфо. Сказать, что поэзия этой жрицы любви не вызывала у меня восторга, значит ничего не сказать. И Ирина Викторовна, видимо, сразу это поняла, задала какой-то вопрос о Сапфо, на который я легко ответил, и разрешила тянуть другой билет. На этот раз мне попался вопрос об Овидии, с чем я успешно справился. Но Ирина Викторовна эту историю не забыла...

Когда через полгода я не изъявил особой радости, вытащив билет по «Макбету», она понимающе улыбнулась:

– Опять женщина не угодила?

– Так ведь злодейка, – сказал я, имея в виду супругу Макбета.

Слегка погоняв по всему творчеству великого драматурга, И.В. Гура вновь разрешила мне взять другой билет. А там меня уже дожидался любимый Мольер...

На последнем году моего обучения Ирина Викторвна вела у нас курс русской литературы начала XX века. Это было что-то удивительное! Назывались фамилии поэтов и писателей, которые в школе и упоминать-то не упоминали, звучали факты, которые обычно замалчивались. На одном из занятий И.В. Гура предложила желающим подготовить на выбор доклады о творчестве Андрея Белого, Николая Гумилёва, Константина Бальмонта, Саши Чёрного, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой... Помня о прежних «прегрешениях», я сразу же вызвался, поднял руку.

– Хорошо, – сказала Ирина Викторвна, – попробую угадать. Значит, Гумилёва выбрали?

– Нет, – не задумываясь ответил я.

– Бальмонта?

И опять я ответил: – Нет.

Ирина Викторвна улыбнулась:

– Неужели женщина на этот раз приглянулась?

– Да, Анна Андреевна Ахматова.

– И какое у вас любимое стихотворение?

*Двадцать первое, ночь, понедельник,
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле...*

– с пафосом прочёл я.

– Хорошо, достаточно, можете готовиться.

Доклад я подготовил, и потом мы ещё долго, даже после занятий, беседовали о том, что же это такое – настоящая поэзия.

Ирина Викторвна никогда не давила на нас, терпеть не могла избитых истин. Помню, на семинаре, посвящённом творчеству Куприна и в частности – его «Поединку», одна

из студенток спросила, почему анализируется именно «Поединок». Вопрос этот не застал Ирину Викторовну врасплох.

– А что бы предложили вы?

– Да хотя бы «Штабс-капитан Рыбников».

– Ну, что ж, поговорим и об этом произведении. А «Поединок» выбран только потому, что в нём наиболее ярко отразились все основные темы творчества Куприна. Почти у каждого серьёзного писателя есть произведение, которое он считает главным для себя. Для Куприна — это «Поединок». Это не значит, что мы должны забыть об «Олесе», «Гранатовом браслете», «Яме», наконец. У Куприна социальные мотивы мирно соседствуют с любовной тематикой. Его главные герои – личности многогранные, неоднозначные. Того же Желткова из «Гранатового браслета» кто-то считает слабым человеком, неудачником. А ведь это далеко не так. Почаще перечитывайте классиков, старайтесь сформировать своё мнение по любой проблеме. Не навязывайте его, но умеете отстаивать, – говорила нам Ирина Викторовна.

И мы благодарны Ирине Викторовне за эту деликатную науку.

*Александр Иванович Марюков,
выпускник ВГПИ 1975 года,
член Союза журналистов России,
выпускающий редактор областной газеты
«Красный Север»*

Мои дорогие преподаватели

Светлой памяти наших
институтских преподавателей посвящается

*Есть МГУ, есть ВМИ,
Но всех дороже ВГПИ!
Пусть пролетит множество дней,
Ты год от года будешь родней.
Пусть повторяют внуки мои
Светлое имя – ВГПИ!*

*Из студенческого гимна
Вологодского государственного
педагогического
института в 60–70 годах XX века*

Звонок сестры из Великого Устюга заставил меня вернуться к страницам жизни, память о которых находилась где-то в глубине души. Этот период моей жизни со временем заслонился заботами сегодняшнего дня, тревогой о детях и внуках, воспоминаниями, размышлениями и сомнениями о своих жизненных итогах, болью за нашу школу и педагогов – за всё, что является новым «взмахом маятника» российской действительности (влево или вправо – не в том суть).

И о нашем времени начнут говорить как о времени перегибов и перекосов, а потом всё будут делать для того, чтобы вернуть, восстановить то, что мы так легко и почти безвозвратно утрачиваем... «Время собирать камни и время их разбрасывать». Печальные мысли приходят в мою седую голову: «Мы потеряли лучшее в мире образование... Из школы и семьи постепенно уходит любовь... Наши дети становятся неуправляемыми...»

Невольно появляется ностальгия по тем временам, когда мы учились в школе, а потом в институте. Тогда учителя нас любили и верили в наши силы и возможности. Не знаю, какими способами они сохранили духовное зрение и прозревали в нас хороших людей, прекрасных учителей и научных работников, талантливых руководителей. Они нам милосердствовали, и этим восполнялось всё: и материальная бедность, и несовершенство методики, и наши естественные недостатки.

Для наших преподавателей мы были детьми, и это ощущалось всегда. Смотрю на фотографию нашего выпуска, на наших преподавателей и думаю: сейчас я уже старше многих из них, но до сих пор для меня они – Е.Е. Соллертинский, П.В. Булин, О.В. Шайтанов, В.А. Шитов, И.В. Гура, другие преподаватели – непревзойдённые образцы профессионализма, милосердия, высокой культуры, многих других человеческих достоинств.

Например, в Евгения Евгеньевича Соллертинского мы были влюблены всем курсом. Его лекции по русской литера-

туре второй половины XIX века, записанные почти дословно, бережно хранятся до сих пор. Двадцать лет работая в школе, я обращалась к ним, находя зёрна бесценных наблюдений над текстом произведений русских писателей. Потом работая заведующей кабинетом русского языка и литературы, а далее на кафедре филологического образования в Сыктывкарском институте повышения квалификации педагогов, я снова и снова пользовалась методическими советами моего преподавателя.

Чтобы попасть на спецкурс по творчеству А.С. Пушкина, который вёл Евгений Евгеньевич, мы бросали жребий: хотели слушать все, а количество обучающихся было ограничено. На лекции Е.Е. Соллертинского приходили даже те, кто по болезни или другим причинам имел справку об освобождении, если, конечно, были в состоянии прийти. На его практических занятиях разгорались целые дискуссии, особенно по творчеству М.Ю. Лермонтова, которого он так любил. Е.Е. Соллертинский – это мы знали – был участником Великой Отечественной войны. Позднее я прочитала, что Евгений Евгеньевич был защитником Сталинграда. Он, как говорили (не знаю, откуда все эти вести распространялись в студенческой среде), очень любил свою жену, которая работала учителем в школе.

Павел Васильевич Булин тоже был участником Великой Отечественной войны, говорили, что у него были тяжёлые ранения, из-за которых он вынужден был время от времени ложиться в больницу. Факты героического прошлого наших преподавателей вызывали в нас величайшее к ним уважение, мы глубоко сочувствовали им. Они становились нам ближе и роднее: ведь и отцы наши тоже воевали на фронте, защищали Родину.

Суровый и неприступный на вид, Павел Васильевич был добрейшим человеком. В своём предмете (современный русский язык) он был таким виртуозом, что девчонки в нашей группе потом говорили, что если бы нам предоставили выбор, что преподавать в школе – русский язык или литературу – то мы выбрали бы русский язык. И это правда: очень часто

выбираем то, что хорошо знаем, в чём чувствуем себя уверенными. А у Павла Васильевича не могло быть иначе.

Преподаватель литературы XVIII века Геннадий Иванович Лебедев был нашим куратором. Он принадлежал к поколению, которое сохранило черты старой русской интеллигенции: аристократизм, эстетизм, высочайшая этическая культура, верность своему делу. Его знание произведений русской литературы было скрупулёзным в цифрах, событиях и деталях, и от нас он требовал такого же знания всех деталей произведений писателей, так от нас далёких. Доходило, как мы тогда думали, до комизма. Много лет спустя я поняла и оценила это совершенно по-другому.

Геннадий Иванович на каждый праздник поздравлял всю нашу группу, отправлял открытку на моё имя как старосты группы. В несколько высокопарных, как нам тогда казалось, выражениях он желал нам всех благ. Господи, как это уже далеко! Мы, в основном выходцы из рабоче-крестьянского сословия, впитывали ту культуру, к которой принадлежали наши педагоги.

Раиса Фёдоровна Богачёва тоже одно время была куратором нашей группы. Она проводила для нас групповые собрания, на нескольких таких «классных часах» рассказывала о своей работе за рубежом, где она преподавала русский язык иностранным студентам. Особенно нам запомнились её рассказы о пребывании в ГДР. Мы с таким вниманием и удивлением слушали её, задавали огромное количество вопросов!

Я лично чувствовала в Раисе Фёдоровне очень близкого мне по духу человека. Её отличали простота и необыкновенная душевная теплота. «Вы, Ниночка», – так обычно она обращалась ко мне. Когда я после окончания института приезжала в Вологду, часто её навещала. Она рассказывала мне о смешных случаях из своей жизни. Помню одну историю, когда она, углубившись в свои мысли, зашла в магазин с раскрытым зонтиком и прошла по всем отделам, недоумевая, почему на неё с удивлением смотрят продавщицы. Какая милая и сердечная простота у этой чистой русской души!

Я часто, очень часто вспоминаю Раису Фёдоровну, особенно когда по такой же причине «внутренней занятости» совершаю в быту подобные оплошности.

Именно Раиса Фёдоровна повлияла на мою судьбу, очень беспокоясь о том, что я не в аспирантуре. Она мечтала, чтобы я училась дальше. «Поезжайте, Нина, в Сыктывкар, там открылся новый университет, им, наверное, нужны молодые научные сотрудники. Вам необходимо учиться!» – говорила она мне. Я и поехала в Сыктывкар. В университет, естественно, не попала, но моя судьба оказалась навсегда связанной с этим суровым северным краем...

С чувством огромной благодарности вспоминаю В.А. Шитова, он открыл для нас богатейший мир образительных и выразительных средств языка. Его всегда благожелательное выражение лица, добрая улыбка, тонкий юмор не могли не покорить наши сердца. Декан факультета О.В. Шайтанов познакомил нас с богатством зарубежной литературы, М.А. Вавилова – с прекрасным миром устного народного творчества, Т.Г. Паникаровская – с диалектологией и церковнославянским языком. Они любили свои предметы и были профессионалами высокого класса. Они любили и нас, высвечивая в нас всё лучшее этим прекрасным чувством, они дали нам то богатство, которым владели сами, – знание, которого хватило на целую жизнь.

И.В. Гура занимала особое место среди преподавателей: её любили всегда и все, казалось бы, ни за что, просто – любили. Она читала античную литературу и вела спецкурс по литературе конца XIX – начала XX века. Её приятный голос, всегда доброжелательная улыбка, приветливые улыбающиеся карие глаза – всё располагало к ней как человеку и педагогу. Подача лекционного материала у Ирины Викторовны отличалась необыкновенной лёгкостью: всё было красиво, просто, понятно и радостно. От неё я, провинциальная девчонка, не видевшая до 6 класса поезда, впервые услышала имена Гомера, Сапфо, Демокрита, Алкея, Анакреонта, Эхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, Вергилия. Целый до этого не существовавший мир реально открылся нашему

взору. Не погрешу, если скажу, что Ирину Викторовну любили и уважали все студенты.

Кажущая простота подачи Ириной Викторовной материала есть результат высокого преподавательского профессионализма, лишённого примитивизма и упрощенчества. Говорить о самых сложных понятиях доступно и понятно для любой аудитории – прекрасное качество учителя, лектора. Ирина Викторовна – Учитель, такой мы будем её помнить до конца нашей жизни.

Вспоминается такой случай. Однажды на спецкурсе Ирины Викторовны по литературе начала XX века я выбрала для исследования проблему детства в произведениях русских писателей этой поры. Специальной критической литературы по проблеме не нашлось даже в знаменитой Бабушкинской областной библиотеке Вологды. Ирина Викторовна указала мне на источник, который был только в московской библиотеке. При отсутствии таких средств получения информации, какими мы владеем сегодня, в те времена была налажена прекрасная связь между библиотеками, и через месяц в межбиблиотечном абонементе я получила вожделенную статью о сравнении изображения судеб юных героев в творчестве русских писателей начала XX века. Сравнительный анализ в присланной статье по рассказу М. Горького «Дед Архип и Лёнька» и А. Куприна «Белый пудель» (не помню сейчас имени автора) был сделан прекрасно, я обрадовалась и сделала свой доклад на основе этой статьи.

На практическом занятии я бодро «отчиталась», но всё оказалось не столь радужно. Только благодаря Ирине Викторовне я поняла, что повторять чужие мысли и открытия – это одно, а использовать метод, разработанный умным человеком, но самому пройти его путь не за ним, «след в след», а по новой почве – это совсем другое. Мне необходимо было применить методологию автора, использованную в данной статье, но приложить к другим произведениям по выбранной проблеме, благо тема детства была актуальной для многих писателей той поры. В своей педагогической практике в работе и с учениками, и с педагогами я учу их учиться:

если не можешь пока выработать свой оригинальный подход, то талантливо, творчески пройди по пути умного предшественника, тогда тебе со временем откроется неповторимый – уже твой собственный – путь.

Меня переполняет чувство благодарности ко всем моим институтским преподавателям. Хочу сказать, что сама я работаю более 20-ти лет с учителями, педагогами Республики Коми. Когда они задают вопрос о месте получения мной высшего образования, я с удовольствием отвечаю, что окончила Вологодский государственный педагогический институт и всегда горжусь этим.

Я практически безошибочно, по каким-то неуловимым признакам «вычисляю» в курсовых потоках тех, кто учился в Вологде: их всегда отличает высокий научный и методический уровень и особое душевное тепло и мягкость. А учителей русского языка и литературы, окончивших ВГПИ, в Коми очень много. Мы находим друг друга и с теплотой вспоминаем наш институт и наших преподавателей.

Я молюсь за своих дорогих преподавателей, почти все они покинули наш мир. Всем, кто ушёл, – вечный покой и царствие небесное! Пусть светлая память о них переживёт и наш век. А всем тем, кто с нами, желаю здоровья, добра и покоя!

*Нина Михайловна Мищенко (Батакова),
выпускница ВГПИ 1970 года,
заведующая Центром патриотического
и духовно-нравственного воспитания
Коми республиканского института развития образования*

«Огонь, мерцающий в сосуде...»

Говорить и писать об Ирине Викторовне Гура и легко, и трудно. Легко, потому что только при упоминании её имени возникают самые приятные воспоминания и ассоциации, их множество, и это прекрасный фон для разговора о нашем замечательном юбиляре. Легко потому, что многое нас связывает, одно только то, что мы знакомы с 1966 года, – уже само по себе впечатляет. А трудно – потому что не всегда

находятся слова, чтобы выразить восхищение этой необыкновенной женщиной и передать благодарность ей за то, что она озарила своим присутствием и мою жизнь, стала её частью.

Когда после окончания 11-й вологодской школы я поступила в педагогический институт, то, казалось, просто перешла с одного берега реки Вологды – из Заречья – на другой берег – в Центр, как и до сих пор говорят старожилы. Дело в том, что здания школы и историко-филологического факультета, находившегося в те годы на улице Героев Арктики (теперь Мальцева), были как две капли воды похожи друг на друга, были построены по одному проекту. Внешнее сходство, конечно, помогло мне быстрее адаптироваться на первом курсе. Но в остальном всё было новым, необычным и увлекательным: и студенты, и преподаватели, и виды занятий, и читаемые курсы.

Среди новых предметов – античная литература. Ведёт её невысокого роста, внешне очень привлекательная, всегда элегантно одетая, обаятельная Ирина Викторовна Гура. И громада античной культуры и литературы впервые открывается с её помощью нашему взору. Она столько стихов знает наизусть, так вдохновенно их читает, что мы, замороженные её манерой и дивным голосом, готовы слушать и слушать. А потом идёт их анализ, неспешный, увлекательный, и начинаешь понимать связи литературы Древнего мира и современности, воспринимать переключку эпох, переплетение времён...

На четвёртом курсе начинается курс литературы XX века, мы снова во власти обаяния Ирины Викторовны. И снова новые, часто впервые услышанные имена поэтов и писателей Серебряного века оживают с её помощью, чтобы остаться с нами на всю жизнь. А потом была первая практика по литературе, и теперь уже не помню, мы выбирали руководителя или он нас выбирал, но оказались мы в школе № 1, в старших классах (а это значит: ученики только на три-четыре года младше нас, «учителей»). Руководит практикой И.В. Гура. И её спокойствие, вера в нас, мудрые, неспешные и очень нужные

советы до уроков, моральная поддержка на них и во время их обсуждения делают своё доброе дело: уже не страшно входить в класс, вести урок, быть готовой к дискуссии с великовозрастными «детьми», которым так интересно проверить, чего «стоит» этот молодой «педагог». Всё проходит замечательно, и когда по прошествии многих-многих лет вдруг в Хельсинки встречаешься с одной бывшей вологжанкой, а она до сих пор помнит, что я вела у них в классе уроки во время этой самой практики, то понимаешь: в этом велика заслуга Ирины Викторовны.

Окончена учёба в институте, дальше год работы в сельской школе, аспирантура, защита диссертации, и вот я снова в Вологодском педагогическом институте, уже в новом здании на проспекте Победы и в роли преподавателя. И атмосфера творческого, вдохновенного педагогического труда на факультете захватывает, а родные лица преподавателей, их участливое, доброжелательное отношение к новоиспечённому коллеге очень многое значат. Совместные с литераторами заседания, отмечаемые вместе праздники, да и просто услышанное в коридоре ласковое обращение Ирины Викторовны: «Танечка! Как дела?», – остались в памяти навсегда.

Мои встречи с Ириной Викторовной возобновились, когда, «из дальних странствий возвратясь», я снова окунулась в жизнь Вологды. И возобновились так естественно, так по-доброму, как будто и не было этого более чем десятилетнего перерыва. Встречи с выпускниками, радостные и печальные события, происходящие в жизни коллег и учеников, не обходят стороной Ирину Викторовну. Она в гуще всех событий, сочувствует и соучаствует в наших судьбах.

Вот мы в гостях у Ирины Викторовны (в последние годы это бывает частенько). Как всегда, гостеприимная хозяйка встречает нас накрытым столом: то она радуется хлебом собственной выпечки из современной хлебопечки, то вкуснейшими пирогами, то «шарлоткой», которая у неё всё равно гораздо вкуснее, чем моя... И восхитительная наливочка собственного приготовления всегда тоже очень кстати. В таком

«обрамлении» и «сопровождении» идёт задушевная беседа, которая доставляет огромное удовольствие.

И о чём бы ни зашёл разговор, мы всегда находим общие темы. Ирина Викторовна рассказывает о своём ленинградском детстве, и меня многое связывает с моим любимым городом на Неве, где познакомились и жили до войны мои родители. С детства я часто бывала в Питере (так всегда называл его папа), хорошо знаю город и воспринимаю его как родной. Там я училась в аспирантуре, там началась наша семейная жизнь, потом учились в университете наши дочери...

Ирина Викторовна вспоминает среди других близких ей людей Надежду Михайловну Лукашевич. Я уже не застала её работающей в нашем институте, но хорошо знала, потому что после высылки из Ленинграда в конце тридцатых годов теперь уже прошлого века она долгие годы снимала комнату на Крестьянской улице (ныне улица Бурмагиных) в доме моего будущего свёкра Владимира Дмитриевича Парменова, который потом всю жизнь опекал Надежду Михайловну, помог ей получить квартиру в благоустроенном доме, а я по его просьбе не раз навещала её с цветами и подарками.

Мы обсуждаем новые книги, и приятно слышать, что твоё отношение, скажем, к книге А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» совпадает с мнением Ирины Викторовны. Она следит за новинками литературы, в этом ей уже много лет помогает Наталья Николаевна Фарутина, которая по её просьбе приносит из областной библиотеки всё самое интересное и значительное. Я уже не говорю о том, как легко находит сама Ирина Викторовна нужную информацию в Интернете. И это в её-то возрасте! Одно это вызывает восхищение и уважение к ней.

Объединяет нас и память об ушедших коллегах по факультету, о которых от Ирины Викторовны мы узнаём много нового, открываем для себя каждого из них не только как преподавателя, но и как яркую личность. И та самая «единственная на земле роскошь» в общении с Ириной Викторовной наполняется реальным смыслом, так легко и живо, насколько не чувствуя разницы в возрасте, разговаривает она с

нами, с нашими детьми и внуками.

Идею создания этой книги Ирина Викторовна поддержала сразу и всячески помогала нам. А подготовка книги убедила нас, насколько тесными и дружескими остались её контакты с бывшими учениками. На дворе 2013 год, а откликнулись (и с какой радостью!) выпускники института аж с 1953 года! Эта связь на всю жизнь, причём не формальная, а живая, многие ли могут таким общением похвастаться?! Со всех концов страны – от Ставрополя до Котласа и Ухты – уже немолодые, но «вечные» ученики спешат выразить своё восхищение Ириной Викторовной, передать слова признательности и благодарности в её адрес. О том, как шла работа над изданием, можно написать целую книгу, так много переплетений жизней и судеб она всколыхнула и отразила. Эти, выражаясь научным языком, интертекстуальные связи, основанные на жизненных, тёплых и дружеских контактах, нашли в книге своё место.

«Нет возраста, мой друг, есть просто жизнь...» – это строка из стихов Ирины Викторовны. Ей в высшей степени подвластно это искусство жить на земле, наверное, самое трудное, жить достойно, содержательно и красиво. Жить так, чтобы тепло души озаряло твой путь и жизнь тех, кто тебе дорог. И пусть ещё долго «огонь, мерцающий в сосуде» греет родных и друзей, коллег и учеников дорогой нашей Ирины Викторовны. А её поздравляем с прекрасным юбилеем и пожелаем здоровья, душевных сил и любви близких!

*Татьяна Васильевна Парменова (Хомутова),
выпускница ВГПИ 1970 года,
кандидат филологических наук*

Счастливым характер

30 июня отмечает юбилейный день рождения замечательный человек – Ирина Викторовна Гура. Филологический факультет ВГПУ, кафедра литературы, бывшие коллеги, друзья поздравляют Ирину Викторовну, желают ей здоровья, радости от общения с друзьями и близкими, счастливого долголетия.

Её жизнь переплелась с жизнью страны, очень показательна для эпохи, постепенно уходящей в прошлое и, к сожалению, стирающейся в памяти новых поколений: годы сталинщины, война, оттепель, русский социализм, перестройка. Ни одно событие из истории нашего государства не обошло её стороной, а поскольку история страны была трудной, то трудной была и её жизнь, полная горьких событий, бед, но и больших радостей. Арест и расстрел родителей, посмертная их реабилитация, ссылка, война, великая победа, учёба в университете, наука, работа. Благодаря редкому характеру, отличающемуся необычайной любовью к жизни во всех её проявлениях, Ирине Викторовне удалось не только морально выстоять, несмотря на все невзгоды, но и не утратить способности радоваться миру: природе, цветам, животным, людям, новым книгам, музыке, рукоделию, компьютеру, которым она овладела к восьмидесяти, чтобы свободно общаться с родными и близкими, раскиданными по всему миру.

Как-то она сказала: «Таня, я очень хочу жить. Пусть невзгоды, нищета, недомогания. Только бы жить и видеть всё». Любовь ко всему живому – людям, животным, растениям – главная черта её характера.

«Все люди добрые...» Уверенность в этом, бывало, и подводила её, но никогда не проходила окончательно. Меня такая открытость миру людей не только удивляла, но иногда беспокоила: на все звонки отворяются двери, покупается навязанный мёд (мёдом вовсе не являющийся), затевается СМС-игра с угадыванием слов, после которой приходит большой счёт за телефон... Ничего страшного. Добрых людей больше. «Таня, меня угостили настоящим земляничным вареньем. Такое вкусное!»

Как-то общая знакомая сказала об Ирине Викторовне: «Она всегда умела окружить себя молодыми людьми». Умела. С ней поговоришь, и всё прояснится, станет на свои места, она позвонит – и настроение улучшится. Я не знаю другого человека, который бы с такой ответственностью относился к словам. Ни одного «пусто-

го» слова: никогда не скажет «тебе идёт» (о платье), если не идёт, «хорошо выглядишь» – если это не так. Промолчит. Или скажет, но не обидно – с искренним стремлением помочь. И никогда не использует слова с иной, не присущей им изначально целью (уязвить слушателя, обратить на себя внимание и т.д.) – только для передачи информации, интеллектуальной и эмоциональной.

Я видела, как она на кого-то сердилась, кем-то была недовольна, как горевала. И всегда очень сдержанно. Без надрыва. На моё удивление – «Таня, меня так воспитывали». Только рядом с ней я поняла, как это важно – воспитание.

Помню, будучи аспиранткой, я часто приходила на консультации к Виктору Васильевичу, и всякий раз Ирина Викторовна пыталась «заполучить» меня, чтобы дать послушать записи Вертинского или угостить необыкновенной творожной пасхой в светлое Христово Воскресение. Виктор Васильевич иногда сердился: не до глупостей, диссертация не пишется. Сейчас я не уверена, что важнее: моя диссертация или моё умение приготовить пасху. Впрочем, и то, и другое зародилось в её доме.

Казалось бы, зачем ей тогда была нужна я – малознакомая девочка из другого города, её студентка и аспирантка её мужа? Искренний интерес к людям. Теперь она с не меньшим энтузиазмом может часами рассматривать фотографии моей дочки, вернувшейся из поездки в Испанию и нашедшей в лице Ирины Викторовны внимательного слушателя.

Ирина Викторовна очень любит животных вообще и собак – в частности. Не раз рассказывала, как вопреки желанию мужа заводила щенка – колли Кешу, каким умным псом он оказался, какую долгую и счастливую жизнь прожил рядом. Надо видеть её, играющую у меня на даче с собакой Карлой! Сколько удовольствия!

Её дом полон цветов. Каждое лето цветы выращиваются и на балконе. На подоконнике в кухне ежегодно ставятся «мичуринские» опыты: предпринимается попытка вырастить огурцы и помидоры в домашних условиях. С переменным успехом. Пока была дача, которую Ирина Викторовна тоже

очень любила, дела шли лучше: и помидоры, и огурцы росли в избытке. Теперь, приехав на мою дачу, она непременно обходит все грядки, трогает растения, забирается в теплицы, любит помогать при уборке лука или моркови: сначала собирает сама, потом сидит на солнышке и смотрит, как это делаю я.

Думаю, что повезло вологжанам и всем, кто учился у супругов Гура, мне, в частности. Так, Виктор Васильевич собрал в Вологде замечательную кафедру, написал и защитил докторскую диссертацию, вырастил учеников. Ирина Викторовна стала хорошим преподавателем, кандидатом филологических наук, родила и воспитала замечательных детей, обрела настоящих друзей. Бескорыстие, преданность выбранной профессии, доброжелательность, открытость, истинная интеллигентность – вот что всегда было и остаётся отличительной чертой этой семьи.

Ирина Викторовна говорит: «В Вологде было много счастливых лет. Любимая семья. Любимые дети. Любимые друзья. Любимые студенты. Любимая собака...»

Отработав в ВГПИ почти 30 лет, в 1978 году, сразу же по выслуге лет Ирина Викторовна вышла на заслуженный отдых. «И ни разу не пожалела. Столько в мире интересных дел, кроме работы!» Это точно. Если характер – счастливый, то весь мир – счастье.

*Татьяна Васильевна Рожкова,
выпускница ВГПИ 1982 года,
кандидат филологических наук*

Уроки античности и доброты

Интересная игрушка – калейдоскоп: не успеешь рассмотреть одну картинку, как стёклышки уже складываются в новый узор. Такова и жизнь первокурсника-филолога: аффиксы и префиксы меняются на синекдохи и литоты, а те – на педагогическую эргономику и валеологию. И вдруг в расписании занятий такое привычное слово – литература, правда, с определением – «античная». Ну что ж, пусть

античная, главное – кое-что знакомое. Из школьной практики вспоминается про какого-то «греку, который ехал через реку», да ещё про Одиссея, убегающего куда-то «от жены, от детей». Начало сентября 1974 года изменило наше представление об античности.

Аудитория № 72, первая пара. Точно со звоном открывается дверь, и в аудиторию входит невысокая обаятельная женщина. Царственным движением поправила волосы, с интересом оглядела аудиторию, подошла к кафедре: «Ирина Викторовна Гура, кандидат филологических наук, доцент».

С тех пор занятия у этого преподавателя стали любимыми. Я с нетерпением ждала лекций Ирины Викторовны. Это был какой-то праздник, открытие нового мира. И лекция вроде как и не лекция, скорее, импровизация на тему: так легко и свободно Ирина Викторовна говорила о сложном, помнила многочисленных героев мифов и все их родственные связи, приводила наизусть фрагменты текстов, которые нам не то что выучить – прочитать было трудно!

Как часто преподавательница отступала от материала лекции, переходила к современному искусству, подчёркивала, что мифология – неиссякаемый источник творчества поэтов, писателей, художников, скульпторов, композиторов, всей мировой культуры. Таким образом Ирина Викторовна воспитывала у нас культуру умственного труда, формировала ассоциативное мышление. Остроумный комментарий к текстам расширял наш не очень широкий научный кругозор, помогал учиться мыслить самостоятельно и не принимать на веру каждое слово учебника.

Занятия продолжались и вне стен института. Ирина Викторовна предлагала в качестве домашнего задания посетить музеи, картинную галерею, идя по улице, находить мифологические сюжеты, отражённые в архитектуре, в скульптуре, в лепке на фронтонах домов. Так духовный мир первокурсников становился богаче, разнообразнее, педагог учил нас понимать и осознавать красоту миропорядка, изящество и свободное проявление фантазии. Ирина Викторовна обо-

гащала нашу устную и письменную речь, предлагая запоминать крылатые выражения из текстов.

Мифология перестала быть набором сказок, выдумок, чего-то нереального, фантастического и неправдоподобного. Наоборот, я с удивлением узнавала, насколько мудры были наши предки, которые не только интересовались хлебом насущным, но и поднимались мыслью до звезд, стремясь объяснить устройство мира в целом.

Необычными были и семинарские занятия: синтез практикума, коллоквиума и семинара. Здесь было всё: чтение и комментарий к произведениям, конспектирование статей, подготовка рефератов, даже инсценирование не возбранялось.

Мне и моему поколению повезло с учителями. В 70-е годы в пединституте преподавали О.В. Шайтанов, В.В. Гура, И.В. Гура, В.А. Шитов, Т.Г. Паникаровская, Ю.В. Бабичева, Ю.И. Чайкина, Г.В. Судаков, М.А. Вавилова, Е.Е. Соллертинский. Они пропагандировали культ интеллектуальности, создавали атмосферу ответственности за слово и дело, их отличительными качествами были нестандартность, увлечённость, беззаветное служение науке.

Я с благоговением смотрела на преподавателей. Робкая по натуре, долго не могла привыкнуть к вузовской системе образования. Каждый раз тщательно готовилась ко всем практическим и семинарским занятиям, но вот поднять руку и ответить «на паре» не могла решиться: мне всё казалось, что обязательно что-нибудь забуду или скажу не то и не так. Однажды я пришла как обычно к первой паре, а занятия не было: я накануне не посмотрела изменения в расписании. Пойти было некуда (читальный зал ещё закрыт), и я стояла у окна на втором этаже. Смотрю – по лестнице поднимается Ирина Викторовна. Увидела меня, подошла и участливо спросила:

– Опоздали?

– Нет, изменения в расписании.

– А я давно хотела спросить: почему я вашего голоса на практических занятиях не слышу? Вчера прочитала вашу

работу (мы накануне выполняли письменную зачётную работу) и должна отметить аналитическое прочтение текста, знание теории и фактического материала. В чём же дело?

Голос звучал тепло и сердечно, в глазах светились сочувствие и понимание. Мне стало ясно, что это не праздное любопытство – это мудрость педагога, мастерство понимать проблемы студентов-новичков. И я рассказала о том, что так тяготило меня. Доброжелательный смех прервал мои сбивчивые объяснения:

– Милая моя, сидя на берегу и глядя на плавающих, сам никогда плавать не научишься! (Как часто я сама потом буду повторять эту фразу своим ученикам!). Вы ведь и пришли в вуз, чтобы учиться.

Ирина Викторовна предложила мне индивидуальное задание: подготовить реферативно-исследовательскую работу. Мне нужно было найти мотивы, темы, образы греческой и римской мифологии в русском фольклоре. А потом было выступление на семинаре. И похвала педагога значила больше, чем олимпийская медаль. Кажется, самый рядовой случай, каких, наверное, у многих преподавателей сотни. Но для меня он стал осознанием того, что я здесь человек не случайный, не лишний, а нужный и уважаемый.

Постепенно граница «преподаватель – студент» стала стираться, заменяясь на новые отношения, больше похожие на «старший – младший», коллега. К экзамену готовилась, как к празднику, очень хотелось порадовать любимого преподавателя знаниями, полученными за семестр, подтвердить то, что права Ирина Викторовна, поверившая в меня, и вместе с тем страшно было оконфузиться перед ней.

Проходят годы, что-то стирает из памяти время, уходят в прошлое мгновения студенческой жизни, но память о прекрасном и светлом человеке, поверившем в меня, всегда со мной.

Ирина Викторовна! Как часто я советовалась с Вами, хотя Вы об этом и не знаете! Как помогли мне знания Вашего предмета в научной карьере! Однажды, набравшись смелости

и решительности (Ваша школа!) я пришла к Юлии Викторовне Бабичевой с просьбой «взять меня в аспирантуру». На заседании кафедры литературы её заведующий С.Ю. Баранов, зачитав моё заявление, предложил членам кафедры высказать мнение по поводу названной кандидатуры. И опять, как Вы много лет назад, Юлия Викторовна поверила в меня. Её поддержала и Ирина Константиновна Канунникова (светлая ей память!).

Дорогие мои наставники, я, надеюсь, не подвела вас. Тема диссертации была связана с теорией и историей русского неореализма. Бесценными оказались полученные ранее знания по античной культуре, когда я стала изучать символистское мироощущение, основанное на древних формах искусства, прежде всего на мифах. Мифотворчество писателей Серебряного века, играющее значительную роль как в искусстве, так и в жизни самих творцов, невозможно было осознать без той базы, которая сформирована в студенческие годы.

Тридцать пять лет я работаю в школе, продолжаю лучшие традиции, полученные в ВГПИ. Не *канули в Лету* высокие устремления мудрого и доброго педагога и человека, и как бы ни пытались нас вместить *в прокрустово ложе* образовательных стандартов, творческая атмосфера, сформированная на занятиях у Ирины Викторовны Гура и её коллег, помогает противостоять схематизму в учительской работе. Как *нить Ариадны* в запутанных *лабиринтах Минотавра*, так в разных жизненных ситуациях освещает мне путь умение верить в человека. Дорогая Ирина Викторовна, пусть как *из рога изобилия* изливаются на Вас добро друзей, теплота родственных отношений, уважение коллег, благодарная память учеников!

Наталья Ивановна Рублёва,
выпускница 1978 года,
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой журналистики
и теории коммуникации ВГПУ

«А в окнах светятся и блещут гостеприимные огни»

Короткое имя «Ирина Гура» с раскатистым двойным «эр» я впервые увидела на странице газеты «Вологодский комсомолец», где целый подвал занимала весёлая, озорная статья – комментарий к школьным и студенческим сочинениям по литературе, в которых было очень много смешного. «Вот кто-то здорово пишет! – подумалось мне. – Новый, молодой журналист?» Оказалось, что автор публикации – очень уважаемый преподаватель Вологодского педагогического института Ирина Викторовна Гура.

Кто-то горько заметил, что люди делятся на любимых и нелюбимых. Ирина Викторовна была любима и даже популярна всегда. Не той пошлой популярностью, что постоянно коробит ныне. К ней все относились с каким-то пиететом, с которым привычно всегда относились к учителям, к просветителям.

Талантливый преподаватель, открытый, сердечный человек, она с огромным достоинством жила и работала рядом с очень известным литературоведом, своим мужем Виктором Васильевичем Гурой. И вовсе не в тени его имени и известности, а как бы сама по себе. Её любовь к литературе, к своему делу, к факультету и его студентам во многом определяли и жизненную стезю её учеников. Годы спустя, разъехавшись по городам и весям, они, появляясь в Вологде, неизменно спешат на встречу с ней. Не получается – передают слова любви и признательности всеми доступными способами.

Судьба подарила мне счастье дружбы с удивительной красивой и женственной Музой Васильевной Шайтановой, ближайшей подругой Ирины Викторовны. В этом особенном вологодском доме мы стали довольно часто встречаться по самым разным поводам. Чаще всего это были праздники, дни рождения и дни приезда в Вологду сына Музы Васильевны Игоря Шайтанова. В разворошённом перестроечной бурей быте дом Шайтановых был островком стабильности. Его устои и уклад, его хлебосольство быстро изменяли

апокалиптические настроения гостя. Сюда тянуло всегда. И здесь же постепенно стали открываться мне удивительные отношения, что связывали этих ярких, незаурядных людей.

Как они дружили, дамы, составившие этот узкий кружок: Муза Васильевна, Ирина Викторовна, Клавдия Алексеевна Шилова, Валентина Ивановна Веселовская! Это была постоянная, горячая потребность друг в друге, мгновенное желание прийти подруге на помощь. И даже в последние годы, когда уже одолевали болезни и было непросто съезжаться с разных концов города, они неизменно брали такси, ехали друг к другу, и общение продолжалось. А пять-шесть телефонных звонков в день не казались чрезмерными. Наоборот. Если за первым звонком не следовали другие, появлялась тревога:

– Почему Ира не звонит?

– Но вы же час назад разговаривали!

– Но она же должна была откуда-то вернуться – и не звонит...

Какое завидное и красивое дружество!

Преданность Ирины Викторовны своей нежнейшей подруге просто поражала. Случилась неприятность с зубом, страшно расстроившая Музу Васильевну, которая не могла часами ждать нужного стоматолога. Я вызвалась сходить и утрясти её проблему, но не успела. Меня опередила Ирина Викторовна. В день отъезда в Минск, полный сборов и хлопот, первое, что она сделала, – с раннего утра нашла врача для своей подруги. Лёгкая моя досада сменилась восхищением:

– Видите, какой у Вас уникальный друг, Муза Васильевна!

Весть о том, что Ирина Викторовна уедет в Минск навсегда, страшно расстроила Музу Васильевну. Успокоить её было невозможно. Ирина Викторовна была никем не заменима. Никакие слова и доводы не утешали Музу Васильевну, и тогда я просто весомо заявила, что Ирина Викторовна никогда из Вологды не уедет, как бы дети её ни звали в другие города. Заявление надо было подкреплять чем-то основательным, и я принялась рассуждать.

Конечно, в Минске ей будет хорошо: Наташа, внуки, могила Виктора Васильевича, наконец. Но ведь она не может не понимать, что в семейном кругу она будет мамой, бабушкой и даже прабабушкой, но кто в Минске будет знать, что она – Ирина Гура?!

Это успокоило мою собеседницу, и она попросила как-нибудь при случае всё это пересказать Ирине Викторовне. Не знаю, что остановило Ирину Викторовну. Думаю, что столь многое срослось и сплелось с этими северными местами, что разорвать эти связи уже было нельзя. Ведь, скорее всего, именно в Вологде прошли самые счастливые годы её жизни, в которой всегда находилось место для других людей.

Ирина Викторовна – редкостно счастливый человек. Преданная жена и коллега, она много сделала для увековечения памяти своего мужа и его творческого наследия. Она живёт делами и интересами своих молодых друзей, которые крепко привязаны к её гостеприимному дому. И ей удаётся удивлять! Когда возникают проблемы в работе с компьютером, неизменно вспоминаешь Ирину Викторовну: она запросто с ним обходится, значит, и у тебя самой всё получится.

С уходом из жизни Музы Васильевны Шайтановой наше общение с Ириной Викторовной скрепила известный театровед, влюблённая в «тётю Иру» Марина Дмитриевская. Наши бдения на просторной кухне «у Гур», как писала Марина, стали важной и очень значимой частью церемонии отъезда гости в Санкт-Петербург. Вернувшись недавно после долгого отсутствия, набираю знакомый номер, а телефон молчит. Мрачных предположений на ум не приходит. Опять в Минск уехала! А через некоторое время мы снова на связи.

В нынешнее время с его безумным и бешеным культом молодости и успешности трудно переоценить роль таких людей, как Ирина Викторовна Гура, в духовном самосостоянии общества. Они хранители вечных ценностей даже в такие великие эпохи, как социалистическая, которая хочешь не хочешь, а была. Они настоящие авторитеты, которые всё равно определяют глубинное течение русской жизни, и тем, как живут, они подают пример бодрого и осмысленного от-

пошения к жизни.

Н.Г. Чернышевский когда-то в своём романе «Что делать?» нашёл красивую формулу для обожаемых им революционеров: «теин в чаю, букет в благородном вине». Страшный русский XX век подправил его. Не к революционерам, а к строителям, созидателям, просветителям относятся эти слова. Они оказались настоящими героями и тогда, и в нынешнее «безгеройное» время.

*Наталья Сергеевна Серова,
выпускница ВГПИ 1971 года,
заслуженный работник культуры РФ,
искусствовед*

Об очень хорошем человеке

Ирина Викторовна Гура читала нам курс литературы XX века – то, что позже вошло в историю русской литературы под названием «Литература Серебряного века». Мы, студенты, примерно и плохо представляли себе круг авторов этой эпохи и морально готовились к чему-то скучному. Но здесь нас подстерегало несколько неожиданностей.

Первое – никакого социологизирования, никаких политических оценок по отношению к какому-либо писателю, ну, может быть, только «буревестника революции» М. Горького нельзя было характеризовать без заранее сформулированных и растиражированных в литературоведении штампов. Почему наш лектор избегал политической социологии – это мы поняли позже: Ирина Викторовна слишком любила поэзию, чтобы оценивать её с сухих формалистических позиций. А в её изложении Серебряный век – это период расцвета русской поэзии, а не период декаданса и упадка.

Второе – она очень тонко и как-то ненавязчиво комментировала творчество разных писателей начала XX века, а ведь эти писатели почти все уже были осуждены партийной литературной критикой, а сам период этот

в изложении учебника напоминал заросли чертополоха, причём и лучшие авторы, как констатировал учебник, грешили многими несовершенствами.

Третье – наконец-то нам о поэзии говорил человек, до самозабвения увлечённый поэзией, с удовольствием читающий нам полные тексты стихотворений, главы поэм. Причём читала стихи Ирина Викторовна в стиле Александра Блока: отстранённо от слушателей, полностью погружённая в текст, скрывая свои эмоции, и потому, казалось, безэмоционально.

Но страстность переживаний Ирина Викторовны пробивалась сквозь эту внешнюю оболочку бесстрастия. Потому и сама она воспринималась не как человек нашего времени, а как образец женщины Серебряного века. Может, это было и не так, может быть, это Серебряный век наложил такой благородный отпечаток на нашего педагога, но литература такого интеллигентного периода, который программа называла просто «Литературой начала XX века», благодаря Ирине Викторовне становилась ближе и привлекательнее.

Литературная жизнь в годы нашего учения (1957–1962 гг.) была организована на факультете несколько по-другому. Известные писатели часто наезжали в Вологду, и пединститут был обязательным местом их встреч с читателями. Виктор Васильевич Гура приводил на факультет всех гостей Вологды, сам вёл эти встречи. Особенно продолжительными были поэтические вечера. Читали стихи тогда по-эстраднему, преобладало ораторское чтение, как того и требовала поэзия с обязательной публицистической, а то и откровенно идеологической нотой.

На факультете были и свои поэты: Виктор Коротаев, Леонид Беляев, на инфаке преподавал поэт Борис Чулков. Словом, поэтов мы слышали часто. Но в нашем стихийном литературном клубе, где лидировали Василий Коршунов и Виктор Коротаев, мы однажды действительно обсуждали манеру чтения стихов Ирины Викторовны. И мнения разделились: одни считали, что она читает стихи по-лекторски, акцентирует только содержание, а другие заме-

тгли большее: её декламационная сдержанность говорит о поэзии и поэте больше, чем показные эмоции чтеца. Но все сошлись в том, что стихи Ирина Викторовна читает по-своему, никому не подражая, но почему-то это вроде бы спокойное, мерное чтение очень заразительно. В её исполнении стихи хотелось слушать и слушать.

В то непростое время (шестидесятые годы) при минимуме материальных благ наши преподаватели отличались высоким уровнем педагогической этики, и Ирина Викторовна была здесь тоже эталоном. У неё не было конфликтов со студентами, она была дружелюбна и внимательна по отношению к сотрудникам.

С 1964 года я стал коллегой Ирины Викторовны: меня приняли на работу на кафедру русского языка; в разные годы я был секретарём партбюро, через несколько лет стал деканом факультета. Общественная деятельность преподавателя была в то время нормой: кураторство, работа в партбюро и в профбюро. А вкусы и возможности у коллег были разные, и некоторые преподаватели по-разному объясняли, почему они не могут заниматься тем или иным видом общественной деятельности. Ирина Викторовна иногда просила, чтобы ей разрешили выбрать, чем заниматься, но никогда не отказывалась. Как декан факультета я был очень благодарен Ирине Викторовне за её поддержку и исполнительность. Вообще она – всю жизнь человек контактный, общительный, сочувственница. В её памяти сохранились воспоминания о многих студенческих курсах, и она помнит не только лица, но и разные случаи из студенческой юности наших выпускников.

А ведь, преподавая, она растила и воспитывала двух своих детей; старший, Саша, стал известным лингвистом, он – ученик академика Н.И. Толстого. Младшая, Наташа, – знаток английского языка, университетский преподаватель с большим опытом работы.

Напряжённой была и жизнь Ирины Викторовны рядом с Виктором Васильевичем: он – автор многих книг, доктор филологических наук, член Союза писателей СССР,

несколько лет возглавлял областную писательскую организацию, много лет руководил кафедрой литературы. Кафедра учредила Всесоюзную научную конференцию, посвящённую проблемам реализма, одной из первых стала издавать учебные пособия для практических занятий во всех педвузах страны.

Дом Виктора Васильевича и Ирины Викторовны был открыт для литераторов всего Союза и для их многочисленных друзей – коллег из ВГПИ. Мне посчастливилось бывать в их семье и при Викторе Васильевиче, и потом уже без него. Как это бывает у добрых и культурных людей, всё было замечательно и при первой встрече, и при всех последующих. И оказалось, что Ирина Викторовна – замечательная кулинарка, очень добрая хозяйка, приветливая, радушная – словом, у неё тьма самых великолепных качеств.

Когда я окидываю памятью сегодняшние дни, своих сегодняшних друзей и товарищей, душа моя наполняется спокойной радостью оттого, что в близком кругу нашей семьи есть очень хорошая женщина, наш учитель и близкий нам человек – Ирина Викторовна Гура.

*Гурий Васильевич Судаков
выпускник 1962 года,
доктор филологических наук,
профессор ВГПУ*

А мне всё кажется, что я её ученица

Так получилось, что я помню всех-всех своих учителей, начиная с первой учительницы, Валентины Александровны Тихомировой, которая научила меня читать и писать, и тех, кто учил меня жить, разбираться в людях. С их помощью я узнавала, кто есть кто. Таких учителей было много, не один десяток, а может быть, и больше. Многих уже, к сожалению, нет, но некоторые звёзды ещё светят, и глядя на них, чувствуешь: на душе становится светлей, и хочется жить и быть похожей на них.

Живёт в тихом древнем городе Вологде на улице Зосимовской такой человек – Ирина Викторовна Гура. Прошло

более пятидесяти лет, как мы слушали её лекции по литературе в Вологодском пединституте. Как легко и красиво она говорит! Если бы не она, то высокая поэзия Серебряного века не стала бы нашим достоянием на всю жизнь. До сих пор звучат в памяти стихи в её прочтении. С тех пор портрет А. Блока стоит у нас дома на видном месте. И мне всё кажется, даже сейчас, что я её ученица.

Потом были годы совместной работы на филологическом факультете. С Ириной Викторовной легко и интересно общаться, потому что она человек высокой культуры, впитавший её с детства в старинной интеллигентной семье. Она разговаривает со всеми на равных, будь это коллега или студентка-первокурсница, Высказывает своё мнение твёрдо, но не давит своим авторитетом, оставляет место для размышления, формирует собственное мнение у собеседника.

К ней тянутся люди, а она всегда идёт им навстречу. Каждый раз, собираясь на встречи однокурсников, мы приглашаем Ирину Викторовну к себе в гости, и она обязательно приходит, помнит всех и искренне переживает за каждого из нас. А иногда мы бываем у неё в гостях, в её большой профессорской квартире, где много книг, картин, красивой посуды. За столом сидят её друзья всех возрастов, царит дружелюбная, весёлая атмосфера. А как она готовит! Позавидуешь! Её рецепт пасхи переходит из поколения в поколение.

Уже двадцать лет нет мужа Ирины Викторовны, профессора Виктора Васильевича Гуры, известного литературоведа, доктора наук, исследователя творчества М.А. Шолохова. Его фотопортреты висят в гостиной. На одном из них молодой лейтенант в военном шлеме. Виктор Васильевич в годы Великой Отечественной войны был артиллеристом и закончил войну в Манчжурии, участвовал в боях с Японией... А затем всю жизнь занимался наукой, долгие годы заведовал кафедрой литературы в ВГПИ. Без него кафедра осиротела.

Но у Ирины Викторовны живут и здравствуют её любимые дети. Сын Саша – доктор филологических наук, дочь Наташа – преподаватель английского языка. Есть и любимые внуки. Все они живут активной, интересной жизнью. И пусть они находятся в разных городах, но Ирина Викто-

ровна легко освоила Интернет и почти каждый день общается с детьми, иногда ездит к ним в гости, а они – к ней. У неё большая дружная семья, которая помогает ей жить, придаёт силы. И поэтому Ирина Викторовна чувствует себя счастливой женщиной.

Многая Вам лета, дорогая наша учительница Ирина Викторовна!

*Светлана Вениаминовна Судакова,
выпускница ВГПИ 1962 года*

Поздравляем!

Уважаемая Ирина Викторовна! Мы, выпускники историко-филологического факультета ВГПИ, с большой нежностью, сердечно поздравляем Вас с замечательным юбилеем! Вас, нашу любимую преподавательницу с обаятельной улыбкой, элегантную, внимательную, увлечённую своим любимым предметом, покорившую своей эрудицией и знаниями и нас, научившую так же ярко, доходчиво, образно и интересно преподавать литературу и искренне любить своих учеников.

Мы счастливы, что в начале своего жизненного пути, постигая азы своей будущей профессии, встретили Вас, доброго, чуткого и умного преподавателя. Спасибо Вам!

Желаем Вам доброго здоровья, благополучия, любви и уважения.

*Пусть радость подарят улыбки друзей
И близких людей поздравления!
И станет одним из счастливейших дней
Сегодняшний день юбилея!
Чтоб радость несли приходящие дни,
Удачу во всём и везенье!*

Будьте здоровы и счастливы!

*Всегда Ваши
Маргарита Сергеевна Фёдорова (Кайлова),
Елена Ивановна Стратунова (Буторина),
Людмила Борисовна Дементьева (Зяблова),
выпускники ВГПИ 1962 года*

«Это было недавно, это было давно...»

Писать о человеке, от природы наделённом только положительными качествами, весьма трудно. В Ирине Викторовне Гура есть всё: красивое лицо, добрые умные глаза, чудо-волосы, тёмные, с каштановым оттенком, приятно обрамляющие лицо, неторопливая походка, одним словом – обаяние. Наверное, о таких женщинах писал поэт:

*Не потому, что от неё светло,
А потому, что с ней не надо света.*

Самое сильное впечатление – это всегда первое впечатление. Мы с нашей старостой группы одновременно увидели Ирину Викторовну в коридоре второго этажа, который в то время казался нам очень длинным. Шла невысокого роста, очень молодая, красивая женщина, одетая просто, но со вкусом. Ничего яркого не было в её облике, всё в пастельных тонах. Тогда ещё мы не знали смысла слова «изысканность», но именно это качество нас обеих и поразило.

А потом мы слушали лекции Ирины Викторовны. И опять первое впечатление – незабываемое: удивительный голос, негромкий, нерезкий, с богатой интонацией, с привкусом солнечного южного говора, словно обнимающего и ласкающего тебя. Я бы назвала его интимным: казалось, что она читает лекцию только для тебя, ведёт тайный разговор только с тобой, говорит о прекрасном только тебе. Это не трибунный голос О.В. Шайтанова, который объединял всех в едином порыве и держал в напряжении. Дай бог каждому мужчине иметь такой голос! Контраст голосов подчёркивал своеобразие преподавательских манер лекторов.

Нам очень нравилось, как Ирина Викторовна читала стихи. Она словно несла нам эстетическую ценность стихов и своё желание слушать их. Приятная манера чтения, идущая от смысла слов, фраз, окрашенных богатством духовного мира педагога. В ней не было и намёка на аффектацию. Итог – глубина содержания, красота чувств. Спасибо ей за это!

В коллективе кафедры литературы Ирина Викторовна

была естественной, мудрой женщиной, не знающей ни зависти, ни пересудов. Есть хорошее иностранное слово, характеризующее её, – толерантность.

Желаю дорогому юбиляру здоровья! Жить ей и радовать родных и близких людей своим талантом человечности, обаянием, светозарностью души!

*С уважением и любовью,
Галина Владимировна Цинман (Тропина),
выпускница ВГПИ 1953 года,
заслуженный учитель РФ*

Светлой души человек

Ирина Викторовна Гура... Старейший преподаватель филологического факультета нашего университета, достойный представитель славной, блестящей плеяды преподавателей послевоенного времени, мой преподаватель русской литературы начала XX века. Именно в этом качестве прежде всего и живёт в моей памяти этот светлый человек.

Я поступил на историко-филологический факультет Вологодского государственного педагогического института в 1955 году, и с тех самых пор моя жизнь почти непрерывно связана с этим, теперь филологическим, факультетом и вузом. Это были первые нелёгкие послевоенные годы жизни страны. В институте уже не было студентов – участников закончившейся войны, но работали преподаватели, которые участвовали в ней. Утверждающий дух великих и скромных победителей – воинов и тружеников тыла, чувство гражданского единства и патриотизма пронизывали жизнь страны и жизнь факультета, были неотъемлемой частью учебного и воспитательного процессов и отношений между преподавателями и студентами. Эти отношения были добрыми, светлыми, отношениями взаимоуважения.

Почти все преподаватели факультета жили в студенческих общежитиях в центре нашего небольшого старинного города, на берегу реки, недалеко от института. Иногда преподаватели помогали студентам материально, помогали

и в организации студенческого театра, в выпуске стенных газет, участвовали в дружеских встречах, были кураторами групп. На факультете царила добрая, но деловая обстановка. Студенты гордились многими преподавателями. Могу назвать имена декана О.В. Шайтанова, заместителя декана А.З. Цинмана, знаменитого Б.Н. Головина, супругов В.А. Шитова и Т.Г. Паникаровскую, В.В. Гуру, П.В. Булина, Ю.Е. Юдикиса и многих других.

Ирина Викторовна Гура в этом созвездии была молодым, талантливым педагогом. Сама преподаваемая ею дисциплина – русская литература начала XX века – и высокие духовные и человеческие качества преподавателя создавали у нас определённый эмоциональный настрой.

Работая затем преподавателем факультета, став младшим коллегой Ирины Викторовны, я узнал её ближе. Узнал, что она пишет стихи, хорошо поёт. Ирина Викторовна и в настоящее время постоянно интересуется жизнью факультета, дружит с отдельными преподавателями и выпускниками.

Ирина Викторовна! От всего сердца хочется пожелать Вам долгих и долгих, счастливых лет жизни, доброго здоровья, всего самого хорошего.

*Владимир Иванович Чуглов,
выпускник 1960 года,
доктор филологических наук,
профессор ВГПУ*

Когда всё только начиналось

Проверенный мемуарный приём – начать с первой встречи и с первых впечатлений.

Где мы могли встретиться с Ириной Викторовной, я предположить могу. Либо у них в комнатах над рестораном «Север»... Я их почти помню – коридор, номера. Для середины XX века что-то архаическое – из какой-то предшествующей жизни. Либо у нас – жилище вполне советское и по постройке, и по быту: четырёхэтажное здание студенческого обще-

жития над Золотухой – на улице Лермонтова – с квартирами для преподавателей в боковых «крыльях». Однако и в комнатах, куда вход был прямо из коридора, преподаватели тоже жили.

Так что, по крайней мере, с местом действия есть некоторая определённости, но для впечатлений от первой встречи, увы, я был слишком мал и, как в свои два года впервые увидел «тётю Иру», не запомнил.

Они с Виктором Васильевичем были люди не местные – ни по происхождению, ни по учёбе. В более поздние годы приезжие среди преподавателей встречались всё реже, но тогда – и пять лет не прошло после войны – людская масса была в движении. И не только это: выпускник вуза ехал туда, куда его распределили. Так приезжала молодёжь, нередко оседая на всю оставшуюся жизнь.

Среди людей старшего поколения многие приехали не по своей воле. Таких было немало в здании над Золотухой. В квартире, где я родился, в комнате напротив поселился писатель-пушкинист Виктор Гроссман. Для него это был перерыв между лагерями. Из второго лагеря он тоже возвратится, чтобы вместе с Виктором Гурой стать одним из трёх основоположников Вологодской писательской организации. Я его помню, естественно, в годы гораздо более поздние.

А вот годам к семи, обнаружив некоторые способности к игре в шахматы (они не разовьются за пределами детских лет), я брал доску и спускался вниз, где позади двух гипсовых комсомолок-спортсменок стояли скамейки. На одной из них мы молчаливо двигали фигуры с – я сейчас бы сказал – пожилым господином. Я совершенно не помню, чтобы мы с ним разговаривали или чтобы я как-то к нему обращался. Я знал только фамилию – профессор Гуковский. Сейчас я знаю, что его звали Матвей Александрович, что он – известный историк, брат ещё более известного филолога, что вскоре после выхода в свет первого тома «Итальянского Возрождения» он был арестован, выслан из Ленинграда, посажен, потом на какое-то время оказался в Вологде.

Каким был исторический воздух? Страх помню. Ещё бы его не было! У многих – и у моих родителей, и у Ирины Викторовны – в недалёком прошлом репрессии родных... Так что было чего бояться.

Помню лица родителей, когда из лучших художественных побуждений я раскрасил на листке отрывного календаря портрет не то Ленина, не то Сталина. Случалось и хуже: нянька вывела меня на прогулку, сунув в руку красный флажок. Подошли солдаты и офицер с траурными повязками. Я был схвачен нянькой в охапку и этапирован домой, где родители с ужасом прослушали историю о моей невольной политической акции. Это был день, когда объявили о смерти Сталина.

Вот такие первые впечатления. Но будет ошибочно предположить, что общую атмосферу определяли молчание и страх. Больше помню другое – праздничное. Сейчас кажется, что взрослые часто собирались, а когда собирались, было очень молодо и весело. Много смеющихся лиц. Разыгрывали шарады, поражавшие воображение своей театрализованностью – в кого-то переодевались, кого-то изображали. Вместо тостов читали стихотворные послания и эпиграммы. Знаю, что мой отец и Ирина Гура были среди первых авторов.

Эта жизнь продолжалась по-провинциальному долго, медленно, конечно, меняясь, но не настолько, чтобы перестать быть узнаваемой. Из нумеров и общежитий переехали в отдельные квартиры. Быт становился благополучнее, а жизнь как-то старше, тише. Потом один за другим люди начали уходить, съезживалась среда, сложившаяся в середине прошлого века, которую сейчас уже почти некому вспомнить.

Чтобы оживить память, приезжаю в Вологду, прихожу к Ирине Викторовне. Она рассказывает о том, что было тогда и что сегодня прочла в «Одноклассниках». Там неожиданно восстанавливаются связи, оборванные репрессиями в тридцатых, войной в сороковых... И неудивительно, что именно к Ирине Викторовне сходятся эти некогда

порванные нити, потому что в её присутствии продолжается жизнь длиной почти в столетие, уводящая культурную память и ещё много дальше – за горизонт советской эпохи к чему-то, что кажется почти небывшим, почти литературой. Было ли?

Приходишь на угол Козлёнской и Зосимовской (когда-то – Урицкого и Калинина), поднимаешься на третий этаж – пятая квартира. Звонишь, как двадцать, тридцать, сорок лет назад: «Здравствуйте, Ирина Викторовна». И понимаешь – было, а главное – есть. Живо человеческое достоинство, мужество пережить многое и остаться собой, рассеять морок любого времени и радоваться жизни, продолжающейся несмотря ни на что.

*Игорь Олегович Шайтанов,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой сравнительной истории литератур
историко-филологического факультета РГГУ*

Незабываемое...

Поразительно подходили они друг другу – Ирина Викторовна Гура и великая античная литература. И негромкий ясный голос лектора, и гекзаметр вечных стихов, и напряжённая тишина аудитории — всё это оказывало такое сильное эмоциональное воздействие на юных слушателей, студентов филологического факультета, что породило на всю жизнь любовь не только к литературе, но и к тому педагогу, который доносил до нас знание и понимание культурного наследия человечества. Поэтому и экзамены проходили спокойно, тоже в очень доброжелательной атмосфере.

Мне хочется вспомнить, как Ирина Викторовна Гура умела работать со студентами индивидуально. Я была на практике в школе № 1 г. Вологды, в девятом классе, а Ирина Викторовна руководила в этой школе практикой. И вот когда очередь дошла до самостоятельных уроков студентов, помощь, заинтересованность, личное участие нашего преподавателя в подготовке и анализе уроков были настолько искренними и доброжелательными, что страх выглядеть

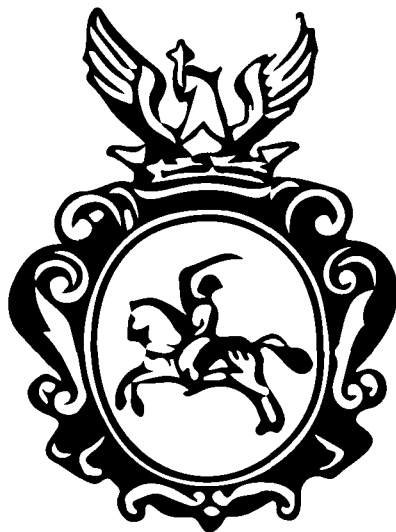
как-то не так, сделать что-либо неправильно пропал уже после самого первого урока. Более того, я лично убеждена, что именно Ирина Викторовна помогла мне осознать, что всё у меня получится и профессию я выбрала правильно. Спасибо, Вам, дорогая Ирина Викторовна!

Ещё два штриха. Я готовила уроки по творчеству Байрона, а нужной книги у меня не оказалось. Тогда мы с Ириной Викторовной буквально побежали за этой книгой (и это не гипербола!) на улицу Калинина, к ней домой. Но самое интересное, что все домашние, даже глава семейства, профессор В.В. Гура, восприняли это как обычное, само собой разумеющееся дело. В этом доме студенты бывали часто и получали здесь не только книги, но и добрые советы.

А второе воспоминание — о дочери Ирины Викторовны, Наташе. Она училась в том классе, где я давала свои первые уроки. Девочка запомнилась мне особым отношением к людям, умением слушать, скромностью, какой-то не по возрасту серьёзной интеллигентностью. Позже я поняла, что это поведение дочери есть не что иное, как закономерный результат воздействия её родителей.

*Галина Васильевна Шихова (Черепанова),
выпускница ВГПИ 1970 года,
завуч школы № 6 г. Вологда,
учитель высшей аттестационной категории*

Герб семьи Тернавиот

Тернавиоты.

Въ щитѣ: вооруженный мечемъ воинъ на конѣ. На-
шлемникъ: возникающій орелъ съ крестомъ въ клювѣ.

Печать арміи полковника Ивана Тернавиота 1784 г. (А. Ч. Д., № 2916).

*Потомство Стерія Тернавиота, Нѣжинскаго войта (1713 —
1718).*

И. Р., т. V. — Д., II.

*Лукомский В.К., Модзалевский В.Л.
Малороссійскій гербовник
изд. черниговскаго дворянства. СПб; 1914*

Александра Григорьевна
и Мариан Юлианович
Фрейзлер,
бабушка и дедушка И.В. Гура
конец XIX века

Александра
Григорьевна
Фрейзлер,
бабушка И.В. Гура
*конец XIX –
начало XX века*

Наталья Мариановна
Фрейзлер,
мама И.В. Гура,

*гимназистка
6-го класса*

Наталья Мариановна
Фрейзлер,
мама И.В. Гура

*середина
1920-х годов*

Ира Шоофс в детстве
конец 1930-х годов

Прекрасная юность,
И.В. Шоофс
в Саратове

1945 год

Виктор Васильевич Гура –
студент
Саратовского
университета.
Позади война, впереди –
учёба, любовь,
вся жизнь...

май 1946 года

Ирина Викторовна
Шоофс – студентка
Саратовского
университета.
На обратной стороне
фото подпись:
*«Это бывает весной
и в мае...
Моему любимому
Виктору в дни наших
хороших волнующих
встреч»*

апрель 1946 года

Вместе на всю жизнь:
И.В. и В.В. Гура

1948 год

Ирина Викторовна с Виктором Васильевичем
и подругами в Саратове

1947 год

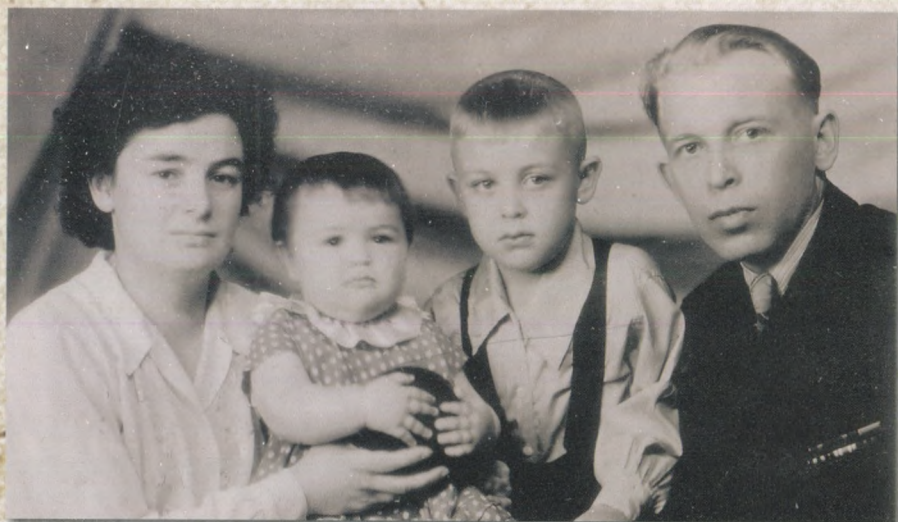

Б.Н. Головин, М.В. Шайтанова, В.В. Гура, И.В. Гура,
О.В. Шайтанов у старого здания пединститута

1950-е годы

Ирина Викторовна и Виктор Васильевич Гура
декабрь 1958 года

В семье Гура уже четверо: Ирина Виктровна, Наташа, Саша и Виктор Васильевич

1956 год

В Николаевске, на родине В.В. Гуры с его семьёй

1968 год

Во дворе Вологодского краеведческого музея – Ирина Викторовна (*крайняя справа*) со студентами группы, где она была куратором

1960 год

Сергей Орлов, Ирина Гура и Константин Коничев на встрече с вологжанами

1970-е годы

Улыбка, которую
мы так хорошо знаем...
Ирина Викторовна

1968 год

Кафедра литературы ВГПИ. Слева направо, в нижнем ряду: М. Румянцева, И. Холмогорская, А. Королёнок, Т. Лебедева, О. Страшкова. Второй ряд: Г.И. Лебедев, Е.Е. Соллертинский, М.А. Вавилова, В.В. Гура, Ю.В. Бабичева, О.В. Шайтанов. Третий ряд: А.М. Микешин, К.А. Шилова, Г.В. Цинман, В.К. Пудожгорский, С.Ю. Баранов, Л.М. Аринина, И.В. Гура, А. Пехтерев

1977 год

Встреча выпускников филологического факультета ВГУИ 1970 года. В первом ряду преподаватели (слева направо): М.А. Вавилова, А.А. Данилов, П.В. Булин, И.В. Гура, Т.Г. Паникаровская, А.З. Цинман, В.А. Шитов, Ю.К. Некрасов, О.В. Шайтанов

1990 год

Ирина Викторовна: «Слушаю Вас...»

2010 год

Ирина Викторовна дома, у портретов родных
2003 год

Ирина Викторовна
с Музой Васильевной Шайтановой
2006 год

За компьютером – с 2007 года и по сей день...

Ирина Викторовна с детьми Сашей и Наташей в день празднования 85-летия

2008 год

Ирина Викторовна на встрече Нового года
в большом семейном кругу

2013 год

Почти по Джанне Тутунджан – «Незабудки»:
Ирина Викторовна, дочь Наталия, внучка Анастасия
и правнучка Маргарита

2013 год

Ирина Викторовна с правнуками

2013 год

Ирина Викторовна с сыном Сашей на Соборной горке
в Вологде

9 мая 2013 года

Литературно-художественное издание

Минувшее меня объемлет живо... К 90-летию юбилею И.В. Гура / сост. Л.Ю. Зорина, Т.В. Парменова. Предисл. С.Ю. Баранов – Вологда : Полиграф-Книга. 2013. – 416 стр.

Серия «Жизнь выдающихся вологжан»

Концепция книги, сбор, литературная обработка и редактирование материалов, подбор и аннотирование фотографий – Л.Ю. Зорина, Т.В. Парменова.

Фото – из семейных архивов И.В. Гура, Б.Н. Бобылёва, Л.Ю. Зориной, Т.В. Парменовой.

Оригинал-макет, вёрстка – Юлия Комарова.

Сканирование и обработка изображений – Д.В. Парменов.

В оформлении издания использованы экслибрисы
из коллекции В.В. Гуры:

Стр. 6: *Копылов Р.В. (1926-2011) 1964. Бумага, цинкография.*

Стр. 12: *Бахматов А.И. (1912-1989) 1965. Бумага, цинкография.*

Стр. 228: *Копылов Р.В. (1926-2011) 1964. Бумага, цинкография.*

Стр. 277: *Ноговицын А.Т. (1921-2000) 1973. Бумага, ксилография.*

Стр. 305: *Ивенский С.Г. (род. 1924) 1963. Бумага, цинкография.*

Подписано в печать 07.06.2013. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Гарамонд.

Печать офсетная. Тираж 300 экземпляров.

Отпечатано в полном соответствии с оригинал-макетом
заказчика в ООО ПФ «Полиграф-Книга». Заказ № 68

160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3.

«Времена не выбирают, в них живут...» Живёт в Вологде удивительный человек, один из старейших преподавателей филологического факультета ВГПИ (ныне – ВГПУ), кандидат филологических наук, доцент Ирина Викторовна Гура. Это издание посвящено её 90-летию юбилею.

Книга содержит воспоминания И. В. Гура «о времени и о себе», о дорогих сердцу людях, встретившихся на большом и непростом жизненном пути. В них, как в зеркале, отразился «век и современный человек», в истории семьи показана судьба целого поколения. И написано это прекрасной женщиной, одарённой многими, в том числе и литературными, талантами. Мемуары дополняются опубликованными и подготовленными к печати статьями, а также её стихами и стихотворными посвящениями.

Рассказы об Ирине Викторовне, поздравления дорогому юбиляру – родных, коллег, бывших студентов и друзей – рисуют многогранный образ нашей замечательной современницы, общение с которой озарило жизнь многих.